

Социология



ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

5

2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.08.2023

Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»



ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Добреньков В.И., Полежаева Т.Ю.</i> Идея классического университета: от зарождения до кризиса	5
<i>Кравченко А.И.</i> Социология случайного мира ...	13
<i>Синельников А.Б.</i> Преемственность многодетности от поколения к поколению	33
<i>Смолин М.Б.</i> Монархический консерватизм В.Д. Каткова.....	51

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Заварзина Ю.В.</i> Влияние качества дорожно-транспортной инфраструктуры на социальное самочувствие жителей региона .	56
<i>Филипова А.Г., Бухтиярова И.Н.</i> Образовательный видеоблогинг глазами школьников и педагогов: анализ эмпирических данных с использованием ПО MAXQDA	71

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Албакова Ф.Ю., Оздоева Л.А.</i> Тренды волонтерского движения в университетах и высших учебных заведениях России.....	78
<i>Амбрушкевич К.В., Хайруллина Н.Г.</i> Молодёжное предпринимательство в системе высшего образования: проблемы и перспективы	83
<i>Ардашев Р.Г.</i> Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности	90
<i>Волков Ю.Г., Курбатов В.И.</i> Региональная идентичность Юга России в формате маркеров различных уровней	98
<i>Дзагурова Н.Х.</i> Методика оценки социальных проблем одиноких матерей: на примере жительниц г. Владикавказа.....	106
<i>Ермолаева Ю.В.</i> Взаимодействие с природной средой как фактор влияния на здоровье, психологическое благополучие, проэкологическое поведение ...	111

<i>Меринова В.Н., Гуринович Л.А., Решетникова Е.В.</i> Деятельность семейного многофункционального центра как новый вектор реализации социальной политики на селе	121
---	-----

<i>Муханова И.В., Буралова Р.А.</i> Влияние социокультурных процессов на трансформацию коммуникативного сознания: на примере молодежи Чеченской Республики.....	130
---	-----

<i>Полюшкевич О.А.</i> Особенности корпоративной культуры государственных служащих.....	134
---	-----

<i>Полова М.В.</i> Село в стратегиях креативного управления	141
---	-----

<i>Швачкина Л.А., Родионова В.И., Игошева М.А.</i> Российская Федерация и актуальные проблемы международных отношений: социальный аспект их современного состояния и тенденции развития.....	149
--	-----

<i>Шиндяев В.В.</i> Проблема профессионального статуса глав местного самоуправления	155
---	-----

<i>Яковлева О.И.</i> Институциональные основы профессиональной социализации в профессиях повышенного риска	162
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Болдина М.Ю.</i> Клиентоориентированность и клиентоцентричность при предоставлении государственных и муниципальных услуг.....	168
--	-----

<i>Тагибова А.А., Литвина К.Я., Золотова Я.В., Волкова Н.П., Анучина О.В.</i> Конфликтное поведение в трудовом коллективе: социальные характеристики и стратегии взаимодействия	175
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Левченко Н.В.</i> Кинематограф в регионах РФ: советские киностудии и современное состояние.....	183
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Добронравова У.В. Влияние концептов «земли» и «русской земли» на становление и развитие отечественной научной мысли..... 195

Олейник П.И. Логицизм Б. Рассела и неологицизм К. Райта и Б. Хейла: метаонтологические сходства и различия205

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Сельдинова Д.О. Мифотворчество потребительской культуры как способ философского осознания человеческого бытия 214

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Беликова Е.К. О философском аспекте применения ИИ-решений в сфере высшего образования 220

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Хубиев Б.Б., Кумыков А.М., Кесаева Р.Э., Дагаев Р.Р. Трансформация идей о праве и государстве в западноевропейской и отечественной социально-философской мысли 227

Миндигулова А.А. Феномен искусственного интеллекта: история возникновения и развития 239

Михайлова А.О. Представление о суициде в трудах философов XIX века 245

Пичугин В.Г. Влияние цифровизации в образовании на историческое сознание общества..... 249

Равочкин Н.Н., Бармашова Т.И., Мельникова Т.В., Рахинский Д.В. Изменения досуга молодежи под влиянием COVID-19: социально-философский анализ 255

Хандогин Р.В. Онтологизация цифрового искусства в объектно-ориентированной парадигме 262



Идея классического университета: от зарождения до кризиса

Добреньков Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории социологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladimiro040239@mail.ru

Полежаева Татьяна Юрьевна,

аспирант кафедры истории и теории социологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tatyana.polezhaeva@yandex.ru

В статье рассматривается концепция классического университета и выделяются основные тенденции трансформации высшего образования. Выявлены причины кризисного состояния университетов на различных этапах их развития. Проанализированы социологические исследования в области оценки российского высшего образования, а также раскрыты основные запросы со стороны общества по отношению к университетам.

Ключевые слова: классический университет, миссия университета, массовизация и коммерциализация высшего образования.

На протяжении всего периода существования университетов у них прослеживались схожие черты, которые сохраняются и в современном мире, хоть и в несколько видоизмененной форме. Вместе с нормами и правилами высших учебных заведений в новые фазы их эволюции вступают и противоречия, которые существовали между внутренними и внешними целями университетов. Речь идет, в первую очередь, о двойственности задач, стоящих перед вузами, где, с одной стороны, важна профессиональная подготовка специалистов, для удовлетворения запросов как со стороны общества, так и со стороны государства. С другой стороны, университеты воспринимаются как организации, осуществляющие научно-исследовательскую деятельность. Эта двойственность является причиной, объясняющей различные периоды в истории развития высших учебных заведений, от их кризиса и упадка, до возрождения и восстановления [1, с. 34]. По мнению М. Фурмана, «с одной стороны, университет транслирует полезные знания и потому пользуется спросом как учреждение, дающее престижные профессии; с другой – он не желает раствориться в служении церкви, государству и обществу, но стремится развивать науку ради нее самой» [1, с. 34].

Университет как социальный институт вынужден в периоды переоценки ценностей, продиктованных духом времени, отстаивать те принципы, которые раньше считались общепризнанными, если данные установки не соответствуют новым требованиям масс. Однако известны и периоды, когда университеты критически относились к изжившим себя нормам и старались от них отказаться в пользу актуальных тенденций.

Для раскрытия логики реформирования образования и появления классического университета обратимся к Германии XVIII века, где начал создаваться не-

экономический средний класс из представителей университетов и госслужащих, которые стремились занять особое место в иерархии общества, демонстрируя своё отличие от ремесленников и крестьян. «Во Франкфурте-на-Майне в 1731 году окончившие университет, включая врачей, юристов и членов магистрата, принадлежали к высшему из пяти сословий, наряду с чиновниками первого ранга... Таким образом, наряду с традиционной стратификацией по рождению теперь возникало новое разделение общества – по профессионально-образовательному признаку» [2, с. 21–22].

В XVIII веке реформаторы образования отстаивали антиутилитарные установки, которые были направлены, в первую очередь, на формирование культурного человека, а образовательный процесс должен ставить своей целью развитие личности. Педагогическая деятельность, в данном случае, не ограничивалась исключительно развитием интеллекта студентов, важное место отводилось и моральной составляющей. При обращении к работам И. Канта, В. Гумбольдта и И.Г. Фихте можно сказать, что мыслители описывали академическую свободу как основу университета. Образование, по мнению данных авторов, должно избавить от ориентации на полезность знания, то есть быть именно «образованием ради образования». В свою очередь, государство должно поддерживать данный статус и оставлять право образовательным учреждениям определять содержание учебных программ [2, с. 32].

Основное предназначение университетов по В. фон Гумбольдту – это, в первую очередь, занятие наукой в широком смысле слова и разработка учебного материала, способствующего духовному и нравственному развитию [3]. Внутренняя организация университетов должна способствовать непрерывному взаимодействию, которое не должно преследовать какой-либо определенной цели [3]. Стоит отметить, что споры, которые разворачиваются и сегодня между университетами и общественностью, касающи-

еся противопоставления теоретического фундаментального знания и специализированных практических навыков, идут в ряде европейских стран с XVIII века.

Основная претензия со стороны общества заключалась в том, что немецкая система образования использовала устаревшие методы преподавания, сама же учебная программа не отвечала той новой реальности, в которой уже жили граждане. В этих требованиях можно увидеть и те, которые до настоящего момента не до конца реализованы во многих системах образования, например, более гибкие учебные программы, с преобладающей вариативной частью, благодаря которой студенты могут корректировать собственный образовательный вектор и менять специальность в процессе обучения на смежную, если к ней проявились способности и большой интерес.

Говоря о периоде на рубеже XIX и XX веков стоит отметить, что от педагогов больше не требовалось воспринимать студентов как личностей, поскольку было важно подготовить их к жизни в условиях нарастающего технического прогресса. Представители университетского сообщества в Германии много рассуждали о падении норм в академической жизни, говорили о рисках, к которым непременно приведут данные тенденции. По мнению Ф. Рингера, самая большая ошибка интеллектуалов в том, что их несогласие с переменами не выражалось в форме конструктивного диалога о возможных сценариях преодоления кризиса, который назревал в системе высшего образования. Консерватизм и ориентация на ценности прошлого порядка препятствовали и тем реформам, которые были способны сохранить часть из основных идеалов классического университета [2, с. 73–74].

Проблемы в сфере высшего образования часто занимали исследователей во Франции и ряде других стран, обращая их внимание на положение университетов, при этом их мнения не сильно контрастировали с опасениями немецких интеллектуалов [4, р. 73]. Сторонники классической модели считали, что из-



менения в структуре университета продиктованы упадком идеализма и массовизацией высшего образования.

Говоря о европейских странах, нельзя обойти стороной Испанию, где реформаторы образования, в том числе и Х. Ортега-и-Гассет, старались не допустить того, чтобы университет продолжал быть инертным и лишенным духа. «Мы обязаны что-то предпринять, потому что ни государство, ни университет больше не действуют. Это машины, пришедшие в негодность вследствие устаревания обычаев и злоупотребления ими» [5, с. 17].

По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, социальный институт должен иметь собственное предназначение, поскольку одной опоры на нормы и традиции недостаточно. «Институт – это машина, и вся его структура и функционирование предопределены тем, чему он, как предполагается, должен служить» [5, с. 25]. Таким образом, реформирование университета невозможно без четкого формулирования его миссии. Автор отмечал, что невозможно полностью перенять модель образования другого государства, поскольку функционирование этого института зависит от совокупности экономических, политических и социальных факторов, поэтому даже в случае проверенных немецких университетов, их все же невозможно искусственно перенести в другую систему без адаптации к конкретному социальному контексту.

В ещё одной своей работе «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет видит причину катастрофы современной ему европейской ситуации в том, что специалисты обладают низким уровнем культуры, так как они лишены системного представления о современных реалиях. Автор дает определение этому человеку как новому варвару, отставшему от эпохи, в которой он живет [6, с. 100–101], поэтому требуется обязательное преподавание культуры. В данном положении автор видит одну из главных целей университета, поскольку эпоха обладает таким количеством знания, что вместить в себя человек это уже не может, но он должен усвоить основы этого мира, для

гармоничного сосуществования и, в лучшем случае, дальнейшего производства новых знаний.

Таким образом, по мнению автора, университеты должны реализовывать функции:

1. трансляции и передачи культурных ценностей;
2. обучения профессиональным навыкам и этике;
3. обучения проведению научных исследований [5, с. 38].

Исходя из перечисленных функций, высшим учебным заведениям нужно опираться на среднего студента, его базовые знания. «Университет должен быть институциональной проекцией студента, двумя важными характеристиками которой являются, во-первых, дефицит способности приобретать знания, и, во-вторых, насущность приобретаемого знания для жизни» [5, с. 43]. Именно средний студент должен быть отправной точкой при построении образовательного процесса в университете, определении педагогических приемов.

Таким образом, стоит отметить основную миссию классического университета рассмотренного периода, заключающуюся в формировании «культурного человека», ориентации на совершенствование личности, отстаивании необходимости как научной, так и исследовательской деятельности. Мыслители наделяли университеты особым статусом, а академическое сообщество находилось на достаточно привилегированных позициях в социальной иерархии общества.

Однако с конца XIX века ситуация стала меняться, в обществе укреплялись идеи полезности и практической применимости знаний. Университеты, в свою очередь, пытались противостоять утилитарным установкам и отстаивать главенство именно непрактичного знания, что повлекло за собой недовольство со стороны широких масс и потерю академическим сообществом их особого статуса.

В XIX–XX веках благодаря институту высшего образования происходила интеграция граждан в системы национальных государств. К середине XX века

университет рассматривается как базовый социальный и культурный институт общества, задачей которого является объединение и сплочение широких масс. Состояние, в котором оказались университеты на рубеже XX–XXI веков, говорит об институциональной трансформации. Университеты больше не ассоциируются с национальными государствами, поскольку глобализация и распространение информационно-коммуникационных технологий изменили традиционное образование и статус вузов в обществе. В XXI веке образование перестает быть столь централизованным, появляются частные университеты и узкоспециальные образовательные учреждения, в вузы всё более активно привлекается финансирование со стороны частного сектора.

Исследуя трансформации в высшем образовании, произошедшие вследствие ряда социально-экономических процессов, Л. Морли пишет, что в теориях глобализации прослеживаются дихотомичные тенденции [7]. На современном этапе образование перепроектировалось, однако, традиционная модель университета не адаптирована к новому мироустройству, она всё еще соответствует миру, который сегодня исчезает. Ключевая роль университетов, провозглашенная европейскими мыслителями прошлого, сегодня не столь актуальна, поскольку университеты утратили монополию на создание и провозглашение ценностей, производство и распространение знания.

Схожую идею развивает С. Фуллер в работе «Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии» [8], где раскрывается тренд последнего времени на стремление сделать из университетов подобие коммерческих организаций, которые занимаются производством интеллектуальной собственности. Это способствует расходованию исследовательских и образовательных функций университета. Образовательная функция университетов в большей степени контролируется государством, в свою очередь, исследовательская функция переходит под контроль частного сектора.

Автор подчеркивает, что одной из основ университета всегда считалась интеллектуальная свобода, которая являлась трансформирующей общество силой. Университет трактовался как место академической свободы, данная идея ассоциируется с В. фон Гумбольдтом, считавшим, что, чем больше людей получают университетское образование, тем более взвешенными будут общественно значимые решения. Однако С. Фуллер подмечает, что изменения, характеризующие современность, породили трансформацию университетов, особенно в части интеллектуальной свободы, поскольку ориентация высших учебных заведений смещается от поиска истины к профессиональной деятельности. Речь здесь идет, в первую очередь, об ориентации университетов на рынок, как относительно студентов и их запросов, так и относительно запросов, например, со стороны государства и крупных корпораций [8].

В первом случае можно говорить о целях, преследуемых абитуриентами, при выборе университета, главными здесь являются вопросы о профессии, прикладных навыках, которые будут получены в период обучения, и средней оплате труда в выбранном сегменте экономики. Рассмотрим вышеупомянутые тенденции на примере отечественной системы высшего образования.

По данным социологического исследования, проведенного в сентябре 2023 года Центром социального проектирования «Платформа» [9], самым частым ответом на вопрос о мотивации получения высшего образования среди абитуриентов стал вариант «возможность впоследствии иметь более высокий доход», с данным утверждением согласились 16% респондентов. Следующими по популярности стали ответы «возможность впоследствии быть более конкурентоспособным и востребованным специалистом на рынке труда» (14%) и «личностное развитие, повышение кругозора, интеллектуального уровня» (14%). Среди родителей абитуриентов самыми популярными оказались ответы «возможность впоследствии быть



более конкурентоспособным и востребованным специалистом на рынке труда», так считают 28% респондентов, и «возможность впоследствии иметь более высокий доход», согласие с данным утверждением выразили 20% респондентов.

Из приведенных данных видно, что и для абитуриентов, и для их родителей основной целью получения высшего образования является успешность на рынке труда, которая характеризуется высоким доходом. Описать данную ситуацию можно как смещение акцента от интеллектуального развития в сторону конвертации знаний и навыков в денежный эквивалент. Однако в топ-3 мотивации получения высшего образования абитуриенты относят и интеллектуальное развитие, тогда как среди родителей абитуриентов данному аспекту отводится меньшее значение. Университеты по всему миру сегодня открыты практически для каждого желающего, однако, мотивы поступления в данные заведения далеки от поиска истинного знания, то есть задачей университета стало формальное наделение людей квалификациями.

Второе положение раскрывает ситуацию, при которой существенное влияние на университеты оказывают крупные корпорации, предъявляющие требования по воспроизводству определенных квалификаций, таким образом, рынок труда определяет престижность полученного образования и спрос на специалистов с конкретным набором навыков. Данная тенденция тоже ставит университеты в некоторое зависимое положение, что проявляется в переписывании учебных планов и добавлении ориентированных на практическое знание блоков, нивелируя значимость теоретического знания. По данным ЦСП «Платформа» наиболее популярным вариантом среди опрошенных абитуриентов являются ИТ-специальности, данный ответ выбрали 21% респондентов, следующими по популярности идут инженерные специальности, им отдали приоритет 10% респондентов [9]. Достаточно большой отрыв специальностей в сфере информаци-

ных технологий может привести в будущем к перенасыщению рынка данными специалистами и дефицитом в других его областях.

Отметим ещё одно положение работы С. Фуллера, актуальное для российской действительности, которое можно сформулировать как высокая концентрация на рынке труда квалифицированных кадров. Вследствие открытого доступа широких масс к получению степеней бакалавра или магистра, обладатели данных уровней образования лишены преимуществ при устройстве на работу. В связи с этим прослеживаются общее снижение качества высшего образования и оценка в категории бесполезности академического знания в сравнении с узкопрофессиональным обучением.

Подтверждают данные выводы и социологические исследования системы образования в России. В исследовании, проведенном ФОМ, выявлено, что 45% респондентов считают российское высшее образование удовлетворительным, 22% – плохим и 20% – хорошим [10]. По мнению 40% опрошенных, система высшего образования отвечает потребностям российской экономики, обратного мнения придерживаются 37% респондентов. Исследование ВЦИОМ показало, что 42% россиян оценивают состояние системы образования как посредственное, а 31% как «хорошее» или «отличное», 21% респондентов считает его «плохим» или «очень плохим» [11]. «Эффективность и качество образования теперь измеряют по трудоустройству выпускников, их конкурентоспособности на рынке труда, по показателям молодежной безработицы... Основу нового компетентностного подхода составила подготовка к практической деятельности и формирование определенных профессиональных способностей: например, принимать решения и работать в коллективе, быстро наращивать квалификации, добирать необходимые для работы знания и навыки» [12, с. 443]. Можно зафиксировать, что система российского образования в целом и высшее образование в частности требуют серьезного пересмотра и поиска новых способов бы-



строого реагирования на изменяющуюся социальную реальность.

По данным ВЦИОМ 45% респондентов считают, что высшее образование не является обязательным фактором построения карьеры и устройства жизни [13]. Однако в 2023 году, по сравнению с 2020 годом, выросла доля респондентов, которые осознают необходимость высшего образования и его влияние на построение карьеры, в 2020 году так считали 35% опрошенных, а в 2023 году – 51%. Во ВЦИОМ отметили, что это самый высокий показатель за все время измерений с 2008 года. При этом мнения в обществе разделились на две примерно равные группы относительно необходимости высшего образования для достижения карьерных целей. Аналогичные данные содержатся в исследовании ФОМ, с 2014 года по 2020 год зафиксирован рост положительных ответов респондентов на вопрос о влиянии высшего образования на достижение успеха в жизни с 54% до 66% [10]. Возможно это связано с условиями социальной турбулентности в России, поскольку высшее образование гарантирует минимальную стабильность и возможность трудоустройства в сложившейся за последнее десятилетие экономической ситуации.

В условиях экономики знаний требуется всё более высокий уровень образования, в таком случае специалисты должны постоянно приобретать новые навыки и обрабатывать большой поток информации через обучение на протяжении всей жизни [14]. Современные технологии обучения воспринимаются как возможность для постоянного доступа к знаниям, а также как рыночная необходимость. Потребность в постоянном доступе к овладению новыми навыкам и повсеместное распространение цифровых технологий изменяют саму форму и структуру высшего образования.

Исследователь К. Перротта пришел к выводу, что сложный рынок образовательных услуг вместо того, чтобы предлагать гибкие онлайн-курсы для широкой общественности, напротив укрепляет расслоение по социально-

экономическим признакам [15]. Те, кто ориентированы на карьеру и могут позволить себе дорогостоящие курсы переквалификации, будут преуспевать, а те, у кого есть доступ лишь к бесплатным курсам, укрепят устойчивые формы неравенства без доступа к качественным и аккредитованным образовательным курсам. При обучении на массовых онлайн курсах экономические и технологические факторы имеют весомое значение, так как ценовая политика курсов и неравный доступ к качественным образовательным программам играют по итогу такую же роль, как и при традиционных формах образования.

Таким образом, перед университетами встает серьезный вопрос, какой тип студента воспитывать: интеллектуала с критическим мышлением или специалиста с определенным набором навыков, позволяющих с первого рабочего дня в организации выполнять свои должностные обязанности. Формулировка вопроса подобным образом разводит по разным сторонам навыки, компетенции и фундаментальные основы научного знания, которые вполне возможно гармонично сочетать в образовательном процессе. Именно поэтому необходимо грамотно реформировать систему высшего образования и не игнорировать необходимость баланса между идеалами теоретической базы и практической применимостью транслируемой информации при составлении учебных планов.

Описанная ранее ситуация, когда мыслителям прошлого ещё не было очевидно, будет ли университет в будущем ставить перед собой задачу по воспитанию «культурного человека» или возобладает образ «специалиста», сейчас приобретает конкретные очертания. За последние десятилетия задача университета по культурному просвещению студентов отошла на второй план, основными же становятся задачи по адаптации учащихся к современным социально-экономическим и политическим реалиям, а также по обучению студентов необходимым профессиональным навыкам и компетенциям. Однако



неверным будет предположение о полном искоренении культуры из сферы высшего образования, классические ценности ещё сохраняются в передовых университетах мира. Уравновешивание позиций между воспитанием культурной личности, способной к созиданию и изменению окружающей действительности, и обучением специалиста, которому необходимы конкретные навыки для быстрого старта на рынке труда, является закономерным шагом для университетов, стремящихся отстоять собственные идеалы, но, в то же время, активно реагирующих на запросы из внешней среды для сохранения собственного статуса.

Литература

1. Фурман М. Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет // Вопросы образования. 2010. С. 32–46.
2. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: НЛО, 2008. 649 с.
3. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2.
4. Swart K. The Sense of Decadence in Nineteenth-Century France. Hague: Martinus Nijhoff, 1964. 272 p.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета. Мн.: БГУ, 2005. 104 с.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
7. Morley L. Quality and Power in Higher Education. London: Open University Press, 2003. 200 p.
8. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Дело, 2018. 384 с.
9. Социология высшего образования в России: приоритеты, барьеры, бренды // Центр социального проектирования «Платформа». [Электронный ресурс]. URL: <https://ptf.ru/2023/09/06/socziologiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-prioritety-bareryi-brendy/> (дата обращения: 04.10.2023).
10. О качестве российского высшего образования // Фонд «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 01.10.2023).
11. Образование в России: востребованность, доступность, качество // Всероссийский центр изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 01.10.2023).
12. Добренков В.И. Глобализация духовности. М.: Академический проект, 2019. 589 с.
13. Высшее образование: неожиданный ренессанс? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans> (дата обращения 01.10.2023).
14. Houlden S., Veletsianos G. The problem with flexible learning: neoliberalism, freedom, and learner subjectivities // Learning, Media, Technology. Vol. 46. 2021. P. 144–155.
15. Perrotta C. Programming the platform university: Learning analytics and predictive infrastructures in higher education // Research in Education. Vol. 109. 2021. P. 53–71.

THE IDEA OF THE CLASSICAL UNIVERSITY: FROM ORIGINS TO CRISIS

Dobrenkov V.I., Polezhaeva T. Yu.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article considers the concept of the classical university and highlights the main trends in the transformation of higher education. The reasons for the crisis state of universities at different stages of their development are revealed. The authors have analyzed sociological research in the field of evaluation of Russian higher education, and revealed the main requests from the society towards universities.

Keywords: classical university, university mission, commercialization of higher education.



References

1. Fuhrmann M. Wilhelm von Humboldt and the University of Berlin // Education Issues. 2010. С. 32–46.
2. Ringer F. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933. Moscow: NLO, 2008. 649 с.
3. Humboldt W. On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin // Neprikosvannyyi zapad. 2002. № 2.
4. Swart K. The Sense of Decadence in Nineteenth-Century France. Hague: Martinus Nijhoff, 1964. 272 p.
5. Ortega y Gasset H. The Mission of the University. Minsk: BSU, 2005. 104 с.
6. Ortega y Gasset H. The Revolt of the Masses. MOSCOW: AST, 2016. 256 с.
7. Morley L. Quality and Power in Higher Education. London: Open University Press, 2003. 200 p.
8. Fuller S. The sociology of intellectual life: the career of the mind in and around academy. Moscow: Delo, 2018. 384 с.
9. Sociology of higher education in Russia: priorities, barriers, brands // Centre for Social Design “Platform”. [Electronic resource]. URL: <https://pltf.ru/2023/09/06/socziologiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-priority-barery-brendy/> (date of reference: 04.10.2023).
10. On the quality of Russian higher education // Public Opinion Foundation. [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (date of reference: 01.10.2023).
11. Education in Russia: demand, accessibility, quality // All-Russian Centre for Public Opinion Research. [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (date of reference: 01.10.2023).
12. Dobrenkov V.I. Globalization of spirituality. Moscow: Academic Project, 2019. 589 с.
13. Higher education: an unexpected renaissance? // All-Russian Centre for the Study of Public Opinion. [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyyi-renessans> (date of reference: 01.10.2023).
14. Houlden S., Veletsianos G. The problem with flexible learning: neoliberalism, freedom, and learner subjectivities // Learning, Media, Technology. Vol. 46. 2021. P. 144–155.
15. Perrotta C. Programming the platform university: Learning analytics and predictive infrastructures in higher education // Research in Education. Vol. 109. 2021. P. 53–71.



Социология случайного мира

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор,
заместитель главного редактора журнала

«Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Наши дни совсем не похожи на праздник. Они заполнены повторяющимися случайностями, которые и призван изучать социолог: читать прессу и знакомиться с новостями, просматривать личную почту и отвечать на нее вставать, чистить зубы, принимать душ, готовить завтрак или обед, выгуливать собаку, отвозить детей в школу, ходить на работу и раздеваться на ночь, возвращаться домой и многое другое. Социологию случайного мира изучают вовсе не случайные в науке люди, опрашивая и выслушивая простых людей, сознание которых наполнено не только мудрыми мыслями и открытиями, но и социальными предрассудками, раздражением, ошибочными реакциями на случайные события. Социология – зеркало случайного мира, отображённого цифрами, расчетами, графиками и таблицами, которые построены совсем по иным законам.

Социология родилась не дома, а на улице. И улице городской, а не деревенской. Более того, в мегаполисе, а не просто в городке. Таким местом были античные Афины, а таким социологом был Сократ. Это много позже появился француз Конт, провозгласивший научный суверенитет социологии и наделивший ее научным методом, достойном встать ей в один ряд с почитаемыми всеми естественными науками.

Ключевые слова: социология, когнитивные искажения, обыденном мышлении, жизненный мир и повседневность, феноменология, экономика быта, лайфхаки.

Социолог как обыватель

Социальное познание неразрывно связано с обыденным сознанием, поскольку представляет собой обыденный образ обыденного мнения. Пользуясь своим здравым смыслом, социолог пытается постичь здравый смысл другого человека, своего респондента. Подобная ситуация не лучше той, при которой человек с улицы своим здравым смыслом пытается понять научный здравый смысл социолога. Преимущество социолога кроется только в университетском образовании и опыте проведения эмпирических исследований.

Социология вырастает и формируется из повседневной человеческой деятельности. «Коль скоро социологическая истина есть структура социологических практик, она находит свое выражение в определенном способе бытия-ствования социолога, в том, что называется социологическим «этосом». Этос есть, прежде всего, способ бытия, и лишь во вторую очередь – совокупность ценностей» [1]. В определенной мере каждый человек – обыденный социолог. Хотя своей теорией она формулирует на непонятном простому человеку научном жаргоне, когда обращается к респондентам, оперирует так называемыми «народными понятиями» (*folk concepts*)¹, которые наиболее приближены языку повседневности. Формулировка вопросов в анкете должна быть понятной простым гражданам. В предметном указателе к опросам Дж. Гэллапа содержатся сотни тем, которые представляют интерес для публики. Связь с миром повседневности – одна из существенных особенностей социологии, отличающая ее, например, от естественных наук, где объект исследования вынесен вовне познающего сознания. Социолог же субъективно включен в мир, который пытается познать объективно.

¹ См.: Tener R. The normative coherence of folk concepts // Research Studies of state of Washington. Vol. XXV. June. 1950. P. 26–126.

Социология, как никакая другая наука, слишком близко расположена от зоны обыденного сознания. И хотя тексты статей и монографий пишутся на профессиональном научном жаргоне, само мышление социологов как выразителей общественного мнения – неважно консервативной или либеральной его части – заземлено в страхах, пороках, фобиях, стереотипах повседневного мышления. Особенно когда на статус социологических изысков претендуют люди, облеченные властью.

Так какой поток идет из жизни в науку?

- Когнитивные искажения – это систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения в суждениях, которые происходят в определенных ситуациях.
- Искажение информации в соответствии с представлением, какой эта информация должна быть
- Мы упрямо сопротивляемся своим ощущениям, если они не соответствуют нашим ожиданиям
- «Когнитивный крест» – доверие людей к чужому мнению, даже если оно прямо противоречит их личному опыту.
- Люди стремятся защитить ранее усвоенные навыки, знания, убеждения, уклад жизни, а также приобрести новые знания и опыт. В случае, если новый опыт противоречит старому, эти задачи конфликтуют. Есть основание предполагать, что с возрастом люди всё больше внимания уделяют сохранению проверенных знаний и всё меньше – получению новых.
- Часто говорят, что наука и религия нигде не пересекаются и могут существовать как бы в разных измерениях. На самом деле это не так. В основе и того и другого лежит явление веры, доверия, уверенности, различны только исходные посылки. Можно сказать, что вера пронизывает всю нашу жизнь, даже если мы нерелигиозны. Мы верим, что шкаф стоит справа от дивана, помада лежит в левом кармане сумочки, записка запрятана в дальнем углу нижнего ящика, что сосед не пальнёт из дро-

бовика в окно, если его не доставать... У нас нет ежесекундного подтверждения всех этих вещей, нам достаточно убеждаться в этом через некоторые промежутки времени. Это так сказать вера рациональная, основанная на знании.

- Апофения (от греч. ἀποφαίνω – высказываю суждение, делаю явным) – переживание, заключающееся в способности видеть структуру или взаимосвязи в случайных или бессмысленных данных.
- Акрасия – это парадоксальный выбор: предпочтение худшего варианта и отказ от рационального.
- Упорно следовать чужому мнению, даже если вы сами видите, что они противоречат очевидным фактам и личным ощущениям, это не особенность воспитания или недостаток таланта, а фундаментальное свойство мозга человека, созданное многолетней эволюцией.

В обыденной жизни люди поступают так же, как ученые ведут себя в науке: они создают собственные теории, которые объясняют окружающий мир, помогают в нем лучше ориентироваться, служат руководством к действию и даже помогают предсказывать будущие события. Доморожденные теории, как и научные, опираются на коллективный опыт предшественников, постоянно проверяются и перепроверяются практикой. В них то и дело вносится нечто новое, отбраковывается за ненадобностью старое. Теории, как плод нашей творческой интуиции, постоянно пишутся и переписываются. Трудно даже сосчитать, какое количество подобных теорий имеется у каждого человека. Их можно систематизировать по сферам жизни (социальные, экономические, политические, этические, религиозные, национальные и др.), по уровню обобщения (универсальные, т.е. на все случаи жизни, или частные, годящиеся для конкретных случаев), способам получения (заимствованные из книг, у чужих, у родителей, выстраданные самим).

Следовательно, мы можем сказать, что здравый смысл – это черновой на-



бросок научной теории. Научная теория имеет дело с установлением закономерностей. Поиск повторяющегося в окружающем мире – основа научного знания. Когда мы знаем, что вслед за слухами о повышении цен на продукты питания, на оптовых рынках наступает маленькая или большая паника, в результате которой все сметается с прилавков, мы устанавливаем определенную закономерность поведения людей, которая помогает нам правильно построить собственные действия. Мы с раннего утра уже мчимся на рынок или напротив, ожидаем спада ажиотажа. Главное, мы установили повторяющуюся особенность поведения больших масс людей. Она наступает с такой же регулярностью, с какой солнце встает на востоке, а заходит на западе.

Социолог соединяет в себе методы и приемы, присущие научному и обыденному сознанию. Второе дается ему как простому смертному и члену данного общества. Жить в обществе и быть свободным от него, как известно нельзя. Несвобода ученого проявляется в нагруженности и перегруженности его мышления стереотипами, предрассудками и мифами обыденного сознания. Субъективные моменты в познании могут приводить к негативным результатам, вносить в познавательный процесс непредсказуемые возмущения, мешающие дать объективный анализ фактов. Важно знать об этом и не смешивать их с научным знанием. Социолог вправе пользоваться обыденными «придумками», но только как строительными лесами, пробными теориями, от которых он тут же должен отказаться, когда их не подтверждает научно организованное наблюдение. Только научное исследование выносит вашим теоретическим догадкам окончательный вердикт. Высокая методологическая культура исследователя является важным условием, обеспечивающим объективность познания.

В обыденном мышлении основную роль играют остенсивные определения значения (т.е. объема) терминов, которые даются на базе чувственных восприятий, в частности, с помощью примеров.

Потому понятия обыденного языка нечетки и многозначны, их точный смысл чаще всего обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. В научном понимании главную роль играют вербальные определения смысла терминов, которые весьма часто именуют просто определениями. Вербальные определения определяемого смысла термина (т.е. понятия, выражаемого данным термином) есть определения через указания смыслов определяющих терминов, уже известных и представляющих смысл определяемого термина [2].

Различие между здравым смыслом и научным знанием заключается в том, что первый является начальной точкой движения познания, а второе – его остановкой. Вначале надо сформулировать множество обыденных теорий, затем проверить их все до одной и оставить только те, которые прошли проверку на истинность. Правда, по мере проверки от первоначальной задумки почти ничего не остается: исходная гипотеза и исходная теория как домашняя заготовка постоянно корректируются, подправляются, дорабатываются и заменяются. Пройдя серьезную перестройку, обыденная теория приобретает вид законченного научного знания, но такое случается редко, обычно затягиваясь на десятилетия. Другой вариант: когда социолог начинает с чтения научной литературы и исследования достижений других ученых, обнаруживших научное знание, выстраивая из не проверенных истин будущее здание своей теории. Такой путь короче и безопаснее. Важно к качественному знанию, заимствованному у коллег, прибавлять такое же качественное знание, добытое самостоятельно. К сожалению, на практике социологи поступают иначе: заимствовав надежную теорию, они пристраивают к ней свод доморощенных построений и называют получившуюся конструкцию научной теорией. Они полагают, что исходный материал гарантирует качество здания в целом. Но это не так. Надо владеть еще надежной технологией построения здания науки. Одной из составных

частей такой технологии является перевод единичных фактов в научные факты.

Социолог не может не пользоваться своим социальным опытом. Мы отбрасывали одни и оставляли другие признаки, скрепляя оставшиеся признаки с помощью логики. По мнению О.Е. Трущенко, «ученый, как и любой другой человек, живет в мире, который сам конструирует присущими ему способами категоризации и описания. Но, в отличие от “простого человека”, ученый должен четко сознавать, что его способ описания ничуть не лучше, чем тот, который существует в обыденном сознании, т.е. на уровне нерелексивном» [3].

В каком-то отношении социология обречена изучать только мир мнений и обыденного сознания. Действительно, профессиональный социолог, создавая свои теории, опирается на собственный здравый смысл и пользуется языком улицы, как бы они ни очищал первое и второе, как бы он их ни тренировал или улучшал. Назовем первую неустранимость *вторжением здравого смысла сверху*.

Социолог изучает не орбиты планет, а мнения людей. Анкетирование, в отличие от других форм полевого исследования (скажем, натурального наблюдения, применяемых в соседних науках) отличается субъективностью. Мнение респондента – это глубоко субъективная точка зрения обыкновенного человека, не интеллектуала и не эксперта. Часто он не может связно или правильно выразить свою мысль, судит о том, чего не видел или о чем никакого понятия не имеет, но боится показаться некомпетентным, а потому готов дать любой ответ, лишь бы не потерять свое реноме. Вторую ситуацию назовем *проникновением здравого смысла снизу*.

Итак, *вторжение и проникновение* – вот два полюса обыденного, между которыми зажата социологическая наука. Два препятствия, которые она стремится преодолеть, дабы стать академической наукой.

А. Шюц был буквально поражен тем, до чего социология «вирусована» здоровым смыслом: «Наблюдаемое социаль-

ным ученым поле, научная реальность, имеет специфический смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отбрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальность повседневной жизни. И именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене» [4].

Научное мышление социолога укоренено в той повседневности, в которой живут простые люди – его возможные респонденты и объект наблюдения. Еще не став профессиональным ученым и не получив соответствующего образования социолог уже рассуждал социологически. Впрочем, как и все другие люди. В связи с этим можно выдвинуть принципиально важный тезис: все люди по своей социальной природе неизбежно являются стихийными социологами. Рассмотрим это явление более подробно.

Довольно весомо о науке как совокупности мнений, а не системе знаний высказался Э. Дюркгейм: «Ценность, придаваемая нами науке, в общем и целом зависит от коллективно вырабатываемого нами представления о ее природе и роли в жизни. Это значит, что она выражает состояние мнения. В самом деле, как и все в общественной жизни, наука держится на мнении. Конечно, мнение можно рассматривать в качестве объекта науки, к этому в основном и сводится социология. Но наука о мнении не создает мнения, она может лишь его прояснить, позволить ему лучше познать самого себя. На этом пути она действительно может быть причиной его изменения, но наука продолжает зависеть



от мнения и в то же время, когда она, как кажется, повелевает им, – ибо мнение снабжает ее силой, необходимой для воздействия на мнение» [5].

М. Вебер в связи с этим пишет: «Верно, что мировоззрения различных людей постоянно вторгаются в сферу наших наук, даже в нашу научную аргументацию, внося в нее туман неопределенности, что вследствие этого по-разному оценивается убедительность научных доводов (даже там, где речь идет об установлении простых каузальных связей между фактами) в зависимости от того, как результаты исследования влияют на шансы реализовать свои идеалы, то есть увеличивается ли или уменьшается в таком случае возможность осуществить определенные желания» [6].

Можно, и даже нужно, вспомнить высказывание П. Бурдьё о том, что язык социологии не может быть ни «нейтральным», ни «прозрачным». Слово «класс» никогда не будет нейтральным, пока существуют классы: вопрос о существовании или несуществовании классов есть ставка в борьбе между ними. Формирование научного стиля изложения результатов исследования, который требует или, по крайней мере, предполагает строгое и контролируемое использование языка, далеко не всегда приводит к тому, что называют ясностью. Очень часто такая работа завершается укреплением в социологическом языке «очевидных понятий здравого смысла или фанатичных верований».

Самой перспективной стратегией для социологии, как считал З. Бауман, является восстановление смыслов чужого опыта через вникание в традицию, форму жизни, жизненный мир, языковую игру, а затем – перевод полученного результата в форму, воспринимаемую собственной традицией исследователя [7].

Современная, постнеклассическая, социология стремится учитывать жизненный опыт респондента, привлекая его знания и творческий потенциал к работе над созданием методического инструментария исследования. Установление властного контроля над респондентом означает идеологизацию научного

исследования, сознательное или неосознанное искажение изучаемого явления. В новой, постнеклассической науке общество представляет собой систему с двумя наблюдателями: один наблюдатель – это обычный гражданин, которого изучают, второй наблюдатель – профессиональный ученый, который проводит изучение [8]. На каком языке они общаются? На одном или на разных? Понимающая социология М. Вебера и А. Шюца исходила из той предпосылки, что исследователь с необходимостью вовлечен в объект исследования и неотделим от него. М. Маффесоли считает, что социолог ныне – не более чем участник общественной жизни наравне с другими.

Ныне формируется новый подход или новое направление – социология повседневности, – которая прислушивается и всматривается в повседневный мир людей, обыденное сознание и здравый смысл, «проливая свет на все эти обломки и фрагменты, банальности и вульгарности, которые и составляют смысл существования. Она как бы регистрирует, что произошел разрыв между «институализированной» классической социальной теорией и социальной жизнью с ее банальностями, бунтами и революциями» [9]. Ядро новой социологии – это анализ культурных и социальных форм, т.е. своего рода «формология». Социальные исследования включают то, что можно было бы назвать «коммонсенсологией» (от «common sense» – здравый смысл)².

Неустранимость здравого смысла из социологии означает, что социолог повсюду окружен и навсегда погружен в субъективные оценки – как респондентов, так и в свои собственные. Попытка позитивистов построить систему объективного знания обречена в социологии на провал в силу методологической природы этой науки. Социология вырастает и формируется из повседневной чело-

² Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements). «Current Sociology», 1989. Vol. 37. p. VI.; Maffesoli M. La connaissance ordinaire. Paris, 1985; Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 47–56.



веческой деятельности и тесно связана с повседневностью.

Жизненный мир и повседневность

Феноменология – основанное немецким философом Эдмундом Гуссерлем (1859–1938) учение о явлениях. В отличие от марксизма, имеющего дело с крупными блоками реальности, феноменология проникает в микромир, во внутренний мир человека и уже оттуда пытается воссоздать макромир. Жизненный мир и повседневность оказались ее вотчиной, с которой она так и не собрала причитающейся ей ренты. Сегодня выясняется, что нельзя путать жизненный мир (*life-world/Lebens-welt*), и повседневность, как это происходит в научной и массовой литературе. Подобная путаница порождена, на мой взгляд, слепым следованием феноменологии.

Когда жителям полумиллионного Мариуполя в 2022 г. пришлось провести под бомбежками несколько недель в подвалах, бункерах, вентиляционных проходах, ямах без еды, воды, лекарств, санитарных удобств, в холоде и тесноте, они были лишены не только бытовых условий. Их жизнь постоянно подвергалась смертельной опасности при артобстреле и попытках выйти из убежища за водой. Многое им пришлось пережить и о многом подумать. Подумать о своем жизненном мире, его ценности и краткосрочности, о том, что такое жизнь и смерть, что стоит ценить, а на что не следует обращать внимания. В противоположность им сытая либеральная интеллигенция в Москве, как только встала угроза лишиться скоростного интернета или запчастей к своему ягуару, мгновенно предала родину и мотанула на запад. У нее совсем иной жизненный мир, ценностные приоритеты, хотя схожая зона повседневности, свойственная всем русским.

Нападение бандитов на семью в многоэтажке или частном доме – событие вроде бы бытовое. Но оно остается в памяти и травмирует психику на многие годы. А если не обошлось без жертв с той или другой стороны, то рядовое событие меняет жизненный мир и жизненный уклад людей. Опостылая жена

или опостылая работа, преследующие тебя каждый божий день и формирующие твоё восприятие жизненного мира, разве это также буднично, как разрядившийся мобильник или ненакормленная собака? Сын-неудачник или спившийся брат, о которых болит твоё сердце и ты не спишь ночами – разве они составляют всего лишь рутину происходящего вокруг? Нет, это исключительные факты. Но они касаются только тебя и никого другого, ибо ты видишь их такими. Они – экзистенциальные вызовы судьбы.

Жизненный мир неповседневен, немелочен, небудничен. Он потусторонен. Напротив, повседневность и быт – это посюсторонность, т.е. актуальная действительность. Первый – теологичность, вторая – телеологичность. Посюсторонний – лежащий, находящийся по сю сторону чего-либо (границы, реки и т.п.), ближайший; принадлежащий вещественному миру, реальный, земной; по сю сторону (*on this side*) – по сю пору, по сей день, на сей момент, до настоящего момента, до сих пор, до сего времени, дондесь, доньне, доселе, посейчас.

Жизненный мир в английском языке имеет одно значение, в русском – два: мир как состояние не войны и мир как община. Жизненный мир – круг *значимых других* (родственников, друзей, знакомых), близких отношений, привычных вещей, повторяющихся ситуаций, простых решений, обыденного сознания, здравого смысла. Границы знакомого мира определяются числом Данбара – 150 человек, и местом постоянного проживания – малой родиной. Вот почему жизненный мир можно считать местечковым укладом жизни, кругом сильных связей по М. Грановеттеру.

Категории жизненного мира, или ближнего мира, составляющих **онтологию повседневности**, — это те и то, что и кто трется с тобой бок о бок, помогает и надоедает, одалживает и занимает, кто дружит и предаёт, любит и ненавидит, кто мельтешит перед глазами туда-сюда чуть не каждый день, кто вместе с тем размышляет о смысле жизни и борется с вызовами судьбы. Каковы агенты это ближнего мира? К ним можно отнести:



значимые другие, бывшие, предавшие, любимые, друзья и приятели, должники, помощники, начальники и подчиненные, товарищи и сослуживцы, соседи по дому и очереди, попутчики, отчаявшиеся, одинокие, опустившиеся. Среди них есть постоянные и временные статусы, бедные и богатые, старые и молодые, мужчины и женщины, верующие и атеисты, представители разных наций и рас. Но они в нашем случае предстают не как мужчины или атеисты, а как агенты ближнего, т.е. жизненного мира. Это малая группа, малый мир, ближний круг. Он то равен семье, то группе ровесников или сослуживцев, то еще какому-то сообществу. Но это именно сообщество, а не группа или агрегат, ибо с ними вы ежедневно общаетесь и их хорошо знаете.

В экзистенциальном анализе вечное всегда противостоит конечному и выходит на первый план, особенно когда сквозь паутину повседневной толчеи начинает просвечивать смысл человеческого существования, получивший наименование *жизненного мира* (*Lebenswelt*). Повседневность – заложница здравого смысла и сонма связанных с ним понятий. Но жизненный мир должен быть другим. Раз уж он пришел из феноменологии Э. Гуссерля³, любившего заглядывать по ту сторону очевидного, то и наполнение данного понятия содержанием должно быть иным. Феноменология стремилась расчистить тот путь к явлениям, который в обыденной жизни заполнен предрассудками. Расчистив путь, ученый узнает то, что раньше было скрыто или явно не выражено. Конечная цель познания – раскрытие жизненного мира. Наука не способна проникнуть в жизненный мир, так как подменяет живую реальность вымышленными абстракциями. Для жизненного

мира, постигаемого не наукой, а особой философской процедурой (редукцией), характерны непосредственная очевидность, интуитивная достоверность. Для отдельного человека жизненный мир – это «горизонт» его намерений, целей, проектов.

Жизненный мир – мир донаучной жизни с ее хаосом неупорядоченных созерцаний, с ее первичными обыденными, догадками, суевериями и предвосхищениями. Исторически, окружающий греков, готов или мусульман мир – не объективная реальность, а их представления о мире, их собственная субъективная ценность со всеми принадлежащими сюда смыслами и значениями, со всеми их богами, демонами и т.д.

Жизненный мир – царство изначальных очевидностей, мир в своем непосредственном присутствии. Это реальность, данная нам, ее субъектам, по умолчанию, а потому нами же и не проблематизируется: ну, есть и есть, какой у нее смысл или какова ее природа, нас не должно интересовать. Важная характеристика жизненного мира – его **интерсубъективность**, т.е. принадлежность всем нам и авторство всех нас в ее создании. Жизненный мир – коллективный артефакт, что не вносит ясности в понимание его природы ни грамматической истины. Напротив, от этого он становится еще более неопределенным и размытым, ибо каждый из нас смотрит на мир по-разному, ведет себя по-разному, не одинаково понимая одни и те же правила. Если каждый на свой лад, то где то самое, где мы все за одного и один за всех. Нет такой повседневности, нет такого жизненного мира. Мы всюду одинаковы и действуем по принципу «каждый за себя». А где тогда главная черта жизненного мира – его интерсубъективность? И как ученый либо философ, будучи всего лишь одним из нас со своей специфической субъективностью может достоверно и досконально изучить коллективное объективное? Выходит, его нет. Жизненный мир снова растаял в тумане всеобщих догадок, интуиций и домыслов. Жизненный мир – всего лишь миф. Он становится реальностью только

³ Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phenomenology. Hamburg, 1977; Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12–21; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006; Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.



тогда, когда мы в него верим, что он реален. При этом жизненный мир каждое мгновение меняется, перетекает из одного состояния в другое, одной форму в другую. В полном смысле это текущая современность.

Но в таком случае о нем можно гадать, но не познавать. Э. Гуссерль так и говорит: жизненный мир – мир *нерефлектированного* донаучного опыта, в котором устранены все теоретические установки. Он не податлив для научного метода, а потому его следует не изучать, а описывать, и то лишь на уровне здравого смысла. Так и получается: повседневность и здравый смысл, порождения здравого смысла, познаются только и только здравым смыслом. Феноменология «выносит за скобки» аппарат умозаключений, проблему *трансценденции*. Вынесение за скобки, или феноменологическая *редукция* (эпохе – ἐποχή), это основной пункт феноменологии Гуссерля. Два важнейших момента феноменологической философии: *эпохе* (воздержание от суждений по поводу того, что является внешним по отношению к сознанию) и *феноменологическая редукция* (вынесение его за скобки), т.е. выдвижение на первый план смысловой связи сознания и мира. Гуссерль «выносит за скобки» независимое существование внешнего мира, и, пытаясь докопаться до его сути, выплескивает вместе с водой и самого ребенка. Нет у него никакой повседневности, кроме общих рассуждений о том, какой она должна быть с точки зрения феноменологии – науки, специально созданной для ее познания. Так сапожник остался без сапог (рис. 1).

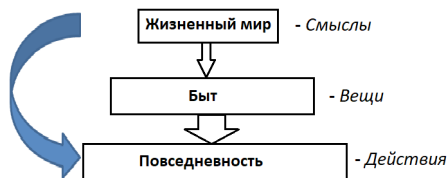


Рис. 1. Взаимосвязь миров

Сущность intersubъективного эмпирически не наблюдаема каждым из нас –

участником повседневности. Она не телесна. Она даже не то, что существует независимо от нас, что может ощущаться и фотографироваться. Она *трансцендентна* каждому из нас, покоящемуся в мире повседневности. Общее логично, конкретное – эмпирично. Для понимания трансцендентного нужен другой, а именно *трансцендентальный субъект*. Получается замкнутый круг, где места повседневному кажется нет. Повседневность – это стандартные поступки и взаимопонятные переживания, о которых можно отдавать себе отчет. Но Гуссерль учит нас, что жизненный мир и повседневность дорефлексивны. Как мы в таком случае можем отдавать себе отчет в них и рефлексировать? Все, что мы можем ощущать, дается пятью органами чувств, которыми, как утверждал Аристотель, питается наш здравый смысл (common sense). Это наш домашний мир. Он не intersubъективный, а субъективный. Он – наша частная собственность, принадлежащая только нам и данная от рождения и воспитания только нам. Жизненный мир, на мой взгляд, трансцендентный. Он возвышается над повседневным миром, а не кроется в его подполье, как у Гуссерля. Следовательно, два мира – это две разные реальности. Жизненный мир имеет свою собственную структуру, которая не обязательно совпадает со структурой повседневного мира.

Мы можем считать домашний мир intersubъективной реальностью только в том случае, если ее субъектом выступает не конкретный Иван Иванович, а некий «человек вообще», которого М. Хайдеггер именовал *das Man*. Этот абстрактный член общества подчиняется абстрактным же нормам общества, неким ценностям вообще. Однако конкретные люди перемальвают социальные нормы и ценности вообще в очень конкретные, субъективные ценностные ориентации, заточенные под Иван Ивановича. А что случается, когда intersubъективные нормы человек превращает в субъективные – по-другому он существовать, увы, не может, – мы видим в повседневной жизни, где нет до-



бра или пользы как таковых, но есть добро Иван Ивановича, Марьи Николаевны и еще миллионов других, непохожих, противоречивых, запутанных и даже непонятных им самим. Подобного «человек вообще», пользуясь формулами П. Бурдье, мы можем даже назвать габитусом, но вот только суть дела от этого яснее не станет. Как соотносятся две категории, философская и социологическая – жизненный мир и повседневность, – так и остается неясным. Повседневность повернута на сферу быта, слоников на комоде и фикус на подоконнике, а жизненный мир не спускается на землю со своих трансцендентных небес.

Мы-то знаем, что повседневность – это мир безыскусного, нарочно не придуманного, не искусственного. А потому словам Э. Гуссерля о том, это «доступный опыту мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь» [10], верить нельзя. Скорее все наоборот: жизненный мир, недоступный нашим органам чувств и здравому смыслу, т.е. обыденному сознанию, концептуализируется трансцендентальным субъектом. Он не проживается так, как проживается будничным мир суеты и мельтешения. Жизненный мир не до-, а сверхрефлексивен. Рефлектировать над содеянным, это значит соотносить над последствиями своих поступков, искать выход из сложной ситуации, решать бытовые задачи. Здесь рефлексивность не покидает границ здравомыслия. Но сверхрефлексивность означает куда больше, а именно осмысление и размышление на такими крайними ситуациями, которые бросают тебе экзистенциальный вызов и ставят твою жизнь на грань пропасти. Так и случилось в прифронтовой полосе ДНР и ЛНР в 2022 г., где жители обстреливаемых поселков вынуждены были неделями укрываться в подвалах без еды, воды и санитарии, где выход за водой на поверхность ставил человека перед выбором: умереть от голода или снаряда ВСУ. Сотни так называемых «мирняков» гибли именно в момент выхода за водой для сидящих в подземелье детей и стариков. Вот когда ты начинаешь задумываться на кардинальными

вопросами, составляющими суть твоего жизненного мира. Повседневный мир без воды и тепла в экстремальной ситуации развернулся совсем иной, трансцендентной, гранью.

Феноменологическая социология здесь бессильна. Она с удовольствием рассуждает о жизненном мире так, как рассуждал бы обыватель о том, следует делать запас картошки на зиму и где его хранить. Но это не жизненный мир, а обыденное существование, дорефлексивная и рефлексивная повседневность, но не вопрос о жизни и смерти, не вопрос «быть или не быть».

Жизненный мир, а не повседневность существует как место образования смысла, ибо выделенные А. Шюцем уверенность в существовании мира, напряженное отношение к жизни, переживание времени и особая форма социальности – это то, что вы никогда не найдете в обыденной жизни, бытовой сфере, домашней работе, посещении магазина или школьных уроках.

Феноменологию Альфреда Шюца, посвященную анализу жизненного мира, на западе называют *протосоциологией* либо теоретически ориентированной эмпирической социологией знаний [11]. В таком случае здравый смысл – интеллектуальное ядро повседневного сознания – также можно назвать протосоциологией, из которой, как из своей почвы, выросла научная социология.

Рассмотрим на примере разницу понятий: У них общий персонаж – конкретная мама *H* и ее ребенок *Ha*. **Жизненный мир:** Для матери и ребенка их жизненный мир – ценность одного для другого – мать не сможет жить без ребенка, ребенок не выживет без матери; мать отдаст все, даже свою жизнь, ради своего ребенка. И эту высочайшую ценность – как смысл жизни и призвание – она выражает в бесконечной любви и ласке, равно как и ребенок. Это элементы жизненного мира. **Повседневность:** Те же люди – мать *H* и ребенок *Ha* – могут как угодно существовать в повседневье: ссориться, когда мать отучает ребенка от соски или отнимает вредную игрушку, наказывает или при-

учает к горшку. Тысячи ежедневных рутинных действий и движений, наполняющих бытовое существование матери и ребенка вплоть до жилищных условий и финансовых возможностей. Это повседневность, но не жизненный мир.

Дугой, теперь уже не условный, а конкретный пример: В мае 2022 г. западная пресса активно обсуждала человека, который наказал свою кошку, и совершенно игнорировала нескончаемые жертвы ВСУ в Донбассе – детей, женщин, стариков. Западный обыватель возмущился мучителем кошечки. Петицию с требованием привлечь Курта Зуму к суровой ответственности подписали 200 тысяч человек – тех, кто, не моргнув глазом, требовал посылать режиму Зеленского самое современное и самое смертоносное оружие.

Как я буду смотреть в глаза начальнику, опоздав на 40 минут? – вопрос повседневного мира. Как я буду смотреть в глаза мужу, изменив ему? – вопрос жизненного мира. В первом случае получите нагоняй, во втором – изменение дальнейшего хода жизни. Успею ли я купить хлеба до закрытия магазина? – вопрос рутинной каждодневности. Успею ли я купить лекарств до закрытия аптеки, чтобы сбить высокую температуру маленькому сынишке? – экзистенциальный вызов. В определенном смысле жизненный мир и повседневность – совсем разные понятия, а не два слова для обозначения одного явления.

В методологии выражение «качественно-количественный интерфейс» обозначает соединение качественных и количественных методов. Вторые направлены на сбор статистических данных при помощи обычного анкетного опроса, непременно подчиняющегося требованиям репрезентативности, их обработку и анализ при помощи математического аппарата. Качественные методы нацелены на другое – выяснение того смысла, какой своим действиям и речам придают крестьяне, шахтеры, учителя. Они обнаруживают скрытый от анкетирования жизненный мир людей – часто нелогичный или вообще алогичный, всегда спонтанный и не ка-

тегоризируемый в привычных научных терминах.

Жизненный мир как философская категория феноменологии должен пройти ряд процедур нисходящего движения для превращения в то, что мы привычным образом называем повседневностью или обыденностью, а именно: одомашнивание, опредмечивание, овещивание, оповседневнивание, опошление, опрощение, приземление, реификация, редуцирование. Назовем его процессом снисхождения с небес на землю. Ему противопоставлен другой процесс – восхождения от повседневного мира доксы (греч. δόξα – общепринятое мнение, представление) к научному миру истины. По Гуссерлю, он предполагает освобождение от узких горизонтов домашнего мирка, его демифологизацию и «расколдовывание». А это означает идеализацию, установление империи логики, в котором и проживает подлинная наука. Наука – мир истины, повседневность и жизненный мир – как его философская проекция – мир доксы [12]. Социология – это доксология, путеводитель по человеческим мнениям и оценкам. Ценности и поведение суть проявления этих мнений. Даже теории социологов – частные мнения специалистов по тому или иному вопросу. А больше в ней ничего и нет.

Философия не может быть просто формой рефлексивного анализа, отдаленной от здравого смысла и обыденного сознания, вопреки мнению феноменологии. Рефлексирует крестьянин в своем хозяйстве, которое одолевает безденежье, половодье, неурожай, недомимки. Умело применяет здравый смысл нынешний горожанин, вынужденный как-то существовать от зарплаты до зарплаты. Им не до философии, хотя житейской мудрости у них с избытком. А что делают тогда философы?

Феноменология всего лишь проблематизирует случайное течение опыта, выжидая и наблюдая в стороне от него. Крестьянин и горожанин погружены в течение опыта, они – не сторонние наблюдатели. Согласимся, быть участником и наблюдателем чего-то – две большие разницы. М. Хабермас уточнил, что «на-



учные теории, вторгающиеся в жизненный мир, не затрагивают рамки наших повседневных знаний, которые связаны с самопониманием говорящих и актеров. Никакая наука не избавит здравый смысл, даже если она научно обоснована, от задачи формирования суждения» [13].

Жизненный мир (*Lebenswelt*) Хабермаса, понятие которого он заимствовал у Э. Гуссерля, объединив его с символическим интеракционизмом Дж. Мида, представляющий собой организованный в языке запас изначальных допущений и предпочтений, ограничен горизонтом коммуникативности. Все происходит так, будто дальше разговоров человек не идет и идти не собирается. А как же мир предметов и вещей? Он, конечно, не коммуникативен, а перформативен. Но перформанс – это всего лишь воплощение замысла в жизнь, слов в дела.

Жизненный мир Хабермаса – это набор «образцов толкования», скрепляемых языком и передающихся при помощи культурной традиции. При этом язык скрепляет не только смыслы (культуру), но и людей, создающих эти самые смыслы (общество). Жизненный мир людей, равно как и их повседневность, у философов выхолащивается и препарируется. Это уже не течение случайных событий, не мир жизни как таковой, а бытие – всеобщая и недвижимая сущность, где пребывает все и конкретно ничего.

«Жизненный мир» Хабермаса – это мир субъектности, которая наделяет смыслом коммуникацию, т.е. болтовню, кухонные разговорчики, беседы по душам и даже глубокомысленные рассуждения о смысле жизни. К прозе жизни – туалету на улице, протекающей крыше, дорожающим продуктам питания и невыученным урокам – он не имеет касательства. Его «жизненный мир» – это «фон» или пространство наших действий, который обеспечивает коммуникацию [14]. Фон для чего-то важного, происходящего на сцене. Но что разыгрывается на этой самой сцене, так и остается загадкой.

Понятие жизненного мира разворачивается у Хабермаса в *трех плоскостях*:

«жизненный мир», «объективный мир» и «повседневный мир». Первый мир – это смысловой горизонт третьего, второй – испорченный (объективированный) наукой мир верифицируемой эмпирии, воплощающей себя в инженерии. При этом повседневный мир субъективен, мир науки объективен, жизненный мир – интерсубъективен и трансцендентален. В повседневной жизни мы приземляем и «омещиваем» (опошляем) то, что создано в объективном мире, а в объективном мире пытаемся наукой измерить метафизику. «Жизненным миром является соответственно не переходимый, а интуитивно сопровождающий нас горизонт опыта. Он – неперспективный фон наших присутствующих переживаний, за который нельзя зайти; нашего персонального, вытекающего из исторической ситуации, телесно воплощенного и коммуникативно обобщественного повседневного существования» [15].

У немецкого философа, хочет он того или нет, выстраивается незримая *иерархия*: внизу – мир повседневности, в середине – объективный мир науки, наверху – жизненный мир смыслов. Ее вполне можно сопоставить с иерархией потребностей Маслоу, где на вершине размещается жизненный мир и духовные потребности в самовыражении, творчестве, смысла, а у подошвы разместились мир земных забот о бренном мире: еда, воздух, жилище, тепло, безопасность и т.д. Посредине мы увидим две переходных ступени: одна коллективистская (в принадлежности группе), другая – индивидуалистическая (карьера).

А вот у Сартра иерархия другая. Она как бы перевернута с ног на голову. Основной тезис Сартра – «Существование предшествует сущности». Вначале надо насытить желудок, согреть тело у камина, удобно расположиться в кресле, закурить сигарету, т.е. решить вполне бытовые вопросы, а затем уже думать о смысле жизни, вести разговоры о жизненном мире и Боге. Индукция предшествует дедукции, эмпирия – теории. Существование – это бытие. Сущность – сознание. У Маркса и Сартра бытие определяет сознание. Впрочем, не толь-

ко у них, но и у миллиардов жителей нашей планеты.

Бренный мир – тленный, смертный, легко разрушаемый, временный, не-вечный, суетный, преходящий; книжн., устар. глиняный, взятый от земли, от праху. Он противостоит миру вечному, идеальному, нетленному, сущностному. Несложно догадаться, что первое – повседневность, второе – жизненный мир.

Путь наверх непросто и ничуть не легче, чем восхождение альпиниста. Тут и эпохе (воздержание от суждений), и феноменологическая редукция (вынесение его за скобки), и преодоление универсального горизонта, и очищение естественной установки (встать по ту сторону “наивного”), и отход от до-предикативного, и еще комплект логико-теоретического снаряжения, которое имеется у профессионального философа и которого уж точно нет у человека с улицы.

Жизненный мир – это как бы элитарная категория человеческого бытия, а повседневность – простонародный фрактал бывания и пребывания в пространстве вещественности и случайности. Только в конце жизненного пути человек начинает понимать, что переустраивать надо не мир, а себя, ибо мира нет, а есть мое представление о нем. Изменение жизненного мира человека – это утрата этнокультурной идентичности. Жизненный мир, наполненный ценностями, смыслами и целями, представляет собой экзистенциальный проект, а повседневность – пространство его реализации. И далеко не всегда первое совпадает со вторым или получает в нем полную реализацию.

Если бы Гуссерль был последовательным и строил свою систему жизненного мира, исходя из собственных «Логических исследований», то никогда не уравнивал жизненный мир и повседневность. В правильно построенном учении жизненный мир должен играть роль сущности, а повседневность – феномена. Как у одной сущности множество эмпирических проявлений, так и у жизненного мира – подобного миру идей Платона – множество повседневностей, а глав-

ное, как и у Платона, множество мнений о повседневности – более 7 миллиардов на сегодня.

Сущность и феномен – не единственно возможный вариант истокования. Есть еще один – эпифеноменальный. Википедия уточняет: **Эпифеномен** (др.-греч. ἐπί – «при, после, возле» и φαίνόμενον – «являющееся») – придаток к феномену, побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния. Кто чем придаток? Если эпифеномен – это придаток к феномену, а феномен у нас – повседневность, то роль придатка играет жизненный мир. А точнее, даже не придаток, а надстройка, которая расположена сверху. Внизу расположен фундамент, как и у К. Маркса, материальный мир повседневных забот и хлопот (рис. 2).

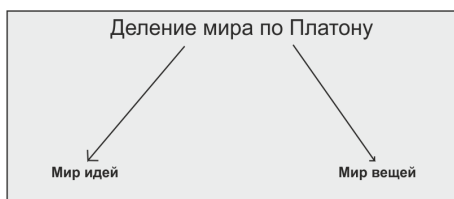


Рис. 2. Мир идей – жизненный мир. Мир вещей – повседневность

Жизненный мир – это мир смыслов и значений. Устав от навязчивой повседневности, воспринимая суету хлопот как безысходность, человек останавливается и спрашивает себя: Что нужно сделать, чтобы ощущать свой мир как достойный жизни? В чем смысл моей жизни и каково мое предназначение? Эти и подобные вопросы человек задает перед лицом смерти, находясь, например, на пороге самоубийства. Самоубийство – это не уход из жизни, а выход из той жизни, какой она у тебя сложилась. Мир уязвимых людей фундаментально уязвим, ибо под угрозой у них находится главное – понимание либо переоценка смысла жизни. В свете его решения – пессимистического или оптимистического, трагического или драматического – меняется модус оценки и восприятия повседневного мира.



К таким людям относятся, например, пациенты, страдающие деменцией⁴. Они утрачивают способность жить и контактировать с земными вещами, общий смысловой мир. Они больше не чувствуют себя в мире как дома и, следовательно, они бездомны, они «отсутствуют в мире» в самом фундаментальном смысле. Утрачивая здравый смысл и способность принимать разумные решения, такие больные не могут найти дорогу домой, забывают то, что было с ними раньше. Они не только бездомны, но и безмирны. У них нет жизненного мира, хотя есть повседневность, в которой находятся, где спят, кушают, передвигаются. Дом, который называет «пространственным центром жизни личности» [16], для них потерян.

Жизненный мир на два дома – сербы могут завидовать тем, кто уехал в Италию и получает там 2 тыс. евро за ту работу, которая на родине оплачивается много ниже. Но при этой повседневности, когда он трудится задешево, в его жизненном мире на первом месте стоим память о бомбёжках Сербии НАТО и уважение к России. Да и те сербы, что выехали на заработки в Италию и получили все блага цивилизованной повседневности, помнят о родине, бомбёжках и России. С началом бомбардировок Мариуполя в феврале 2022 г. многие жители уехали, многие не захотели, а многим не дали украинцы, обстреливая беженцев на дорогах. Город превратился в пылающий костер, все прятались в подвалах, а обед готовили всей улицей на костре, выбитые стекла меняли на пленку. Тем не менее, тысячи и тысячи горожан не покидали родной город, который стал им центром их жизненного мира. Вот и получается: жизненный мир есть, а бытовых удобств никаких. Это и называется фронтовой повседневностью. Тоже самое происходило в Донбассе, который ВСУ бомбило каждый день и каждый день гибли люди. Они

⁴ Деменция (лат. *dementia* – безумие) – приобретённое слабоумие, стойкое снижение познавательной деятельности с утратой в той или иной степени ранее усвоенных знаний и практических навыков и затруднением или невозможностью приобретения новых.

говорили, что их не запугать, что город без людей бойцы ДНР защищать не станут. Блокада Ленинграда в 1941–1944 гг. свидетельствует о том же. Привычный уклад жизни был полностью нарушен. Город постоянно бомбили. Повседневная жизнь в блокадном городе на фоне хронического недоедания, которую можно характеризовать как выражением «разрыв ткани жизни», превратилась в ежедневные подвиги ленинградцев.

Маргиналы-предатели. После начала спецоперации в феврале 2022 г. произошло два крупных явления: 1) на Западе началась агрессивная русофобия и преследование русских, 2) массовая миграция либералов из России на запад, где их принуждали клеветать на Россию. Но это не помогло им жить лучше: на бытовом уровне в предателей плевали, как и в тех русских, которые давно осели там. Они оказались маргиналами – ни там, ни здесь они никому не нужны. Они – безмирны. У них не два дома, у них – ни одного.

Знание жизненного мира обеспечивает точки отсчета, параметры и ресурсы, с помощью которых индивиды обретают смысл окружающего мира, развивают теоретические и практические компетенции для работы с повседневностью, устанавливают коммуникативные отношения, позволяющие развивать узы солидарности и сотрудничества. Жизненный опыт мы черпаем из повседневного мира, но смысл его лежит в ином измерении – в жизненном мире. Функцию скелета, организующего жизненный опыт, выполняет здравый смысл⁵, а функцию библиотеки или складирования жизненного опыта, – жизненная мудрость. Однако на входе в эту библиотеку стоит жизненный мир – хранитель жизненных смыслов. Его еще можно называть библиотекарем.

Человек конструирует жизненный мир, а он реконструирует – каждый день, в любых ситуациях, но особенно сильно – на крутых жизненных поворотах. За повседневную жизнь как общее достояние и механизм ее контролирова-

⁵ Здравый смысл можно считать «воспитательным разумом» (Ж. Пиаже).

ния – здравый смысл, преданный исполнитель коллективных норм и общественного благомыслия, несет ответственность общинный мир, но за жизненный мир, его содержание и наполнение, отвечает только индивид. Повседневность – это как коллективная стройка, на которую поучаствовать пригласили каждого из нас. Но то, как в ней участвовать, определяет наша мудрость – жизненный мир. Вот еще почему повседневность можно считать социальной репрезентацией индивидуального жизненного мира. За тем, как мы себя ведем в повседневной жизни, как выглядим, что говорим, следит общественное мнение – наше «зеркальное Я». Это мир публичности. Но проникнуть глубоко внутрь личности, туда, где и находится жизненный мир, проникнуть никто из посторонних не может. Жизненный мир – это наша философия жизни, экзистенциальная картина мира.

Продолжая концепцию социально-го действия М. Вебера дальше, А. Шюц писал, что мой личный жизненный мир создан предшественниками и передается мне через социализацию как бы из «вторых рук». Действительно, социальный мир родители и учителя подносят ребенку как на блюдце и кормят понемногу из ложечки. А сам-то он что сделал? Он может нечто сделать для себя в сотрудничестве с другими, но творить его не как свой отдельный мирок, непохожий на других, а как наше общее дело. Общий мир, в котором всем удобно жить, людям строят потому, что они похожи друг на друга. Они так же понимают других и так же воспринимают мир, как я. Вот почему я могу смело полагаться на свой здравый смысл, который является не отдельным островком, а частью общего континента. Сходство наших жизненных миров и жизненного опыта позволяет А. Шюцу говорить о «взаимности перспектив» и «взаимозаменяемости точек зрения». Личная библиотека жизненного мира и жизненной мудрости – часть мирового культурного наследия. Она же и его постоянный инвестор.

У ребенка нет жизненного опыта, жизненной мудрости и даже здраво-

го смысла – это все появится позже. Но в таком случае у него отсутствует и жизненный мир, хотя из повседневного мира его никто не выключал. «Человек ищет смысл, когда мир вокруг перестает быть для него контролируемым и безопасным» (Е.Н. Ермакова). Вопрос о смысле жизни человек ставит только в свете актуальности для него вопроса о смысле смерти, и на каждом этапе жизненного цикла он реформатируется, иногда не в зависимости от изменения повседневной обстановки. Проблема смысла жизни человека тесно переплетена с его предназначением в этом мире.

Былое и думы – так можно было бы обозначить два понятия, повседневность и жизненный мир. Как известно, «Былое и думы» – автобиографическая хроника А.И. Герцена – представляет панораму отечественной и европейской жизни середины XIX века, пропущенную через призму личных невзгод, исканий и заблуждений, побед и поражений – все, как требует методология социологического воображения Р. Миллса. Автор вспоминает события из раннего детства, описывает подростковый период, юношество и взросление, не забывая напомнить о важнейших событиях, происходивших в России в первой половине XIX века. Жизнь без прикрас и дополнений, размышления о жизни без притворства и вымысла. Повседневность и жизненный мир, действие и смысл идут рука об руку, пересекаясь и помогая понять одно другое. «Былое и думы не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшимся на её дороге», – заметил Герцен о своих мемуарах. «Мы не были монахами, мы жили во все стороны и, сидя за столом, побольше развились и не меньше сделали, чем эти постные труженики, копошащиеся на заднем дворе науки».

Если смыслы жизненного мира – метафизические параметры пограничных ситуаций и экзистенциальных вызовов – выстраиваются в последовательную цепочку, то формируется **картина мира**. Впервые термин картина мира появился на рубеже XIX–XX вв. в физике. Г. Герц так определил это понятие: «Со-



вокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения данных предметов» [17]. Картина мира – результат размышления человека над устройством окружающего мира и своего места в нем.

Картина мира включает в себя представления обывателей о человеческой природе, взгляды на мир, на окружающих людей, во что они верят (например, что хороших людей на свете больше, чем плохих). Верования, представления, взгляды – элементы картины мира человека. Часть из них с квантором всеобщности, часть с квантором существования. Но ни те, ни другие невозможно проверить эмпирическим путем. Это обыденная философия подобна профессиональной философии, которую пытались изгнать позитивисты во главе с Контом из науки. Ничего не получилось. Вернее, получился современный ренессанс метафизики и здравого смысла. Человек, создавая образ и окружающего мира и мира собственных переживаний, изначально стремится к тому, чтобы этот образ носил осмысленный и структурированный характер. И у художника его картина – уже не картина в смысле зеркала реальности, а субъективный образ объективного мира. Для отдельного человека и всего человечества свойственно стремление осмысливать и структурировать окружающий мир и собственные переживания.

Нет объективного мира, он таков, каким его видит человек. У каждого человека разная картина мира. Элементарным навыкам обращения с реальными предметами – лизнул железо – прилип язык, бросил стакан – разбился, упал – больно – приходится учиться самостоятельно, часто без помощи первых двух агентов. Социализация, и это ее главная основа – это прежде всего формирование картины мира или видения социальной реальности.

У человека его картина мира постоянно меняется, как меняется видовая панорама в окне движущегося автомобиля. Меняется каждую секунду в зависимости от настроения, шевеля-

щихся внутри мыслей и нейронов. Одно и то же оценивается и переоценивается внутри нас. Мы даже не чувствуем этого. А этих «одно и то же» в нас тысячи и миллионы. В настоящую мыслительную деятельность вовлекаются сюжеты и оценки прошлого, часто отдаленного. Все это варится как в котле. От процесса совместного переваривания исходные ингредиенты меняют исходный облик и структуру. Как в калейдоскопе они, оригинальные и видоизмененные, то и дело образуют новые конфигурации, которые влияют на другие конфигурации и составляющие их элементы. Замечали ли вы, как меняется оценка того или иного деятеля либо события в зависимости от новой информации о них и произошедшего в вас процесса их осознания. Вечером одно, ночью другие думы, поутру вообще все изменилось. Картина мира – это не художественное полотно, созданное рукой мастера и раз и навсегда повешенное в музее.

Свою картину мира человек пишет всю жизнь, меняя то краски и фигуры, то окружение и размеры, то отходя, то приближаясь. Образ мира субъективен, поскольку он складывается в процессе накопления жизненного опыта. У М. Хайдеггера это звучит так: «Картина мира, сущностно понята, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [18].

А картина мира Хабермаса – всего лишь мировоззрение, которое служит нам ориентиром в жизни. При этом такое «ориентационное знание нельзя путать с научными знаниями даже в тех случаях, когда оно претендует на то, чтобы быть синтезом результатов исследований, востребованных и сегодня» [15]. Жизненный мир не столь возвышен, не столь последователен и целостен как картина мира. «Жизненный мир не пред-

стает перед нашими глазами как теория, а, напротив, мы находим себя в нем до-теоретически» [15]. Другими словами, жизненный мир – трансцендентное, потустороннее. Вопрос о нем возникает у человека, когда он встает перед экзистенциальным вызовом, когда судьба устраивает ему серьезную проверку. Однако феноменологи так и не признали этот базовый тезис.

Философский анализ Гуссерля, Шюца, Хабербаса, Хайдеггера лишь подтверждает, что статус жизненного мира по-прежнему нуждается в уточнении. Вопрос о нем остается таким же открытым, как и он сам.

Экономика быта: лайфхаки советские и не очень советские

В отличие от глобальной экономики общества и еще более крупной политэкономии мира бытовая экономика далека от погони за прибылью, создания капиталов и потоков инвестирования. Это молекулярное образование на уровне семьи. Это идеологии экономии на всем, что можно, экономика выживания, существования от зарплаты до зарплаты. Она начинается в квартире и продолжается на даче. Для подавляющего большинства горожан в СССР и России она – основа повседневной жизни. Часто ремонт одежды или мебели становится у них важнее покупки нового и более престижного. Лайфаки для них куда важнее лакшери.

Лайфхаки – житейские советы, бытовые улучшения и хозяйственные хитрости, помогающие сделать нечто лучше, быстрее и дешевле. На сленге они означают маленькую хитрость, «народную мудрость» или полезный совет, помогающий решать бытовые проблемы.

В СССР газеты предназначались не только для чтения, но и для мытья окон. Чайный гриб помогал экономить на газировке и кофе. Сдавали бутылки, металлолом и макулатуру, чтобы продержаться до зарплаты. Из старой одежды делали коврики, прихватки, чехлы, подушки для табуретов и т.д. Закручивали по 20–50 3-литровых банок капусты, томатов, огурцов, патиссонов. Делали мно-

го заготовок: икру баклажанную, кабачковую, морковную, салаты и пр. Одной сумки-авоськи, изготовленной из прочных нитей, хватало на годы, а целлофановые пакеты стирали и использовали по многу раз. Изношенные вещи перешивали, ремонтировали, приспособляли для сервисных целей. Рваные колготки не выбрасывали, а применяли для хранения лука. Набивали луком капрон и подвешивали в погреб для хранения. Чулком обматывали веник, который даже по наследству передавался. В жестяные банки складывали гайки и шурупы. Пробку от вина использовали в крышках для кастрюль, чтобы не обжечься. Ее набивали на конец ручки долота для защиты от скалывания. Для мытья посуды использовали хозяйственное мыло. Оно имело неприятный запах, но посуда блестела, а руки не портились. А еще для мытья посуды применялись горчица и сода. Губки заменяли тряпки от старых вещей. Обмылки перерабатывали в новое мыло. Тонкие полоски резины, наклеенные на плечики, предохраняли брюки от соскальзывания. Кусок пористой резины, вставленный в портфельный замок, будет хорошей заменой сломанной в нем пружины.

Художник В. Архипов известен своей коллекцией многочисленных самодельных вещей, в том числе бельевых прищепок, автомобильных камер и покрышек, старых чулок, спицы, кусков ткани, лески, пробки от бутылки, мыла, целлофановых пакетов. Оказалось, что их можно приспособить для проявки фотопленки, сушки белья, заклеивания щелей между дверью и дверным проемом, держателя ботинок и банок с краской, поплавок на рыбалке, автомата для включения радиоточки, крепления для ручки, держателя гвоздя при его забивании, уплотнителя для электрического чайника, открывалки для бутылок и т.д.

Мусора у советского человека практически не было, ведь всё можно было приспособить для повторного использования. Люди экономили на всем, обучая детей на выходе выключать свет. Экономия в быту была главным быто-



вым жанром. Не выбрасывали старые книги, журналы и газеты. В СССР все собирали макулатуру. Старые газеты шли на обертку для книг, ими затыкали и заклеивали щели в окнах. Из старой бумаги смекалистые хозяйки делали выкройки для пошива одежды. Из кусочков старых тетрадей мастерили бигуди. На бумажки наматывали пряди волос, а концы шнурков завязывали.

Летом можно было прожить на овощах и фруктах с дачи. Сарай с погребом – для засаливаний и маринований. Картофель запасали на всю зиму, хранили в подвалах, сложенных из песчаника. Иногда спускались в подвал и перебирали картофель, счищая ростки. На полках стояли банки с помидорами, огурцами, черешневым и вишневым компотом. Время заготовок для хозяек было адом: на одной конфорке над паром стеклянные банки, на другой кипит томат, в медном тазу томится варенье. Горожане тогда консервировали буквально все, что выросло летом на даче и стоило копейки. Помимо классических «тушёнки» и «сгущёнки» в кладовке, там обычно хранились рыбные и овощные консервы. Излишки садовых яблок и вишни продавали на местных рыночках, квасили в бочках для вина или браги. Излишками урожая соседи делились безвозмездно, в гости ездили часто, а праздники отмечали «всей деревней». Покупали оптом, на несколько семей, так дешевле выходило.

Жили по правилу: голь на выдумки хитра. В советское время дефицит был таким, что экономить как бы уже было не на чем, не за чем. Правительственный лозунг «Экономика должна быть экономной!» адресовали работягам на крупных промышленных заводах, которые крали для дома по мелочам. А надо было для администрации, которая миллионы пускала на ветер, бездарно организуя экономику. В Советском Союзе было принято использовать вещь ровно до тех пор, пока она не переставала подлежать ремонту. А услуги мастера стоили дешевле, чем приобретение нового товара. И бытовая техника в то время была гораздо лучше, чем сейчас. Некоторые

советские приборы до сих пор исправно работают.

Экономика быта пришла на Запад в 2022 г. – после начала Спецоперации на Украине и введения санкций против России. Правительства Германии, Англии, Франции, Италии и всего Евросоюза призывают население экономить на всем. В ЕС предлагают гражданам меньше мыться, больше утепляться и не тормозить. Вице-канцлер Германии призвал немцев больше ходить пешком и выбирать велосипед вместо автомобиля ради экономии газа и бензина. Европа отключает энергию летом, чтобы сохранить ее для зимы. Нынешняя Литва – это работа до 72 лет, маленькие пенсии, большие налоги, нехватка электроэнергии, удобрений и бензина.

В британском DailyMail (23 мая 2022) решили объединить все советы по экономии:

- Не пользоваться духовкой, а использовать электрические минипечи.
- Понизить температура отопления. Повесить занавески на двери, защищаться от сквозняков из щелей свернутыми полотенцами. Прохладными вечерами держать под рукой джемпер и одеяла во время просмотра телевизора, а не включать отопление.
- Проложить стены за батареями фольгой для избежания утечки тепла.
- Вместо моющих средств мыть посуду уксусом и содой. Окна протирать газетой.
- Покупать б/у мебель.
- Покупать в интернете более дешёвую еду с истекающим сроком годности. Пользоваться различными купонами.
- Чтобы сэкономить минуты, звонить через интернет, используя WhatsApp или Skype.
- Сократить время и частоту использования душа.

Посмотрим, какие комментарии оставляют британцы под этой статьёй. Приведём комментарии, которые набрали много лайков.

Xoldhamer: «Имейте под рукой джемпер и одеяла во время просмотра телевизора, а не включайте отопление, или просто спустите свое одеяло вниз. Это



более дешевый способ согреться». Пришлось посмотреть на календарь и да, мы в 21 веке.

Brown stuff: Вот действительно дельные советы: 1) Прекратить есть. 2) Сидите в темноте. 3) Ходить везде пешком. 4) Смыть только если сходил по-большому или лучше пользоваться бесплатными общественными туалетами. 5) Не стирать одежду и постельное белье. 6) Мыться в тазике. 7) Закутывайтесь в одеяла, когда холодно. Тем временем Королева готовится к вечеринке, Борис и его приятели делают все, что им заблагорассудится, а лодки с мигрантами прибывают каждый день.

Scottish borderer: Население скоро будет частично обменивать дома на пещеры с костром из веток у входа, чтобы обеспечить отопление, освещение и приготовление пищи. А если серьезно, как выжить, когда у большого количества людей действительно заканчиваются деньги, чтобы платить за газ и электричество?

danny1967: Экономьте деньги на батарейках, вставляя их в часы только тогда, когда хотите узнать, который час.

HomeGuard40: Фольгу можно приклеить и к голове в виде шапочки из фольги. Большая часть тепла теряется через верхнюю часть головы. Это поможет также удвоить защиту от сигналов 5G.

ProperGander1: Лучшим советом было бы заставить правительство что-то сделать со стоимостью жизни, а не искать способы жить с ней! Столько финансовых потерь как для правительства, так и со стороны правительства, и ничего взамен. В чем смысл?

Linda: Я делала все это годами, так что же теперь мне делать? Счет за электроэнергию увеличился на 200 фунтов в месяц, я буквально не могу экономить ни на чём, кроме как перестать есть⁶.

Рядовых граждан Евросоюза начинает очень сильно раздражать просьбы властей, переходящие в требования, о необходимости экономить на простых повседневных удобствах: тепле, способе жизни, привычном уровне минимально-

го комфорта. Хуже всего обстоит с центральным отоплением – его нет практически нигде, кроме России. Стараются не отапливать дом и квартиру, когда там никого нет. Уходишь – выключаешь отопление, приходишь – ждешь, пока помещение согреется либо заранее включаешь обогрев со своего смартфона за 20–30 минут до возвращения. Правительства призывают европейцев сократить ежедневный двухразовый душ до двух раз в неделю, затрачивая на него не 20–30 минут, а 2–3 минуты. Оказывается, для волос полезнее, когда воды тратишь меньше. «Прическа, к слову, легко отличает в толпе девушку из СНГ от европейки – если у первой всегда будут чистые волосы и тщательная укладка, то у жительницы Запада слегка засаленные пряди никого не смущают. При отсутствии доступа к душу дважды в день европейки привыкли в течение дня обтираться влажными салфетками» (из интэрента).

Мы привыкли жить со стереотипом, что в цивилизованной Европе все чистенько и красиво, а у нас – только грязь и беспорядок. Однако оказалось, что русские селянки живут намного чище и аккуратнее, чем хваленые альпийские фермерки. Россияне иногда делятся в соцсетях своим опытом обживания «культурного» Запада после переезда, и спрашивают: Почему среди вновь приобретенных знакомых только я приятно пахну без парфюма? Почему там моются редко и в одной той же воде? Почему детей приучают: «Пока чистишь зубы – выключай кран»? Почему в квартирах всего 18 градусов, посуду моют в тазике и лишний раз окно не открывают, а коммунальные услуги намного дороже, чем в России? При этом налоги в ЕС могут доходить до 40–50% от семейного дохода. Квартиры англичан и французов зимой промерзают, а летом перегреваются. Отопление и кондиционер чрезвычайно дороги. Потому в постоянная плесень, вывести ее – очень дорого, приходится мириться. На Западе очень хорошее и гуманное отношение к животным, но при этом, если у человека нет медицинской страховки, то вряд ли при-

⁶ Информация канала zen.yandex.ru/media



едет «скорая» и спасет за очень большие деньги.

Постельное белье здесь принято стирать от 2 до 10 раз в год, т.е. даже реже, чем раз в месяц, а порой – раз в полгода. Сэкономленные деньги идут на крема для тела, чтобы они не запыщавело. Посуду моют в двух случаях: когда заполнилась посудомоечная машина или в раковину уже не помещаются грязные тарелки. Зато у них всегда все новенькое: зашить, заштопать, залатать что-то они не умеют, да и в голову такое не придет. «Так и ходим мы по разным двум частям света: они – душистые, с небрежной прической и в красивой одежде, мы – чистые, с подшитой юбкой и вымытой посудой дома» (из интернета). Меньше мыться и не пользоваться кондиционером летом в Италии – это как минимум кожные заболевания и массовые инфаркты. В Германии всю неделю собирают купоны для того, чтобы пользоваться лучшими предложениями от супермаркетов в конце недели – так можно сэкономить для семейного бюджета. Отъезжая на отдых, рассчитывайте только на стандартный бюджетный отель с трехразовым питанием (чтобы не тратиться на рестораны).

Литература

1. Качанов Ю.Л. Истина и политический контекст в научных практиках социологов // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 17.
2. Петров Ю.А. Наука и методология // http://pyramid.express.ru/disput/zaharov_petrov/pred_teor.htm
3. Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам «Круглого стола») // Социология. – М., 1995. № 5–6. С. 11
4. Schutz A. Collected Papers, I; The Problem of Social Reality. La Haye, Martinus Nijhoff, s.d.P.59.
5. Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, PUF, 1979. p.625–626 (перевод С.В. Трофимова).
6. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Теорети-

ческая социология: Антология: В 2-х ч. – М., 2000. Ч. 1. С. 151–152.

7. Bauman Z. Is There a Post-Modern Sociology? // Theory, Culture and Society. New York, 1988 N 213, Vol. 5, p. 230.
8. Козлова Н.Н. Позиция исследователя и выбор теоретического языка // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 143.
9. Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 53.
10. Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phenomenology. Hamburg, 1977.
11. Eberle T.S. (2012). Phenomenological Life-World Analysis and Ethnomethodology's Program // Human Studies. Vol. 35. № 2. P. 279–304.
12. Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999, S. 41.
13. Habermas J. The Future of Human Nature. Cambridge: Polity Press, 2003, p.108.
14. Миронов В.В. О философии, «жизненном мире» и метафизике (размышления о лекции Юргена Хабермаса) // Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011, с. 18.
15. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011.
16. Bollnow O. Lived-space // Philosophy Today. 1961;5:31–39.
17. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 12.
18. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 102.

SOCIOLOGY OF A RANDOM WORLD

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

Our days are not at all like a holiday. They are filled with repeating accidents that a sociologist is supposed to study: reading the press and getting acquainted with the news, looking through personal mail and responding to it, getting up, brushing teeth, taking a shower, preparing



breakfast or lunch, walking the dog, taking the children to school, going to work and undress for the night, return home and much more.

The sociology of the random world is studied by people who are not at all random in science, interviewing and listening to ordinary people whose consciousness is filled not only with wise thoughts and discoveries, but also with social prejudices, irritation, and erroneous reactions to random events. Sociology is a mirror of the random world, reflected in numbers, calculations, graphs and tables, which are built according to completely different laws.

Sociology was born not at home, but on the street. And it's a city street, not a village one. Moreover, in a metropolis, and not just in a town. Ancient Athens was such a place, and Socrates was such a sociologist. It was much later that the Frenchman Comte appeared, who proclaimed the scientific sovereignty of sociology and endowed it with a scientific method worthy of standing on a par with the revered natural sciences.

Keywords: sociology, cognitive distortions, everyday thinking, life world and everyday life, phenomenology, economics of everyday life, life hacks.

References

1. Kachanov Yu.L. Truth and political context in the scientific practices of sociologists // *Sociological Research*. 2005. No. 9. P. 17.
2. Petrov Yu.A. Science and methodology // http://piramyd.express.ru/disput/zaharov_petrov/pred_teor.htm
3. Maslova O.M. Quantitative and qualitative sociology: methodology and methods (based on materials from the Round Table) // *Sociology*. – M., 1995. No. 5–6. P. 11
4. Schutz A. *Collected Papers, I; The Problem of Social Reality*. La Haye, Martinus Nijhoff, s.d.P.59.
5. Durkheim É. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris, PUF, 1979. p.625–626 (translation by S.V. Trofimov).
6. Weber M. “Objectivity” of socio-scientific and socio-political knowledge // *Theoretical sociology: Anthology: In 2 parts – M.*, 2000. Part 1. pp. 151–152.
7. Bauman Z. *Is There a Post-Modern Sociology? // Theory, Culture and Society*. New York, 1988 N 213, Vol. 5, p. 230.
8. Kozlova N.N. The position of the researcher and the choice of theoretical language // *Social sciences and modernity*. 2001. No. 5. P. 143.
9. Kozlova N.N. *Sociology of everyday life: re-valuation of values // Social sciences and modernity*. 1992. No. 3. P. 53.
10. Husserl E. *Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phenomenology*. Hamburg, 1977.
11. Eberle T.S. (2012). *Phenomenological Life-World Analysis and Ethnomethodology's Program // Human Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 279–304.
12. Husserl E. *Erfahrung und Urteil*. Hamburg: Meiner, 1999, S. 41.
13. Habermas J. *The Future of Human Nature*. Cambridge: Polity Press, 2003, p.108.
14. Mironov V.V. On philosophy, the “life world” and metaphysics (reflections on a lecture by Jurgen Habermas) // Habermas Yu. *From pictures of the world to the life world*. M.: Idea-Press, 2011, p.18.
15. Habermas Yu. *From pictures of the world to the life world*. M.: Idea-Press, 2011.
16. Bollnow O. *Lived-space // Philosophy Today*. 1961;5:31–39.
17. *The role of the human factor in language: Language and the picture of the world*. – M.: Nauka, 1988. P. 12.
18. Heidegger M. *The time of the picture of the world // New technocratic wave in the West*. M., 1986. P. 102.



Преимственность многодетности от поколения к поколению

Синельников Александр Борисович,

доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии семьи и демографии,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: sinalexander@yandex.ru

В современной России родители трех и более детей официально признаются многодетными и получают право на льготы и пособия. Полное воспроизводство поколений, т.е. ситуация, при которой численность поколения детей не меньше численности поколения родителей, возможно только тогда, когда, как минимум, одна из трех женщин рождает за всю жизнь трех и более детей. Однако, по данным последней переписи населения, проведенной в 2021 г., столько детей родила лишь каждая шестая среди женщин, вышедших или почти вышедших из репродуктивного возраста. Как в поколении «матерей», которым на момент переписи было от 65 до 69 лет, так и в поколении «дочерей», которым в это время было от 40 до 44 лет, было лишь 16% таких женщин. Несмотря на стабилизацию этого показателя на столь низком уровне по стране в целом, во многих из регионов, где в 2021 г. доля женщин, родивших трех и более детей, была относительно высокой, она заметно уменьшилась. Напротив, в тех регионах, где уже среди поколения «матерей» доля многодетных была самой низкой, она несколько повысилась. Различия по доле многодетных между российскими регионами уменьшаются. Даже если все мужчины и женщины, которые выросли в многодетных семьях, сами создадут многодетные семьи, число этих семей будет значительно ниже того, что необходимо для полного воспроизводства поколений. Остановить депопуляцию и стабилизировать численность населения можно только тогда, когда значительная часть супружеских пар будет иметь больше детей, чем было у их родителей. Необходимо провести социологические исследования, чтобы выявить факторы, которые способствуют такому изменению репродуктивного поведения от поколения к поколению.

Ключевые слова: рождаемость, распределение по числу детей, среднее число детей, воспроизводство поколений, депопуляция, репродуктивное поведение.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00518.

Среднее число детей у российских женщин, принадлежащих к разным поколениям

Полное замещение поколений возможно, если среднее число детей, рожденных одной женщиной в течение всей жизни, составляет не менее, чем 2,1. У женщин старше 40 лет, принимавших участие во Всероссийской переписи населения, проведенной в 2021 г., среднее итоговое число рожденных детей составляет от 1,6 до 1,8. Доля родивших за всю жизнь троих и более детей среди них составляет от 12 до 18% [3, табл. 1]. Даже с учетом определенной неточности данных этой переписи [1], очевидно, что при таких показателях замещение поколений не является полным (табл. 1). Далее в тексте эта перепись называется переписью 2021 г., хотя из-за пандемии она была отложена и проведена на год позже, чем планировалось, но ее официальное название «Всероссийская перепись населения 2020 г.» не изменилось.

Только среди сельского населения, в котором рождаемость выше, чем среди городского, женщины, родившиеся до 1961 г., полностью численно воспроизвели себя. Среднее число рожденных детей у сельских женщин, родившихся в 1957–1961 гг., которым на момент переписи, проведенной в октябре-ноябре 2021 г. исполнилось от 60 до 64 лет, составило 2,1. 27% из них родили трех и более детей. Соответствующие показатели для женщин 1952–1956 гг. рождения (возраст на момент переписи – 65–69 лет) составили 2,15 и 29%, а для женщин, появившихся на свет до 1951 г. включительно, которых перепись застала в возрасте 70 и более лет, – 2,30 и 33%. Эти данные показывают, что простое замещение поколений возможно лишь тогда, когда не менее 30% женщин рожают за всю жизнь троих и более детей. Правда, среди сельских женщин 1952–1961 гг. рождения доля многодет-

ных несколько ниже (27–29%). Однако в этом поколении доля не родивших ни одного ребенка очень невелика (5% у сельских жительниц и 7% у всех). Среди женщин, родившихся позже, но уже

вышедших или близких к выходу из репродуктивного возраста, доля никогда не рожавших выше (от 8 до 11%), вероятно, из-за распространения добровольной бездетности (childfree).

Таблица 1. Распределение женщин по числу рожденных детей (по данным переписи, проведенной в 2021 г., % к численности лиц, указавших это число).

	0	1	2	3 и более	Среднее число детей
Все население					
Женщины в возрасте 15 лет и более	19%	32%	36%	13%	1,50
в том числе в возрасте, лет:					
15–17	99%	1%	0%	0%	0,01
18–19	96%	4%	0%	0%	0,05
20–24	77%	17%	5%	1%	0,31
25–29	42%	33%	19%	6%	0,90
30–34	22%	34%	32%	12%	1,37
35–39	14%	32%	37%	16%	1,61
40–44	11%	35%	38%	16%	1,66
45–49	10%	39%	38%	13%	1,60
50–54	9%	40%	39%	12%	1,60
55–59	8%	35%	44%	13%	1,68
60–64	7%	31%	47%	15%	1,77
65–69	7%	30%	47%	16%	1,80
70 и более	7%	31%	44%	18%	1,84
18–44 года	30%	30%	28%	11%	1,25
45 лет и старше	8%	34%	43%	15%	1,73
Городское население					
Женщины в возрасте 15 лет и более	20%	35%	36%	9%	1,37
в том числе в возрасте, лет:					
15–17	99%	1%	0%	0%	0,01
18–19	97%	3%	0%	0%	0,04
20–24	80%	15%	4%	1%	0,25
25–29	46%	34%	16%	4%	0,79
30–34	24%	37%	31%	8%	1,26
35–39	15%	35%	37%	12%	1,50
40–44	12%	38%	38%	12%	1,54
45–49	11%	44%	36%	10%	1,48
50–54	10%	46%	36%	8%	1,45
55–59	9%	41%	42%	8%	1,52

Окончание

	0	1	2	3 и более	Среднее число детей
60–64	8%	36%	47%	10%	1,62
65–69	7%	34%	47%	11%	1,65
70 и более	8%	36%	44%	12%	1,66
18–44 года	31%	33%	28%	8%	1,16
45 лет и старше	8%	39%	43%	10%	1,58
Сельское население					
Женщины в возрасте 15 лет и более	16%	22%	38%	23%	1,81
в том числе в возрасте, лет:					
15–17	99%	1%	0%	0%	0,01
18–19	93%	6%	1%	0%	0,07
20–24	69%	20%	9%	2%	0,44
25–29	34%	30%	25%	11%	1,16
30–34	17%	27%	35%	21%	1,68
35–39	11%	24%	38%	27%	1,93
40–44	9%	25%	39%	27%	1,97
45–49	8%	28%	42%	23%	1,91
50–54	7%	26%	45%	22%	1,93
55–59	6%	22%	49%	23%	2,01
60–64	5%	19%	49%	27%	2,10
65–69	5%	20%	47%	29%	2,15
70 и более	5%	20%	42%	33%	2,30
18–44 года	27%	24%	30%	19%	1,50
45 лет и старше	6%	22%	45%	27%	2,10

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1].

Из-за округлений сумма процентов по строке не всегда равна 100%.

Такая доля бездетных может быть уравновешена не менее чем 30% многодетных среди всех женщин, независимо от их семейного положения и не менее 50–55% от числа состоящих в браке и родивших хотя бы одного ребенка [9, с. 27–28]. Расчеты С.В. Захарова показывают, что ни одно поколение российских женщин, родившихся после 1910 года, численно не воспроизвело себя полностью [5, с. 17]. Длительное существование режима неполного замещения поколений привело к естественной убыли населения, которая продолжается до сих пор. По данным Росстата, за период

с 1992 по 2022 гг. в России число родившихся было на 17 миллионов меньше числа умерших [рассчитано по: 8]. Это сравнимо с потерями населения РСФСР во время Великой Отечественной войны [2, с. 268]. Прирост за счет миграции значительно меньше естественной убыли. По оценке Росстата за первое полугодие 2023 г. миграционный прирост лишь на 46,2% компенсировал естественную убыль населения [11, с. 237].

Когда каждое поколение численно намного меньше предыдущего, среди населения уменьшается доля детей, затем – доля молодежи, потом – доля на-

селения в средних возрастах. А доля пожилых людей увеличивается.

Если в течение нескольких поколений в каждой семье будет по одному ребенку, то у каждого единственного ребенка будут двое родителей, четверо дедов и бабушек, а при очень высокой продолжительности жизни – восемь прадедов и прабабушек. Изменение пропорции между численностью работающих и численностью пенсионеров вынуждает государство повышать пенсионный возраст, несмотря на протесты населения. Такая ситуация существует не только в России, но и во многих других странах, где рождаемость низкая, а средняя продолжительность жизни высокая. По демографическим прогнозам, старение населения будет продолжаться. Поэтому не исключено, что в будущем придется вновь повысить пенсионный возраст.

Снижение числа молодых работников вынуждает государство импортировать рабочую силу, хотя это усиливает социальную напряженность между мигрантами и коренными жителями.

Заменить трудовых мигрантов местными работниками можно если большинство этих работников являются (как и основная масса мигрантов из стран Центральной Азии) выходцами из многодетных семей. В отличие от взрослых сыновей и дочерей из однодетных и двухдетных семей, они не могут жить за счет своих родителей и поэтому уезжают на заработки и занимаются тяжелым физическим трудом. Увеличение числа многодетных семей в России необходимо не только по демографическим, но и по экономическим соображениям.

Можно рассматривать женщин 1952–1956 гг. рождения, которым во время переписи 2021 года было от 65 до 69 лет, как старшее («материнское») поколение, а женщин, родившихся на 25 лет позже, в 1977–1981 гг., которым на момент переписи исполнилось от 40 до 44 лет, как младшее («дочернее»), поколение. Поскольку некоторые женщины никогда не имеют детей, термины «дочернее» и «материнское» имеют условный характер. Поэтому они приводятся в кавычках.

В наше время длина женского поколения, т.е. средний возраст матерей при рождении детей всех очередностей, вместе взятых, составляет 29 лет. Но женщины, появившиеся на свет в середине 1950-х годов, рожали детей главным образом в период с середины 1970-х до середины 1990-х годов, когда средний возраст матери при рождении детей был близок к 25 годам.

Поэтому сравнение средних чисел рожденных детей и доли родивших трех и более детей между этими поколениями дает представление о степени преемственности по показателях рождаемости и многодетности при переходе от поколения к поколению.

Данные переписи 2021 г. показывают, что в целом по России среднее число рожденных за всю жизнь детей у женщин 65–69 лет составило 1,80, а у женщин 40–44 лет, для которых этот показатель очень близок к итоговому, – 1,66, т.е. на 0,14 меньше. Но доли родивших трех и более детей остались практически одинаковыми (16%). Уменьшение среднего показателя было вызвано главным образом ростом доли бездетных и однодетных с 7% и 30% в старшем поколении до 11% и 35% – в младшем (см. табл. 1).

Среди городского населения среднее число рожденных детей составило 1,65 в старшем поколении и 1,54 – в младшем, среди которого доля бездетных и однодетных также увеличилась. Однако доля родивших трех и более детей тоже повысилась, хотя и незначительно – с 11% до 12%.

У сельских женщин 65–69 лет среднее число рожденных за всю жизнь детей составляло 2,15, т.е. соответствовало уровню простого замещения поколений. Но в следующем поколении, т.е. у 40–44 летних, этот показатель составил лишь 1,97, что означает неполное замещение. Доля родивших троих и более детей уменьшилась с 29 до 27%.

Почти во всех российских регионах как среднее число рожденных детей, так и доля родивших за всю жизнь трех и более детей, у женщин младшего («дочернего») поколения (40–44 лет) оказались



меньше, чем у женщин старшего («материнского») поколения (65–69 лет). Межпоколенные различия как по первому, так и по второму из этих показателей невелики, особенно в городах. Это свидетельствует об относительной стабилизации показателей рождаемости в реальных поколениях на уровне неполного численно-го замещения родителей детьми.

Издание закона о материнском (семейном) капитале в 2006 г. и введение ряда новых льгот и пособий для семей с детьми в последующие годы вплоть до настоящего времени привело к временному увеличению суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений с 1,31 в 2006 г. до 1,78 в 2015 г. Некоторые демографы утверждают, что это повышение во многом было вызвано тайминговыми сдвигами в календаре рождений, т.е. уменьшением интервалов между рождением первых и вторых, а также вторых и третьих детей. Это привело к росту числа вторых и третьих рождений. По мнению С.В. Захарова, большинство этих детей родились бы и без вышеупомянутых мер де-

мографической политики, но несколько позже. Эти меры привели к более ранней реализации репродуктивных планов их родителей, но почти не повлияли на сами эти планы, что повлекло за собой временное повышение рождаемости, после которого вновь началось снижение [5, с. 27–29]. Суммарный коэффициент рождаемости уменьшился с 1,78 в 2015 г. до 1,42 в 2022 г. Но это все же больше, чем в 2006 г., т.е. перед вступлением в силу закона о материнском (семейном) капитале, когда величина этого показателя составила лишь 1,31 [8]. Есть основания предполагать, что без активизации демографической политики, которая началась со вступления в силу закона о материнском капитале в 2007 г. и продолжается до сих пор показатели рождаемости как для условных, так и для реальных поколений были бы еще ниже.

Данные переписи населения, проведенной в 2021 г., [3] показывают, что до активизации демографической политики среднее итоговое число детей постепенно уменьшалось от поколения к поколению (табл. 2).

Таблица 2. Среднее итоговое число рожденных детей и распределение по их числу в% к численности указавших это число при переписи 2021 г. женщин данных годов рождения и возрастных групп.

Годы рождения (возраст в 2021 г.)	Среднее итоговое число рожденных детей	Доля (%) родивших то или иное число детей			
		Ни одного	Одного	Двух	Трех и более
1951 г. и ранее (70 лет и старше)	1,84	7%	31%	44%	18%
1952–1956 гг. (65–69 лет)	1,80	7%	30%	47%	16%
1957–1961 гг. (60–64 года)	1,77	7%	31%	47%	15%
1962–1966 гг. (55–59 лет)	1,68	8%	35%	44%	13%
1967–1971 гг. (50–54 года)	1,60	9%	40%	39%	12%
1972–1976 гг. (45–49 лет)*	1,60	10%	39%	38%	13%
1977–1981 гг. (40–44 года)*	1,68	11%	35%	38%	17%
1982–1986 гг. (35–39 лет)*	1,75	12%	30%	38%	20%
1987–1991 гг. (30–34 года)*	1,77	15%	27%	35%	23%

Источник: [рассчитано по: 3, табл. 1; 4, табл. 5; 14, табл. 1.1.2].

Из-за округлений сумма процентов по строке не всегда равна 100%.

*Показатели для женщин моложе 50 лет рассчитаны с учетом прогностической оценки.

Среднее число детей у женщин, родившихся до 1951 г. включительно, которым к моменту переписи 2021 г. исполнилось не менее 70 лет, составля-

ло 1,84. 7% из них не родили ни одного ребенка, 31% – одного, 44% – двух и 18% – трех и более детей. Среди женщин, появившихся на свет несколько позже, среднее число детей постепенно уменьшалось вплоть до 1,60 в поколении 1967–1971 гг. рождения, возраст представительниц которого в 2021 г. составлял от 50 до 54 лет. Доля бездетных увеличилась с 7 до 9%, а однодетных – с 31 до 40%. В то же время доля двухдетных уменьшилась с 44 до 39%, а многодетных, т.е. родивших трех и более детей – с 18 до 12%. В 2006 г., когда был издан закон о материнском капитале, этим женщинам исполнилось от 35 до 39 лет. Поэтому данная мера относительно мало повлияла на рождаемость в этом поколении. Она оказалась несколько более существенной для женщин 1972–1976 гг. рождения, которым тогда было от 30 года до 34 лет, а на момент переписи 2021 г. от 45 до 49 лет. Поэтому в данном поколении рождаемость перестала снижаться, но и не повысилась по сравнению с женщинами на пять лет старше их. Среднее итоговое число рожденных детей и распределение по их числу в этом поколении остались такими же, как у женщин 1966–1971 гг. рождения. Однако с учетом долговременной тенденции к снижению рождаемости в предыдущих поколениях можно было ожидать дальнейшего уменьшения показателей детности. То, что этого не произошло, доказывает, что активизация демографической политики все же дала некоторый позитивный эффект. Для женщин, которые к моменту издания закона о материнском капитале еще не вышли из активных репродуктивных возрастов, этот эффект оказался более значительным.

Женщинам 1977–1981 гг. рождения в 2006 г. было от 25 до 29 лет. У матерей этого возраста часто рождаются вторые дети, что, после вступления в силу этого закона, стало давать право на материнский капитал. В 2021 г. им было уже от 40 до 44 лет. Согласно данным проведенной в том же году переписи, среднее число рожденных ими детей

составило 1,66. С учетом прогностического расчета по данным Росстата за 2022 г. о возрастных коэффициентах рождаемости первых, вторых, третьих и последующих детей в возрастных интервалах 40–44 и 45–49 лет, т.е. до принятой в демографии верхней границы репродуктивного возраста, ожидаемая величина этого показателя к 50 годам должна составить 1,68, т.е. на 0,02 пункта больше, чем у тех же женщин 1977–1981 гг. рождения по данным переписи, но на 0,12 пункта меньше, чем у женщин 1952–1956 гг. рождения, которые по возрасту годятся им в матери. В младшем поколении оказалось больше бездетных, чем в старшем (11% против 7%). Доля однодетных среди женщин 1977–1981 гг. рождения составила 35%. Это было на 5% больше, чем среди женщин 1952–1956 гг. рождения, которые старше их на 25 лет, т.е. на целое поколение (31%), но на 4% меньше, чем среди женщин 1972–1976 гг. рождения, разница в возрасте с которыми составляет лишь пять лет (39%). Доля двухдетных оказалось значительно (на 9%) меньше, чем в старшем поколении (38% против 47%), но точно такой как среди женщин 1972–1976 гг. рождения. Однако доля многодетных, т.е. родивших трех и более детей заметно увеличилась. С учетом прогностического расчета ко времени выхода женщин 1977–1981 гг. рождения из репродуктивного возраста, эта доля должна составить 17%.

По данным переписи 2021 г., среднее число рожденных детей у женщин 35–39 лет, т.е. 1982–1986 гг. рождения составило 1,61. С учетом возрастных коэффициентов рождаемости 2022 года в 35–39 лет (37,6 рождений на 1000 женщин), 40–44 года (9,3) и 45–49 лет (0,7) можно рассчитать, сколько детей им еще предстоит родить, если эти коэффициенты не будут изменяться до выхода женщин из репродуктивного возраста.

В течение пяти лет пребывания в данном возрастном интервале 1000 женщин могли бы родить $37,6 \times 5 = 188$ детей. Но, поскольку средний возраст этих женщин, которым уже исполнилось 35, но еще не исполнилось 40 лет, со-



ставляет 37,5 лет, т.е. половина возрастного интервала уже осталась позади, Поэтому число детей, которых им предстоит родить до достижения 40-летия составляет $188/2 = 94$ на 1000 женщин или 0,09 ребенка на одну женщину. Т.е. к 40 годам у них будет $1,61+0,09 = 1,70$ рожденных детей. Для следующих пятилетних интервалов (40–44 и 45–49 лет) возрастные коэффициенты рождаемости на 1000 женщин (соответственно 9,3 и 0,7) надо умножать на пять, т.е. на полное число лет в этих интервалах. Несложный расчет показывает, что к 50 годам, т.е. в моменту выхода женщин 1982–1986 гг. рождения из репродуктивного возраста, итоговое среднее число детей у них должно составить: $1,70 + 5 \times (9,3+0,7)/1000 = 1,75$.

Такие расчеты были проведены для женщин 1977–1981 гг., 1982–1986 и 1987–1991 гг. рождения. Последним было от 30 до 34 лет во время переписи 2021 г., и среднее число рожденных детей в тот момент составляло 1,37, а с учетом прогностического расчета к 50 годам оно должно было увеличиться до 1,77 [рассчитано по: 3, табл. 1; 4, табл. 5; 14, табл. 1.1.2].

Это несколько больше, чем по расчету С.В. Захарова для женщин 1986–1990 гг. рождения (1,73) [5, с. 10]. Надо иметь в виду, что для женщин 30–34 лет такие прогностические расчеты менее точны, чем для женщин более старших возрастов, а для женщин моложе 30 лет они вообще весьма сомнительны.

Аналогичные прогнозы на основе возрастных коэффициентов рождаемости первых, вторых, третьих, четвертых и последующих детей в расчете на 1000 женщин того или иного возраста за 2022 г. позволили рассчитать не только среднее итоговое число детей, но и распределение (в %) на бездетных, однодетных, двухдетных и многодетных, из которого складывается эта средняя величина.

Прогноз показывает, что если рождаемость детей всех этих очередностей в возрастах старше 30 лет не будет повышаться, то продолжится уже зафиксированная переписью 2021 г. тенден-

ция к росту итоговой доли бездетных. Среди женщин 1987–1991 гг. рождения, которым в 2021 г. было 30–34 года, 22% не родили ни одного ребенка.

Если коэффициенты рождаемости первенцев на 1000 женщин этой и последующих возрастных групп к моменту выхода женщин данного поколения из репродуктивного возраста останутся такими же, как в 2022 г., то итоговая доля бездетных среди них должна составить 15% [рассчитано по: 3, табл. 1; 4, табл. 5; 14, табл. 1.1.2]. Это в два раза больше, чем во всех поколениях женщин, родившихся до 1966 г. (7–8%). К сожалению, эта тенденция, давно существующая в странах Запада, где показательно окончательной бездетности среди женщин, родившихся в начале 1980-х годов в некоторых государствах составляют около 25% [7, с. 66–69], постепенно набирает силу и в России.

Однако, согласно тому же прогностическому расчету, итоговая доля однодетных среди женщин 1987–1991 гг. рождения должна составить 27%. Это значительно меньше показателей однодетности среди поколений, которые уже вышли из репродуктивного возраста. В частности, среди женщин 1962–1966 гг. рождения, которые старше них на 25 лет, т.е. годятся им в матери, 35% родили за всю жизнь только одного ребенка.

Доля же родивших двух детей в младшем из этих двух поколений должна к концу репродуктивного возраста составить 35%, что на 9% меньше, чем в старшем поколении (44%), а доля родивших трех и более детей достигнет 23% [рассчитано по: 3, табл. 1; 4, табл. 5; 14, табл. 1.1.2], что на 10% больше, чем в старшем поколении (табл. 2).

Среднее число рожденных детей уменьшалось от поколения к поколению и достигло минимума (1,6) в поколениях, родившихся в 1967–1971 гг.

Поскольку индустриализация, урбанизация, рост образовательного уровня населения, продление сроков обучения, занятость женщин работой по найму вне дома почти наравне с мужчинами и другие давно известные демографам факторы, способствующие сокращению рождаемости, продолжали действовать

и действуют до сих пор, ее снижение должно было продолжаться.

Активизация демографической политики на какое-то время приостановила этот процесс и даже привела к непродолжительному повышению рождаемости, но не до такой степени, чтобы обеспечить полное замещение поколений и остановить естественную убыль населения – депопуляцию.

Изменения в распространности многодетности при смене поколений в регионах с высокой и низкой рождаемостью

Внутри Российской Федерации существует значительная региональная дифференциация по показателям детности,

включая среднее число рожденных детей и доля многодетных среди женщин разных возрастов (табл. 3).

Значительное уменьшение доли многодетных в «дочернем» поколении по сравнению с «материнским» имеет место главным образом в тех регионах, где уровень рождаемости, и, соответственно, доля многодетных семей, выше, чем по России в целом. Эта ситуация имеет место в национальных республиках, особенно на Северном Кавказе. Исключение из данного правила составляют Карачаево-Черкесская республика, где доля многодетных увеличилась среди городских женщин и Чеченская республика, где такое увеличение произошло не только в городах, но и в сельской местности.

Таблица 3. Среднее итоговое число рожденных детей и доля (в %) родивших за всю жизнь трех и более детей среди женщин в возрасте 65–69 и 40–44 лет, указавших их число при переписи 2021 года, по субъектам РФ

	Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте			Доля родивших трех и более детей в % к числу женщин в возрасте		
	65–69 лет (1952–1956 гг. рожд.)	40–44 лет (1977–1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)	65–69 лет (1952–1956 гг. рожд.)	40–44 лет (1977–1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)
Российская Федерация (Все население)	1,80	1,66	-0,14	16%	16%	0%
1. Республика Ингушетия	3,35	2,73	-0,62	63%	55%	-8%
2. Республика Дагестан	3,03	2,48	-0,55	62%	51%	-11%
3. Республика Тыва	2,82	2,41	-0,41	52%	46%	-6%
4. Чеченская Республика	2,60	2,79	+0,19	49%	58%	+9%
5. Республика Алтай	2,42	2,29	-0,13	39%	38%	-1%
6. Ненецкий автономный округ	2,40	2,02	-0,38	37%	28%	-9%
7. Республика Саха (Якутия)	2,37	2,18	-0,19	39%	35%	-4%
8. Республика Бурятия	2,32	2,03	-0,29	36%	30%	-6%
9. Забайкальский край	2,28	1,89	-0,39	34%	23%	-11%
10. Еврейская автономная область	2,21	1,79	-0,42	30%	19%	-11%
11. Республика Калмыкия	2,19	2,03	-0,16	35%	33%	-2%
12. Карачаево–Черкесская Республика	2,13	2,03	-0,10	33%	35%	+2%
13. Кабардино–Балкарская Республика	2,13	1,94	-0,19	34%	33%	-1%

Продолжение

	Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте			Доля родивших трех и более детей в % к числу женщин в возрасте		
	65-69 лет (1952-1956 гг. рожд.)	40-44 лет (1977-1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)	65-69 лет (1952-1956 гг. рожд.)	40-44 лет (1977-1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)
14. Ямало-Ненецкий автономный округ	2,12	1,9	-0,22	25%	21%	-4%
15. Чукотский автономный округ	2,07	1,88	-0,19	27%	22%	-5%
16. Чувашская Республика	2,06	1,82	-0,24	25%	20%	-5%
17. Иркутская область	2,06	1,78	-0,28	25%	19%	-6%
18. Республика Хакасия	2,06	1,85	-0,21	24%	21%	-3%
19. Архангельская область без Ненецкого автономного округа	2,06	1,72	-0,34	24%	16%	-8%
20. Республика Коми	2,05	1,74	-0,31	25%	17%	-8%
21. Амурская область	2,05	1,69	-0,36	24%	16%	-8%
22. Курганская область	2,02	1,84	-0,18	23%	20%	-3%
23. Омская область	2,00	1,71	-0,29	23%	17%	-6%
24. Удмуртская Республика	2,00	1,81	-0,19	22%	20%	-2%
25. Оренбургская область	1,99	1,77	-0,22	22%	18%	-4%
26. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1,99	1,86	-0,13	22%	21%	-1%
27. Республика Марий Эл	1,99	1,76	-0,23	22%	18%	-4%
28. Тюменская область без автономных округов	1,97	1,81	-0,16	22%	20%	-2%
29. Алтайский край	1,97	1,75	-0,22	20%	17%	-3%
30. Астраханская область	1,95	1,83	-0,12	21%	21%	0%
31. Вологодская область	1,94	1,74	-0,20	19%	17%	-2%
32. Томская область	1,93	1,72	-0,21	20%	17%	-3%
33. Республика Башкортостан	1,93	1,71	-0,22	24%	19%	-5%
34. Республика Северная Осетия – Алания	1,93	1,81	-0,12	29%	28%	-1%
35. Красноярский край	1,92	1,65	-0,27	20%	15%	-5%
36. Кировская область	1,92	1,71	-0,21	18%	15%	-3%
37. Пермский край	1,92	1,72	-0,20	20%	18%	-2%
38. Республика Адыгея	1,91	1,81	-0,10	21%	22%	+1%
39. Республика Карелия	1,9	1,67	-0,23	17%	14%	-3%
40. Костромская область	1,89	1,72	-0,17	16%	15%	-1%
41. Ставропольский край	1,88	1,73	-0,15	19%	18%	-1%
42. Приморский край	1,87	1,61	-0,26	18%	13%	-5%
43. Хабаровский край	1,87	1,63	-0,24	18%	15%	-3%
44. Новосибирская область	1,87	1,65	-0,22	17%	15%	-2%
45. Челябинская область	1,86	1,66	-0,20	17%	15%	-2%

	Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте			Доля родивших трех и более детей в% к числу женщин в возрасте		
	65-69 лет (1952-1956 гг. рожд.)	40-44 лет (1977-1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)	65-69 лет (1952-1956 гг. рожд.)	40-44 лет (1977-1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)
46. Республика Крым	1,83	1,71	-0,12	17%	17%	0%
47. Брянская область	1,83	1,62	-0,21	15%	12%	-3%
48. Камчатский край	1,83	1,64	-0,19	17%	14%	-3%
49. Кемеровская область – Кузбасс	1,82	1,59	-0,23	17%	14%	-3%
50. Свердловская область	1,82	1,62	-0,20	16%	14%	-2%
51. Магаданская область	1,82	1,60	-0,22	17%	13%	-4%
52. Республика Татарстан	1,81	1,65	-0,16	18%	15%	-3%
53. Ульяновская область	1,79	1,61	-0,18	14%	13%	-1%
54. Сахалинская область	1,78	1,53	-0,25	16%	12%	-4%
55. Краснодарский край	1,77	1,68	-0,09	15%	16%	+1%
56. Мурманская область	1,77	1,60	-0,17	13%	13%	0%
57. Волгоградская область	1,76	1,61	-0,15	14%	14%	0%
58. Саратовская область	1,75	1,57	-0,18	13%	12%	-1%
59. Курская область	1,74	1,60	-0,14	12%	12%	0%
60. Новгородская область	1,73	1,63	-0,10	12%	14%	+2%
61. Республика Мордовия	1,73	1,57	-0,16	12%	11%	-1%
62. Смоленская область	1,72	1,49	-0,23	12%	10%	-2%
63. Пензенская область	1,72	1,55	-0,17	12%	11%	-1%
64. Калининградская область	1,71	1,64	-0,07	12%	14%	+2%
65. Ростовская область	1,71	1,56	-0,15	12%	12%	0%
66. Тамбовская область	1,7	1,55	-0,15	12%	11%	-1%
67. Орловская область	1,7	1,57	-0,13	11%	11%	0%
68. Тверская область	1,7	1,58	-0,12	12%	13%	+1%
69. Псковская область	1,69	1,57	-0,12	11%	13%	+2%
70. Ярославская область	1,69	1,6	-0,09	10%	12%	+2%
71. Калужская область	1,69	1,59	-0,10	11%	13%	+2%
72. Рязанская область	1,68	1,61	-0,07	11%	14%	+3%
73. Белгородская область	1,67	1,52	-0,15	11%	11%	0%
74. Липецкая область	1,67	1,57	-0,10	11%	13%	+2%
75. Ивановская область	1,66	1,53	-0,13	10%	10%	0%
76. Ленинградская область	1,66	1,51	-0,15	10%	11%	+1%
77. Самарская область	1,65	1,49	-0,16	11%	11%	0%
78. Владимирская область	1,65	1,54	-0,11	10%	11%	+1%
79. г. Севастополь	1,63	1,56	-0,07	9%	12%	+3%

	Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте			Доля родивших трех и более детей в % к числу женщин в возрасте		
	65–69 лет (1952–1956 гг. рожд.)	40–44 лет (1977–1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)	65–69 лет (1952–1956 гг. рожд.)	40–44 лет (1977–1981 гг. рожд.)	Разница (+/-)
80. Воронежская область	1,63	1,47	-0,16	10%	10%	0%
81. Нижегородская область	1,63	1,54	-0,09	9%	11%	+2%
82. Тульская область	1,56	1,46	-0,10	8%	10%	+2%
83. Московская область	1,52	1,46	-0,06	8%	11%	+3%
84. г. Москва	1,34	1,37	0,03	6%	11%	+5%
85. г. Санкт-Петербург	1,32	1,36	0,04	5%	9%	+4%

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1].

Примечание: Субъекты РФ ранжированы в порядке убывания среднего числа рожденных за всю жизнь детей у женщин в возрасте 65–69 лет.

Относительно существенное (на 4–5%) увеличение доли многодетных в «дочернем» поколении по сравнению с «материнским» произошло только в Москве, Санкт-Петербурге и городах Московской области, где рождаемость всегда была очень низкой.

Но это изменение могло быть вызвано не только повышением социальной приемлемости семейно-многодетного образа жизни среди коренных жителей обеих столиц и Подмоскovie, но и прибытием в эти регионы больших масс мигрантов из республик Северного Кавказа и стран Центральной Азии, где такой

образ жизни до сих пор остается преобладающим.

Рождаемость снижается от поколения к поколению. Это снижение происходит главным образом за счет уменьшения доли многодетных. Коэффициенты корреляции между средним числом детей и долей многодетных как среди 65–69, так и среди 40–44 летних женщин, равны 0,98 для всего населения, 0,97 – для городского и 0,98 для сельского.

Коэффициент между долями родивших трех и более детей среди женщин 65–69 и 40–44 лет составляет 0,95 (табл. 4).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между некоторыми показателями детности (по данным переписи 2021 г.)

Корреляция между...	Все население	Городское население	Сельское население
средними числами рожденных детей у женщин 65–69 и 40–44 лет	0,94	0,94	0,92
долями родивших трех и более детей среди женщин 65–69 и 40–44 лет	0,95	0,95	0,92
средними числами детей и долями родивших трех и более детей у женщин 65–69 лет	0,98	0,97	0,98
средними числами детей и долями родивших трех и более детей у женщин 40–44 лет	0,98	0,97	0,98
разницами в средних числах детей и различиями в долях родивших трех и более детей между женщинами 65–69 и 40–44 лет	0,93	0,90	0,91

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Это свидетельствует о почти функциональной связи между распространённостью многодетности в «материнском» поколении, с одной стороны, и «дочернем», с другой. Но речь идет о связи на макроуровне населения региона, а не на микроуровне отдельных индивидов и их семей. Даже столь тесная корреляция еще не доказывает, что большинство многодетных матерей, принадлежащих к «дочернему» поколению, сами родились в многодетных семьях и продолжают традиции формирования больших семей, которых придерживались их родители.

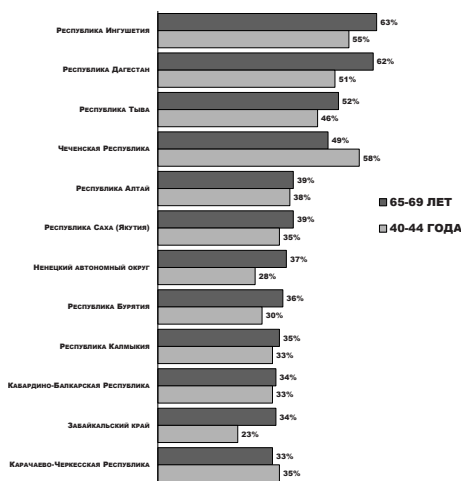


Рис. 1. Регионы РФ с высокой (более 30%) долей многодетных среди женщин 65–69 лет (по данным переписи 2021 г.)

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Примечание: Регионы РФ ранжированы в порядке убывания доли родивших за всю жизнь трех и более детей среди женщин в возрасте 65–69 лет.

Доля многодетных в «материнском» поколении, т.е. среди женщин 65–69 лет, составляет от 5–6% в Москве и Санкт-Петербурге до 62–63% в Дагестане и Ингушетии. Можно разделить 85 субъектов Российской Федерации, в которых в 2021 г. проводилась перепись, на четыре группы. В первую группу входят 12 регионов с высокой (более 30%) долей многодетных женщин среди «материнского» поколения. 10 из этих регионов являются национальными республиками

(рис. 1). В 10 из этих 12 регионов доля многодетных семей в «дочернем» поколении меньше, чем в «материнском». Особенно заметное снижение произошло в Дагестане, Ингушетии, Тыве, Бурятии, Забайкальском крае и Ненецком национальном округе. В республиках Алтай, Саха (Якутия) и Калмыкия, а также в Кабардино-Балкарской Республике, масштабы снижения невелики (от 1 до 4%). В Карачаево-Черкесской Республике доля многодетных даже увеличилась, но незначительно – с 33 до 35%, а в Чеченской Республике – весьма заметно – с 49 до 58%. Несмотря на вышеупомянутые изменения во всех регионах этой группы, кроме Республики Бурятия, Забайкальского края и Ненецкого национального округа доля многодетных превышает 30% не только в «материнском», но и в «дочернем» поколении (рис. 1).

Во вторую группу входят 20 регионов, в которых доля многодетных составляет от 21 до 30%. Это заметно (на 5–14%) выше общероссийского уровня (16%), но недостаточно для полного замещения поколений (рис. 2).

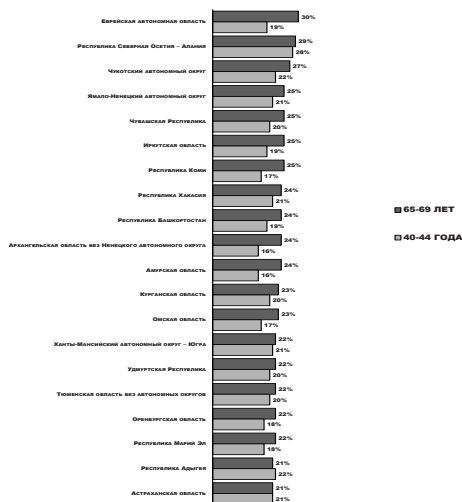


Рис. 2. Регионы РФ, где доля многодетных среди женщин 65–69 лет значительно выше среднего уровня (21–30%)

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Примечание: Регионы РФ ранжированы в порядке убывания доли родивших за всю жизнь трех и более детей среди женщин в возрасте 65–69 лет.



В 18 из этих 20 регионов доля многодетных среди «дочерей» ниже, чем среди «матерей». В 9 регионах снижение было существенным (не менее, чем на 5%), еще в 9 регионах – незначительным (от 1% до 4%). В Астраханской области показатель не изменился, а в Республике Адыгея даже повысился, но только на 1%. Из 20 регионов, входящих в группу с относительно широким распространением многодетности (от 21% до 30%) для материнского поколения, только 7 субъектов РФ входят в ту же группу для «дочернего» поколения (Республики Хакасия, Адыгея и Северная Осетия – Алания, Чукотский, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа – Югра, а также Астраханская область).



Рис. 3. Регионы РФ, где доля многодетных среди женщин 65–69 лет близка к среднему уровню (12–20%) (по данным переписи 2021 г.)

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Примечание: Субъекты РФ ранжированы в порядке убывания доли родивших за всю жизнь трех и более детей среди женщин в возрасте 65–69 лет.

Остальные 13 субъектов РФ по показателю для «дочернего» поколения относятся уже к группе с долями многодетных от 12 до 20%, что не более чем на 4% отличается от показателя по РФ в целом, который равен 16%. В 26 из них доля многодетных среди «дочерей» ниже, чем среди «матерей». Но только в Приморском и Красноярском крае снижение было значительным (на 5%). В остальных 24 регионах имело место снижение не более, чем на 4%. В пяти регионах доля многодетных среди дочерей осталась такой же, как среди «матерей», а еще в четырех регионах многодетных среди «дочернего» поколения оказалось даже несколько больше (на 1–2%), чем среди «материнского».

По показателю для «материнского» поколения в эту группу входят 35 регионов (рис. 3).

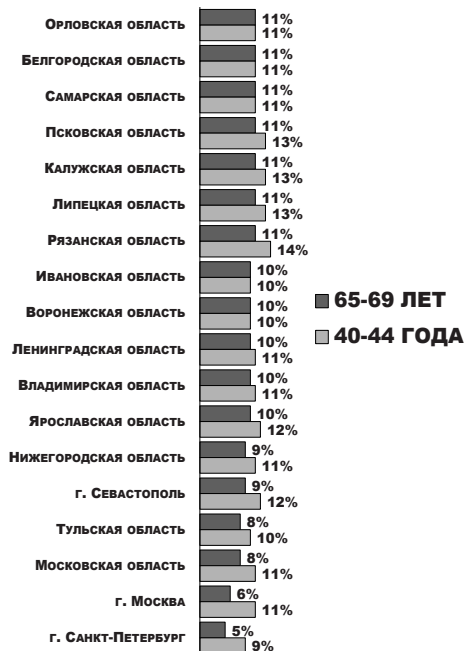


Рис. 4. Регионы РФ, где доля многодетных среди женщин 65–69 лет значительно ниже среднего уровня (менее 12%). (по данным переписи 2021 г.)

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Примечание: Субъекты РФ ранжированы в порядке убывания доли родивших за всю жизнь трех и более детей среди женщин в возрасте 65–69 лет.

В остальных четырех регионах доля многодетных среди «дочерей» ниже 12%. Регионы с такими показателями для «материнского» поколения относятся уже к четвертой группе, которая состоит из 18 субъектов РФ, где доля многодетных среди «материнского» поколения меньше 12%. (рис. 4).

Ни в одном из этих 18 регионов не произошло дальнейшего уменьшения данного показателя в следующем, т.е. «дочернем», поколении. В пяти областях доля многодетных среди «матерей» осталась такой же, как среди «дочерей». В остальных 13 регионах процент многодетных среди «дочерей» оказался выше, чем среди «матерей». По показателю для «дочернего» поколения из этих 18 регионов шесть относятся уже не к четвертой, а к третьей группе, в которой рождаемость несколько выше (табл. 4).

Таблица 4. Группировка регионов РФ по доле многодетных среди женщин 65–69 лет и 40–44 лет. По данным переписи 2021 г.

Доля многодетных среди женщин 65–69 лет	среди женщин 40–44 лет				Всего
	Высокая (более 30%)	Значительно выше средней по РФ (21–30%)	Близкая к средней по РФ (12–20%)	Значительно ниже средней по РФ (менее 12%)	
Высокая (более 30%)	9	3			12
Значительно выше средней по РФ (21–30%)		7	13		20
Близкая к средней по РФ (12–20%)			31	4	35
Значительно ниже средней по РФ (менее 12%)			6	12	18
Итого	9	10	50	16	85

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Больше всего разница между поколениями (в пользу младшего из них) в Москве, где доля многодетных среди «матерей» составляет 6%, а среди «дочерей» – 11% и в Санкт-Петербурге, соответственно 5 и 9%. В обеих столицах произошло почти двухкратное увеличение этого показателя в «дочернем» поколении по сравнению с «материнским».

Но это еще очень далеко до уровня полного замещения поколений и могло быть вызвано не только ростом популярности модели трехдетной семьи среди коренных москвичей и питерцев, но и массовой миграцией в оба мега-

полиса выходцев из регионов с более высокой рождаемостью, особенно из республик Северного Кавказа и государств Закавказья и Центральной Азии.

Для более детального изучения данной проблемы необходимы социологические исследования, посвященные сравнению образа жизни и системы ценностей у родителей с разным числом детей.

В «материнском» поколении доля многодетных превышает 30%, т.е. является достаточно высокой для полного (и даже расширенного) замещения поколений, в 12 регионах, а в «дочернем» – только в 10 регионах.



Число регионов, в которых доля многодетных недостаточна для простого замещения поколений, но все же значительно превышала соответствующий показатель в целом по РФ и составляла от 21 до 30%, уменьшилось с 20 в «материнском» поколении до 9 в «дочернем».

Но и число регионов с самой низкой долей многодетных тоже уменьшилось с 18 по этому показателю для «матерей» до 16 – по тому же показателю для «дочерей».

Самая большая группа состоит из регионов, в которых доля многодетных близка к их доле по стране в целом и составляет от 12 до 20%. К данной группе относятся 35 регионов, в которых в 2021 г. проводилась перепись населения) по показателю для «материнского» поколения и 50 регионов из 85 субъектов РФ – для «дочернего» (рис. 5).

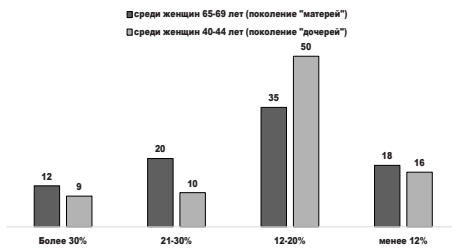


Рис. 5. Группировка регионов по долям многодетных среди женщин 65–69 и 40–44 лет (рассчитано по данным переписи 2021 г.)

Источник: Расчеты автора по: [3, табл. 1]

Это свидетельствует об уменьшении региональных различий в распространенности многодетности.

В подавляющем большинстве субъектов РФ доля многодетных мало (меньше, чем на 5%) отличается от соответствующих показателей для страны в целом. Исключение составляют лишь некоторые национальные республики, где доля многодетных значительно выше общероссийской. Однако только в Чеченской Республике, а также в Республиках Дагестан и Ингушетия многодетные матери составляют большинство среди женщин «дочернего» поколения, возраст которых во время переписи 2021 г. составлял от 40 до 44 лет. Можно не со-

мневаться, что большинство из них сами родились в многодетных семьях.

Однако нет достаточных оснований для такого же вывода о многодетных матерях в других регионах России, где уже давно преобладают малодетные семьи.

По данным переписи невозможно определить, является ли большая часть многодетных матерей (да и отцов), которых в этих регионах сравнительно мало, выходцами из многодетных семей, или они выросли в семьях с одним либо двумя детьми, но по каким-то причинам решили иметь больше детей, чем их родители. В переписном листе есть вопрос о том, сколько детей родила женщина, но нет вопроса о том, сколько детей было у ее родителей. Такая информация может быть получена только по данным социологических исследований.

Межпоколенная преемственность многодетности по отцовской и материнской линии

По данным исследования ценностей семейно-детного образа жизни (СедОЖ-2019), проведенного в 2018–2019 г. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при участии автора этих тезисов и охватившего почти 2,5 тыс. респондентов [13], среди мужчин, состоящих в зарегистрированном браке или неофициальном супружеском союзе, чьим детские годы прошли в малодетных родительских семьях с одним или двумя детьми, лишь 9% сами имеют трех и более детей, а среди тех, чьи родители были многодетными, – 25%, т.е. почти в три раза больше. Различие между выходцами из малодетных и многодетных семей составляет 16%, что весьма существенно. Статистическая значимость этого различия не вызывает никаких сомнений ($t = 6,6$). Среди женщин с таким же брачным статусом, происходящих из малодетных семей, многодетными матерями стали 12%, а из многодетных семей – 18%. Разница статистически достоверна ($t = 2,5$), но сравнительно невелика и составляет лишь 6%, что почти в три раза меньше соответствующего различия среди мужчин (рис. 6).

При проведении этого исследования предполагалось, что доля многодетных среди родителей, которые сами выросли в многодетных семьях окажется больше, чем среди выходцев из малодетных семей. Эта гипотеза подтвердилась. Неожиданным оказалось то, что репродуктивная установка на многодетность значительно чаще наследуется по отцовской линии, чем по материнской. Это противоречит широко распространенному мнению о том, что решение о рождении ребенка намного больше зависит от матери, чем от отца.



Рис. 6. Доля имеющих троих и более детей, в % к числу мужчин (женщин), которые воспитывались в семьях с одним-двумя или тремя и более детьми

Источник: рассчитано по данным исследования Седож-2019.

Однако подавляющее большинство среди многодетных (75% отцов и 82% матерей) сами были воспитаны в малодетных семьях. Формирование установки на многодетность зависит не столько от условий жизни в родительской семье, а от других факторов, которые следует изучать путем социологических исследований.

При этом интерес представляют не только те мужчины и женщины, выросшие в больших многодетных семьях, которые следуют модели репродуктивного поведения своих родителей, но и те взрослые, которые воспринимают свои детские годы, проведенные в больших семьях, как негативный опыт из-за недостаточной заботы со стороны родителей, которым приходилось распределять свое внимание между несколькими детьми и привлекать старших к уходу и присмотру за младшими.

Поэтому многие выходцы из больших семей сами имеют только одного или двух детей, а некоторые из них вообще решают остаться бездетными [6]. Но поскольку в подавляющем большинстве российских регионов многодетность стала сравнительно редким явлением уже в течении двух поколений, особый интерес представляют многодетные родители, которые были единственными детьми или имеют лишь одного брата или сестру.

Изучение этой группы населения поможет понять, какие факторы способствуют возрождению многодетности в малодетной среде. Социологические исследования среди многодетных родителей неоднократно проводились в России [10; 12], но преемственность традиции многодетности от поколения к поколению изучена явно недостаточно. Необходимо восполнить этот пробел.

Литература

1. Андреев Е.М., Чурилова Е.В. (2023). Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. Том 10, № 3. С. 4–20. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967> (дата обращения 08.10.2023)
2. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2020. – 299 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/84347> (дата обращения 20.08.2023).
3. Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 9. Рождаемость. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения 12.10.2023).
4. Естественное движение населения Российской Федерации за 2022 год. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>; Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 9. Рождаемость.

- URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения 23.08.2023).
5. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение, Том 10, № 1. С. 4–43. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259> (дата обращения 08.10.2023).
 6. Исупова О. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427–428. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender03.php> (дата обращения 08.10.2023).
 7. Калабихина И. Е., Кузнецова П.О. Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. 2023. С. 57–81. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362> (дата обращения: 08.10.2023)
 8. Сайт Федеральной службы государственной статистики / Главная страница / Статистика / Официальная статистика / Население / Демография / Естественное движение населения / Суммарный коэффициент рождаемости – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 08.10.2023)
 9. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. URL: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013> (дата обращения 08.10.2023).
 10. Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 116–137. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/6389/6322> (дата обращения 08.10.2023).
 11. Социально-экономическое положение России. Январь – июль 2023. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2023. – 303 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. (дата обращения 08.10.2023).
 12. Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / Отв. ред. А.И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – 380 с.
 13. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / под. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 486 с. (Электронное издание сетевого распространения). URL: http://socio.msu.ru/documents/20200127_otchet.pdf (дата обращения 12.10.2023)
 14. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2023 года. (статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения 08.10.2023).

THE SUCCESSION OF HAVING MANY CHILDREN FROM GENERATION TO GENERATION

Sinelnikov A.B.

Moscow State University M.V. Lomonosov

In modern Russia, parents of three or more children are officially recognized as having many children and are entitled to benefits and allowances. Full reproduction of generations, i.e. a situation in which the number of the generation of children is not less than the number of the generation of parents, is possible only when at least one out of three women gives birth to three or more children in a lifetime. However, according to the latest population census conducted in 2021, only one in six of women who have passed or almost passed the reproductive age gave birth to so many children. Both in the generation of “mothers”, who at the time of the census were from 65 to 69 years old, and in the generation of “daughters”, who at that time were from 40 to 44 years old, there were only 16% of such women. Despite the stabilization of this indicator at such a low level in the country as a whole, in many of the regions where in 2021 the proportion of women who gave birth to three or more children was relatively high, it has noticeably decreased. On the contrary, in those regions where the share of large families was already the lowest among the generation of “mothers”, it increased somewhat. Differences in the propor-



tion of large families between Russian regions are decreasing. Even if all men and women who grew up in large families themselves create large families, the number of these families will be significantly lower than what is necessary for the full reproduction of generations. It is possible to stop depopulation and stabilize the population only when a significant part of married couples will have more children than their parents had. It is necessary to conduct sociological research to identify the factors that contribute to such a change in reproductive behavior from generation to generation.

Keywords: fertility, distribution by number of children, average number of children, generation reproduction, depopulation, reproductive behavior.

References

1. Andreev E.M., Churilova E.V. (2023). Results of the All-Russian Population Census of 2021 in the light of the statistics of the current population registration and censuses of previous years // *Demographic Review*. Vol. 10, No. 3. pp. 4–20. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967> (accessed 08.10.2023)
2. The Great Patriotic War. Jubilee statistical collection. Moscow: Rosstat, 2020. – 299 p. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/84347> (accessed 20.08.2023).
3. Natural movement of the population of the Russian Federation in 2022. (Statistical Bulletin). Moscow: Federal State Statistics Service, 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>; All-Russian Population Census 2020. Volume 9. Fertility. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (accessed 23.08.2023).
4. Zakharov S. (2023). The history of fertility in Russia: from generation to generation. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No 1, pp. 4–43. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259> (accessed 08.10.2023).
5. Isupova O. “Childfree”, or voluntary childlessness // *Demoscope weekly*. 2010. No. 427–428. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender03.php> (accessed 08.10.2023).
6. Kalabikhina I. E., Kuznetsova P.O. Population Heterogeneity in the Number of Children Born: Is There a “Parity Transition”? // *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2023. No. 2. pp. 57–81. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362> (accessed: 08.10.2023).
7. Website of the Federal State Statistics Service / Home page / Statistics / Official Statistics / Population / Demography / Natural Population movement / Total fertility rate – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 08.10.2023)
8. Sinelnikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia // *Population*. 2019. No. 2. pp. 26–39. URL: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013> (accessed 08.10.2023).
9. Smoleva E.O. Large families in the region: exclusion mechanisms and stereotypes // *Sociological Journal*. 2019. Volume 25. No. 2. pp. 116–137. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/6389/6322> (accessed 08.10.2023).
10. Socio-economic situation of Russia. January – July 2023. Moscow: Federal State Statistics Service (Rosstat). 2023. – 303 p. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. (accessed 08.10.2023).
11. Family studies. Volume 2. A million opinions about the family and about yourself: a collection / Ed. A.I. Antonov. – M.: KDU, 2009. – 380 p.
12. The population of the Russian Federation by gender and age as of January 1, 2023. (statistical bulletin). Moscow: Federal State Statistics Service (ROSSTAT). 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (accessed 08.10.2023)
13. Values of family and child lifestyle (SEDOZH-2019): Analytical report on the results of interregional socio-demographic research / edited by A.I. Antonov. – M.: MAX Press, 2020. – 486 p. (Electronic edition of network distribution). URL: http://socio.msu.ru/documents/20200127_otchet.pdf (accessed 12.10.2023)
14. The population of the Russian Federation by sex and age as of January 1, 2023. (statistical bulletin). Moscow: Federal State Statistics Service (Rosstat). 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (accessed 08.10.2023).



Монархический консерватизм В.Д. Каткова

Смолин Михаил Борисович,

кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры
E-mail: fondiv@mail.ru

Выдающиеся политические мыслители – явления еще более редкие, чем выдающиеся писатели или государственные деятели. Одним из наиболее неопознанных нашей наукой крупных русских политических мыслителей был юрист, профессор Императорского Новороссийского университета Василий Данилович Катков (1867–1919 гг.).

Специально-юридическая подготовка В.Д. Каткова, как профессионального ученого-юриста, отложила свой гражданственный отпечаток на все политическое его творчество.

Среди излюбленных политических тем у В.Д. Каткова особое место занимали гражданские проблемы: государства (Верховной власти), религии, нации, национальной измены во время смутного времени, школы, диктатуры.

Ключевые слова: Верховная власть, монархия, государство, христианство, Родина.

Василий Данилович Катков был представителем целой плеяды русских консерваторов начала XX столетия, исследовавших институт верховной самодержавной власти. Наряду произведенными с Л.А. Тихомирова, П.Е. Казанского, Н.А. Захарова, Д.А. Хомякова его сочинения углубили научное представление о содержании монархического принципа власти в России.

В пресыщенном «серебряном веке», привыкшем теплохладно относиться к своему Отечеству, потерявшем горячее чувство присутствия в своей личной жизни Родины, В.Д. Катков был проповедником христианской любви к своим единокровно ближним. В ситуации первой революции 1905–1907 гг., почти переросшей в гражданскую войну, его призыв возродить в себе любовь к Родине был призывом вернуться в начальную школу христианской нравственности.

Революция по факту своего появления в русском обществе, констатировала что христианские идеалы в нем значительно потускнели. Настоящая любовь не рождается из секулярной философии интернационализма или либеральной доктрины всеобщего равенства. Недостаточно просто понимать, что надо хорошо относиться к окружающим тебя людям. Без любви можно только терпеть тех, кто тебе не близок.

«Отечество, – утверждал мыслитель, – это все: ласки матери, любовь отца, заботы учителя, личная безопасность, средства существования, семья, собственность и т.д. Отечество, с другой стороны, – это жизнь для других: для своих детей, близких друзей, сограждан, для чести и славы своей страны, для ее благосостояния, ее будущности. Никогда человек не жил и не мог жить особью, изолированным существом. Отечество всегда входило составной частью в его жизнь, было элементом его бытия, лучшей частью его самого... Отечество – это солидарность среди индивидуального разъединения, узел высшей любви



среди взаимного соревнования, зависти, ненависти и злобы» [1, с. 79].

В.Д. Катков живо чувствовал духовную опасность новой революционной религии, отрицавшей и веру в Бога, и Отечество, и бессмертную душу. Называлось ли это демократией или социализмом, для него это было «просто подлостью». Оно «подло завелось», как он выражался, и соблазняет человека, задавленного «низшими инстинктами», спящего или затуманенного всевозможными освободительными «лжеучениями». В этом состоянии идея отечества «иногда... проявляется в уродливой форме: у человека с узкой и неглубокой душой отечеством является его «партия», его класс или сословие, его кружок. У еврея отечеством являются другие евреи. У анархиста или социалиста – его единомышленники» [1, с. 79].

Настоящий же, полнокровный патриотизм видит в Родине «совокупность всего того, что дала нам история, и что течет в наших жилах, составляет часть нашей души и оживляет нас на жизнь для других, на высокие подвиги... Родина не есть личное измышление, не есть произвольное предпочтение, а есть факт, не зависящий от нашей воли... «Больше себя любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя». Таков идеал любви, выставляемый христианством! Он обнимает собой и родину. «Други своя» – это все и каждый, а среди них и те, кто связан с нами единством государственной власти и исторической жизни. «Други своя» – это, между прочим, наши сограждане, то есть люди, признающие с нами общую власть и свою нравственную обязанность подчиняться ей не за страх, но и за совесть: не предатели, не внутренние враги, хотя бы они держались иной веры и были иной национальности...» [1, с. 80].

Патриотизм В.Д. Каткова имеет широкий взгляд. В его ареал любви входят все «веры» и «национальности», связанные с русскими единством «государства и власти» нашего Отечества.

По В.Д. Каткову любовь к Родине, лично нравственно обязывает каждого, потому что: «Государство – это я;

даже больше – это лучшая часть каждого из нас! Государство – это то, что не принадлежит во мне одному мне как эгоистическому существу, а есть опора и возможность жизни для других. Государство – это то, что должно быть для меня дороже моего личного существования. Государство – это то, во имя чего каждый истинный гражданин должен приносить в жертву все, до жизни включительно: это – лучшая, то есть бессмертная, часть его бытия. Государство (другое название для нашей родины и ее Вождя) есть нравственная потребность человека» [1, с. 80–81].

Для В.Д. Каткова было ясно, что: «Только убив власть, можно убить свободу народа и умалить его права», но одновременно и что «гибель Трона влечет за собой и гибель народной самостоятельности» [2, с. 104].

А потому измена Родине для него – это не только соблюдение целостности государства, этого великого общественного товарищества. Измена «есть отрицание верности своей родине, лояльности, преданности ее заветам и законам... На первом месте стоят, конечно, заветы религиозно-нравственного характера. Ими определяются все остальные проявления общественной жизни. Религия, нравственность и политика связаны неразрывными узами» [3, с. 111].

Он был крайне ригористичен и во имя жесткой логики государственной жизни говорил, что «нельзя бороться с изменой одними словами... Только стальная рука власти с атрибутами силы, непрерываемости и величайшего могущества может направлять такое общество по пути к возможному высшему благу. Такой сильной властью является для России самодержавие ее Императоров. Идеалом русского человека всегда будет Царь, который «все может»...» [3, с. 111, 116].

Будучи одним из ярчайших монархических идеологов В.Д. Катков, был, кроме всего прочего, погружен и в русскую традицию восприятия государственной власти.

В унисон с Н.М. Карамзиным, говорившим, что «я хвалю самодержавие,



а не либеральные идеи, то есть хвалю печи зимою в северном климате» [4, с. 255], В.Д. Катков, утверждая уникальность России, предлагал похожий образ: «Не климат Архангельской губернии сообразуется с одеждой ее обитателей, а обитатели ее одеваются сообразно ее требованиям местного климата... Государственная жизнь России сложилась не так, как на Западе. По условиям государственной жизни Россия – не Европа и не Азия... В государственном отношении Россия – ... нечто, не имеющее себе подобного ни в одной другой стране, а потому и учреждения ее не могут быть копиями с учреждений какой-либо другой страны» [5, с. 11–12].

Вослед Н.Я. Данилевскому он постулировал, что: «Основные черты государственного уклада страны даются не волей какого-либо отдельного лица, хотя бы это был самый могущественный государь, а историей... Государи – сами часть истории народа и подчиняются ее течению» [5, с. 12].

Почитатель славянофилов, он разделял основной их посыл о аполитичности народа русского: «Лучшей формой будет такая, которая менее всего втягивает нас в дела «сего века». Чем меньше вмешательства в дела этого мира..., тем дальше от греха, тем спокойнее совесть, тем больше свободы для духовной жизни. Власть есть тягота и повинность, соблазн и дорога к греху... Царь – великий подвижник, жертвующий собою, по решению судьбы, для блага народа, берущий на себя бремя управления, как солдат берет бремя защиты родины» [5, с. 18].

Но как юрист В.Д. Катков одновременно видел необходимость определенного отстранения, абсолютизма власти самодержавия: «Чтобы быть выразителем воли **различных** групп населения, нужно, в частности, не выражать вполне ни одной из них, т.е. иметь собственную свою волю» [5, с. 14].

Это очень важно для того, чтобы все слои населения считали власть своей, заботящейся обо всех подданных. Однако он выделял в особую сознательную группу тех верноподданных, которые ви-

дят в повиновении власти и соблюдении ее престижа свою «нравственную обязанность». Именно эту часть населения он и считал тем «народом», той опорой власти, которая, собственно, и образует и поддерживает жизнь государства.

Не все люди равны, учил он, одни – искренние друзья нам, другие – столь же ярые враги. Ребенок не может быть приравнен ко взрослому, праведник – к грешнику, труженик – к туеядцу и т.д. Так и граждане в своих заслугах, в своих навыках, в своих силах, в своей лояльности, в своей самоотдаче не равны друг другу.

Такую же разницу нравственного и практического характера В.Д. Катков видел и среди народов России. На иноподобах, с его точки зрения, главным долгом лежал долг лояльности государству. На русских он возлагал более широкие государствообразующие обязанности или, как говорил другой консерватор, «средообразующие» вопросы. Хранение высших интересов страны в тесном смысле этого слова.

Автократическое начало В.Д. Катков считал принципом универсальным, от которого не отказывается ни одно государство, не исключая и республиканские. «Разница только в том, что в то время как одни страны поставлены в более благоприятные условия международной и внутренней жизни, другие живут среди постоянных опасностей... Поэтому в то время как в одних странах автократия есть начало спящее, в других – начало, постоянно бодрствующее» [6, с. 28].

Автократия, а на русской почве самодержавие, принцип, к которому стремятся даже те, кто выступает против него. Даже борясь с ним, все революционеры, все властолюбцы своим тайным желанием хотят достичь своего личного или партийного «самодержавия», то есть полной власти. «На деле, – писал профессор, – все такие люди являются самыми фанатичными искателями самодержавия... и отличаются они от защитников существующей формы самодержавия только тем, что не останавливаются ни пред какими безнравственными средствами,

чтобы добиться и осуществить свое самодержавие» [6, с. 30].

Желая уничтожить самодержавие, революционные силы лишь показывали свое властолюбие, свою оторванность от народа и потерю смысла вековой национальной работы.

Самодержавие было великим нравственным институтом властвования и важнейшей исторической властной причиной, по которой существует Россия.

В.Д. Катков приводит богословскую аналогию: «Как без Великой Первопричины, которую мы называем Богом, не было бы меньших причин и их результатов, не было бы и каждого из нас, так без самодержавия в основе не было бы и русского государства» [6, с. 32].

Самодержавие есть форма, всегда возможная. История многочисленными примерами показывала, что страны, начинавшие свою историю монархиями, а затем переходившие на республики, часто на новом этапе своего развития возвращались к монархии, автократии как важнейшей составляющей эффективного развития государства.

Наследственно монархические государства всегда были лучшей опорой религиозного мировоззрения. И не в последнюю очередь из-за этого цари воспринимали свою власть более историко-метафизически, видя себя ответственными не только перед современностью и будущностью, но и за прошлое.

Народ, которым правит император, с точки зрения В.Д. Каткова, – это «не те... 145 миллионов жителей, которые населяют территории России в данную минуту. Нет! Народ его – это те миллиарды, которые жили в продолжение тысячелетней истории страны и которые будут жить в ней, когда исчезнем не только мы, но и наши правнуки. Такая власть стоит внеминутных настроений толпы. Она ответственна перед Богом и историей. Ей нечего заискивать у теперешнего населения с его временными интересами, временными настроениями и ошибками. Она боится Бога и никого больше на земле. Только такая власть и может быть проводни-

ком истинной воли Божией на земле» [7, с. 52].

Критики монархии, пытающиеся поразить этот принцип «в самое сердце», часто говорят, что в Евангелии нет предпочтения какой-либо форме власти, и что Христос не формулировал идеальной власти. Об этом, например, много говорили либерал Н.А. Бердяев и евразиец профессор Н.Н. Алексеев.

У В.Д. Каткова есть убедительная оповедь таким критикам монархического принципа. «Христос, – писал он, – родился и жил под властью римских цезарей-самодержцев. В известном случае он прямо указал «Воздавайте кесарево Кесарю» и этим не только молчаливо освятил власть самодержцев, но и воспретил все то, что несогласно с нею, то есть не только прямой бунт или восстание, но и те политические происки, конечная цель которых – вырвать если не целиком, то отчасти эту власть у государя. Первые христиане вышли из среды, жившей тем идеалом государственной организации, который дан был в Библии. Древние самодержцы – царь Давид, Соломон и другие мудрые и благочестивые библейские цари – чтились христианами так же, как и евреями. Не было нужды давать людям какой-либо иной идеал государственной организации» [7, с. 53].

Охранительные мысли В.Д. Каткова и других имперских консерваторов не возымели решающего значения на беспечное русское общество, которое по своему прекраснодушию было глухо и вскоре попало под разнообразные репрессии против инакомыслящих.

Труды выдающегося политического мыслителя, Василия Даниловича Каткова (1867–1919 гг.) остались практически неизвестными нескольким поколениям нашей науки и только сегодня возвращаются в научный оборот.

Литература

1. Катков В.Д. Родина и Государь, как часть нас самих и нашей религии // Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 76–83.
2. Катков В.Д. Кто истинный защитник свободы и «народных прав»? // Кат-



- ков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 104–109.
3. Катков В.Д. Измена Родине // Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 110–117.
 4. Карамзин Н.М. Письмо И.И. Дмитриеву от 22 ноября 1817 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 225. – 727 с.
 5. Катков В.Д. О русском Самодержавии // Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 9–22. Впервые работа издана отдельным изданием «О русском Самодержавии» (Харьков, 1906).
 6. Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского Самодержавия // Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 23–42. Впервые работа издана «Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия» (Харьков, 1907).
 7. Катков В.Д. Самодержавие и христианство // Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 49–54.
 8. Катков В.Д. Jurisprudentiae novum organon (Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция). Одесса, 1913. – 509 с.
 9. Катков В.Д. Уроки первой французской революции // Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 169–175.

MONARCHIST IDEOLOGUE: ACADEMIC CONSERVATIVE PROFESSOR VASILY KATKOV

Smolin M.B.

Moscow State Institute of Culture

Outstanding political thinkers are even rarer phenomena than outstanding writers or statesmen. One of the most unidentified major Russian political thinkers by our science was a lawyer, professor of the Imperial Novorossiysk University Vasily Danilovich Katkov (1867–1919).

The special legal training of Professor V.D. Katkov, as a professional legal scientist, postponed his civic contribution to all his political work.

Among the favorite political topics of Professor V.D. Katkov, a special place was occupied by civil problems: the state (Supreme Power), religion, nation, national treason during the time of troubles, schools, dictatorship.

Keywords: Supreme power, monarchy, state, Christianity, Homeland.

References

1. Katkov V.D. Motherland and the Sovereign, as part of ourselves and our religion // Katkov V.D. Christianity and Statehood. Moscow, 2013. pp. 76–83.
2. Katkov V.D. Who is the true defender of freedom and “people’s rights”? // Katkov V.D. Christianity and Statehood. M., 2013. pp. 104–109.
3. Katkov V.D. Treason to the Motherland // Katkov V.D. Christianity and statehood. M., 2013. pp. 110–117.
4. Karamzin N.M. Letter to I.I. Dmitriev dated November 22, 1817 // Letters of N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev. St. Petersburg, 1866. p. 225. – 727 p.
5. Katkov V.D. About the Russian Autocracy // Katkov V.D. Christianity and Statehood. Moscow, 2013. pp. 9–22. Russian Russian Autocracy was published for the first time in a separate edition “On the Russian Autocracy” (Kharkov, 1906).
6. Katkov V.D. Moral and religious sanction of the Russian Autocracy // Katkov V.D. Christianity and Statehood. M., 2013. pp. 23–42. For the first time the work was published “Moral and religious sanction of the Russian autocracy” (Kharkov, 1907).
7. Katkov V.D. Autocracy and Christianity // Katkov V.D. Christianity and Statehood. M., 2013. pp. 49–54.
8. Katkov V.D. Jurisprudence novum organon (Reformed by the general linguistics logic and jurisprudence). Odessa, 1913. – 509 p.
9. Katkov V.D. Lessons of the first French Revolution // Katkov V.D. Christianity and statehood. M., 2013. pp. 169–175.

Влияние качества дорожно-транспортной инфраструктуры на социальное самочувствие жителей региона

Заварзина Юлия Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье проводится анализ развития дорожно-транспортной инфраструктуры в России и мире. Приводятся результаты исследования общественного мнения жителей Иркутской области по развитию дорожно-транспортной инфраструктуры региона, основных проблемах и сферах ее развития.

Ключевые слова: транспорт, дороги, инфраструктура, дорожно-транспортная инфраструктура, социальное самочувствие, жители региона, регион.

В современном мире не представляется возможной жизнь человека без автомобиля и, соответственно, без дорог, то есть транспортной инфраструктуры. Не только человек, но и товары его потребления передвигаются различными видами транспорта: автомобильным, железнодорожным, воздушным, водным. Растет спрос на автомобильный транспорт, так как он является самым мобильным. Именно поэтому, в России ежегодно увеличивается количество автомобильных транспортных средств, из-за чего растет интенсивность движения и дорожные заторы.

Ежедневно на дорогах Российской Федерации гибнут десятки людей, еще больше получают травмы различной степени тяжести. Из-за дорожных заторов страдает психологическое здоровье населения, а экономика теряет 4,5 трлн рублей в год (согласно данным министерства транспорта РФ).

Проблемы транспортной инфраструктуры многочисленны и многогранны. Самые основные – безопасность дорожного движения, комфорт и скорость передвижения. С уверенностью можно сказать, что от состояния транспортной инфраструктуры во многом зависит достижение национальных целей, главной из которых является повышение благосостояния населения страны.

Парадокс, но небывалое количество экономических санкций и торговый бойкот, объявленный России Западом, стали той встряской, которая запустила маховик, ускоренными темпами приближающий нашу страну к укреплению экономики и технологическому суверенитету. В бюджете 2022 года на развитие транспортной отрасли предусмотрено около 1,3 трлн рублей. В 2023–2025 годах на развитие транспортной системы планируется выделить свыше 4 трлн рублей.

Но, к сожалению, меры, предпринимаемые властями, зачастую оказываются



ся дорогостоящими, неэффективными и не повышают безопасность дорожного движения. Поэтому в данной работе мы проводим анализ механизмов повышения результативности управления транспортной инфраструктуры.

Каждый день жители всего мира сталкиваются с проблемой дорожных заторов и, для большинства граждан, эта проблема стала неотъемлемой частью жизни в среднем или крупном городе. Автомобильные пробки несут не только временные потери для граждан, а также из-за них: ухудшается экология (во время движения в пробке повышается расход топлива в 1,5–3 раза), ухудшается здоровье водителей и пассажиров (находясь в пробке, они вынуждены вдыхать выхлопные газы, попадающие в салон автомобиля), а также страдает экономика (ежегодно, из-за автомобильных пробок российская экономика теряет 7–9% ВВП в год) [3].

Далее описаны основные причины дорожных заторов.

- Маятниковая миграция населения. Данный вид миграции включает в себя ежедневные поездки из одной точки в другую. К примеру, поездки на работу из одного района города в другой. При таком виде миграции дороги не справляются с обилием личных автомобилей. Наиболее заметен данный эффект в часы пик [2].
- Дорожные работы. Уменьшают пропускную и провозную способность улицы, либо увеличивают дорожный трафик на близлежащих улицах, по которым осуществляется объезд. Данные улицы, зачастую, не справляются с возросшей транспортной нагрузкой. Аварии. Так же, как и дорожные работы уменьшают пропускную и провозную способность улицы и зачастую несут человеческие жертвы.
- Поведение водителей на дороге. Иногда, автомобильные пробки создают водители, не подозревая этого. Перестроение автомобиля в другой ряд или торможение, замедляет автомобили, двигающиеся позади. Зачастую, это работает как «волна», идущая против движения автомобилей.
- «Бутылочное горлышко». Это явление, возникает, когда, более широкой дороги автомобили перестраиваются на более узкую (например, с двух в одну полосу).
- Расширение дорог зачастую является наименее заметной причиной дорожных заторов. При расширении дороги, количество машин не уменьшается, а пробка переносится в другое место. Так же расширение дорог часто ведет к явлению, которое называют «Бутылочное горлышко». Но самая опасная проблема в следующем. Широкие дороги приводят к увеличению скорости движения автомобилей, а, следовательно, повышается аварийность и смертность. Кроме этого, расширение дорог стимулирует автомобилизацию, что еще больше усугубляет проблему пробок городах. Не стоит забывать о людях, которые по финансовым, возрастным или иным причинам не могут позволить себе личный автомобиль. Вместо расширения дорог, следует комплексно подходить к развитию общественного транспорта. Именно он способен значительно сократить количество автомобилей на дорогах города, что и решит проблему пробок. Комфортный, теплый, ходящий по четкому расписанию общественный транспорт будет мотивировать граждан оставлять свои автомобили в гараже или вовсе не приобретать их. Например, в 1960-ых годах в Соединенных штатах Америки и в 1970-ых годах в странах Европы возникла проблема перегруженности дорог. В то время, когда страны оправились от последствий Второй мировой войны, начался рост промышленности и благосостояния населения. В связи с этим, люди покупали все больше личных автомобилей, а государства строили для них инфраструктуру. Пытаясь справиться с перегруженностью дорог, власти строили все больше развязок, широких многополосных дорог, уничтожали трамвайные и троллейбусные сети. Однако это только усугубляло положение на дорогах (рисунок 1).



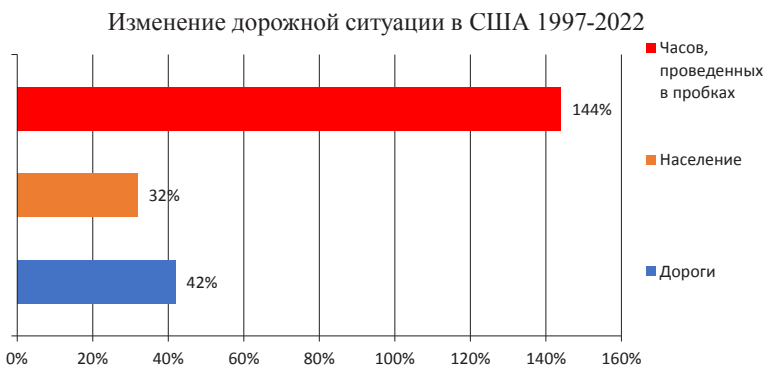


Рис. 1. Изменение дорожной ситуации в США 1997–2022

Данная диаграмма показывает, как изменилась дорожная ситуация в США с 1997 по 2022 года. Как видно из диаграммы 1, рост протяженности дорог оказался выше, чем рост населения на 10%, однако количество часов, проведенных в пробках, увеличилось еще сильнее. Данная проблема, наблюдается во всех странах мира.

Исследуя данную проблему, ученые пришли к выводу, что победить пробки путем увеличения числа полос, строительством многоуровневых развязок – невозможно. Данный подход только усугубляет дорожную ситуацию.

Строительство города домами на одну семью. Яркий пример причины возникновения пробок и ухудшения благосостояния населения – это американский город Детройт. 50 лет назад являлся одним из крупнейших городов по численности населения, однако сейчас в нем проживает около 600.000 человек. Одной из причин гибели города стала «Американская мечта», которая заключалась в том, что у каждого есть свой дом и автомобиль. Город распластался на сотни километров, где без личного транспорта было не обойтись. Каждый день жители города ездили на работу, создавая огромные пробки, а также испытывали недостаток парковочных мест. Общественного транспорта в таком городе не существовало, ведь при такой низкой плотности населения, которая сформировалась в Детройте, он бы «возил воздух», был очень дорогим и, как следствие, нерентабельным.

Можно сделать вывод, что при застройке города домами для одной семьи, количество пробок так же растет из-за маятниковой миграции, однако застраивать город только высокоэтажными домами – так же неправильно по ряду причин:

- 1) Городские сети (водоснабжение, электроснабжение) могут не справиться с нагрузками
- 2) Дорожная сеть, общественный транспорт и социальная инфраструктура не справляются с нагрузкой
- 3) Соседи не знают друг друга и не следят за территорией у дома

Существует возможность геттоизации. Из-за отсутствия социальных учреждений, плохой транспортной доступности, жилье теряет свою стоимость и наполняется маргинальными слоями населения.

Далее рассмотрена вторая главная для автора проблема дорожно-транспортной инфраструктуры – обеспечение безопасности дорожного движения. Это одна из первостепенных задач государства, так как жизнь и здоровье человека являются высшими ценностями государства, а также ежедневно на дорогах нашей страны происходят смертельные ДТП [5].

Смертность в России в результате ДТП постепенно снижается (рисунок 2), как и количество пострадавших.

Стоит отметить, что, их число все еще высоко. Например, в 2022 году в общей сложности в мире в результате авиакатастроф погиб 241 человек. Такое же количество людей в России

в результате ДТП погибло за 6 дней. Однако у населения страх погибнуть в результате авиакатастрофы в разы больше, чем в результате ДТП, что связано

с информационным шумом. В новостях ДТП освещаются в разы чаще, из-за чего человек перестает обращать на них внимание.

Последствия ДТП в России

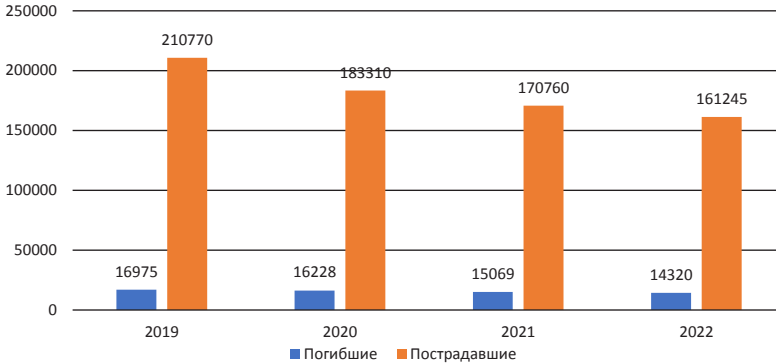


Рис. 2. Последствия ДТП в России

Так же, рассматривая статистику числа погибших в результате ДТП на 100 тыс. человек, можно увидеть, что на дорогах Российской Федерации гибнет в 3–4 раза больше людей, чем в странах Европы. Однако в Соединенных штатах Америки число погибших значительно выше. Данная статистика

показывает, что транспортная инфраструктура Российской Федерации, в области безопасности дорожного движения – не идеальна. И следует изучить организацию дорожного движения в странах Европы для того, чтобы применить нужные меры на дорогах нашей страны [2] (рисунок 3).

Погибшие на 100 тыс. чел.

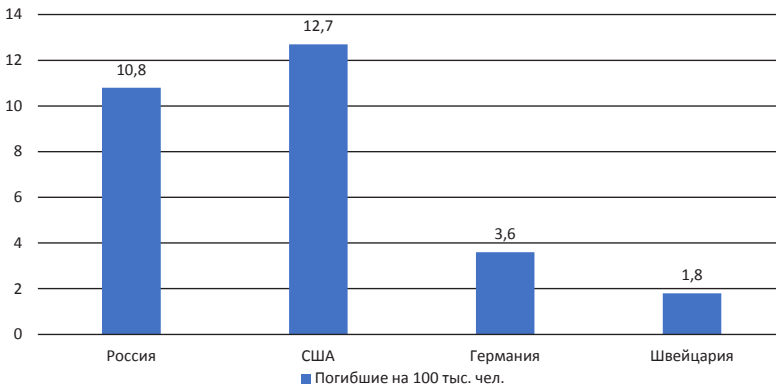


Рис. 3. Погибшие на 100 тыс. человек

Данная статистика показывает, что транспортная инфраструктура Российской Федерации, в области безопасности дорожного движения – не идеальна. И следует изучить организацию дорожного движения в странах Европы для то-

го, чтобы применить нужные меры на дорогах нашей страны [1].

При ДТП с участием пешехода, скорость движения автомобиля является ключевым фактором. Шанс гибели пешехода резко возрастает, когда ско-

рость движения автомобиля превышает 30 км/ч (рисунок 4). Именно поэтому, регулирование скорости движения автомобилей на дорогах общего пользования должно быть первостепенной задачей государства [1]. Также, стоит упомянуть, что при более высокой скорости

движения автомобиля, увеличивается его остановочный путь, который всегда больше тормозного пути. Остановочный путь – это путь, который проедет автомобиль с момента обнаружения водителем опасности, до полной его остановки [4].

Зависимость вероятности гибели пешехода от скорости движения автомобиля

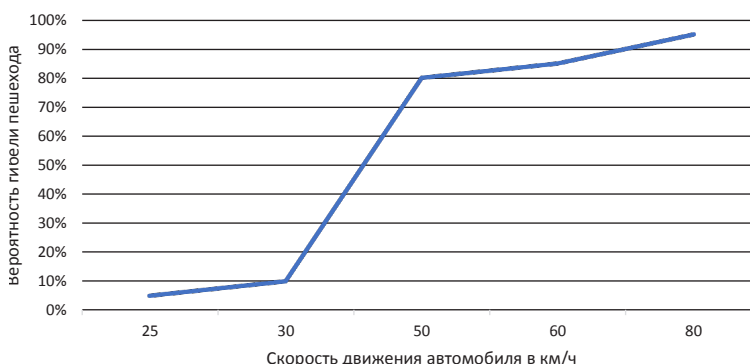


Рис. 4. Зависимость вероятности гибели пешехода от скорости движения автомобиля

На данный момент, в Кодексе административных правонарушений отсутствует наказание за превышение скорости от 1 до 20 км/ч. Данная скорость называется «нештрафуемый порог». Он был создан в связи с погрешностью измерительных приборов автомобиля (спидометров). Однако в большинстве стран Европы, данный порог не превышает 5 км/ч, так как в настоящее время, в автомобилях установлены более точные измерительные приборы. Таким образом, при разрешенной скорости в 60 км/ч (максимальная разрешенная скорость в населенных пунктах РФ), автомобилист может безнаказанно передвигаться со скоростью 79 км/ч [3]. При возникновении ДТП с участием пешехода, вероятность смерти последнего будет составлять 95%.

Подземные и надземные (внеуличные) пешеходные переходы так же влияют на безопасность дорожного движения. Хотя многие уверены, что если разделить пешеходов и автомобилистов, то безопасность дорог увеличится, однако это не так. Люди для экономии времени будут перебежать дорогу, подвер-

гая свою жизнь и здоровье опасности, а водитель, не ожидая увидеть пешехода на проезжей части, не сможет вовремя среагировать. В среднем, 11,24% людей перебегают дорогу, рискуя своей жизнью. Количество человек, нарушающих правила дорожного движения зависело и от времени и дня недели (рисунок 5) [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что дорожные заторы и безопасность дорожного движения напрямую влияют на региональное развитие. Так как в современном мире государства инвестируют в людей, а жизнь и здоровье человека – являются высшей ценностью государства, согласно Конституции Российской Федерации. Не стоит забывать, что при комплексном подходе к развитию транспортной инфраструктуры, уменьшается не только количество дорожных заторов и ДТП, но и улучшается городская среда, что ведет к росту благосостояния населения (люди больше проводят время на улице, покупают в ближайших магазинах товары), а соответственно и развитию региона.



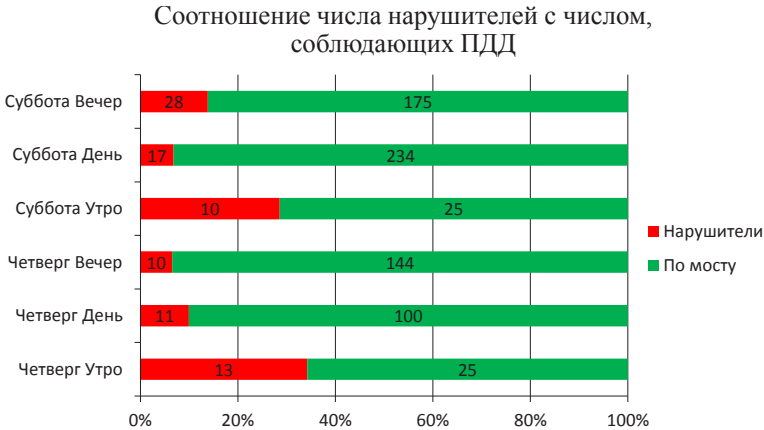


Рис. 5. Соотношение числа нарушителей с числом, соблюдающих ПДД

Современные тенденции развития транспортной инфраструктуры

Долгое время управленцы всего мира вкладывали средства в строительство многоуровневых развязок, многополосных дорог, однако, это только усугубляло дорожную ситуацию. В настоящее время, для того чтобы сделать город комфортным для всех его жителей, управленцы придерживаются системе «иерархия города»:

- 1) Пешеход;
- 2) Велосипедист;
- 3) Общественный транспорт;
- 4) Личный автомобиль;
- 5) Парковки.

Данная иерархия позволяет использовать городское пространство с максимальной эффективностью, так как пешеход занимает в разы меньше пространства, чем личный автомобиль или парковка, а общественный транспорт, перевозящий 50 человек, так же занимает меньше места в городе, чем личные автомобили, перевозящие такое же количество человек [5].

Один автобус, который может перевезти 100 человек одновременно, занимает 24м². Согласно статистике, в 10 автомобилях едут 13 человек, следовательно, для перевозки 100 человек на стандартном автомобиле, с габаритами: 1,7м ширины и 4,4м длины, требуется 592м². В то же время, суще-

ствует расчет площади, которое занимает автомобиль в городе. Согласно нему, нужно учитывать не только габариты автомобиля, а также 2 парковочных места, и место, занимаемое при движении автомобиля по проезжей части с учетом дистанции. В итоге получается 80–100м² (в зависимости от плотности движения и ширины полос) городского пространства на один автомобиль [14].

В городе личный автомобиль приносит больше вреда, именно поэтому города создают инфраструктуру для того, чтобы все граждане пересаживались с личного транспорта, в общественный. Однако закупив новый подвижной состав и надеется на то, что люди начнут передвигаться на нем нельзя, так как общественный транспорт должен быть конкурентоспособен [13].

При выборе способа передвижения человек учитывает следующие факторы:

- 1) Комфорт;
- 2) Скорость;
- 3) Доступность;
- 4) Безопасность.

Современные практики позволяют влиять на транспортные пристрастия населения. Они подразумевают создание инфраструктуры, при которой человек будет отказываться от регулярных поездок на личном транспорте и отдавать приоритет общественному или велосипедному транспорту [12].

Существует 3 способа влияния на транспортные предпочтения населения:

- 1) Политический. Этот метод подразумевает запрет для передвижения на автомобиле, например, с низким классом экологичности.
- 2) Физический. Запрет на проезд по некоторым улицам и создание на них пешеходных зон, уменьшение числа парковок.
- 3) Административный. Ввод платного проезда в центре города и/или на некоторых улицах, запрет на въезд или запрет парковки для автомобилей с четными и нечетными номерными знаками в разные дни [7,8].

Инструменты борьбы с дорожными заторами, применяемые в развитых странах мира.

- Развитие общественного транспорта. Общественный транспорт способен перевезти максимальное количество человек, занимая минимум городского пространства. Его можно разделить на следующие категории: маршрутка, автобус, троллейбус, трамвай, скоростной трамвай или троллейбус, метро и городские электрички.
- Светофоры так же способны бороться с транспортными заторами и используются во многих странах мира. Светофор, установленный в нужном месте и с грамотной настройкой, способен управлять потоками автомобилей, не допуская перегрузки улиц (из-за которой снижается провозная и пропускная способность), а также помогает обеспечивать безопасность дорожного движения. Так, если разрешенная скорость на участке дороги составляет 60км/ч, то автомобиль, движущийся с этой постоянной скоростью, попадает в «зеленую волну», то есть, проезжает все светофоры, не сбавляя скорости. Однако если автомобиль движется со скоростью превышающей скоростной режим, то он будет вынужден остановиться на ближайшем светофоре, так как загорится запрещающий сигнал. Кроме обычных светофоров, существуют «умные» светофоры. Они, при по-

мощи камер и датчиков, определяют интенсивность транспортных потоков и подстраиваются под них. В случае демонтажа светофора, транспортный затор не исчезнет, а передвинется вперед, до следующего перекрестка, а недозируемый поток автомобилей только усугубит ситуацию [13].

- Платные парковки. Одно парковочное место в городе занимает от 15 до 30м² городского пространства. Бесплатные парковки стимулируют людей пользоваться личным автомобилем, занимают городское пространство, которое не приносит доход в бюджет города, а только расходует его. Современные города создают платные парковки для регулирования спроса на пользования личными автомобилями, а прибыль, зачастую, вкладывают в развитие и поддержание общественного транспорта. Однако стоит понимать, что цена за парковку должна быть такой, чтобы как минимум одно парковочное место было свободным [9].
- Платный въезд в центр города. Еще один метод регулирования спроса на пользование личным автомобилем и стимулированием пользования общественным транспортом. Система платного въезда на центральные и/или загруженные части города уже работает в Лондоне, Сингапуре, Стокгольме, Милане. Современные системы взимания платы за проезд работают в цифровом формате. Проезжая через специальную рамку, система распознает передатчик и взимает плату. Плата за проезд отличается от типа транспортного средства, так въезд на мопеде или мотоцикле стоит дешевле, чем на личном автомобиле. Кроме этого, плата за въезд постоянно пересматривается и зависит от времени года, школьных каникул и других факторов. В некоторых городах действует иная система. Плата за проезд взимается с граждан, которые передвигаются на бензиновых или дизельных двигателях, в то время как на гибридных и/или электрических либо не взимается совсем, либо



взимается по более низкому тарифу. Таким образом, города не только борются с пробками, а также с загрязнением окружающей среды, мотивируя своих граждан передвигаться на более экологически чистых автомобилях [10].

Программа «нулевого травматизма», так же известная, как «vision zero» – это международная программа, созданная для повышения безопасности не только дорожного движения, но и других сфер жизни общества, будь это завод, либо какое-либо другое предприятие. Смысл программы в том, чтобы создавать среду, в которой невозможно пострадать (получить увечья или погибнуть), а ответственность за безопасность несут все участники той или иной деятельности.

Все проблемы безопасности на дорогах происходят по двум природным особенностям человека. Во-первых, мы уязвимы. Наше тело не способно противостоять столкновению с автомобилем [3]. Во-вторых, человек ошибается, нечаянно или нарочно. Если бы все соблюдали правила, то ДТП бы не происходило, но все мы люди и система, работающая только, если люди не совершают ошибок – не создана для людей. Концепция «vision zero» учитывает эти человеческие особенности и базируется на 4 основных принципах [11].

1) Контроль и разделение. Существует максимальная безопасная скорость для каждого типа столкновения, например, столкновение между автомобилем и пешеходом. Дороги нужно разделять для различного типа пользователей так, чтоб столкновения вообще не происходили, либо ограничить максимальную скорость для предотвращения аварий, которые могут произойти. На участках без тротуаров, где люди идут по общей улице (дворы жилых домов), либо где видимость ограничена, что иногда ведет к внезапным остановкам водителей, установлена скорость в 10 км/ч. Это может достигаться приподнятыми до уровня тротуаров пешеходными переходами. В тех местах, где пешеходы и велосипедисты могут

пересекать улицу где угодно – устанавливается ограничение в 30 км/ч, так как при увеличении этой скорости при столкновении шансы выжить значительно сокращаются. Для этого используют лежачие полицейские, приподнятые перекрестки, изгибы дороги. На нерегулируемых пешеходных переходах установлена скорость 40 км/ч. Так как при большей скорости водители не охотнее притормаживают. Для этого используют узкие полосы движения, островки безопасности, ограничение шириной дороги до одной полосы в каждую сторону, чтобы автомобили не могли обогнать друг друга. На перекрестках максимальная безопасная скорость – 50 км/ч. При неразделенных автомобильных потоках, скорость должна быть ограничена 60 км/ч. Велосипеды могут безопасно двигаться с автомобилями вплоть до скорости в 30 км/ч, выше этой скорости, велосипедные полосы должны быть отделены от автомобильной проезжей части. Так же, при многополосной автомобильной дороге, при наличии парковочных мест для автомобилей, велодорожка должны быть отделена. Контроль скоростного режима – это не только наличие запрещающих знаков и камер, фиксирующих превышение скорости, а то, как спроектирована дорога, должно ограничивать скорость само по себе.

2) Функциональная гармония. Дорога может выполнять несколько функций, таких как подъезд к домам и магазинам, автобусный маршрут или движение в потоке. Функциональная гармония предполагает избегания несовместимых функций в пределах одного участка дороги. Например, улицу, обеспечивающую подъезд к магазинам люди будут пересекать часто, машины будут парковаться – это несовместимо с движением в скоростном потоке. С учетом функциональности разделяют 4 типа дорог. Первое-улицы местного значения с установленной скоростью в 30 км/ч. Нет разделения на полосы

движения, установка парковочных мест и разделение потоков с противоположным направлением нужны для избегания превышения скорости. Второе – основные улицы с установленной скоростью в 40 км/ч. Одна полоса для каждого направления, наличие велодорожек и частые пешеходные переходы с островками безопасности. Третье – дороги межрайонного значения с установленной скоростью в 50 км/ч с обозначенными пешеходными переходами, отдельными велодорожками и без высокой интенсивности торговли. Четвертое – автомагистраль районного значения. С широкими перекрестками, с отсутствующим или ограниченным пешеходным доступом.

- 3) Предсказуемость и простота. Люди реже ошибаются там, где знают, чего ожидать, и там, где принять решение просто. Например, в Нидерландах красным цветом выделены все велополосы и велодорожки, и каждый автомобилист знает об этом. Пешеходные же переходы практически всегда оборудованы островками безопасности, ведь пешеходу гораздо проще проверять одно направление дороги за раз. Для поворота налево создаются специальные полосы со стрелками, которые значительно упрощают автомобилистам этот маневр.
- 4) Стремление к ограничениям. Первое означает, что, если участник дорожного движения допустил ошибку – это не приведет к серьезным травмам, а тем более к смерти. Стремление к ограничениям, же означает удержание людей от нарушений, которые они захотят совершить. Например, физическое разделение велодорожек предупреждает парковку на них автомобилистов так же, как и ограничение в одну полосу каждого направления делает невозможным превышение скорости, когда перед тобой есть автомобиль.

В 1997 году в парламенте Швеции впервые в мире данную программу. «Vision Zero» получила много негативных отзывов, считалось, что затраты на ре-

ализацию будут очень высокими, а результат не будет оправдывать ожидания. Однако за 20 лет реализации данной программы смертность на дорогах Швеции снизилась более, чем в 2 раза, что и доказало ее эффективность [15–18].

Такие страны, как Швеция и Нидерланды верят, что свобода передвижения неотъемлемое человеческое право. Никто не должен подвергать свою жизнь опасности по пути на работу, во время похода по магазинам или прогулки с друзьями. Концепция – это система мер по обеспечению безопасности во многих странах мира. Основанная на принципе систематической безопасности. Это означает не ждать, когда случится ДТП, а систематически предупреждать условия, при которых возрастает риск аварий и травм.

Также, в европейских странах, применяются следующие решения:

- 1) Для того, чтобы обезопасить пешеходные переходы, создаются островки безопасности, что позволяет пешеходам контролировать только одну сторону движения и при возникновении аварийной ситуации остановиться на середине дороги. Кроме этого, используют сужение полос (с двух и более до одной), а также используют искривление дороги. Водители вынуждены снижать скорость перед пешеходным переходом, иначе могут повредить свой автомобиль при проезде его на высокой скорости. Так же часто используется дорожное полотно, по которому некомфортно ехать на большой скорости.

- 2) Для обеспечения безопасности на перекрестках создают кольцевое движение либо их сужают. При кольцевом движении вероятность столкновения минимальна, все водители максимально сосредоточены на дороге, что так же значительно понижает аварийность. В тех местах, где создание кольцевого движения невозможна, делают сужение дороги. Следовательно, из-за этого поворот становится более крутой, и его комфортнее проезжать на малой скорости. Кроме этого, создаются отдельные полосы для поворота налево при правостороннем движении и для поворота направо



при левостороннем, так как данный тип поворота считается самым аварийно-опасным на перекрестке.

3) На трассах используется система «2+1». Ее смысл в поочередном изменении количества полос в каждом направлении движения с использованием на нем физического разделителя. Данная мера позволяет сдерживать скорость движения, а также исключает обгоны по встречной полосе.

4) На некоторых дорогах так же специально не устанавливают дорожные знаки и не наносят разметку, тем самым создавая некомфортные условия для водителей. Благодаря этому, автомобилисты внимательнее и осторожнее проезжают эти участки дороги.

Стоит отметить, что все вышеперечисленные меры отлично доказали свою эффективность в разных странах мира. Однако управленцам следует понимать, что все эти меры будут хорошо работать только при комплексном подходе.

Оценка населения Иркутской области влияния дорожно-транспортной инфраструктуры на социальное самочувствие

Для изучения воздействия дорожно-транспортной инфраструктуры на социальное самочувствие, мы провели опрос жителей Иркутской области (n=865), 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, занимающих разный социально-профессиональный статус. Из опрошенных 52% являются автомобилистами и 48% ездят на общественном транспорте и все в повседневной деятельности вовлечены в работу дорожно-транспортной инфраструктуры региона.

В результате проведенного исследования, установлено, что 96% жителей области не довольны качеством дорожно-транспортной инфраструктуры региона. Причем 63% винят в плохом состоянии этой инфраструктуры местные власти (из-за воровства бюджетных денег, выделяемых на поддержание дорожно-транспортной инфраструктуры региона), 25% автомобилистов и 12% затрудни-

лись назвать виновников данной ситуации.

Также респонденты предложили следующие механизмы повышения качества дорожно-транспортной инфраструктуры области.

- 1) Принятие программы типа «Vision zero» (18%). В большинстве европейских городов, работает программа «Vision zero» – это международная программа, созданная для повышения безопасности не только дорожного движения, но и других сфер жизни общества, будь это завод, либо какое-либо другое предприятие. Смысл программы в том, чтобы создавать среду, в которой невозможно пострадать (получить увечья или погибнуть), а ответственность за безопасность несут все участники той или иной деятельности. Стоит отметить, что данная программа подразумевает ограничения для автомобилистов (уменьшение количества полос, искусственное замедление трафика и т.д.), однако при комплексном подходе к решению дорожной проблемы, города Европы практически победили проблему дорожных заторов.
- 2) Развитие общественного транспорта (28%). В современном мире, управленцы ставят цель не «избавить город от пробок», а «заставить людей пересесть на общественный транспорт», так как именно он является самым эффективным видом транспорта для города. Общественный транспорт – необходимая часть нормального функционирования города. Инфраструктура общественного транспорта работает по формуле «предложение рождает спрос». Кроме того, хороший общественный транспорт, которым пользуется большинство горожан, не сможет окупиться за счет продажи билетов и требует дополнительного субсидирования. Так, состав источников финансирования операционных расходов в городах Европы, в большинстве случаев состоит из субсидий местных и региональных бюджетов (рисунок 6).



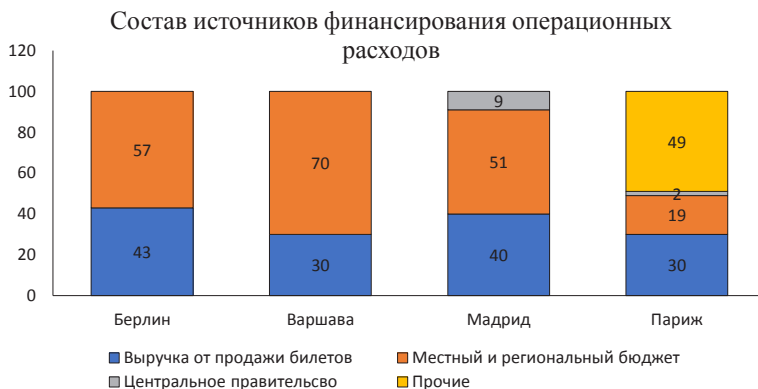


Рис. 6. Состав источников финансирования операционных расходов

При хорошей системе общественно-го транспорта растет экономика и общественное благо, а при отказе от финансирования данной системы, города получают ухудшения качества жизни, спад экономики и отток горожан. Мировая практика доказала, что проще поддерживать рабочую систему общественного транспорта, чем недополучать еще больше средств и/или терять их.

- 3) Создание ночных маршрутов движения общественного транспорта (13%). Во многих городах создаются ночные маршруты движения общественного транспорта, так как ритм жизни современного человека отличается от ритма жизни человека прошлого века. Отсутствие подобных маршрутов замедляет экономический рост города, так как многие заведения работают ночью. Если же в городе нет возможности быстро и дешево добраться из пункта А в пункт Б, то это ведет к «вымиранию» улиц в ночное время суток, что приводит к повышению преступности, из-за отсутствия социального контроля. Данная сеть маршрутов организована в Москве и Санкт-Петербурге, где автобусы в ночное время суток ходят каждые 15–30 минут.
- 4) Развитие велоинфраструктуры (14%). Велосипед является самым экологически чистым транспортом. Кроме того, люди, которые систематически передвигаются на велосипеде, меньше болеют, из-за чего снижаются расхо-

ды на здравоохранение. Велосипедные пробки – очень редкое явление. Вкладывая средства в развитие велоинфраструктуры, город не только стимулирует людей передвигаться на велосипеде, за счет чего уменьшается количество автомобилей и пробок, а также становится удобным для горожан и привлекательным для туристов. Стоит отметить, что велосипед можно использовать и зимой. При тщательной уборке велодорожек от снега и наледи, отрицательные температуры не являются помехой. Это доказывает опыт стран Скандинавии, а также и Российский опыт. Так, в Республике Татарстан в городе Альметьевск было принято решение системно развивать велоинфраструктуру. На сегодняшний день уже построено более 115 км велодорожек, которыми ежедневно пользуются жители Альметьевска. Кроме велодорожек, так же были установлены велопарковки, светофоры и пешеходные переходы для велосипедистов, стойки ожидания светофора, которые позволяют не спешиваться и быстрее начинать движение. Стоит отметить, что при создании качественных велодорожек возникла другая проблема. Пешеходы стали передвигаться по велодорожкам, а не по тротуарам, так как последние были в ненормативном состоянии, на них скапливалась дождевая вода, образовывались лужи, было большое количество ям



и выбоин. Тогда, город принял решение вместе со строительством велодорожек ремонтировать и тротуары. Благодаря этому решению пешеходы перестали ходить по велодорожкам.

5) Взаимодействие с общественными организациями (15%). Стоит упомянуть об общественных организациях, которые влияют на транспортную инфраструктуру и помогают городу проектировать строительство объектов дорожной инфраструктуры, с учетом современных тенденций безопасности. Наиболее крупной и влиятельной является некоммерческий фонд «Городские проекты». Благодаря их деятельности, город становится удобней и безопасней. К примеру, в январе 2021 года, на улице Седова произошло смертельное ДТП с участием пешехода. Активисты провели встречу с администрацией городов, доказав необходимость строительства наземного пешеходного перехода со светофором, который, в скором времени был установлен. Другая общественная организация настояла на создании наплывов тротуара на проезжую часть в местах пешеходных переходов на улице Фурье, что повысило безопасность. После создания данных наплывов, пешеходы и автомобилисты стали видеть друг друга, так как раньше им мешали припаркованные с двух сторон дороги автомобили. На одном таком пешеходном переходе город потерял 2–4 парковочных мест, однако значительно повысил безопасность. Такое же решение было запроецировано на улице Профсоюзной. Однако мэр города Руслан Болотов, приехав на место строительства, приказал демонтировать сужение проезжей части на пешеходном переходе, аргументировав свое решение тем, что это понизит пропускную способность улицы. Однако практика доказала, что строительство наплывов не повлияло бы на пропускную способность улицы, так как по обеим сторонам проезжей части паркуются автомобили. Своим решением мэр города сделал дан-

ный участок дороги более опасным, так как теперь пешеходы вынуждены выглядывать из-за припаркованных автомобилей.

6) Для планирования развития транспортной инфраструктуры стоит разработать прогноз спроса передвижений на личном, общественном и немоторизированном транспорте среди населения города, что было сделано при составлении программы комплексного развития транспортной инфраструктуры, однако стоит ежегодно обновлять эти данные (12%).

Помимо развития общественного транспорта и дорожной сети планируется развитие воздушного транспорта. Схемой территориального планирования Российской Федерации предусматривается строительство нового аэропорта, взлетно-посадочной полосы, а также техническая модернизация средств слежения и управления полетами. Главной предпосылкой этому является негативное влияние нынешнего аэропорта на жизнь и здоровье населения. Кроме того, после постановления Росавиации, часть города стала относиться к седьмой санитарной подзоне аэропорта, из-за чего стал невозможен ввод в эксплуатацию жилья и объектов социальной инфраструктуры. Однако в январе 2022 года Росавиация разрешила строительство подобных объектов, но это решение является вынужденным и не решает саму проблему седьмой санитарной подзоны. Вынос аэропорта за территорию города так же предусмотрен генеральным планом, который рассчитан на период до 2030 года.

При реконструкции центральных улиц в Москве, были применены физические меры воздействия, а именно: сужение проезжей части, расширение тротуаров и высадка деревьев. По данным КБ «Стрелка» на этих улицах вырос поток пешеходов на 23% в выходные дни и на 14% в целом. Кроме того, был замечен спад пустующих помещений и рост арендной платы за них. Замеры Центра организации дорожного движения показали следующий результат: рост числа пешеходов в 2–7 раз, рост числа

пассажиров общественного транспорта на 10–15%. Однако все эти меры работают только при комплексном подходе к решению проблемы.

В заключении, стоит отметить, что общественное мнение в Иркутской области достаточно разнообразно вылит перспективы развития дорожно-транспортной инфраструктуры. При этом велосипедизация, принятие программы «Vision zero», развитие общественного транспорта поможет решить проблемы транспортной инфраструктуры. В России и за рубежом существует достаточно примеров организации управления данного вида инфраструктуры. При комплексном подходе, к решению проблем, город не только избавится от дорожных заторов, но возрастет и безопасность дорожного движения, а следовательно, и привлекательность города для населения и туристов. Так же, при уменьшении количества используемых транспортных средств, закупке общественного электротранспорта, улучшится и экологическая составляющая.

Литература

1. «Статистика пробок» [электронный ресурс]. Блог Яндексa: сайт – URL: // <https://yandex.ru/blog/company/30317> (дата обращения 03.06.2023);
2. «РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ» [электронный ресурс]. ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «АДМИНИСТРАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ АЭРОПОРТОВ (АЭРОДРОМОВ): сайт – URL: <https://www.agaa.ru/news/industry/3177.html> (дата обращения 29.05.2023);
3. «Экономика теряет до 9% ВВП в пробках» [электронный ресурс]. Autonews: сайт – URL: // <https://www.autonews.ru/news/5825a94e9a7947474312e632> (дата обращения 29.04.2023);
4. Горев А.Э. Организация и безопасность дорожного движения [электронный ресурс]. Файловое хранилище: сайт – URL: // http://dump.vstu.ru/files/storage/Kafiedry/AT/OChNAYa__forma__obucheniya_/Bakalavriat_23.03.01_Tehnologiya_transport-

nyh_processov/Organizaciya_dvizheniya/Pugachyov_I.N._Organizaciya_i_bezopasnost_dorozhnogo_dvizheniya.pdf

5. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч.. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, 2021. С. 76–79.
6. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
7. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 125–128.
8. Демахина Е.С., Поготовкина Н.С., Никитин Е.А., Пархоменко В.А. Социально-экономические последствия аварийности на автомобильных дорогах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Журнал Академия транспорта: сайт. – URL: // https://www.qi-journal.ru/articles/ru/2018/3/3_2018_sait_61-64.pdf (дата обращения: 23.07.2023).
9. Заварзина Ю.В. Роль дорожно-транспортной инфраструктуры в развитии региона: социальное моделирование и прогнозирование // Социология. 2023. № 4. С. 14–40.
10. Заварзина Ю.В. Виртуальный имидж Иркутской области // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 69–75.
11. Заварзина Ю.В. Особенности территориального развития Иркутской области // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдель-



- штейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, 2021. С. 103–110.
12. Заварзина Ю.В. Социальное моделирование экономических процессов в целях развития социальной привлекательности территории // Социология. 2020. № 2. С. 241–252.
 13. Медведев А.В., Медведев Р.А. Безопасность в общественном транспорте как фактор привлекательности общественного мнения // Социология. 2022. № 6. С. 89–97.
 14. Медведев А.В., Медведев Р.А. Ограничение использования личного автотранспорта в пользу общественного: мнение россиян // Социология. 2022. № 4. С. 107–115.
 15. Полюшкевич О.А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
 16. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 7.
 17. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 227–232.
 18. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.

THE INFLUENCE OF THE QUALITY OF ROAD TRANSPORT INFRASTRUCTURE ON THE SOCIAL WELL-BEING OF RESIDENTS OF THE REGION

Zavarzina Yu.V.
Irkutsk State University

The article analyzes the development of road transport infrastructure in Russia and the world. The results of a study of public opinion of residents of the Irkutsk region on the development of the road and transport infrastructure of the region, the main problems and areas of its development are presented.

Keywords: transport, roads, infrastructure, road transport infrastructure, social well-being, residents of the region, region.

References

1. "Traffic Traffic Statistics" [electronic resource]. Yandex Blog: website – URL: // <https://yandex.ru/blog/company/30317> (access date 06/03/2023);
2. "DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN RUSSIA" [electronic resource]. FEDERAL STATE UNITARY ENTERPRISE "ADMINISTRATION OF CIVIL AIRPORTS (AIRDROMES): website – URL: <https://www.agaa.ru/news/industry/3177.html> (access date 05.29.2023);
3. "The economy loses up to 9% of GDP in traffic jams" [electronic resource]. Autonews: website – URL: // <https://www.autonews.ru/news/5825a94e9a7947474312e632> (access date 04/29/2023);
4. Gorev A.E. Organization and safety of road traffic [electronic resource]. File storage: website – URL: // http://dump.vstu.ru/files/storage/Kafiedry/AT/OChNAYa__forma__obucheniya_/Bakalavriat_23.03.01_Tehnologiya_transportnyh_processov/Organizaciya_dvizheniya/Pugachyov_I.N._Organizaciya_i_bezopasnost_dorozhnogo_dvizheniya.pdf
5. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, 2021. pp. 76–79.
6. Ardashev R.G. Features of the development of consciousness of citizens in a pandemic society // Sociology. 2022. No. 1. P. 79–86.
7. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 125–128.



8. Demakhina E.S., Pogotovkina N.S., Nikitin E.A., Parkhomenko V.A. Socio-economic consequences of accidents on roads in the Russian Federation [Electronic resource]: Journal of the Academy of Transport: website. – URL: // https://www.qj-journal.ru/articles/ru/2018/3/3_2018_sait_61-64.pdf (date of access: 07.23.2023).
9. Zavarzina Yu.V. The role of road transport infrastructure in the development of the region: social modeling and forecasting // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 14–40.
10. Zavarzina Yu.V. Virtual image of the Irkutsk region // *Social reality of virtual space. Materials of the IV International Scientific Conference*. Irkutsk, 2022. pp. 69–75.
11. Zavarzina Yu.V. Features of territorial development of the Irkutsk region // *Prospects for studying social reality. Collection of scientific articles. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, O.A. Edelshtein, G.V. Logunova*. Irkutsk, 2021. pp. 103–110.
12. Zavarzina Yu.V. Social modeling of economic processes in order to develop the social attractiveness of the territory // *Sociology*. 2020. No. 2. P. 241–252.
13. Medvedev A.V., Medvedev R.A. Safety in public transport as a factor in the attractiveness of public opinion // *Sociology*. 2022. No. 6. pp. 89–97.
14. Medvedev A.V., Medvedev R.A. Restricting the use of personal vehicles in favor of public transport: the opinion of Russians // *Sociology*. 2022. No. 4. pp. 107–115.
15. Polyushkevich O.A. Psychogeographical dimension of the public space of the city // *City management: theory and practice*. 2022. No. 2 (44). pp. 31–35.
16. Polyushkevich O.A. Truth is modeled // *In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 7.
17. Polyushkevich O.A. Social modeling: post-virtuality of urban space // *Social reality of virtual space. Materials of the IV International Scientific Conference*. Irkutsk, 2022. pp. 227–232.
18. Polyushkevich O.A. Social modeling with information and analytical data: is the truth in the flow or the result? // *In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. pp. 343–345.



Образовательный видеоблогинг глазами школьников и педагогов: анализ эмпирических данных с использованием ПО MAXQDA

Филипова Александра Геннадьевна,

доктор социологических наук, профессор,
лаборатория комплексных исследований детства,
Владивостокский государственный университет
E-mail: alexandra.filipova77@gmail.com

Бухтиярова Ирина Николаевна,

кандидат педагогических наук, кафедра истории
и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: irina_bukhtiyarova@mail.ru

В статье сравниваются взгляды педагогов и школьников на образовательный видеоблогинг. В основе сравнение – три подхода к блогингу как образовательной технологии, способу продвижения имиджа педагога и средству коммуникации. Эмпирическими материалами для анализа стали материалы экспертных интервью с учителями и фокус-групп со школьниками. Собранные данные были закодированы с использованием программного обеспечения MAXQDA и далее исследованы с использованием инструментов визуального анализа.

Ключевые слова: образовательный видеоблогинг, школа, учителя, учащиеся, обучение, коммуникация, самопрезентация, MAXQDA.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23–28–01276, <https://rscf.ru/project/23–28–01276/> “Педагогический видеоблогинг: образовательный потенциал, коммуникации со школьниками и новый образ учителя”

Заявленный вклад авторов: Филипова А.Г. – научное руководство; развитие методологии; сбор и анализ данных; визуализация; окончательная доработка текста статьи; Бухтиярова И.Н. – представление данных в тексте; доработка текста, оформление текста статьи и списка литературы.

Введение

Зарубежные исследования демонстрируют подход к изучению блогосферы как среды для формирования/поддержания профессиональной идентичности учителей, а также среды для профессионального развития, обмена опытом и методическими разработками. Блог – это одна из интерактивных онлайн-платформ, обычно используемых учителями для взаимодействия со своими коллегами.

(Видео)блоги являются одним из инструментов онлайн обучающей среды, наряду с (видео)подкастами, вики-страницами (wikis) и RSS. Онлайн обучение, использование онлайн ресурсов предполагает формирование нового вида грамотности – цифровой грамотности (digital literacy) (Gilster 1997; Pool 1997). В данной области фиксируются межпоколенные разрывы, которые некоторые авторы описывают в терминах цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов.

P. Duffy, A. Bruns в совместной публикации подчеркивают возможности для диалога в онлайн-технологиях образовательной среды, рассуждают о совместной и соконструирующей деятельности опосредованной этими технологиями (Duffy, Bruns 2006).

Блоги отличаются от традиционных вебсайтов и дают дополнительные возможности для обучения. Многие исследователи подчеркивают ориентированность мощных вебинструментов на критическое мышление, качественную информацию, социальные интеракции (Richardson 2006). Наряду с критическим мышлением структура блога помогает студентам справляться с творческими рисками, демонстрировать сложное (проблемное) использование языка и элементов дизайна.

Обращение к российской научной базе показало, что в отечественных



научных публикациях блог представлен как образовательный инструмент учителя-предметника. Публикации преимущественно являют собой тезисы региональных и всероссийских конференций, что свидетельствует, с одной стороны, об актуальности темы учительского блогинга, а, с другой, – о ее недостаточной разработанности, поскольку за выступлением на научной конференции, как правило, на стоит какое-либо серьезное научное исследование. Ведение учителем блога актуализировано необходимостью развития информационно-коммуникативной компетентности в условиях реализации ФГОС в школе. Блог позволяет также реализовать индивидуально-личностный подход к учащимся благодаря установлению паракommunikаций с пользователями. Многие статьи и тезисы докладов подготовлены самими учителями-предметниками, которые делятся с другими учителями своим опытом ведения блогов (Дементьева 2018, Усманов 2023). Как, например, Л.С. Науменко, учитель английского языка муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Лицей № 97», г. Челябинска, в статье «Блог учителя в профессионально-педагогической деятельности» описывает технологию создания блога учителя на сервисе Blogger, а также выделяет принципы ведения успешной профессионально-педагогической деятельности его средствами (Науменко 2014). Практически отсутствуют публикации анализирующие критерии успешности/неуспешности ведения блогов учителями, определяющие специфику образовательного блогинга в средней школе, выделяющие коммуникативные практики и пр.

Мы переносим акцент с блогосферы как инструмента для развития профессионального сообщества учителей и обучения школьников на взаимодействия учитель-ученик, предполагая, что блогинг, и видеоблогинг в частности, могут стать хорошей площадкой для выравнивания позиций в диаде «учитель-ученик», установления партнерских отношений, повышения мотивации школь-

ников к обучению, развитию их познавательной активности.

В данной статье сосредоточимся на сравнении взглядов двух групп участников исследования – подростков и взрослых на образовательные блоги. Для проведения сравнительного анализа будут использованы инструменты программного обеспечения MAXQDA, версия 2020.

Методы и материалы исследования

Эмпирическими материалами исследования стали транскрипты фокус-групп и экспертных интервью. Нами были проведены 9 фокус-групп среди обучающихся 9–11 классов гг. Новосибирска и Владивостока, 10 экспертных интервью с учителями, ведущими образовательные блоги (Новосибирск, Москва, Владивосток, Челябинск).

Транскрипты фокус-групп и экспертных интервью были закодированы в MAXQDA. Были применены следующие основные коды: «перспективы образовательного блогинга», «трудности о-блогинга», «карантин», «конкретные о-блогинги», «взрослый – подросток», «мотивация о-блогера», «о-блогер», «учитель-блогер», «блогер», «учащийся – пользователь», «школа», «платформа». Всего система кодов включает 91 код с субкодами.

Для последующего анализа были отобраны наиболее встречающиеся субкоды. Их частотное распределение среди всех анализируемых документов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Частотное распределение кодов.

Код	Проценты
отношения учитель-ученик	94,74
коммуникации с блогером	89,47
личность блогера	78,95
простота объяснения	73,68
профессионализм	73,68
краткость	68,42
визуализация	63,16
личная жизнь	63,16

Окончание

Код	Проценты
подготовка к экзаменам	57,89
нестандартность материала	52,63
социальные навыки	52,63
доверие	47,37
самообучение	47,37
грамотная речь	42,11
профорентация	42,11
самопрезентация педагога	36,84

Результаты и их обсуждение

Поскольку целью статьи является сравнение взглядов взрослых и подростков на образовательный видеоблогинг, последующий анализ будет производиться в разрезе двух групп документов.

На рисунке 1 представлено покрытие соответствующими субкодами текстов, относящихся к учителям и учащимся, последние были заданы как переменные. Для наглядности сравнения кодовое распределение задано по строкам, в разрезе двух переменных. Цветовые маркеры, присутствующие рядом с названиями субкодов, отображают их включение в один и тот же код. Данная визуализация позволяет сопоставить взгляды детей и взрослых на специфику образовательного видеоблогинга. Так, если учителя в большей степени ориентированы на выстраивание отношений с учениками, собственные самопрезентации, в т.ч. через демонстрацию личной жизни, то подростки больше обращают внимание на такие характеристики о-влога, как визуализация, грамотная речь блогера, простота и краткость объяснения. Также существенные расхождения были обнаружены в целях просмотра видео: подростки ориентированы на подготовку к ЕГЭ, самообучение, в то время, как учителя больше говорили о влиянии блогов на профорientацию и формирование социальных навыков.

И подростки, и взрослые неизбежно сравнивали образовательный видеоблогинг со школой. Например, когда говорили про формирование социальных

навыков, встречалось даже некоторое противопоставление задачи получения знаний и задачи развития социальных навыков в школе:

	учитель	ученик	Все
☑ доверие	66,7%	33,3%	100,0%
☑ отношения учитель-ученик	55,6%	44,4%	100,0%
☑ визуализация	33,3%	66,7%	100,0%
☑ грамотная речь	37,5%	62,5%	100,0%
☑ простота объяснения	42,9%	57,1%	100,0%
☑ краткость	38,5%	61,5%	100,0%
☑ нестандартность материала	50,0%	50,0%	100,0%
☑ профессионализм	57,1%	42,9%	100,0%
☑ самопрезентация педагога	71,4%	28,6%	100,0%
☑ коммуникации с блогером	58,8%	41,2%	100,0%
☑ личность блогера	60,0%	40,0%	100,0%
☑ личная жизнь	75,0%	25,0%	100,0%
☑ профорентация	87,5%	12,5%	100,0%
☑ социальные навыки	70,0%	30,0%	100,0%
☑ самообучение	33,3%	66,7%	100,0%
☑ подготовка к экзаменам	36,4%	63,6%	100,0%
Σ СУММА	54,0%	46,0%	100,0%
# N = документы	11 (57,9%)	8 (42,1%)	19 (100,0%)

Рис. 1. Частота покрытия кодами в разрезе переменных «учитель», «ученик»

Причем там разные были моменты, и в школе тебя не просто учат знаниям, тебя готовят к тому, чтобы выйти и идти дальше (учительница истории и обществознания, 24 г., г. Владивосток)

Школа – это, в общем, знакомство с социумом, а не получение знаний, типа, ты приходишь в школу... (школьник, 14 л., г. Новосибирск)

О-блогинг и коммуникации с учителем-блогером для некоторых становятся инструментом профорientационной работы и подростки выбирают путь педагога:

И я очень часто в своем блоге вижу комментарий: Вас смотрел год назад, сейчас я поступил педагогический вуз. Спасибо Вам большое, что дали какой-то ориентир и всё в этом духе (учитель математики, 27 л., г. Москва)

Существенный массив реплик информантов был связан с подготовкой к экзаменам. Очень часто школьники обращаются к видеоблогам, когда готовятся к сдаче ОГЭ/ЕГЭ. Существуют даже специальные онлайн школы, заточенные под сдачу экзаменов – «100 балльный репетитор» или «99 баллов» и др.

Также видеоблоги вступают ценным ресурсом для самообучения:

Если говорить, прям, про учебу, именно школу, то иногда ты можешь

посмотреть урок тоже на YouTube, смотришь и думаешь «вау, это оказывается так просто и так оказывается так просто и так интересно резко стало», ты начинаешь проходить тему дальше уже самостоятельно (школьница, 14 л., г. Новосибирск)

не понимаю какой-то номер по математике, смотрю его разбор и видео (школьница, 16 л., г. Владивосток)

Сами учителя или отсылают школьников к просмотру каких-то видео, или даже используют видео на уроках, тем самым признавая дидактический потенциал видео:

Ну, некоторые учителя, в смысле, говорят, если непонятна тема, посмотрите видео, просто обзор этой темы, то есть объяснение (школьница, 16 л., г. Владивосток)

И у нас с детьми проходило таким образом: я им скидываю видеоролик, они должны в этот момент смотреть этот ролик. И когда они посмотрели, я им быстро задаю вопросы, которые заранее составила. И я им начинаю задавать вопросы, и кто быстрее отвечает на эти вопросы – тот и получает хорошую оценку (учительница истории и обществознания, 45 л., г. Владивосток)

Для дальнейшей работы нами были отобраны наиболее частотные коды, которые описывали три используемых нами в исследовании подхода к образовательном видеоблогингу – видеоблогинг как средство обучения, как способ коммуникации и как способ продвижения имиджа учителя.

Были построены карты кода для учителей и для учеников (см. рис. 2 и 3). Для построения карты кода использована настройка «соседство кодов в одном документе» с максимальной дистанцией в 3 абзаца, установлены по 3 кластера для взрослых участников исследования и для подростков. Каждый кластер на рисунках обозначен соответствующим цветом, размер маркера кода отображает частоту встречаемости этого кода в документах.

Три кластера, получившиеся у детей, в целом совпадают с обозначенными нами тремя подходами к изучению образовательного видеоблогинга (см. рисунок

2). Так, первый зеленый кластер включает коды, относящиеся к имиджу учителя-блогера, это – «самопрезентация», «грамотная речь», «нестандартность материала», «доверие»; два оставшихся кода в данном кластере демонстрируют отдельные задачи просмотра образовательных видео – профориентационная работа, формирование социальных навыков. Второй (синий) кластер характеризует блогинг как коммуникации через коды «коммуникации с блогером», «отношения учитель-ученик», «личность блогера». Третий (голубой) кластер связан с видеоблогингом как образовательной технологией. Потенциал для обучения характеризуется такими кодами, как «визуализация», «простота объяснения», «краткость», «возможность выбора», «польза». В то же время в кластер вошли коды, иллюстрирующие задачи, которые стоят перед пользователями видеоблогов – «подготовка к экзаменам» и «самообучение».

У учителей кластеризация приобрела другие формы. «Синий» кластер, в который вошли два кода – «профориентационная работа» и «социальные навыки», получился не особенно информативным, поэтому его мы не будем принимать во внимание. Смысловое наполнение образовательного видеоблогинга отображено в двух других кластерах, перераспределивших между собой остальные коды. Зеленый кластер характеризует коммуникации видеоблогера с аудиторией через коды «коммуникации с блогером», «отношения учитель-ученик», «личная жизнь» и «доверие». Сравнение данного кластера с подростковым вариантом позволяет выявить некоторые расхождения. У педагогов присутствует код «личная жизнь», который по причине отсутствия связей не был включен в сформированные кластеры у подростков. В то же время у подростков в «коммуникационном кластере» присутствует код «личность блогера» (для сравнения, у педагогов данный код оказался в технологическом кластере).

Подростки часто говорили про харизму учителя, в то время, как учителя подчеркивали, что педагог – тоже человек:



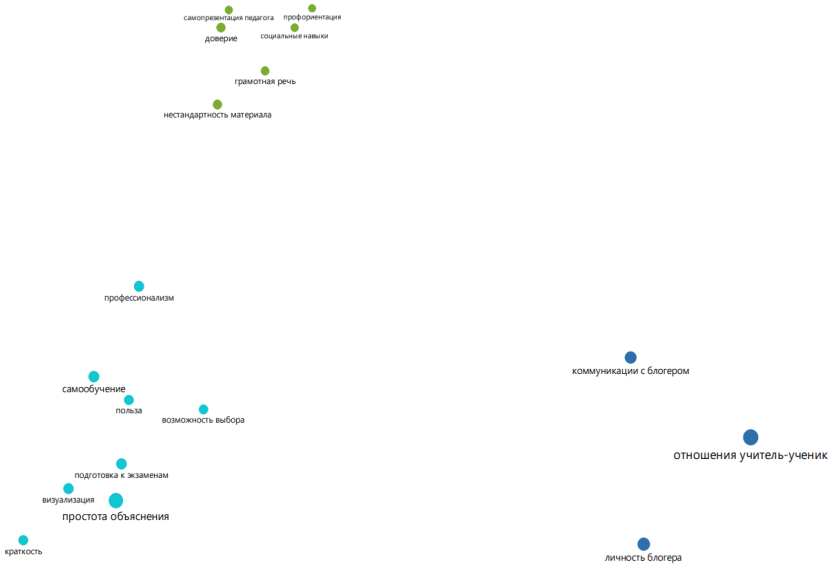


Рис. 2. Карта кода, построенная по документам группы «Ученики»

Люди же могут брать своей харизмой, необычными словечками, тик-токи кто смотрит, мог видеть таких забавных учителей, которые «иксы» заменят на другие слова... в видеоблоге это может быть очень органично и забавно (девушка, 14 л., г. Новосибирск).

... ученик видит, что его учитель – это тоже человек, у него тоже есть хобби, тоже есть увлечения. Он, оказывается, не находится 24 на 7 в школе. Он, оказывается, выходит за пределы этой школы и живет там своей прекрасной жизнью. Он путешествует, он читает интересные книги, он смотрит сериалы, которые, смотрю я, играет в игры, он гуляет в тех же парках, где гуляем мы (учитель математики, 27 лет, г. Москва).

«Голубой» кластер у учителей оказался самым насыщенным и большинство кодов расположены в нем сгущенно – это «простота объяснения», «краткость», «визуализация», «грамматная речь», «польза», «самообучение», «самопрезентация педагога», «нестандартность материала», «возможность выбора». Два кода пространственно немного удалены от смыслового ядра – «личность блогера» и «профессионализм». Таким образом, два обозначенных нами

смысловых направления анализа образовательных видеоблогов – видеоблоги как способ самопрезентации учителя и видеоблоги как технология обучения не дифференцируются учителями, участвующими в настоящем исследовании.

Выводы

Таким образом, в первом приближении собранный в рамках исследовательского проекта эмпирический материал, закодированный в программе MAXQDA, и инструменты визуального анализа помогли выявить различия в восприятии образовательных видеоблогов детьми и педагогами. Были использованы такие инструменты визуального анализа, как карта кода, интерактивная матрица цитат, таблицы сопряженности кодов и переменных документов, таблицы частотных распределений кодов. И для тех, и для других видеоблоги в первую очередь важны как технология обучения, которая интерпретируется как дополнительная к школьному обучению или даже заменяющая его. Для реализации познавательной функции важны принципы подачи информации через блог, которые иногда противопоставляются школьному обучению, такие как визуализация,

краткость, простота. Коммуникативная функция видеоблогинга, по-видимому, менее важна для школьников, нежели чем познавательная. О доверии, отношениях «учитель-ученик», «коммуникациях блогера» больше говорили взрослые участники исследования.

Что же касается целей о-блогинга, то очевидно, что такие цели, как подготовка к экзаменам и самообучение являются ведущими, связанными с блогингом как образовательной технологией.

Профориентация и формирование социальных навыков оказались в отдельном кластере у педагогов, что может свидетельствовать об их оторванности от образовательного блогинга во всех его проявлениях. У школьников эти цели связаны с самопрезентацией блогера, доверием к нему, грамотной речью и пр., последние, вероятно, можно интерпретировать как условия успешной профориентации и социализации.



Рис. 3. Карта кода, построенная по документам группы «Учителя»

Литература

1. Дементьева К.С. Применение видеоблогов в обучении иностранному языку. // Академия педагогических идей новация. – 2018. – № 7. – с. 17–19
2. Науменко Л.С. Блог учителя в профессионально-педагогической деятельности //Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № . 5 (48). – С. 61–67.



3. Усманов Ш.Н. Опыт создания и применения образовательного видеоблога и социальных сетей для активизации познавательной деятельности учащихся на уроках физики. / Сборник тезисов докладов VII Международной научно-практической конференции «Занкиевские чтения». Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета. Киров, 2023. С. 124–125.
4. Duffy P., Bruns A. The Use of Blogs, Wikis and RSS in Education: a Conversation of Possibilities // Proceedings Online Learning and Teaching Conference. Brisbane, 2006.
5. Gilster P. (1997). Digital literacy. New York: Wiley.
6. Gleason K. A., Jensen-Campbell L. A., Richardson D.S. (2004). Agreeableness as a predictor of aggression in adolescence. *Aggressive Behavior*, 30, 43–61.
7. Pool C.R. (1997). A new digital literacy. // *Educational Leadership*, 55, 6–11.
8. Richardson S. (2006) Over-Investment of Free Cash Flow. *Review of Accounting Studies*, 11, 159–189. <http://dx.doi.org/10.1007/s11142-006-9012-1>

EDUCATIONAL VIDEO BLOGGING THROUGH THE EYES OF SCHOOLCHILDREN AND TEACHERS: ANALYSIS OF EMPIRICAL DATA USING MAXQDA SOFTWARE

Filipova A.G., Bukhtiyarova I.N.

Vladivostok State University, Lomonosov Moscow State University

The article compares the views of teachers and schoolchildren on educational video blogging. The comparison is based on three approaches to blogging as an educational technology, a way

to promote the image of a teacher and a means of communication. Empirical materials for the analysis were materials of expert interviews with teachers and focus groups with schoolchildren. The collected data was encoded using MAXQDA software and further investigated using visual analysis tools.

Keywords: Educational Vlogging, School, Teachers, Students, Learning, Communication, Self-Presentation, MAXQDA.

References

1. Dementieva K.S. The use of video blogs in teaching a foreign language. // *Academy of Pedagogical Ideas innovation*. – 2018. – No. 7. – p.17–19
2. Duffy P., Bruns A. The Use of Blogs, Wikis and RSS in Education: a Conversation of Possibilities // *Proceedings Online Learning and Teaching Conference*. Brisbane, 2006.
3. Gilster P. (1997). *Digital literacy*. New York: Wiley.
4. Gleason K. A., Jensen-Campbell L. A., Richardson D.S. (2004). Agreeableness as a predictor of aggression in adolescence. *Aggressive Behavior*, 30, 43–61.
5. Naumenko L.S. Blog uchitelya v professional'no-pedagogicheskoy deyatelnosti // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2014. – № 5 (48). – S. 61–67.
6. Pool C.R. (1997). A new digital literacy. // *Educational Leadership*, 55, 6–11.
7. Richardson S. (2006) Over-Investment of Free Cash Flow. *Review of Accounting Studies*, 11, 159–189. <http://dx.doi.org/10.1007/s11142-006-9012-1>
8. Usmanov Sh.N. The experience of creating and using an educational video blog and social networks to enhance the cognitive activity of students in physics lessons. / Collection of abstracts of the VII International scientific-practical conference «Zankiev Readings». Tobolsk Pedagogical Institute. DI. Mendeleev (branch) of the Tyumen State University. Киров, 2023. S.124–125.

Тренды волонтерского движения в университетах и высших учебных заведениях России

Албакова Фатима Юсуповна,

доктор философских наук, профессор, ректор
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный
университет»

E-mail: hetrova@yandex.ru

Оздоева Лика Абукарровна,

проректор по молодежной политике
и воспитательной работе, ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет»

E-mail: lika.ozdоеva@yandex.ru

Данная статья посвящена актуальной научной проблеме: исследованию трендов и перспектив волонтерского движения в университетах и вузах страны. В статье изучена нормативно-правовая база волонтерского движения в современной России. Уделено внимание социально-фасилитативному и информационно-аналитическому подходам в формировании сознания волонтеров. Рассмотрены основные направления анализа волонтерства, как феномена, социологами, психологами, юристами, экономистами и т.д. В статье обоснован тезис, что несмотря на доступность информации о работе волонтерских организаций существуют проблемы методического обеспечения данной деятельности. Мотивированы предложения по совершенствованию волонтерских движений на базе университетов и вузов Северного Кавказа. В частности, предложено создать единую базу волонтеров, инфраструктуру их непрерывного образования, усовершенствовать систему мотивации. В статье обоснована необходимость проведения образовательных программ для волонтеров, нацеленных на формирование навыков планирования и координации их действий, овладение основами тайм-менеджмента, применение современных эффективных коммуникаций при контактах с представителями различных социальных групп, ознакомление с теорией принятия решений в нестандартных ситуациях. В статье приведены конкретные данные о работе с волонтерами в ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет».

Ключевые слова Волонтерская деятельность, социально-фасилитативный контент, информационно-просветительский контент, экономическая оценка труда волонтеров, преемственность и рекрутинг в волонтерских движениях, структура непрерывного образования волонтеров и студентов, единая база данных волонтеров, система мотивации волонтеров, коммуникативные стратегии, социальные опросы волонтеров.

Волонтерское движение в современной России осуществляется в соответствии со следующими нормативными правовыми актами:

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
- Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об общественных объединениях»;
- Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»;
- Указ Президента РФ от 27.11.2017 № 572 «О Дне добровольца (волонтера)»;
- Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»;
- Распоряжение Правительства РФ от 12.12.2015 № 2570-р (ред. от 29.04.2021) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р»);
- Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года»;
- «План мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года (утверждена распоряжением Пра-



вительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р)» (утв. Правительством РФ от 20.06.2019 № 5486п-П44).

В нашей стране фундаментальное изучение волонтерства, как феномена, началось в конце XX века. Специалисты выделяют два основополагающих подхода к анализу волонтерских движений: социально-фасилитативный и информационно-просветительский. В рамках социально-фасилитативного подхода акцентируется внимание на выполнении волонтерами социально значимых задач.

Информационно-просветительский подход предполагает расширение коммуникационного пространства силами волонтеров. Различные аспекты волонтерства анализируют социологи, психологи, юристы, социальные работники, педагоги, экономисты и др. Рассмотрим различные научные подходы к анализу феномена волонтерства. Макроэкономисты исследуют потенциальные возможности рынка труда волонтеров, их потенциал.

Социология изучает волонтерскую деятельность в контексте социализации индивидов, потенциал формирования человеческого капитала, совершенствование механизмов социальной адаптации, самореализации и социального творчества. Некоторые ученые рассматривают волонтерскую деятельность студентов в университетах и вузах, как форму самоуправления. Также социологи подробно анализируют гуманитарные технологии, наиболее востребованные волонтерскими движениями.

В целом волонтерские движения относятся к гражданским инициативам, которые реализуют конкретные социальные проекты. Всплеск активности волонтерских движений и объединений является характерной чертой XXI века. Их отличает массовость, разнообразие форм деятельности, креативность. Волонтерские объединения разнообразны по социальному, демографическому, гендерному составу и т.д. В настоящее время в некоторых странах наиболее активны некорпоративистские волонтер-

ские объединения. Локомотив волонтерских движений – студенты и учащиеся колледжей.

Важнейшей задачей профессионального сообщества является развитие профессиональных компетенций волонтеров, соответствующих современным ФГОСам. Несмотря на доступность информации о работе волонтерских организаций, существуют проблемы методического обеспечения данной деятельности. Одним из эффективных направлений в данном контексте может стать работа с волонтерскими объединениями в университетах и вузах. Для совершенствования волонтерских движений на базе университетов и вузов Северного Кавказа целесообразно создать: единую базу волонтеров, систему мотивации студентов и молодежи, инфраструктуру непрерывного образования волонтеров. Возможно активизировать систему повышения квалификации руководителей волонтерских движений на базе федеральных университетов. Значимым аспектом является подготовка тренеров и рекрутеров волонтерских движений, которая может осуществляться в рамках программ ДПО (дополнительного профессионального образования).

В целях стимулирования этой работы возможно использовать потенциал студенческих союзов федеральных университетов. Например, в Астраханском государственном университете при объединенном студенческом совете создан волонтерский центр. В Казанском федеральном университете волонтерский центр входит в состав департамента по молодежной политике, социальным вопросам, физкультурно-спортивному воспитанию. В Северо-Кавказском федеральном университете успешно функционирует студенческое волонтерское объединение «Волна СКФУ». В Удмуртии развитием молодежных волонтерских движений занимаются подведомственные учреждения Министерства по делам молодежи Удмуртской республики. В Национальном государственном университете физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург) волонтерский центр является



структурным подразделением университета. В Волгоградском государственном техническом университете волонтерский отряд входит в состав студенческого совета. Волонтерский центр Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского является структурным подразделением университета.

Волонтеры-студенты осознают необходимость постоянного развития и самообразования. основополагающими навыками, наиболее востребованными в волонтерской среде, являются: способность использования основ правовых знаний; действия в условиях чрезвычайных ситуаций; применение физической культуры и спорта для развития здорового образа жизни; формирование ценностей, принципов, культурных традиций; воспитание патриотизма. На базе университетов и вузов целесообразно проводить образовательные программы для волонтеров, нацеленные на: формирование навыков планирования и координации действий, овладение основами тайм-менеджмента; применение современных эффективных коммуникаций в контактах с представителями различных социальных групп; ознакомление с теорией принятия решений в нестандартных ситуациях.

Навыки находить оптимальные управленческие решения в условиях вызовов и угроз, ответственно выполнять их, контролировать нестандартные ситуации целесообразно развивать в структуре курсов ДПО по организационному менеджменту. В любой профессии будут востребованы качества личности, формируемые волонтерской деятельностью, особенно креативность и стремление к непрерывному саморазвитию, целеустремленность, способность к работе в команде, социальная адаптивность. Для современных кадровых служб наличие волонтерских книжек у соискателей должностей является весомым аргументом, как и наличие волонтерских портфолио. В целом студенческие волонтерские инициативы демонстрируют, что движение играет важную роль в подготовке конкурентоспособных специалистов для рынка труда.

Расширение возможностей волонтерского движения во многом связано с поддержкой, оказываемой государством. Большую роль в развитии волонтерского движения в регионах играют университеты и вузы. Целесообразно разработать четкие критерии мотивации волонтеров.

Волонтерское движение успешно развивается в студенческой среде ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», реализуя следующие задачи: преимущество волонтерской деятельности; создание условий для профессиональной подготовки студентов ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» для рынка труда; содействие реализации государственной молодежной политики; патриотическое воспитание молодежи; социальная поддержка ветеранов боевых действий и труда. Выводы статьи были сделаны на основе социологического исследования, проведенного среди студентов и аспирантов ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», а также учащихся колледжей.

Всего в социологическом исследовании приняли участие 693 человека. Опрос проводила группа аспирантов ФГБОУ «Ингушский государственный университет» под руководством проректора по молодежной политике и воспитательной работе Оздоевой Л.А. В социологическом опросе приняли участие 693 человека. Из них: 670 – студенты и аспиранты Ингушского государственного университета, 23 – учащиеся медицинского колледжа и гуманитарно-технического колледжа при Ингушском государственном университете. В целом в опросе принимали участие студенты и аспиранты Ингушского государственного университета, специализирующиеся по следующим направлениям: естественные науки – 33%, гуманитарные науки – 24,4%, информационные технологии – 7,9%, медицина – 6,8%, экономические науки – 6,7%, юридические науки – 6,0%, инженерные науки – 4,6%. В опросе принимали участие следующие возрастные категории: 16 лет – 8,8%, 18 лет – 17,3%, 19 лет – 19,6%, 20 лет – 17,2%, 21 год – 20,7%, 23 года – 4%, старше 23 лет – 12,4%. 80% участников со-



циологического опроса ответили, что в процессе волонтерских мероприятий минимально использовали свои профессиональные компетенции. Вместе с тем 85% опрошенных подчеркнули, что участие в волонтерском движении оказывает влияние на формирование таких качеств личности, как целеустремленность и организованность. Отвечая на вопрос о факторах мотивации для участия в волонтерском движении, 90% участников опроса выделили возможность побывать в других городах России и дружественных стран в рамках проведения мероприятий различного уровня. Выделяя наиболее значимые факторы, необходимые для развития волонтерских объединений и организаций, в качестве доминирующего участники социологического опроса выделили факторы: участие в реализации грантов (88%) и возможности завести новых друзей (12%). В настоящее время в ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» разрабатываются методические рекомендации по совершенствованию непрерывного образования волонтеров в федеральных университетах и вузах Северного Кавказа.

Литература

1. Вязовская А.О. Волонтерство: понятие и основные социологические подходы. В сборнике: Социологические чтения: социальные тренды современности. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2023. С. 172–176.
2. Зверева Т.В. Волонтерская деятельность как фактор профессионального ориентирования молодежи. В сборнике: Физическая культура, спорт и молодежная политика в условиях глобальных вызовов. Материалы Международного научного конгресса, посвященного 90-летию Института физической культуры, спорта и молодежной политики УрФУ. Екатеринбург, 2023. С. 619–626.
3. Катина А.А., Загитбаева Н.В. Студент-волонтер в библиотеке: ожидание и реальность. В книге: Библиотечно-информационное образование сквозь призму профессионального стандарта «Специалист библиотечно-информационной деятельности». Тезисы докладов XVI-II Всероссийской с международным участием научно-методической конференции памяти В.А. Минкиной. Санкт-Петербург, 2023. С. 57–58.
4. Клейменова Т.Н., Соколова Т.А., Хватыш Н.В. Роль волонтерского движения в формировании ценностного отношения к природе в высшем учебном заведении. Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–2. С. 141–144.
5. Москалева В.Е. Волонтерство как форма занятости студенческой молодежи. В сборнике: Социологические чтения: социальные тренды современности. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2023. С. 323–327.
6. Фурсов С.В. Научное волонтерство как новое направление добровольческой деятельности студентов и школьников (на примере платформы «Волонтер-Натуралист»). Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 1. С. 37–45.
7. Власова А.А., Шаматонова Г.Л. Волонтерство в цифровом пространстве (на примере проекта «Волонтер – вторая профессия»). В сборнике: Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2022. С. 200–203.
8. Неволлина Ю.С. История волонтерского движения в России. Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 293–295.
9. Туркулец С.Е., Фетисова Е.А. Проблема концептуализации волонтерства в междисциплинарных исследованиях. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 90–97.
10. Хижняк В.С. Содержание понятия доброволец (волонтер) в конституционном праве стран СНГ. В сборнике: Наука и образование в современном мире: вызовы XXI века. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2022. С. 27–30.



TRENDS OF THE VOLUNTEER MOVEMENT IN THE UNIVERSITIES AND ACADEMIES OF RUSSIA

Albakova F. Yu., Ozdoeva L.A.
Ingush State University

This article is devoted to an urgent scientific problem: the study of trends and prospects of the volunteer movement in universities, colleges, and academies in Russia. The article examines the legal basis of the volunteer movement in modern Russia. Attention is devoted to the socio-facilitative and information-analytical trends in the formation of the volunteers' consciousness aimed at achieving socially significant goals. The main trends of the analysis of volunteering as a phenomenon are studied by sociologists, psychologists, lawyers, economists, etc. The article substantiates the thesis that despite the availability of information about the work of volunteer organizations, the problems of methodological support for this activity are existing. Proposals to improve volunteer movements in the universities of the North Caucasus are motivated. Within the framework of this article is proposed to create a database of volunteers, the infrastructure of their lifelong education, and improve the system of their motivation. The article substantiates the necessity of educational programs for volunteers aimed at developing skills in planning and coordination of their activities, basing on time management, using modern effective communications while contacting representatives of various social groups, acknowledgment with the theory of decision-making in non-standard situations. The article provides specific data on working with volunteers at the Ingush State University.

Keywords Volunteer Activity, Socio-Facilitative Content, Informational and Educational Content, Economic Evaluation and Estimation of Volunteer's Activities, Recruitment for Volunteer Actions, Volunteers' Lifelong Learning, Database of Volunteers, Motivation of Volunteers, Communication Strategies, Social Surveys of Volunteers.

References

1. Vyazovskaya A.O. Volunteering: concept and basic sociological approaches. In the collection: Sociological readings: social trends of our time. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2023. pp. 172–176.
2. Zvereva T.V. Volunteer activity as a factor in the vocational guidance of youth. In the collection: Physical culture, sports and youth policy in the context of global challenges. Materials of the International Scientific Congress dedicated to the 90th anniversary of the Institute of Physical Culture, Sports and Youth Policy of UrFU. Ekaterinburg, 2023. pp. 619–626.
3. Katina A.A., Zagitbaeva N.V. Student volunteer in the library: expectation and reality. In the book: Library and information education through the prism of the professional standard "Library and information specialist". Abstracts of reports of the XVIII All-Russian scientific and methodological conference with international participation in memory of V.A. Minkina. St. Petersburg, 2023. pp. 57–58.
4. Kleimenova T.N., Sokolova T.A., Khvatysh N.V. The role of the volunteer movement in the formation of a value-based attitude towards nature in a higher educational institution. Problems of modern teacher education. 2023. No. 79–2. pp. 141–144.
5. Moskaleva V.E. Volunteering as a form of employment for student youth. In the collection: Sociological readings: social trends of our time. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2023. pp. 323–327.
6. Fursov S.V. Scientific volunteering as a new direction of volunteer activity for students and schoolchildren (using the example of the "Volunteer-Naturalist" platform). Pedagogy. Questions of theory and practice. 2023. T. 8. No. 1. P. 37–45.
7. Vlasova A.A., Shamatonova G.L. Volunteering in the digital space (using the example of the "Volunteer – a second profession" project). In the collection: Opportunities and threats of the digital society. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Yaroslavl, 2022. pp. 200–203.
8. Nevolina Yu.S. History of the volunteer movement in Russia. Young scientist. 2022. No. 13 (408). pp. 293–295.
9. Turkulets S.E., Fetisova E.A. The problem of conceptualizing volunteering in interdisciplinary research. Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 2. P. 90–97.
10. Khizhnyak V.S. The content of the concept of volunteer (volunteer) in the constitutional law of the CIS countries. In the collection: Science and education in the modern world: challenges of the 21st century. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. 2022. pp. 27–30.



Молодёжное предпринимательство в системе высшего образования: проблемы и перспективы

Амбрушкевич Константин Владимирович,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет

E-mail: ambrushkevichk@mail.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет

E-mail: nursafa@inbox.ru

В статье рассматривается проблематика развития молодёжного предпринимательства в системе высшего образования. Представляется, что вузы являются оптимальной средой для создания соответствующих условия посредством формирования наставничества, организации взаимодействия с представителями успешного бизнеса, отбора молодых людей, обладающих необходимыми интеллектуально-волевыми качествами. Приводятся результаты исследований крупных российских социологических исследовательских центров, а также мнения экспертов, озвученные в сетевых изданиях. Раскрываются такие аспекты, как привлекательность предпринимательской деятельности среди молодёжи, барьеры с которыми сталкиваются молодые люди открывая свой бизнес. Отдельно рассматриваются сложности, связанные с реализацией программы Минобрнауки РФ «Стартап как диплом». Показаны экспертные мнения относительно устранения дисбаланса между теоретической и практической составляющей в содержании образовательного процесса; решения проблем сотрудничества университетов с успешными стартапами и компаниями; преодоления препятствий, связанных с образовательными форматами.

Ключевые слова: управление, предпринимательство, бизнес, молодёжь, студенчество, высшее образование, выпускная квалификационная работа.

Введение

Развитие предпринимательства является одним из наиболее приоритетных направлений социально-экономической политики в современной России. В условиях рыночной экономики предпринимательство позволяет не только достигать экономических успехов, но и выполняет значимые социальные функции. Предприниматели – это люди, которые генерируют новые идеи, видят возможности и превращают их в пользу для личного и общественного благосостояния. Развитие предпринимательства способствует формированию специфической, независимой группы граждан способных, взвешивать риски и принимать ответственные решения. По состоянию на 10 сентября 2023 года в России зарегистрировано более 6,1 млн субъектов малого и среднего предпринимательства [2], что составляет около 4% от численности населения страны. Развитие предпринимательства происходит тогда, когда распространено социальное доверие [7]. При его отсутствии риски социальной активности увеличиваются в разы.

В последние несколько лет вопросы развития молодёжного предпринимательства и стимулирование открытия молодёжью собственного бизнеса приобрели особую актуальность. Этому во многом способствовала пандемия коронавируса, окончание ограничительных мер которой показало, что молодые предприниматели гораздо быстрее вернулись к ведению и развитию своего бизнеса, чем более возрастные коллеги. Также следует отметить и более высокий интерес к предпринимательству у молодых россиян. Согласно результатам исследования компании НАФИ 83% респондентов в возрасте от 14 лет отмечают привлекательность для них этого вида деятельности. В среднем по стране этот показатель составляет 70%. [9]. Популяризация предпринимательской деятельности в молодёжной среде осу-

ществляется, в том числе в рамках нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [4].

К числу мероприятий, которые реализуются для вовлечения молодёжи в предпринимательскую деятельность, можно отнести проведение тренингов по развитию предпринимательских навыков, налаживание сотрудничества с организациями и отдельными специалистами, занимающимися вопросами развития студенческих стартапов и акселераторов, помощь в подготовке заявок на гранты и конкурсы, а также проект «Стартап как диплом». Последний реализуется с 2019 года в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и затрагивает практически все крупные вузы страны.

Процесс активного развития молодёжного предпринимательства в нашей стране осуществляется уже несколько лет, формируется первый опыт по преодолению возникающих проблем. На этом этапе важно осуществить ревизию проделанной работы, для выстраивания и корректировки вектора дальнейшего движения.

Методика исследования

В работе использованы эмпирические данные о текущей ситуации в сфере развития молодёжного предпринимательства. В частности, автор систематизировал данные вторичного: результаты разрозненных исследований НАФИ по тематике молодёжного предпринимательства, реализованных по общероссийской выборке. Основные аспекты изучаемой проблематики анализировались с использованием экспертных мнений, озвученных в электронных СМИ.

Результаты и обсуждение

Среди молодых россиян, по сравнению более старшими группами населения, сегодня наблюдается наибольший интерес к предпринимательству. Согласно результатам исследования компании НАФИ 83% респондентов в возрасте от 14 лет отмечают привлекательность для них

этого вида деятельности. В среднем по стране этот показатель составляет 70%. Среди аспектов, которые притягивают молодых людей, чаще всего встречаются высокий социальный статус бизнесменов (78%), их независимость, возможность делать любимое дело (45%), получая при этом существенный доход (42%) [3]. Такие результаты могут быть связаны с тем, что современные подростки (14–17 лет) проявляют высокий уровень экономической активности. Подавляющее большинство из них имеет собственные деньги (82%), а 33% – независимый от семьи источник дохода в виде подработки [8]. В целом, желаемый средний возраст начала заработка для юношей составляет 17 лет, для девушек – 18 лет [5].

Современная молодёжь оптимистично оценивает возможности по созданию бизнеса в нашей стране. Так, 44% молодых людей полагают, что стать предпринимателем легко, а ещё 60% уверены, что в нашей стране благоприятные условия для открытия своего дела. Средние значения ответов на соответствующие вопросы анкеты в целом по выборке составляют 37% и 43%. В то же время основным барьером, в открытии собственного бизнеса молодые респонденты считают отсутствие необходимых знаний и навыков (41% у молодёжи, 18% в среднем по выборке). Это находит отражение и в низком уровне осведомленности в вопросах государственной поддержки: 61% не знают о программах поддержки предпринимателей, а 57% – не слышали о упомянутом выше нацпроекте. [8].

С точки зрения вовлечения в предпринимательскую деятельность студенты представляют собой особую категорию молодёжи. Студенческое предпринимательство может стать значимым фактором экономического развития в силу свойственной молодёжи напористости и толерантности к риску, включённости в ключевые тренды практически всех основных сфер жизнедеятельности. Подобные качества позволяют этой группе создавать инновационные проекты и не «опускать руки» при неудачах.



Сегодня всё чаще появляются примеры успешных предпринимателей, сформировавшихся из университетской среды. В развитых странах около 25% стартапов возникли в университетах, в РФ – около 3%. Характер основной деятельности – учёба и соответствующая среда благоприятствуют приобретению знаний и навыков для начала своего дела. Однако по факту это происходит не всегда: более половины заинтересованных студентов, откладывая старт своего дела по причине нехватки соответствующих знаний и опыта [6]. Таким образом, студенты, особенно на младших курсах, как никто другой нуждаются в мотивационном толчке и подробной информации о предпринимательстве.

В этой связи большое значение приобретают программы наставничества студентов, а вузы выполняют роль площадок, где молодые люди, обладающие необходимыми личностными качествами и мотивацией получают возможность реализовать свои бизнес-идеи. Программа «Стартап как диплом» стала логическим следствием развития практической ориентированности высшего образования и возникла как инициатива Минобра. Несмотря на то, что основной вектор программы – технологическое предпринимательство, её участниками могут стать студенты любых направлений. Впервые программа была опробована в 2017 году, а экспериментальной площадкой стал Дальневосточный Федеральный университет. В 2019 году Национальный исследовательский университет ИТМО изучил возможность масштабирования программы «Стартап как диплом» в вузах страны, а по итогам 2021 году в программе участвовали 48 вузов из 38 регионов страны.

К числу преимуществ программы можно отнести апробацию новых форматов «упаковки» и преподавания знаний, организации мышления и труда студентов. Другим явным плюсом является развитие системы высшего образования через вовлечение в неё новых субъектов. Во-первых – перспективных молодых людей, ориентированных на практику (бизнес), а не получение теоретических

знаний. Во-вторых – сформировавшихся предпринимателей, заинтересованных в поиске креативных и перспективных молодых сотрудников для своих предприятий.

Учитывая относительную «молодость» программы, сегодня пока отсутствуют чёткая регламентация процесса создания «диплома». В разных университетах формулируются собственные нормы и требования, а в процессе подготовки и защиты возникает множество нерешённых технических и организационных вопросов. Неопределённость вносит и указание Минобрнауки на то, что выпускная квалификационная работа может представлять собой быть как реально существующим бизнес-проектом, так и проработанной, но ещё не реализованной идеей. Можно сказать, что в настоящее время реализация программы идёт путём проб и ошибок в поиске оптимальных форматов. Рассмотрим мнения экспертов, отражающие базовые проблемы, сопровождающие студенческое предпринимательство на текущем этапе его развития.

Руководитель программы развития Тюменского госуниверситета Т.В. Погадаева полагает, что сегодня для большинства вузов программа «Стартап как диплом» – это костыль. В университетах пока не внедрена стабильная система создания практически ориентированных проектов в рамках образовательного процесса, а студента всё ещё могут отчислить за плохую успеваемость, возникшую вследствие работы над своим бизнес-проектом. Таким образом, традиционная защита диплома сегодня остаётся приоритетным способом завершения обучения в вузе для подавляющего большинства студентов.

Рассуждая о содержательной стороне стартапа как диплома, эксперт акцентирует своё внимание на том, что выпускная квалификационная работа (ВКР) – это прежде всего существующий бизнес-проект, разработанный студентом индивидуально или в команде. Отличие проекта от просто идеи заключается в его проработанности, а процесс защиты ВКР сфокусирован на не-



костей «траектории» развития проекта, демонстрирующей наличие у выпускника сформированных профессиональных знаний и навыков. Как показывает накопленный к сегодняшнему дню опыт, защиты проектов могут быть с перекосом как в одну, так и другую сторону. В первом случае защита проходит только перед IT-специалистами, представителями бизнеса и крупных компаний, которые оценивают бизнес-идею и её жизнеспособность. Во-втором, защиты мало чем отличаются от традиционных, а представители бизнеса включаются в комиссии чисто формально. Важно, чтобы, защищая свою ВКР студент мог не только продемонстрировать оригинальную бизнес-идею. Не менее важно, чтобы он мог отрефлексировать пройденный путь и свой опыт, оценить актуальность полученных в университете знаний и навыков. Необходимым условием получения такого результата являются систематические встречи с трекером. В связи с вышесказанным становится очевидным, что для защиты стартапа важно создание «сбалансированной» комиссии, состоящей из специалистов по предметной и предпринимательской части.

Ещё один аспект связан с сотрудничеством с существующими стартапами и компаниями. Эксперт полагает, что лучшие гипотезы по созданию стартапов уже проверены крупными компаниями, а оставшиеся предлагаются студентам. Подобные выводы сделаны на основе наблюдений за проектными марафонами, когда кейсы больших компаний не вызывали у студентов интереса, либо были сложны и беспредметны. В то же время у субъектов малого предпринимательства множество различных идей, но ресурсы ограничены. В этой связи сотрудничество университетов с небольшими компаниями может быть более перспективно. С содержательной точки зрения такое взаимодействие может выглядеть как реальное партнёрство, базирующееся не на финансовой, а творческой составляющей.

По мнению директора Центра трансформации образования Московской школы управления Сколково важным

аспектом является командная работа: современному предпринимателю необходимо уметь подбирать людей с требуемыми компетенциями, проводить функционализацию коллектива. Кроме того, необходимо уметь оценивать свой проект со всех сторон. Объективность позволяет спрогнозировать критику, с которой проект столкнется в процессе защиты, а в реальной жизненной ситуации непредвзятость позволит избежать многих проблем, в том числе и финансовых.

К числу трендов, существующих в сфере взаимодействия вузов и бизнеса, эксперт относит рост заинтересованности в партнёрстве технологически ориентированных бизнесов. Компании с большей готовностью стали предоставлять студентам для решения задачи инженерного характера. Сегодня ещё многое зависит от открытости вуза, его готовности к гибкой и дружественной коммуникации.

Проект «Стартап как диплом» в наибольшей степени актуален для технических вузов, некоторые из них уже движутся в направлении создания акселераторов. Однако собственные инкубаторы, которые сегодня имеются в крупных вузах, представляют собой по большей части «песочницы» для студенческих проектов и предоставляют лишь ограниченный доступ к рынку. Продолжением таких инициатив может стать обеспечение связи с реальными экспертами и инвесторами. Так, в МФТИ, несмотря на наличие собственного эндаумент-фонда, привлечены средства венчурных фирм в размере 10 млн долл. для инвестиций в проекты выпускников.

Активизация инновационных подразделений крупных корпораций может быть интересна для них не только с финансовой точки зрения. Другим значимым результатом сотрудничества с вузами является продвижение своего инновационного имиджа, развитие корпоративной культуры и поиск коммерческих идей, созвучных с характером бизнеса таких компаний. Именно поэтому современные корпорации создают собственные программы по акселерации и инкубации, организуют конкурсы и запуска-



ют пилотные проекты. К числу наиболее активных в этом направлении компаний можно отнести СБЕР, MTS, «Лабораторию Касперского».

Решение другой проблемы – ограниченности ресурсов молодых людей может быть осуществлено за счёт моделирования бизнес-процессов. Известный предприниматель и исследователь Стив Бланк доказал, что экспериментальная работа является более эффективным методом тестирования бизнес-гипотез, чем их проверка рынком [1]. Озвученные им концепции «минимального продукта» и «смены стратегий» могут способствовать достижению результата с минимальными вложениями и в короткие сроки, однако их реализация возможна лишь при условии качественной экспертизы, которой сегодня остро не хватает в университетах.

В данных условиях взаимодействие с успешными и стабильными компаниями также может быть продуктивным с точки зрения повышения шансов на успех начинающих предпринимателей с первого раза. Единственной проблемой, которую почти невозможно решить, является инертность мышления молодых предпринимателей, имеющей место в силу отсутствия опыта реагирования на резкие перемены и нестабильность рынков. Именно поэтому ещё одной задачей вузов является отбор студентов, которые обладают необходимыми интеллектуально-волевыми качествами.

Выводы

Подводя итог, отметим, что молодёжному предпринимательству со стороны государства сегодня уделяется много внимания. Но и сама молодёжь сегодня проявляет большой интерес к созданию собственного дела. Результаты социологических исследований показывают, что среди молодых людей привлекательность предпринимательской деятельности значительно выше, чем среди населения страны в целом. В то же время основным барьером, в открытии собственного бизнеса молодые респонденты считают отсутствие необходимых знаний и навыков. Таким образом, сегодня актуализируются вопросы формирования

в вузах комплексных программ поддержки студенческого предпринимательства, включающие наставничество.

Одной из ключевых программ, направленных на развитие студенческого предпринимательства, является «Стартап как диплом», инициированная Минобрнауки РФ. Полученный в ходе реализации опыт показывает, что целевой аудиторией данной программы является лишь небольшая часть студенчества. Это молодые люди, обладающие соответствующей мотивацией, набором морально-волевых, интеллектуальных и других качеств, способствующих предпринимательству. При традиционном университетском образовании у таких молодых людей на определённом этапе возникает дилемма: заниматься проектом, или сконцентрироваться на учёбе. Основная цель программы – устранить эту дилемму и позволить молодым людям получить полноценное образование вместе с созданием собственного бизнеса. Очень важно создание какого-либо осязаемого продукта.

Развитие студенческого предпринимательства представляет собой серьёзный вызов для вузов и касается он, прежде всего, перестройки моделей образования. Однако изменения, подразумевающие интеграцию реальной практической деятельности в образовательный процесс, сегодня являются приоритетом для экономики страны.

Литература

1. Бланк С. Четыре шага к озарению. М.: Альпина Паблшер, 2014. 376 с.
2. Единый реестр малого и среднего предпринимательства // Сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: <https://ofd.nalog.ru>. (дата обращения 10.10.2023).
3. Ко дню молодежи: как подростки и молодые люди относятся к предпринимательской деятельности 27 июня 2021 года // Сайт аналитического центра НАФИ URL: <https://nafi.ru/analytics/ko-dnyu-molodezhi-kak-podrostki-i-molodye-lyudi-otnosyatsya-k-predprinimatelskoy-deyatelnosti/> (дата обращения 10.10.2023)



4. Малое и среднее предпринимательство // Сайт «Национальные проекты России» URL: <https://национальные-проекты.рф/projects/msp> (дата обращения 10.10.2023)
5. Начать зарабатывать – в 18, переехать от родителей – в 20, завести детей – в 25. Молодежь о возрасте важных этапов. 13 июля 2022 года // Сайт аналитического центра НАФИ URL: <https://nafi.ru/analytics/nachat-zarabatyvatv-18-pereekhat-ot-roditeley-v-20-zavesti-detey-v-25-molodezh-o-vozraste-vazhnykh/> (дата обращения 10.10.2023)
6. Поддержка студенческого предпринимательства: меры поддержки со стороны вузов и информирование о них. Результаты комплексного социологического исследования среди студентов российских вузов // Сайт аналитического центра НАФИ URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/spetsproekt-podderzhka-studencheskogo-predprinimatelstva-mery-podderzhki-so-storony-vuzov-i-informir/> (дата обращения 10.10.2023)
7. Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
8. Российский бизнес глазами «отцов» и «детей». 28 ноября 2019 года // Сайт аналитического центра НАФИ URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-rossiyskiy-biznes-glazami-ottsov-i-detey/> (дата обращения 10.10.2023)
9. 75% подростков хотят повышать свою финансовую грамотность. 9 июля 2021 года. Сайт аналитического центра НАФИ URL: <https://nafi.ru/analytics/75-podrostkov-khotyat-povyshat-svoyu-finansovuyu-gramotnost/> (дата обращения 10.10.2023)

YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ambrushkevich K.V., Khairullina N.G.
Tyumen Industrial University Tyumen

The article discusses the problems of developing youth entrepreneurship in the higher education system. It seems that universities are the optimal environment for creating appropriate conditions through the formation of mentoring, organizing interaction with representatives of successful businesses, and selecting young people with the necessary intellectual and volitional qualities. The results of studies of large Russian sociological research centers are presented, as well as expert opinions voiced in online publications. Aspects such as the attractiveness of entrepreneurship among young people and the barriers that young people face when opening their own businesses are revealed. The difficulties associated with the implementation of the program of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Startup as a diploma” are separately considered. Expert opinions are shown regarding eliminating the imbalance between the theoretical and practical components in the content of the educational process; solving problems of cooperation between universities and successful startups and companies; overcoming obstacles associated with educational formats.

Keywords: management, entrepreneurship, business, youth, students, higher education, final qualifying work.

References

1. Blank S. Four steps to insight. M.: Alpina Publisher, 2014. 376 p.
2. Unified register of small and medium-sized businesses // Website of the Federal Tax Service of the Russian Federation. URL: <https://ofd.nalog.ru>. (access date 10.10.2023).
3. For Youth Day: how teenagers and young people feel about entrepreneurship June 27, 2021 // Website of the NAFI Analytical Center URL: <https://nafi.ru/analytics/kodnyu-molodezhi-kak-podrostki-i-molodye-lyudi-otnosyatsya-k-predprinimatelskoy-deyatelnosti/> (accessed 10.10.2023)
4. Small and medium-sized businesses // Website “National Projects of Russia” URL: <https://nationalprojects.rf/projects/msp> (access date 10/10/2023)
5. Start earning money at 18, move away from your parents at 20, have children at 25. Young people talk about the ages of important stages. July 13, 2022 // Website of the analytical center NAFI URL: <https://nafi.ru/analytics/nachat-zarabatyvatv-18-pereekhat-ot-roditeley->



- v-20-zavesti-detey-v-25-molodezh-ovozraste-vazhnykh-/ (date of access 10.10.2023)
6. Support for student entrepreneurship: support measures from universities and information about them. Results of a comprehensive sociological study among students of Russian universities // Website of the analytical center NAFI URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/spetsproekt-podderzhka-studencheskogo-predprinimatelstva-mery-podderzhki-so-storony-vuzov-i-informir/> (accessed 10/10/2023)
 7. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2023. No. 14. pp. 101–106.
 8. Russian business through the eyes of “fathers” and “sons”. November 28, 2019 // Website of the analytical center NAFI URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-rossiyskiy-biznes-glazami-ottsov-i-detey/> (access date 10/10/2023)
 9. 75% of teenagers want to improve their financial literacy. July 9, 2021. Website of the analytical center NAFI URL: <https://nafi.ru/analytics/75-podrostkov-khotyat-povyshat-svoyu-finansovuyu-gramotnost/> (access date 10/10/2023)

Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье проводится экспертный анализ влияния СМИ на общественное мнение о преступности. В результате 6 фокус-групп (n=36) выявляются основные негативные и позитивные последствия воздействия СМИ на общественное мнение о преступлениях и преступниках. Рассматриваются предложения по изменению информационной политики СМИ о распространении информации о преступлениях, повышении правового сознания населения и журналистов.

Ключевые слова: медиасреда, СМИ, преступность, социальные стереотипы, общественное мнение, правовое сознание, правовая культура.

Информация, которая находится в медиапространстве, определяет наши мысли, чувства и в конечном счете действия. Без информационной подготовки достаточно малое количество людей готовы вовлекаться в социально активные действия. Соответственно, какого рода наполнено информационное поле – такая реакция у общественности и будет.

Достаточно известной выступает идея о том, что информация о преступлениях, распространяемая через СМИ, повышает уровень преступности, а среди населения – тревожность и депрессивность. Она опирается на теорию научения – мы повторяем то, что видим и верим в то, что видим (А. Бандура). Если это образы преступлений – мы в них верим и ожидаем, что или мы станем сами жертвами, либо преступниками. Или же, используется теория катарсиса (Аристотель) – максимального осознания, открытия чего-либо в результате длительного психоэмоционального напряжения (напряжение – это транслируемая информация о преступлениях в СМИ, катарсис – собственное преступление).

Эти идеи частично отражены в работах автора о воздействии СМИ на общественное мнение в целом и на восприятие власти и правоохранительных органов в частности [1–6], А.В. Безруков и О.М. Журавлев о влиянии СМИ на преступность [7], в исследования О.А. Полюшкевич о социальном моделировании и правовых представлениях россиян [9–14], в работах В.А. Скуденкова [15] о конструировании социальных страхов в медиапространстве или в целом на общественное воздействие Р.В. Иванов [8]. Эти исследования с разных сторон показывают воздействие на медиасреду современного российского общества.

На основе изученных работ, мы можем выделить несколько уровней воздействия СМИ на представления о преступности.



Первый – касается глобальных макроустановок, в каком обществе мы живем – преступном или стабильном. Особенно остро в информационном пространстве появляются информационные сообщения в периоды кризисных трансформаций – 90-х годов, распада одного государства и формирования другого; кризиса нулевых годов, отразившегося в смене политического лидера; введения экономических санкций против России и начале политики импортозамещения в 2014 году (более подробно А.А. Журавлев); очередной кризисный момент пришелся на пандемию и последующую за ним СВО. Ситуация неопределенности и нестабильности провоцирует негативный контекст сообщений о преступлениях, отражающих общую социальную неопределенность.

Второй – касается микроустановок населения, социальной адаптации к новым условиям жизни, возможностям обхода закона, неуплаты налогов и проч. (Е.В. Палащенко, В.Н. Туркова). Особенностью этого уровня выступает необходимость выживания в трудных условиях, где гарантией выживания может стать полулегальная деятельность, так как не все законы работают, часть противоречит друг другу или же те же законы могут трактоваться по-разному, в зависимости в чьих интересах необходимо развернуть вопрос.

Третий – общие социальные представления, касающиеся права, закона и преступлений. На этом уровне встают вопросы, что важнее: закон или справедливость; какой личный выбор делает человек, став свидетелем преступления; насколько готов проявлять гражданскую позицию и активность, чтобы отстаивать свои права, интересы государства, Родины и т.д. Этот уровень отражается на уровне убеждений и ценностей, подкрепленным личным опытом социализации и последующей социальной вовлеченности во многие общественные процессы.

Размышления об этих трех уровнях восприятия преступности и роли в этих процессах СМИ стали началом нашего исследования.

Характеристика исследования

В качестве метода исследования было использовано фокус-групповое интервью. Всего проведено 6 фокус-групп (n=36). Экспертами выступали представители полиции, ведущие расследования различных преступлений, нашедшие освещение в СМИ, 70% экспертов мужчины и 30% женщины в возрасте от 25 до 65 лет, в разных званиях (от капитана до полковника).

Вопросы интервью носили полуструктурированный характер, касались 6 блоков, все были открытыми. Полученные данные позволяют лишь обрисовать проблему и не могут однозначно фиксироваться как бесспорные. Данная тематика будет продолжена в дальнейших исследованиях.

Анализ результатов исследования

Обсуждение с участниками фокус-групп криминальной хроники и детективных сериалов, позволило выявить следующие характеристики, которыми обладает преступность в СМИ, но это не соответствует реальному криминальному облику преступников (об этом всегда говорили сотрудники полиции и лишь половина журналистов, работающих в криминальной журналистике).

Первый момент неверной подачи информации, касается образа преступника и жертвы – практически всегда не знакомы (хотя официальные данные исследований показывают обратную картину) и совершают преступления по прихоти, желанию, а не нужде.

Понятно, что в фильмах и каких-то сюжетах надо показать если «плохиша», то совсем плохим, который на хороших простых людей нападает. В моем 25-ти летнем опыте работы опером ни разу такого не случилось. Всегда есть то, что толкает на преступление, но точно не то, что преступник плохой по натуре – не справился с обстоятельствами – да, не увидел других вариантов – да или же был под воздействием алкоголя – да, но вот того, что он целенаправленно шел на преступление и ему было все равно против кого – ни разу.

(Т.Р., подполковник, 25 лет на оперативной работе).

Людей цепляет острый сюжет, яркие герои – злые, плохие или хорошие, добрые – не важно. Но важна драма – если нападение, то на невинных, если преступления, то матерыми преступниками. Гиперпроявление во всем. Но это формирует ложные представления о том, как ведут себя жертвы и преступники, кто становится жертвами и кто преступниками. (О.Н., майор, 20 лет в полиции).

В фильмах показывается различные формы насилия, но далеко не всегда те, которые происходят в реальной жизни. В семье, между родственниками, обычно не показываются, а это одна из самых распространенных (часто скрываемых) форм преступлений.

Вот скажите мне, в каком из сериалов будут показывать домашнее насилие? Насилие в отношении детей или стариков? Таких фильмов нет. Но есть про агрессию на улице, в коллективе. То насилие, о котором молчат – самое страшное, потому что оно меняет личность человека, меняет его судьбу. (В.А., майор, 28 лет в полиции).

С молчаливого согласия большинства – творится кошмарная история миллионов людей, подвергшихся преступлениям не на улицах города, а у себя в квартире, от своих родственников. И другие члены семьи, соседи молчат. А это более серьезные преступления, чем мы могли бы подумать. (О.Л., капитан, 8 лет в полиции).

В СМИ социальный контроль осуществляют правоохранительные органы (полиция, суд, места, где проходят наказание осужденные), не рассматриваются формы социального контроля семьи, школы, досуговых групп и иных сообществ. Это приводит к перекосу смыслов – кто должен контролировать и давать знак в правоохранительные органы о том, что совершено преступление.

Мы сами у себя воруем первичную профилактику и защиту, культивируя в фильмах социальный контроль только от полиции, суда и т.д. Контроль общественный не менее может быть жестким, но о нем не говорят, его не показы-

вают и, как следствие, у населения нет представлений о том, что может быть как-то иначе. (С.С., капитан, 5 лет в полиции).

Социальный контроль образовательных учреждений, семьи – это первичный круг, который может увидеть и проконтролировать, дать оценку и знак в полицию, на что и на кого стоит обратить внимание, пока не совершено преступление. Мы сами у себя убираем профилактику преступлений на уровне социального контроля, так как в передачах, фильмах нет яркого образа человека или группы людей, осуществляющих этот контроль на добровольных началах. (Г.О., майор, 21 год в полиции).

В СМИ часто фигурирует необходимость ужесточения наказания или более серьезного оснащения полицейских оружием, так как это станет условием безопасности (на практике же это приведет к обратному эффекту: больше оружия на одной стороне – приведет к его увеличению и на другой; жесткость наказания не станет гарантией несовершения преступления, но к ожесточению общества приведет).

Ружье, висящее на стене – рано или поздно выстрелит, вот так и полицейский, носящий больше оружия, рано или поздно им воспользуется. Те, кто находятся по ту сторону от закона – являются зеркалом, и также будут носить больше оружия. Это приведет к большей крови и не уберет преступность совсем. (Т.Т., майор, 18 лет в полиции).

Более жесткое наказание не уменьшает количество преступлений. А вот профилактическая и просветительская работа – это могут сделать. (Д.А., полковник, 35 лет в полиции).

Борьба с преступностью зачастую означает только репрессивные меры, хотя практика показывает эффективность профилактических и просветительских мер, но они не отражаются в СМИ.

Наказывать всегда проще, чем понять причины и заниматься их устранением. Но именно профилактика и предупреждение преступлений могут дать положительный результат, а отнюдь не то, что тот, кто совершил преступление –



получит более жесткое наказание. (И.Т., капитан, 6 лет в полиции).

Изменить общество, уменьшить уровень преступности – повышением серьезности наказания нельзя, только через просвещение разных социальных групп, повышение социальной активности и ответственности за свою жизнь – может изменить криминальный характер социального устройства. (Г.А., подполковник, 16 лет в полиции).

В информационных сообщениях и фильмах достаточно редко рассматриваются социальные причины преступности (что к ней приводит, какие последствия для жизни совершившего преступления воплощаются в реальность).

В СМИ не показывают – что приводит к преступлению человека. Это единичные примеры, которые не дают общего понимания. Работать с социальной системой – требует больше времени и ресурсов, гораздо проще обвинить конкретного человека – что он виноват, не разбираясь, почему и как та среда, в которой он жил создала условия для преступления. (Т.А., подполковник, 22 года в полиции).

Фильмы показывают уже готового преступника, а если идут слайды из детства, то и они формируют образ матерого уголовника. Но в детстве все преступники были детьми, со своими радостями и горестями и преступниками они становятся не потому, что сами такие, потому что не смогли для себя найти других путей. Это социальная задача, а не личная и ее надо решать комплексно, а не точно. (Е.К., майор, 12 лет в полиции).

Отдельная история про журналистские расследования, которые зачастую не строятся на знании различных отраслей права, опираются на эмоциональную оценку и вольное использование фактов, что приводит к перекосам восприятия (в результате сами требуют правового расследования о предоставлении ложной или неточной информации порочащей человека или группу людей).

Журналист – это не юрист, не следователь. Он видит факт, но не видит другой факт и преподносит информацию так, как это будет более ярко, над-

рывно, эмоционально, а не достоверно. Каким бы объективным не было его расследование. Жанр определяет. Плюс незнание внутренних процедур и правил расследования. В результате – эмоциональный продукт, не соответствующий действительности. (Т.А., полковник, 40 лет в полиции).

Журналистские расследования очень часто путают следы и помогают преступникам, а не полицейским. Профиль расследований – журналиста и следователя полиции – разные по определению. Достаточно редко они могут быть дополнены друг другом. Но влиять на общественное мнение, социальные установки – журналистские расследования могут гораздо более эффективно, нежели чем простая работа следственного отдела. (О.Г., капитан, 8 лет в полиции).

СМИ формируют общественные стереотипы и установки, и они влияют на поведение и мышление людей (усиливая страхи и тревоги через освещение «ярких» преступлений) или же конструируют образ преступников как «злых людей» и люди верят, потому что нет другого опыта взаимодействия с преступниками.

После сериалов про маньяков – каждый второй, наверное, считает, что если преступление – то это преступление серийного убийцы. Во-первых, серийников достаточно мало, но благодаря СМИ о них много кто слышал. Во-вторых, преступлений другого вида (кражи, грабежи, экономические преступления и проч.) в десятки раз чаще случаются. Но образ преступника формируется благодаря не самым распространенным преступлениям. (А.Е., майор, 15 лет в полиции).

В новостных лентах часто звучат совершенные преступления. Результатом этого становится убеждение, что вокруг только преступники, которые совершают преступления. Это приводит к развитию социальных страхов и ограничений. (Н.Н., майор, 12 лет в полиции).

Информация из СМИ зачастую может приводить к стигматизации [8] определенной социальной группы (бывшие осужденные, бомжи, мигранты и проч.), если кто-то один или несколько предста-

вителей этого сообщества подозревают в преступлении и об этом становится известно общественности.

Не раз сталкивался с тем, что, если непроверенная информация утекает к журналистам и они ее обнародуют – ждем погромов, драк, разборок. Зачем такая провокация? Да, она может помочь найти преступника, но параллельно создаст поводы для других преступлений и в результате этих действий как правило, есть жертвы, а это значит – новые преступления. (С.С., майор, 13 лет в полиции).

Быть тем, кого обвиняют в любом преступлении не комфортно, особенно если это представитель какого-то закрытого сообщества (национально-культурного, религиозного, финансового и т.д.). Толпа слепа и жестока. И бьёт не столько виновных, сколько слабых. А это неоправданная агрессия. (О.Г., капитан, 7 лет в полиции).

В фильмах и криминальных передачах зачастую происходит облагораживание образа преступников и демонизация или интеллектуальной ограниченности полицейских, что разрушает имидж полицейских в обществе и нивелирует ценность профессионализма рядовых сотрудников. Необходимо отражать такой образ преступника, который соответствует реальности, а не фантазиям режиссера или редактора. Также, большой массив информации о насилии – подрывает веру населения в полицию, в то, что ее представители могут их защитить.

На мой взгляд нужна чёткая идеологическая линия – какой образ полицейского надо формировать в фильмах, и как следствие, в общественном сознании. Без цензуры невозможно сформировать положительный образ стража порядка, а вместе с тем и образ уверенности в безопасности и стабильности общественного развития. Пока же, кинематограф и криминальные передачи зачастую занимают демотивирующую позицию в отношении образа полиции и полицейских. (М.О., подполковник, 22 года в полиции).

Не всегда стоит рассказывать о преступлениях и преступниках в деталях,

особенно это может негативно сказаться на впечатлительной части населения. Более того, через детальное описание каких-то преступлений есть вероятность появления подражателей. И в конечном счете, это разрушит социальные ориентиры и условия общественного развития. Быть полицейским сегодня – не простая задача, это не просто выполнять свою работу, но и противостоять общественным установкам. Если рядовые сотрудники на последнее не будут тратить время и силы, то, возможно, и в реализации своей непосредственной работы они будут более успешны. (Г.Д., подполковник, 25 лет в полиции).

Из положительных моментов, на которые указывали участники фокус-групп, можно отметить: возможность привлечь добровольцев на охрану правопорядка, обладающих активной жизненной позицией; повышении правовой культуры населения в знании различных направлений права, где какие вопросы могут освещаться.

Положительный момент в информации транслируемой через СМИ есть тот, что те, кому действительно не безразлично происходит в его дворе, в его городе, в его стране – готовы проявлять гражданскую активность, входить в общественные дружины и быть активным сознательным гражданином. Но таких, увы, единицы. Без идеологической пропаганды (опять же информационной) – качественно ситуация не изменится. Поэтому нужна воля сверху, которая бы подкреплялась реальной поддержкой в виде информационно политики и ресурсного обеспечения социально активных граждан всем необходимым при осуществлении их деятельности. (Л.Л., капитан, 6 лет в полиции).

Множество фильмов про полицейских, информационных сообщениях о преступлениях и возможных мерах наказания косвенно повышают правовую грамотность, но не несут системного понимания правового поля РФ. В данном вопросе также нужна подготовка и комплексная просветительская деятельность. (С.С., майор, 13 лет в полиции).



Обобщая итоги фокус-группового исследования, можно выявить ряд проблемных зон, которые являются следствием отсутствия идеологической политики власти, а другие зоны кроются в низкой правовой культуре и грамотности населения, доверяющей громким словам и эмоциональному подключению, а не реальным взвешенным, объективным выводам о сложившейся ситуации, конкретных действиях отдельных людей и т.д.

Выводы

Таким образом, воздействие СМИ на преступность имеет сложную структуру и различные эффекты. Информация о преступлениях одни группы населения может спровоцировать к преступным действиям, а для других быть мотивом для повышения осознанности и гражданской позиции, направленной на борьбу с преступностью, для третьей – сформировать установку, что с ними обязательно случится несчастье и произойдет то или иное преступление. Сообщая о преступлениях СМИ активно формируют представления населения о представителях правопорядка, непосредственно влияя на имидж полиции и репутации сотрудников.

Как стоит освещать преступления и преступность в СМИ?

1. Достоверно и проверено, не следовать стереотипам и не цепляться за яркие эмоции, а быть объективным, так как жертвами (только разных преступлений), могут быть все участники того преступления, которое стало поводом внимания СМИ.
2. Знать и учитывать особенности восприятия населением той или иной информации о преступлениях, регулярно отслеживать адекватное ее восприятие.
3. Заботиться о положительном образе полицейских, так как это укрепляет саму систему власти, повышает уровень доверия ей.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Воздействие на сознание: СМИ и политическая про-

паганда // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 862–868.

2. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Ардашев Р.Г. Субъективный образ современных полицейских в печатных сми: на основе контент-анализа публикаций в «Аргументах и фактах» с 2010 по 2020 год // Образ современного полицейского в общественном сознании. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции. Отв. редактор В.Б. Рожковский. Ростов-на-Дону, 2022. С. 22–25.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
5. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 58–64.
6. Ардашев Р.Г. Иррациональные тенденции в деятельности правоохранительных органов и спецслужб // Закон и право. 2020. № 7. С. 144–147.
7. Безруков А.В., Журавлев О.М. Проблемы воздействия СМИ на потенциальных и состоявшихся преступников // Вестник МГТУ. 2001, Т. 4. № 2. С. 339–344.
8. Иванов Р.В. Влияние геополитических процессов на повседневность: капсулы времени в России // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией



- О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 102–104.
9. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.
 10. Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 24–29.
 11. Полюшкевич О.А. Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 702–704.
 12. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
 13. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 84–89.
 14. Полюшкевич О.А. Условия солидарности: правосудие или справедливость? // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 41–51.
 15. Скуденков В.А. Медиаконструирование страхов в современном обществе // Социальная реальность виртуального пространства: материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутск,

25 сентября 2023 г. / под общ. ред. О.А. Полюшкевич. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 103–111.

THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE FORMATION OF PUBLIC OPINION ABOUT CRIME

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article provides an expert analysis of the influence of the media on public opinion about crime. As a result of 6 focus groups (n=36), the main negative and positive consequences of the influence of the media on public opinion about crimes and criminals are revealed. Proposals are being considered to change the information policy of the media on the dissemination of information about crimes, increasing the legal consciousness of the population and journalists.

Keywords: media environment, media, crime, social stereotypes, public opinion, steam consciousness, legal culture.

References

1. Ardashev R.G. Impact on consciousness: media and political propaganda // Telecommunication technologies: Updating and solving the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, 2020. pp. 862–868.
2. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. P. 53–61.
3. Ardashev R.G. Subjective image of modern police officers in the print media: based on content analysis of publications in "Arguments and Facts" from 2010 to 2020 // The image of a modern police officer in the public consciousness. Collection of materials of the International Scientific and Theoretical Conference. Rep. editor V.B. Rozhkovsky. Rostov-on-Don, 2022. pp. 22–25.
4. Ardashev R.G. Irrationality of public opinion: fears of interaction with government officials // Mission of Confessions. 2020. T. 9. No. 3 (44). pp. 340–344.
5. Ardashev R.G. Irrationality of the legal consciousness of Russians // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FSBEI HE "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyush-



- kevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2020. pp. 58–64.
6. Ardashev R.G. Irrational trends in the activities of law enforcement agencies and intelligence services // *Law and Law*. 2020. No. 7. pp. 144–147.
 7. Bezrukov A.V., Zhuravlev O.M. Problems of the influence of the media on potential and established criminals // *Bulletin of MSTU*. 2001, T.4. No. 2. P. 339–344.
 8. Ivanov R.V. The influence of geopolitical processes on everyday life: time capsules in Russia // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 102–104.
 9. Polyushkevich O.A. Social modeling with information and analytical data: is the truth in the flow or the result? // *In search of social truth*. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. pp. 343–345.
 10. Polyushkevich O.A. Stigmatization: analysis within the framework of I. Hoffman's concept // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019. pp. 24–29.
 11. Polyushkevich O.A. The struggle between justice and fairness in the public consciousness of Russians // *Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world*. Collection of materials. Irkutsk, ISU, 2018. pp. 702–704.
 12. Polyushkevich O.A. Trust in legal institutions // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2019. pp. 96–103.
 13. Polyushkevich O.A. Rules of law in public assessments // *State, civil society and law: theoretical and applied issues of correlation and development*. materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2019. pp. 84–89.
 14. Polyushkevich O.A. Conditions of solidarity: justice or fairness? // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2017. pp. 41–51.
 15. Skudenkov V.A. Media construction of fears in modern society // *Social reality of virtual space: materials of the V International scientific and practical conference*. Irkutsk, September 25, 2023 / under general. ed. O.A. Polyushkevich. Irkutsk: ISU Publishing House, 2023. pp. 103–111.

Региональная идентичность Юга России в формате маркеров различных уровней

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Курбатов Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский Социологический центр Российской Академии наук»
E-mail: kurbashy@list.ru

максимально реализуется при общем векторе соответствия региональной идентичности на всех трех указанных уровнях.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, уровни региональной идентичности, маркеры региональной идентичности.

В статье осуществляется анализ сложившихся подходов в отечественной и зарубежной исследовательской литературе в изучении региональной идентичности, в характеристике типов и видов региональной идентичности, ее связи с локальным и территориальным самосознанием и выявлении на основании этого уровней региональной идентичности. Сделан вывод о том, что региональная идентичность является многоуровневым феноменом, в соответствии с чем выделяются три уровня: микро-уровень, который выражает индивидуально-личностную идентификацию; мезо-уровень, который выражает идентификацию индивида с социальной группой, в том числе социальной, профессиональной, корпоративной группой, а также с этно-национальной группой, которая может рассматриваться как этническая диаспора, на основе которой осуществляется этническая и религиозно-конфессиональная идентификация; макроуровень, который выражает социально-гражданскую, государственную и общенациональную идентичность. Показано, что региональная идентичность на указанных уровнях выражается разными маркерами, характеризующими разные факторы идентификационного процесса и векторы его направленности. Установлено, что позитивная совместимость идентичностей, являющаяся основанием интеграции в полиэтничном обществе для формирования государственно-гражданской идентичности,



Актуальность исследования

Региональная идентичность является одной из разновидностей территориальной, локальной или местной идентичности. Особенностью региональной идентичности является ее социологическая и социокультурная привязка к местным, территориальным, социокультурным и этнолингвистическим группам населения, привязка к крупным демографическим и географическим районам и территориям, как местам проживания и условиям, которые определяют территориальные особенности жизнедеятельности людей, а также это социологическая привязка к административным кластерам и культурным границам.

Современная Российская Федерация, как и Юг России, является полиэтничным обществом, административно состоящим из множества территорий, имеющих свою разнообразную специфику. Соответственно, региональная идентичность, формирующаяся на разных уровнях, во многом обусловлена различными местными и территориальными факторами. Позитивная совместимость идентичностей является основанием интеграции в полиэтничном обществе для формирования государственно-гражданской идентичности. Изучение указанных обстоятельств, факторов и направлений формирования региональной идентичности является актуальной теоретической и практической исследовательской задачей.

Основная цель исследования

Основная цель исследования заключается в анализе сложившихся подходов в отечественной и зарубежной исследовательской литературе в изучении региональной идентичности, в характеристике типов и видов региональной идентичности, ее связи с локальным и территориальным самосознанием и выявлении на основании этого уровней региональной идентичности, которые выражаются в соответствующих маркерах идентификационного процесса.

Авторская гипотеза

Региональная идентичность является многоуровневым феноменом. Нам представляется целесообразным выделять несколько уровней региональной идентичности. Во-первых, это индивидуально-личностный уровень, который является микроуровнем. Во-вторых, это социально-групповой уровень, который выступает мезо-уровнем, соответствующий идентификации индивида в социальной группой, в том числе социальной, профессиональной, корпоративной группой, а также с этно-национальной группой, которая может рассматриваться как этническая диаспора, на основе которой осуществляется этническая и религиозно-конфессиональная идентификация. В-третьих, это макроуровень идентификации, на котором формируется социально-гражданская, государственная и общенациональная идентичность.

Региональная идентичность на указанных уровнях выражается разными маркерами, характеризующими разные факторы идентификационного процесса и векторы его направленности.

Позитивная совместимость идентичностей, являющаяся основанием интеграции в полиэтничном обществе для формирования государственно-гражданской идентичности, максимально реализуется при общем векторе соответствия региональной идентичности на всех трех указанных уровнях.

Методология исследования

Поскольку понятие «региональная идентичность» тесно связано с понятиями «регион», «локальная и региональная культура», «культура укорененности», «пространственная идентификация», «самоотождествление индивида со своей «малой родиной», поэтому исходные, объективные данные для выбора методов социологического анализа региональной идентичности предоставляют такие дисциплины, как социальная философия, социальная психология, социальная антропология, политология, культурология, экономика и социальная

коммуникативистика и соответствующие методы указанных дисциплин.

Анализ региональной идентичности как процесса самоотождествления индивида с социокультурными, экономическими, политическими и прочими особенностями места проживания, предполагает использование методов социальной рефлексии, методов анализа локально-территориального самосознания, социального сплочения, групповой и социальной солидарности, которые лежат в основе методологической парадигмы, ориентированной на выявление идентификационных признаков формирования локального социального капитала на социальном, социокультурном, организационно-профессиональном, корпоративном, национально-этническом и религиозно-конфессиональном уровнях.

Методами анализа региональной идентичности являются методы тематического сравнения, методы классификации, дискурсивные методы анализа СМИ, методы экспликации особенностей использования понятий и символов в формировании образом региональной идентичности, а также методы систематизации и методы сравнительного анализа.

Обсуждение

Понятие региональной идентичности является предметом рассмотрения, как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, Н.А. Левочкина рассматривает понятие и сущность региональной идентичности, М.В. Назукина и Л.В. Смирнягин описывают структурные уровни региональной идентичности в современной России, М.П. Крылов и Р.Ф. Туровский анализируют региональную идентичность в современной России, Э.А. Зелетдинова, В.В. Дьякова, М.Н. Руденко, Е.В. Гайнутдинова акцентируют внимание на региональной идентичности в разрезе социологического анализа [1,2,3,4,5]. Отечественные исследователи обращают внимание на сложность феномена региональной идентичности, что связано с множественностью типов региональных общностей.

Так, А.В. Лубянов характеризует несколько типов региональных общностей: во-первых, это общность, связывающая социальные нормы, характер коммуникации, формы взаимодействия индивидов в поселенческой близости; во-вторых, региональная общность, обусловленная этнокультурным единением и общностью ценностей; в-третьих, квазикультурные региональные общности, которые формируются в результате реализации экономических и социокультурных проектов. Г.Д. Золина указывает на факторы, которые оказывают влияние на формирование региональных общностей в виде сложившихся повседневных социальных практик органов власти, алгоритмов управления и сложившихся форм диалога власти и населения. А.Ю. Завалишин предлагает для анализа региональной идентичности использовать методы изучения территориального поведения (урбанистическое, оседлое, миграционное, космополитическое, патриотическое, индустриальное, аграрное). Л.П. Богданова и А.С. Щукина выделяют четыре вида территориальных общностей: внутригородскую, сельского населенного пункта, города, региональную и каждому виду территориальных общностей соответствуют свои виды присвоения территориальных ресурсов, структуры занятости и интересов, которые лежат в основе формирования региональной идентичности [6,7,8,9].

Территория, на которой человек живет и этно-конфессиональная общность, к которой он принадлежит характеризуют определяющее содержание его идентичности, в соответствии с этим, региональная идентичность может и должна рассматриваться как базовый компонент идентификации, при этом зарубежные исследователи провозглашают различные подходы в изучении данного феномена. Так, Г. Раагмаа увязывает формирование региональной идентичности в связи с развитием социального капитала, Х. Московитц рассматривает региональную идентичность в основном в связи с векторами экономического развития региона, согласно чему региональное самосознание прежде всего связано



с региональным экономическим самосознанием, Ф. Кнапс и С. Херрманн акцентируют внимание на анализе чувства регионального единства и самобытности, Дж. Пенг, Д. Стриджкер и К. Ву в основу специфики региональной идентичности кладут изучение специфики мест, в соответствии с чем Дж. Чекель предлагает системный анализ региональной идентичности [10,11,12,13,14].

Результатами таких исследований стали представления о специфике регионального самосознания, как традиционных, так и в модернизационных формах, разработка имиджей территорий и анализа регионального символизма и региональной топонимики, выявление соотношения региональной и общенациональной и государственно-гражданской идентичности.

Региональная идентичность является многоуровневым феноменом, который характеризуется различными факторами. Юг России представляет собой полиэтничный и поли-конфессиональный регион, для этого достаточно оценить его национальный состав: Русские – 60,30%, Чеченцы – 5%, Аварцы – 3,43%, Армяне – 2,69%, Кабардинцы – 2,23%, Ингуши – 2,21%, Даргинцы – 2,13%, Осетины – 2,08%, Кумыки – 1,74%, Украинцы – 1,73%, Лезгинцы – 1,57%, Казахи – 0,88%, Карачаевцы – 0,82%, Азербайджанцы – 0,81%, Татары – 0,76%, Калмыки – 0,73%, Лакцы – 0,65%, Адыгейцы – 0,55%, Табасараны – 0,53%, Балкарцы – 0,47%, Евреи – 0,45%, Белорусы – 0,37% [15].

Исходя из полиэтничности региона, можно ожидать, что региональная идентичность будет представлять собой пеструю и мозаичную картину, не сводимую к какому-то общему знаменателю. Однако, следуя эмпирическим данным, например, представленным в исследовании Л.В. Клименко, на микроуровне региональная идентичность, характеризуемая на данном уровне, как самоощущение и самоописание, характеризуется такими маркерами, как «житель Ростовской области» и «житель Юга России», что соответствует 38,3% и 36,4% опрошенных. Дополнительно к этому 14,8%

идентифицируют себя с жителями Северного Кавказа.

Применительно к Краснодарскому краю, личностное самоощущение и самописание выражается маркерами типа «житель Краснодарского края», что соответствует 82,9% опрошенных. Более того, проявляется еще один маркер, соответствующий тем, кто связывает свою идентичность с реальными группами повседневного общения, в частности, общения семейного, гендерного и поколенческого, что набирает от 57,1% до 41,4%. Более того, даже на микроуровне при самописании и самоощущении жителей Юга России добавляется маркер макроуровня, который касается общей гражданской идентификации 53,4%, что характеризует его довольно высокий вес в общей структуре региональной идентификации.

Итак, на микроуровне доминирует маркер, соответствующие идентификационному признаку локально-территориальной идентичности, на мезо-уровне проявляет себя маркер, соответствующий идентификационному признаку включенности индивида в группу повседневного общения.

Поскольку региональная идентичность выражается в самоощущении, то важно указать на приоритеты регионального самоощущения у молодежи. Так, социологические опросы показывают следующую картину: на первое место среди приоритетов опрошенные поставили семейно-родственные отношения 37,5%, 27,1% – поставили гражданскую близость, этническую близость признали 5,2%, а конфессиональную – 3,4% [16].

Сравнительные показатели по группам подростков и взрослых, как показало исследование А.В. Серикова и И.Б. Скудновой, дает примерно такую же картину: ориентируются на гражданскую идентичность 48% подростков и 68% взрослых, в то время как идентичность с религиозной группой предпочитают 16% подростков и 12% взрослых, идентификацию с этнической принадлежностью предпочитают 4% и подростков и взрослых [17].

На Юге России, в частности в республике Дагестан, по данным А.Ю. Рыкуновой, позиционируют себя как граждане России 69,3% опрошенных, 23,3% идентифицируют себя «с людьми той же веры», на третьем месте 20,2% стоит идентификация с «земляками». На более низком уровне стоит идентификация «с людьми той же профессии» – 7%, «с людьми того же достатка» – 4,3% [18].

Можно заключить, что имеет место доминирование идентификационных признаков макроуровня, а именно гражданской идентичности, при включенности в эти показатели признаков культурного и этнического плюрализма. Это дает представление о модели региональной идентичности. Данная модель при своей целостности (доминировании на макроуровне признаков гражданской идентичности), предполагает одновременное и локально оформленное сосуществование, как базисного гражданского, так и локально-регионального компонентов, включающих в себя социально-групповые, корпоративно-профессиональные, этнокультурные, религиозно-конфессиональные и иные элементы. Можно сделать вывод о том, что основанием фундирования региональной идентичности являются общегражданские ценности, которые соответственно конкретизируются по ряду идентификационных признаков мезо-уровня региональной идентичности.

Так, например, маркерами этнической идентичности на мезо-уровне, как следует из исследования А.З. Адиева, являются следующие: национальные праздники 39,7%, национальные блюда 34,5%, народные песни 22,5%, использование традиционных предметов 12,7%, национальная одежда 6%, соблюдение традиций 29,8%, осознание себя как представителя этнической группы 35,2%, территория проживания 43,6%, историческое прошлое 33,2%, часть культуры этнической группы 80,9%. При этом опросы показывают, что доминирует общегражданская (государственно-гражданская) идентичность (72,6%), на втором месте – региональная иден-

тичность (66%) и затем следует этническая идентичность (45,5%) [19].

Значительное место в доминировании государственно-гражданской идентичности, согласно исследованию Н.Ф. Беляевой, занимает патриотизм, в частности патриотами России в общей выборке считают себя 61,3% опрошенных [20]. При этом, как отмечает З.Г. Абдулагатов, патриотами России себя назвали и те, кто идентифицировал себя как представитель своего народа, в частности, как дагестанец и как мусульманин [21].

Основные результаты

Анализ сложившихся исследовательских подходов в отечественной и зарубежной исследовательской литературе в изучении региональной идентичности показал, что региональная идентичность представляет собой многоуровневый феномен, который нужно исследовать на микро-, мезо- и макроуровнях.

На микроуровне идентификация осуществляется на основе самоописания жителей региона, что выражается в соответствующих маркерах, коннотация которых проявляется в характеристике самоощущения территориальной принадлежности и выражает собой признаки локальной идентичности.

На мезо-уровне идентификация связана с социально-групповыми чертами, маркеры которых включают в себя признаки группового сплочения и соответствующей солидарности, включающий в себя такие идентификационные признаки, как социальный, социокультурный, организационно-профессиональный, национально-этнический и религиозно-конфессиональный капитал, соответствующий сплочению обществ на основе данных ценностей.

На макроуровне идентификации, на котором формируется социально-гражданская, государственная и общенациональная идентичность.

Анализ результатов опросов показывает, что на микроуровне доминируют маркеры, соответствующие идентификационному признаку локально-территориальной идентичности, на ме-



зо-уровне проявляет себя маркер, соответствующий идентификационному признаку включенности индивида в группу повседневного общения.

Имеет место доминирование идентификационных признаков макроуровня, а именно гражданской идентичности, при включенности в эти показатели признаков культурного и этнического плюрализма.

На этой основе возникает представление о модели региональной идентичности, которая при своей целостности (доминировании на макроуровне признаков гражданской идентичности), предполагает одновременное и локально оформленное существование, как базисного гражданского, так и локально-регионального компонентов, включающих в себя социально-групповые, корпоративно-профессиональные, этнокультурные, религиозно-конфессиональные и иные элементы.

Делается вывод о том, что основаниям фундирования региональной идентичности являются общегражданские ценности, которые соответственно конкретизируются по ряду идентификационных признаков мезо-уровня региональной идентичности, базисной такой ценностью выступают маркеры патриотизма.

Литература

1. Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–3. – С. 446–453; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8533> (дата обращения: 08.03.2022).
2. Назукина, М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионология, 2011, 4. [<http://regionsar.ru/node/809>]. (Дата обращения: 12.10.2014).
3. Смирнягин, Л.В. О региональной идентичности // Демоскоп Weekly, 2014, 597, 598, – С. 5–18 мая. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/>
4. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов – М.: Новый хронограф, 2010–240 с., ISBN 978–5–94881–109–3.; Туровский, Р.Ф. Региональная идентичность в современной России Текст. / Р.Ф. Туровский // Российское общество: становление демократических ценностей; под ред. М. Макфола и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. – С. 87–136.
5. Зелетдинова Э.А., Дьякова В.В., Руденко М.Н., Гайнутдинова Е.В. Региональная идентичность в фокусе социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). – С. 14–22.
6. Лубянов А.В. Региональная общность как объект социологического анализа // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2014. № 1(33). – С. 60–69.
7. Золина Г.Д. Регион как социальная общность в медиакоммуникативном измерении // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). – С. 244–248.
8. Завалишин А.Ю. Исследование территориального поведения региональной общности в социологии // Региональные проблемы. 2010. Т. 13, № 1. – С. 106–110.
9. Богданова Л.П., Щукина А.С. Территориальные интересы общностей разных иерархических уровней // Территориальные интересы: сборник научных трудов / под. ред. А.А. Ткаченко. Тверь, 1999. – С. 32–66.
10. Raagmaa G. Regional Identity in Regional Development and Planning // European Planning Studies. 2010. Volume 10, 2002 – Issue 1. – pp. 55–76. <https://doi.org/10.1080/09654310120099263>
11. Moscovitz H. Regional identity and economic development in 'recovering' regions: Exploring the Walloon case. Regional & Federal Studies. 2020. Volume 31, 2020 – Issue 5. – pp. 597–624. Download citation <https://doi.org/10.10>



- 80/13597566.2019.1707673 (Date of Appeal 3.06.2021)
12. Checkel J. Regional Identities and Communities // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Print Publication Date. Political Science, International Relations, 2016.
 13. Knaps, F. and Herrmann, S., 2018. Analyzing Cultural Markers to Characterize Regional Identity for Rural Planning. Rural Landscapes: Society, Environment, History, 5(1), p.1. DOI: <http://doi.org/10.16993/rl.41>.
 14. Peng J., Strijker D. Wu Q. Place Identity: How Far Have We Come in Exploring Its Meanings? // Front. Psychol. 2020. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00294> (Date of Appeal 10.03.2020).
 15. ЮФО: Национальный состав и владение языком, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.10.2017).
 16. Клименко Л.В. Структура идентичности населения в контексте формирования социетальной целостности Юга России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2013. Том 6. Выпуск 6(32). – С. 55–65.
 17. Сериков АВ., Скуднова И.Б. Специфика формирования региональной идентичности молодежи Юга России. Режим доступа: <http://naukarus.com/spetsifika-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-molodezhi-yuga-rossii>
 18. Рыкунова, А.Ю. Исследование гражданской идентичности подростков и взрослых людей /А.Ю.Рыкунова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. № 15,1 (119.1). – С. 71–74.
 19. Адиев А.З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.) // Социологические исследования. 2021. № 4. – С. 136–142. DOI: 10.31857/S013216250011312
 20. Беляева Н.Ф. Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога [Электронный ресурс]: Регионология. 2010.

№ 2. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/518?page=0,0>.

21. Абдулагатов З.М. Религия в системе идентичностей молодежи Республики Дагестан // Исламоведение, 2012. № 4. – С. 10–20.

REGIONAL IDENTITY OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE FORMAT OF MARKERS VARIOUS LEVELS

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I.

Southern Federal University; South-Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article analyzes the existing approaches in the domestic and foreign research literature in the study of regional identity, in characterizing the types and types of regional identity, its connection with local and territorial self-consciousness and identifying levels of regional identity based on this. It is concluded that regional identity is a multi-level phenomenon, in accordance with which three levels are distinguished: the micro-level, which expresses individual-personal identification; meso-level, which expresses the identification of an individual with a social group, including a social, professional, corporate group, as well as with an ethno-national group, which can be considered as an ethnic diaspora, on the basis of which ethnic and religious-confessional identification is carried out; the macro level, which expresses the socio-civil, state and national identity. It is shown that regional identity at these levels is expressed by different markers that characterize different factors of the identification process and vectors of its direction. It has been established that the positive compatibility of identities, which is the basis for integration in a multi-ethnic society for the formation of a state-civil identity, is maximally realized with a common vector of compliance with regional identity at all three of these levels.

Keywords: identity, regional identity, levels of regional identity, markers of regional identity

Reference

1. Levochkina N.A. Regional Identity: Concept and Essence // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2016. – No. 1–3. – P. 446–453. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8533> (date of access: 03/08/2022).
2. Nazukina, M.V. Structural Levels of Regional Identity in Modern Russia // Regionology,



- 2011, 4. [<http://regionsar.ru/node/809>]. (Accessed: 10/12/2014).
3. Smirnyagin, L.V. On Regional Identity // *Demoscope Weekly*, 2014, 597, 598, – pp. 5–18 May. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php>]. (Accessed: 9.10.14).
 4. Krylov M.P. Regional identity in European Russia / M.P. Krylov – M.: New Chronograph, 2010–240 p., ISBN 978–5–94881–109–3.; Turovsky, R.F. Regional identity in modern Russia. Text. / R.F. Turovsky // *Russian Society: Formation of Democratic Values*; ed. M. McFaul and A. Ryabov; Moscow Carnegie Center. M.: Gandalf, 1999. – S. 87–136.
 5. Zeletdinova E.A., Dyakova V.V., Rudenko M.N., Gainutdinova E.V. Regional identity in the focus of sociological analysis // *Theory and practice of social development*. 2020. No. 1 (143). – S. 14–22.
 6. Lubyantsev A.V. Regional community as an object of sociological analysis // *Education. The science. Innovation: Southern Dimension*. 2014. No. 1(33). – S. 60–69.
 7. Zolina G.D. Region as a social community in the media-communicative dimension // *Bulletin of the Adyge State University. Ser. 2: Philology and art history*. 2014. No. 2 (140). – S. 244–248.
 8. Zavalishin A. Yu. Study of the territorial behavior of a regional community in sociology // *Regional problems*. 2010. V. 13, No. 1. – S. 10b-110.
 9. Bogdanova L.P., Schukina A.S. Territorial interests of communities of different hierarchical levels // *Territorial interests: a collection of scientific papers / under. ed. A.A. Tkachenko*. Tver, 1999. – S. 32–66.
 10. Raagmaa G. Regional Identity in Regional Development and Planning // *European Planning Studies*. 2010. Volume 10, 2002 – Issue 1. – pp. 55–76. <https://doi.org/10.1080/09654310120099263>.
 11. Moscovitz H. Regional identity and economic development in 'recovering' regions: Exploring the Walloon case. *Regional & Federal Studies*. 2020. Volume 31, 2020 – Issue 5. – pp. 597–624. Download citation <https://doi.org/10.1080/13597566.2019.1707673> (Date of Appeal 3.06.2021).
 12. Checkel J. Regional Identities and Communities // *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Print Publication Date. Political Science, International Relations, 2016.
 13. Knaps, F. and Herrmann, S., 2018. Analyzing Cultural Markers to Characterize Regional Identity for Rural Planning. *Rural Landscapes: Society, Environment, History*, 5(1), p.1. DOI: <http://doi.org/10.16993/rl.41>.
 14. Peng J., Strijker D. Wu Q. Place Identity: How Far Have We Come in Exploring Its Meanings? // *front. Psychol*. 2020. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00294> (Date of Appeal 10.03.2020).
 15. Southern Federal District: National composition and language skills, citizenship. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (date of access: 01.10.2017).
 16. Klimenko L.V. The structure of the identity of the population in the context of the formation of the societal integrity of the South of Russia // *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2013. Volume 6. Issue 6(32). – S. 55–65.
 17. Serikov A.V., Skudnova I.B. Specifics of the formation of the regional identity of the youth of the South of Russia. Access mode: <http://naukarus.com/spetsifika-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-molodezhi-yuga-rossii>
 18. Rykunova A. Yu. A study of the civil identity of adolescents and adults / A. Yu. Rykunova. – Text: direct // *Young scientist*. – 2016. No. 15.1 (119.1). – S. 71–74.
 19. Adiev A.Z. All-Russian identity in Dagestan (according to polls in 2016–2019) // *Sociological research*. 2021. No. 4. – S. 136–142. DOI: [10.31857/S013216250011312](https://doi.org/10.31857/S013216250011312).
 20. Belyaeva N.F. Ethnic culture in the processes of ethnic identification and cultural dialogue [Electronic resource]: *Regionology*. 2010. No. 2. – Access mode: <http://regionsar.ru/node/518?page=0.0>.
 21. Abdulgatov Z.M. Religion in the system of identities of the youth of the Republic of Dagestan // *Islamic studies*, 2012. No. 4. – P. 10–20.

Методика оценки социальных проблем одиноких матерей: на примере жительниц г. Владикавказа

Дзагурова Наталья Хаджумаровна,

старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра РАН
E-mail: tedeevanina@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные в современном российском обществе, в связи с реализуемой в стране демографической политикой, социальные проблемы одинокого материнства в контексте формирования стратегии социальной защиты данной категории населения. Представлены результаты анкетирования 42 одиноких женщин в возрасте от 20 до 50 лет, не проживающих совместно с партнером и воспитывающих детей в возрасте до 18 лет. Применен метод системного анализа, позволивший определить причинно-следственные связи социальных проблем исследуемой гендерной группы. На основе анализа эмпирической базы исследования сделан вывод о том, что одинокое материнство в современных условиях социально уязвимо и требует комплексной оценки, для определения направленной помощи, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Ключевые слова: одинокое материнство, одинокая мать, социальные проблемы, социальное благополучие, женщины.

Акцент на социальных проблемах одиноких матерей в современном российском обществе, связан с реализуемой в стране демографической политикой, направленной как на увеличение рождаемости, так и на преодоление социальных проблем семьи. Нестабильный брак, высокое количество разводов и количество детей, рожденных вне официального брака – являются индикаторами кризиса семейных ценностей, преодоление которого заключается, в том числе и в изучении проблем одиноких матерей, для формирования стратегии социальной защиты данной категории населения.

Если до середины 20 века появление одиноких матерей было явлением не столь распространенным, и было вызвано стечением обстоятельств, то в современном обществе молодые женщины становятся матерью минуя регулируемые законом отношения осознанно, отдавая приоритет желанию иметь детей.

В современном российском законодательстве, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» одинокая мать – «женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей (родных или усыновленных) в соответствии с семейным и иным законодательством, то есть воспитывающая их без отца, в частности, в случаях, когда отец ребенка умер, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограниченно дееспособным), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребенка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания де-



тей или от защиты их прав и интересов, в иных ситуациях» [5].

В исследовательской практике выделяют следующие типы одиноких матерей:

- матери, воспитывающие ребенка без супруга вынужденно;
- матери, осознанно решившие завести ребенка в одиночку;
- матери, взявшие детей на свое попечение из детских домов [1].

Последняя Всероссийская перепись населения 2021 года выявила, что из всех семей с детьми на матерей-одиночек приходится 37,7%. [3].

В данной статье рассматриваются социальные проблемы одиноких матерей, – жительниц г. Владикавказа, на основании изучения которых, можно судить о региональной специфике социальных проблем одиноких матерей.

Использованы результаты анкетирования, проведенного в сентябре – октябре 2023 г. среди 42 респондентов, в возрасте от 20 до 50 лет, не проживающих совместно с партнером и воспитывающих детей в возрасте до 18 лет.

Показатели, на основании которых делался анализ наличия или отсутствия социальных проблем у одиноких матерей, в анкетировании были разделены на следующие блоки:

1. Финансовое положение семьи;
2. Жилищные условия;
3. Поддержка одиноких матерей государством;
4. Трудоустройство и карьерный рост;
5. Детско-родительские отношения.

Данные о респондентах, участниках анкетирования представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы, наибольшее количество одиноких матерей выявлено в активном репродуктивном возрасте от 20 до 30 лет, но при этом более половины имеют лишь одного ребенка. Более половины одиноких матерей имеет высшее образование, что при наличии благоприятных социально-экономических условий дает возможность этим женщинам зарабатывать средства для достойного содержания семьи. Высокий процент эпизодического участия отцов

в воспитании детей ставит одинокую мать в условия, где она становится единоличным носителем экономической и воспитательной функций семьи.

Таблица 1. Характеристика семей респондентов

Возраст		
20–30 лет	30–40 лет	40–50 лет
53%	26%	21%
Образование		
среднее профессиональное	высшее	
46%	64%	
Кол-во детей		
1	2	3 и более
64%	32%	4%
Статус отношений с отцом ребенка		
В разводе	Вдова	Ребенок рожден с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ЗКО)
88,2%	10%	1,8%
Участие отца в воспитании ребенка		
Эпизодическое	Отец не участвует в воспитании ребенка	Отец активно участвует в воспитании ребенка
82%	7%	11%

Результаты анкетирования выявили, что наиболее часто одинокие матери сталкиваются с проблемами финансового характера, что согласуется с данными современных исследований [2, 4]. На вопрос о состоянии финансового положения 12,5% респондентов ответили, что денег не хватает, 42,5% высказались о том, что денег хватает на питание, мелкие покупки и оплату коммунальных услуг, 34% ответили, что при экономии расходов денег хватает на нормальное содержание семьи, 11% опрошенных имеют доход на все необходимое. Более половины опрошенных основным источником дохода обозначили заработную плату – 76,4%, 23,6% респондентов отметили пособия на детей как основ-

ной источник дохода, алименты на детей от отца получают 35,3% женщин.

Проблема финансового обеспечения семей одиноких матерей тесно связана с проблемами жилищного обеспечения. Данные анализа жилищных условий опрошенных одиноких матерей показали, что 48% не имеют собственного жилья, из них 26% проживают в квартире, собственниками которой являются родственники, в общежитии проживает 12,4% респондентов, в съемной квартире – 9,6%.

Анкетирование указывает на то, что одинокие матери знают, какая поддержка со стороны государства им положена. Однако 22,4% опрошенных отметили, что поскольку их заработная плата немного превышает прожиточный минимум, пособие на детей они не получают. Отвечая на вопрос о поддержке государством семей одиноких матерей, респонденты отметили необходимость индексации и увеличения суммы выплат (65,9%), расширение спектра услуг государственной помощи (возможность нанять няню за счет государственных денег – 12,7%, профессиональное педагогическое консультирование в вопросах образования и воспитания детей – 36%, широкий спектр услуг дополнительного образования детей, оплачиваемый государством – 48%). Была отмечена необходимость привилегий в очереди на получение квоты в детском саду – 37% респондентов и устройства ребенка в «хорошую школу» не по месту прописки – 8,2%. В целом результаты анкетирования показали, что государственной поддержкой удовлетворены 23% опрошенных, 42,7% удовлетворены не полностью, 34,3% – неудовлетворены.

Согласно результатам анкетирования – 100% опрошенных одиноких матерей вовлечены в трудовую деятельность, при этом 12,6% работают на двух работах, 17,5% имеют удаленную подработку, при этом 34,2% одиноких матерей готовы освоить дополнительную профессию, что в 89% определяется необходимостью улучшения материального положения семьи, а в 11% определяется про-

фессиональными интересами. В вопросе трудоустройства и карьерного роста 43% опрошенных одиноких матерей считают, что они могут испытывать трудности, так как успех в карьере связан с наличием отсутствующего у них свободного времени, при этом 57% одиноких матерей считают, что наличие детей не препятствует карьерному росту. Такого мнения придерживаются респонденты, как с высшим образованием – 52,5%, так и со средним специальным образованием – 32%.

Во взаимодействии с детьми – 32% опрошенных одиноких матерей сталкиваются с проблемами детско-родительских отношений, что возможно связано с тем, что воспитательный потенциал семей одиноких матерей ниже в сравнении с полными семьями. В качестве причин возникающих проблем, в анкетах были обозначены следующие позиции: перегруженность на работе и дома – 34,2%, боязнь в одиночку принимать важные решения и нести всю ответственность за жизнь ребенка – 46%, отсутствие мужского участия в воспитании детей – 19,8%.

По мнению трети опрошенных одиноких матерей, их статус «одинокой матери» сказывается на качестве воспитания ребенка, из них 25,4% считают важным разделить ответственность за судьбу детей с их отцом, а 6,4% с другими родственниками.

Таким образом, результаты анкетирования одиноких матерей – жительниц Владикавказа, позволяют сделать вывод об их социальной уязвимости. Более половины опрошенных одиноких матерей не имеют собственной жилплощади и достаточных средств для содержания детей, на повседневное питание тратится более половины от суммы всех доходов семьи.

Основным источником доходов у подавляющего большинства респондентов является заработная плата, одинокие матери, как правило, пытаются улучшить своё материальное положение дополнительной профессиональной нагрузкой, независимо от уровня полученного образования.



Для опрошенных одиноких матерей актуальны проблемы детско-родительских отношений, что связано с отсутствием модели поведения одного из родителей и в дальнейшем может препятствовать успешной социализации детей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что одинокое материнство в современных условиях требует комплексной оценки, для определения направленной помощи на федеральном и региональном уровнях.

Литература

1. Данковцев О. А., Маскалянова С.А. Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinokogo-materinstva-v-rossiyskom-obschestve-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 21.10.2023).
2. Захаров С.В., Чурилова Е.В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология, этнология. 2013. Т. XXII. № 4. С. 86–117.
3. Перепись показала рост числа одиночек в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2023/64dcdcd9a794758fcac52e4> (дата обращения: 13.10.2023).
4. Поддубная Т.Н., Поддубный А.О.: Социальная защита семьи и детства в Российской Федерации // Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 510 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // «Гарант» – информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru / 70578102/> (дата обращения: 13.10.2023).

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE SOCIAL PROBLEMS OF SINGLE MOTHERS: ON THE EXAMPLE OF RESIDENTS OF VLADIKAVKAZ

Dzagurova N. Kh.

North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The article discusses the social problems of single motherhood that are relevant in modern Russian society, in connection with the demographic policy implemented in the country, in the context of the formation of a social protection strategy for this category of the population. The results of a survey of 42 single women aged 20 to 50 years who do not live together with a partner and raise children under the age of 18 are presented. The method of system analysis was applied, which made it possible to determine the cause-and-effect relationships of the social problems of the gender group under study. Based on the analysis of the empirical base of the study, it is concluded that single motherhood in modern conditions is socially vulnerable and requires a comprehensive assessment to determine the targeted assistance at both the federal and regional levels.

Keywords: single motherhood, single mother, social problems, social well-being, women.

References

1. Dankovtsev O. A., Maskalyanova S.A. The phenomenon of single motherhood in Russian society: a regional aspect // News of TuISU. Humanities. 2020. № 4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinokogo-materinstva-v-rossiyskom-obschestve-regionalnyy-aspekt> (date of reference: 10/21/2023).
2. Zakharov S.V., Churilova E.V. The phenomenon of single motherhood in Russia: statistical and demographic analysis of the prevalence and mechanisms of its formation // The world of Russia. Sociology, ethnology. 2013. Vol. XXII. № 4. pp. 86–117.
3. The census showed an increase in the number of singles in Russia [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2023/64dcdcd9a794758fcac52e4> (date of reference: 10/13/2023).
4. Poddubnaya T.N., Poddubny A.O.: Social protection of family and childhood in the Russian Federation // Rostov-on-Don: Phoenix, 2015. 510 p.



5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated January 28, 2014. On the application of legislation regulating the work of women, persons with family responsibilities and minors // Garant – information and legal portal [Electronic resource]. URL: [https:// base.garant.ru / 70578102/](https://base.garant.ru/70578102/) (accessed: 13.10.2023).



Взаимодействие с природной средой как фактор влияния на здоровье, психологическое благополучие, проэкологическое поведение

Ермолаева Юлия Вячеславовна,

научный сотрудник, Институт социологии,
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Взаимодействие с окружающей средой является первоосновой для самоотжествления себя как части природного мира, создания комплекса знаний о принципе функционирования окружающего мира, принципах проэкологического поведения. На основе мета-анализа исследований выделено несколько важных факторов. Имеющиеся данные подтверждают общую положительную роль раннего воздействия природы на психическое здоровье, но в совокупности данные не свидетельствуют о том, что воздействие на каком-либо конкретном этапе жизни более заметно связано с более высоким уровнем здоровья и благополучия, чем на других этапах. Возможность качественного взаимодействия с природой во многом зависит от среды (городская/сельская); времени, проводимого на природе; качестве проживаемого опыта. В рамках развития городской среды, как для экологии города, так и для благополучия человека крайне необходим достаточный уровень развития зеленых зон. Эффект взаимодействия с природой в рамках формирования проэкологического поведения на разных стадиях жизненного пути был различным, ранние опыты увеличивали вероятность проэкологического поведения, однако более важно оказалось качество переживаемого опыта и его осмысление, которое способствовало формированию экологической идентичности и приверженности социально – экологическим практикам.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологическая социология, социологическая теория, проэкологическое поведение, социально – экологические практики, трансформация личности, экологическая психология, субъект – объектные взаимодействия.

Антропогенный фактор воздействия на окружающую среду становится все более масштабным и глубоким. История взаимодействия с окружающей средой характеризуется возрастающим экстрактивным воздействием человека, где нарушается все больше планетарных границ. Новый этап взаимоотношений природы и человека наступил с началом промышленной революции, которая наращивает темпы вместе с пропорциональным использованием природных ресурсов. Однако, с социобиологической точки зрения, и природоохранные и потребительские практики изначально закладываются в процессе взаимодействия человека с природой, потребительская – для того чтобы человек, как и любое живое существо, мог удовлетворять свои жизненные потребности, природосберегающая – для того, чтобы сохранить окружающую среду для себя и своих потомков. Однако, баланс нарушается, и пути разрешения проблемы ограничены возможностями биосферы, деградация окружающей среды напрямую на здоровье человека и качество жизни.

Под взаимодействием с природой мы предполагаем непосредственно проведение времени на природе, то, как индивид воспринимает природу, то, как сам влияет на нее (исследование практик проэкологического поведения) Растет эмпирический интерес к тому, как природная среда может оказывать влияние на социальное и психологическое благополучие во многих его формах. Здоровье же в данном контексте следует трактовать как «состояния полного физического, психического и социального благополучия», и составляющие здоровья будут предметом данного исследования.

Главным теоретическим исследовательским вопросом данной статьи мы выделили то, какие эффекты взаимодействия с окружающей средой можно



наблюдать в рамках воздействия на социальные практики и психологическое благополучие, а практическим – как взаимодействие с природой может принести пользу на индивидуальном, коллективном уровнях, а также какое конечное влияние взаимодействия с природой накладывает на последующее поведение человека относительно самой природы.

Методология и методы

Метаанализ. Была применена четырехэтапная процедура: идентификация проблемы, скрининг статей, оценка приемлемости статей и включение в статьи метаанализ. Рецензируемый материал был получен в результате поиска литературы, проведенного в июне 2020 года с использованием баз данных: Scopus, Web of Science, Pubmed, РИНЦ и Cyberleninka. Домен 1 связан с мониторингом исследуемой группы населения с использованием жизненного цикла. точки зрения, включая такие ключевые слова, как «жизненный путь», «жизненная траектория», «взросление», и «жизненный опыт». Домен 2 охватывал воздействие природы, включая такие ключевые слова, как «зеленые насаждения», «зеленость», «городская природа», «воздействие на природу», «парк», «древесный покров», «сад», «городской лес», «растительность». », «ландшафт» и «экосистема». Домен 3 был связан с проэкологическими практиками и взаимодействием с окружающей средой, он включал в себя «благополучие», «здоровье», социально – экологические практики», «проэкологическое поведение», «био-сферные ценности», «личностная трансформация».

Также был проведен вторичный анализ данных авторских эмпирических исследований, посвященный экологическим практикам в прошлом.

В итоге было выявлено 90 исследований, подходящих по тематике. наибольшее количество исследований было проведено в Европе (62%), затем следуют Австралия и Новая Зеландия (14%), Северная Америка (12%), Азия (6%) и, наконец, межконтинентальные сравнительные исследования (2,4%), Россия (1%).

Поскольку в большинстве исследований изучалось население западных стран, Глобальный Юг был крайне недопредставлен. Интерес к озеленению в российской науке представлен в экологических исследованиях, урбанистической тематике. Среди статей около одной трети были посвящены городским условиям в рамках проблематики взаимодействия с природой, еще одна треть была посвящена смешанным исследованиям, исследующим различия в городском, пригородных и сельских условиях взаимодействия с природой.

Результаты и обсуждения

Физиология влияния окружающей среды на человека

Физиологические эффекты влияния природной среды многократно отмечены в исследованиях разных дисциплин, и поскольку физиологический аспект является базисом для физического и психологического здоровья, рассмотрим его первостепенно. Созерцание природного пейзажа помогает уменьшить активность симпатической нервной системы, ответственной за триггер стрессовых реакций, положительно воздействует на зрительные и слуховые сенсоры, когнитивные функции. У человека, который больше времени проводит в зеленых зонах, нормализуется уровень кислорода в крови и давление. Более активная деятельность – прогулки в зеленых парках, походы в горы, тренировки на свежем воздухе могут способствовать высвобождению эндорфинов[1]. Поскольку сами зеленые насаждения увеличивают микробное разнообразие, они способны положительно влиять на микрофлору человека, модулировать гиперактивные и гипо-иммунные реакции организма. Зеленые зоны улучшают качество воздуха, снижают его температуру летом, насыщают полезными веществами. Положительные эффекты взаимодействия с природой можно отметить не только при непосредственном взаимодействии, но и в результате просмотра фотографий с природными, прослушивания природных звуков[2]. Исследователи обнаружили, что участники, которые рассма-



тривали фотографии природы, имели более высокую активность парасимпатической нервной системы, эти преимущества связаны с визуальной структурой природы, которая расслабляет человека. Улучшение настроения происходит через положительные ощущения, визуальные, звуковые и тактильные стимулы. Р. Лейв ввел термин «синдром дефицита природы» или «nature-deficit disorder», который не является медицинским диагнозом, но отражает психологическую цену, которую люди платят из-за отчуждения от природы. Этот синдром связан с нарушениями внимания, риском депрессий и возможными соматическими и офтальмологическими проблемами, вызванными избыточным взаимодействием с гаджетами и другими технологиям.

«Роскосмос» и «ТЕРРА ТЕХ» с помощью нейросети составили рейтинг озеленения российских городов, определив его как достаточный, однако районы внутри городов озеленены неравномерно. Российский гост по озеленению территорий в мегаполисах требует, чтобы площадь зеленых насаждений была не менее 10 кв. м общегородского пространства и не меньше 6 кв. м в жилых районах на одного жителя. Город лидер по озеленению – Пермь – 35%, а замыкает рейтинг Краснодар – с концентрацией зеленых насаждений 8,1%. В городе качество озеленения измеряется с помощью инструментов экологического аудита территорий, оценки площади зеленых зон, их доступности и распределения для населения в пешей доступности, доступа индивидуальных домохозяйств к персональному зеленому пространству. Зеленые зоны в городской и пригородной среде могут быть связаны с большим чувством безопасности и внутренним комфортом[3]. сельские жители, по сравнению городским жителям, сообщили о значительно более низких показателях депрессии и беспокойства в европейских и американских исследованиях[4], однако другие исследования демонстрируют, что уровень стресса сельских жителей растет, особенно в России, где превалирует более низкий уровень жизни, социально – экономи-

ческого благополучия, недостаточности инфраструктуры обеспечения[5]. То же зафиксировано в некоторых регионах развивающихся стран. Иными словами, при равном доступе к социальным услугам и экономическим возможностям, наличие зеленых зон способно повысить уровень благополучия, однако, если не удовлетворяются основные потребности, доступ к зеленым зонам имеет вторичную значимость. Тем не менее, в урбанистических зонах, где уровень озеленения изначально невысок, воздействие природы на самоощущения более выражено в районах с высокой плотностью антропогенного землепользования, так человек склонен ее больше ценить[6].

Возможность жить рядом с парками часто сопряжено с высокой себестоимостью жилья, что провоцирует социально экологическую несправедливость, так как те, кто изначально живет в более экологических условиях, теоретически может иметь более богатый физический и социальный ресурс. В британском исследовании респондентов попросили обрисовать окружающую среду, соответствующую здоровому образу жизни и социальному благополучию. Предлагалось оценить желаемую близость к развлекательной, жизнеобеспечивающей, транспортной, социальной инфраструктуре. Решающим фактором на здоровье, по мнению респондентов, оказалась близость парков[7]. Также была оценена плотность коммуникации и озеленения и найдены корреляции: социальная жизнь была более интенсивной в местах с зеленой инфраструктурой.

Парк или зеленые зоны могут в некоторой степени компенсировать экологические негативные факторы и снижать социальный стресс, поэтому, те, которые такового доступа не имеют, находятся в неравноправных условиях, однако, одна из целей ЦУР состоит в том, чтобы сделать общественные городские блага доступными для всех жителей, в этом случае можно было бы оценить снижение медицинских расходов, если сделать развитие зеленых зон приоритетом. Для повышения доступности зе-



ленных зон можно было бы упростить доступ к возможности реализации зеленых крыш в рамках городских и муниципальных государственных проектов. Озеленение кровель решает множество тех же проблем, что и наземные зеленые зоны, так же ориентируясь на экологические и инфраструктурные проблемы города. В комплексе с другими мероприятиями зеленые крыши помогают улучшить качество воздуха и воды, обеспечить защиту от подтоплений и эффекта «теплого острова», расширить социальное пространство, зону отдыха, реализацию новых городских проектов.

Также Белл и его коллеги,[8] подчеркнули терапевтическую ценность голубых зон -прибрежной среды. Близость к водоемам и прибрежным водам полезна для психического здоровья за счет снижения уязвимости перед депрессией, так же отмечено положительное влияние видов спорта, плавания, и парусного спорта, сапов, пешая ходьба на берегу. Люди, живущие в прибрежных районах в непосредственной близости к морю или океану, в целом ощущают себя более здоровыми и счастливыми, нежели те, кто живет в городах без доступа к водоемам, в глубине континента, при равных доходах и других социально-экономических факторов[9]. В исследовании голубых зон долголетия активность, мягкий морской климат, средиземноморская диета, социальная поддержка способствовали поддержанию здорового образа жизни.

Метадисциплина, изучающая связь мирового океана и здоровья человека, изучает риски и выгоды для здоровья и благополучия человека, возникающим в результате его взаимодействия с мировым океаном. Все больше ученых признают, что здоровье людей и «здоровье» мирового океана сложным образом взаимосвязаны, некоторые взаимосвязи четко прослежены, другие требуют больше данных[10].

Жизненный цикл и взаимодействие с природной средой

Исследования, включенные в этот обзор, связывают воздействие природы на про-

тяжении всей жизни с рядом факторов психологического самочувствия, измеряя частоту психических расстройств, аффективные расстройства, поведенческие проблемы, влияние на когнитивные функции и субъективное благополучие вне взаимодействия с природой и включая их. Кроме того, в некоторых исследованиях принимались во внимание личные и социально-демографические факторы, здоровье информантов и их родителей, опыт общения с природой и другие экологические или контекстуальные факторы, которые могли бы повлиять на отношения между природой и здоровьем. В целом, результаты подтверждают значительную связь между ранним опытом взаимодействия с природой и улучшением психического здоровья и снижением риска психических расстройств в подростковом возрасте. Среди психических расстройств риски возникновения шизофрении и СДВГ чаще изучались, чем другие расстройства, и была продемонстрирована защитная роль воздействия зеленых зон. Было обнаружено, что взаимодействие с природой в детстве обратно пропорционально широкому спектру психических расстройств, включая биполярное расстройство, расстройства пищевого поведения, расстройства настроения, депрессивное расстройство и злоупотребление психоактивными веществами. Более высокий уровень когнитивных функций был продемонстрирован в исследованиях всех возрастных когорт, при условии включенности в активности на свежем воздухе в зеленых зонах. Для пожилых людей ежедневная работа в саду влияла на более низкий риск развития деменции[11]. Также было продемонстрировано, что учащиеся в зеленых классах чувствуют себя более комфортно и дружелюбно, чем школьники в классе без доступа к зеленым зонам. Ранний детский природный опыт может принести личный смысл в жизнь людей, так, посадки деревьев, волонтерская забота об окружающей среде помогали обрести чувство значимости. В нескольких исследованиях использовались психометрические инструменты для оценки симптомов, стресса,



дистресса и депрессии. Авторы заключили, что доказательства взаимосвязи между воздействием природы в детстве и депрессией, по-видимому, зависели от контекстуальных факторов – уровня озеленения района, плотности населения, уровне ощущаемого индивидуального стресса и личной тревожности [12]. Овдовевшие люди, которые больше занимались садоводством, демонстрировали более низкий уровень симптомов депрессии, также для пожилых работа в саду снижала риск деменции. В США был проведен эксперимент с участием 4300 монозиготных близнецов, который показал, что у одного из близнецов, проживающих в непосредственной близости к зеленым зонам, уровень депрессивных расстройств ниже.

В целом, взаимодействие с природой незначительно снижало чувство горя у разных возрастов [13].

Перспектива жизненного цикла подчеркивает долгосрочное влияние факторов социальной окружающей среды на одном или нескольких этапах жизни (например, беременность, детство, юность, зрелости и старости) на личностное развитие и здоровье в более позднем возрасте. Подход жизненного цикла признает, что состояние здоровья и факторы благополучия человека формируются прошлым и настоящим опытом, который может установить или изменить жизненную траекторию человека.

Взаимодействие в детстве с природой может повлиять на жизненные траектории отношения человека к природной среде. Например, участие в мероприятиях, и природный опыт, переживаемый в детстве, связано с проэкологическим поведением во взрослом возрасте, а также с биоцентрическими ценностями. В целом, в 23 статьях, посвященных жизненному циклу, где измерялось воздействие воздействия природы на детей и подростков, определенное воздействие начиналось уже с рождения ребенка. При обобщении результатов исследований, посвященных воздействию природы на разных этапах жизни, не оказалось выявлено четкой законо-

мерности в пользу некоего критического окна наибольшего влияния, или окна, за пределами которого воздействие природы переставало оказывать положительное влияние. Другими словами, связь между природными переживаниями и последствиями для психического здоровья, по-видимому, наблюдалась на протяжении всей жизни. Из четырех лонгитюдных исследований, в которых изучались эффекты природы в зависимости от возраста, кривая, показывающая уровень психологического здоровья в разных возрастных и диапазонах, кажется нелинейной и часто зависит от социально – демографических характеристик населения. Эти результаты показывают, что связь траектории психологического здоровья с воздействием природы носит сложный характер и не может быть сведена к одной функции, описывающей все группы населения.

Для тех, кто живет в экологически неблагополучных районах или семьях, социальная политика и программы, могут помочь сгладить существующее инвайронментальное неравенство, также необходимо пересмотреть разработки в области озеленения и городского планирования. Если эффекты положительного воздействия природы не зависят от возраста и линейно кумулятивны, тогда было бы полезно поощрять регулярное времяпровождение на природе на протяжении всей жизни. Политика экологического проектирования и планирования может создать соответствующую возрасту среду, которая наилучшим образом использует преимущества воздействия природы на человек. Озеленение и городские практики, ориентированные на определенный возраст, например, особые игровые зеленые зоны в детских дошкольных учреждениях, школах и на городских игровых площадках, принесут больше пользы, места, где можно реализовать практики активных видов спорта, или городские огороды для пожилых, могут оказать более значительное воздействие, чем равномерное увеличение городских навесов в городах, которое, конечно, так же необходимо. Благодаря исследованиям, политика



экологического проектирования и планирования может создать соответствующую возрасту среду, которая наилучшим образом использует преимущества природы.

В качестве терапии были предложены различные подходы к коррекции физиологического и психологического состояния. Экотерапия, или «nature-based therapeutic interventions», является направлением прикладной экологической социальной психологии, которое стремится создать ресурсные отношения между человеком и природой.. Подразумевается активные и пассивные методы воздействия. Пассивное взаимодействие может включать простое пребывание на природе или прогулки в парках и дикой местности (wilderness therapy). Активное взаимодействие включает садоводство (gardening), участие в работе на ферме выполняя роль волонтера (green farming), лесную терапию (forest bathroom), садовую терапию (horticultural therapy), терапию цветоводством (floricultural therapy), приключенческую терапию на природе (adventure therapy) и терапию охраны природной среды (conservation therapy), медитации на природе, босногие ванны. Отдельными направлениями могут послужить plantwatching, birdwatching[14].

Природная среда и проэкологическое поведение

Социобиолог Э. Уилсон выдвинул гипотезу биофилии, она заключается в том, что у нас, как у вида, есть врожденная потребность «слиться» с природой в силу нашего длительного эволюционного развития внутри него. Данные некоторых исследований подтверждают эту гипотезу, было выявлено, что более сильные биофильные стремления (экологически-центрированные ценности) демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия, и они гораздо чаще придерживаются природосберегающих практик, чем те, у кого нет таких стремлений.

Однако, если рассматривать вопрос того, продиктовано ли ресурсосберегающее поведение социобиологической

программой, то в ряде других экспериментов, эта связь оказалась довольно слаба. Биосферические ценности проигрывали эгоистическим мотивам в большинстве случаев, если они напрямую не затрагивали способность человека выжить. Устойчивое взаимодействие с природой требует воспитания, пролонгированного опыта общения с ней, соответствующей подкрепляющей культуры, дополнительного обучения.

С миром флоры связаны не только психическое здоровье человека, но могут быть связаны его отношение к другим людям и уровень нравственности. Результаты одного из исследований показали, что различные аспекты позитивного отношения к растительному миру (эстетика, радость, демонстрировать проэкологическое поведение) корреляцию с индивидуальными чертами[14].

Опыт взаимодействия с природой определяет субъективный уровень восприятия человеком окружающей среды, впоследствии закладывая предпосылки для формирования экологической идентичности. Идентичность формируется из экологического сознания, заинтересованностью проблемами окружающей среды, проэкологического поведения и коллективных форм проэкологических практик в целостности составляющих экологическую культуру. Когнитивный компонент представления об экологическом взаимодействии, экологических проблемах и здоровом образе жизни раскрывает, в какой степени люди проявляют интерес к этим проблемам, насколько они готовы воспринимать получаемую информацию и насколько сами активно стремятся изучать ее. Осведомленность о проблемах окружающей среде предполагает основы знания о том, как человек влияет на окружающую среду, функционирование экосистемы, важности сохранения экосистем и основных методов сохранения экосистем.

Эмоциональный компонент проявляется в сензитивности человека к различным проявлениям взаимодействия с природным миром, которое сопровождается каскадом разнообразных аффективных реакций. Поведенческий компонент



представления о взаимодействии с природой раскрывает, в какой степени проявляется отношение человека к природе (практическая шкала) и в какой степени наличествует активное стремление изменить состояние окружающей среды.

Взаимодействие с природной средой может положительно влиять на проэкологическую ориентацию и поведение. Любители активного отдыха, которые находятся в непосредственном взаимодействии с природой, чаще переосмысливают свои социально-экологические практики. Вдохновение природой может мотивировать заниматься защитой окружающей среды [15]. В некоторых случаях даже косвенное воздействие окружающей среды имеет тенденцию вызывать в основном положительные аффективные реакции.

Сам опыт участников активистов, реализующих различные природоохранные инициативы сообщили, что это вызывает у них «удивительное чувство счастья» и «внутреннее спокойствие», они чувствуют себя «по-настоящему удовлетворенным», более расслабленным и самореализованными. положительное влияние на чувство значимости участников [16], экологическая идентичность (как показатель экологической направленности) взаимосвязана с положительными эмоциями и смыслообразованием (как показателем психологического благополучия) и приверженности ценностям природы. Волонтеры – пожарные в чрезвычайной ситуации получают моральное удовлетворение от спасательных операций, посадок леса [17].

Конечно, непосредственный природный опыт оказывает влияние на экологическую идентичность люди будут отождествлять себя с тем, что им небезразлично. Экологическо-ориентированные информанты привыкли отождествлять себя с природой. С различных исследовательских точек зрения, чувство собственного достоинства у людей, экологическая идентичность определяет предпосылки для проэкологического поведения [18], ответственного потребления, переработки отходов, экологической активности. Низкие показатели проэкологического

поведения указывают на разрыв между осведомленностью об экологических проблемах и низкой мотивацией, они бывают обусловлены тем, что человек находится в психологическом разъединении с природой, не видит и не ощущает последствия своих действий и экологических проблем до того времени, как негативные экологические последствия не повлияют на его жизнь напрямую. Формирование Я-концепции и ощущения неразрывной связи с составляющими нечеловеческого природного мира, часто формируется после переживания экологической катастрофы или эмоциональной привязанности и/или близости, осознания границ использования природных ресурсов, нарушения границ личного комфорта. Однако, мало самого факта осознания масштаба антропогенного влияния на экологические проблемы, важна глубокая трансформация личностных ценностей личности, принятие ответственности, готовности действовать и практически решать проблемы. Беспокойство людей по поводу экологических проблем и изменения климата отражает общие ценности, социальной справедливости, личной ответственности и важности сохранения природной среды.

Литература

1. Nejade R.M., Grace D., Bowman L.R.. What is the impact of nature on human health? A scoping review of the literature. *J. Glob Health*. 2022 Dec 16;12:04099. doi: 10.7189/jogh.12.04099
2. Плотникова Е.Ю. Влияние окружающей среды на здоровье человека // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/12/94166> (дата обращения: 05.09.2023).
3. Монтгомери Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь. – М. Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 368 с.
4. Weich, S., Twigg, L., & Lewis, G. (2006). Rural/non-rural differences in rates of common mental disorders// *British Journal of Psychiatry*. № 188. Pp. 51–57. doi: 10.1192/bjp.bp.105.008714.



5. Смирнова О.О. Особенности предоставления психологической помощи в сельской местности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Том 5. № 5В. С. 222–230.
6. Engemann K., Jens-Christian S., Lars A., Jørgen B., Camilla G., Bo M.P. Oleguer P.-R. Constantinos T., Bøcker P.C. Natural surroundings in childhood are associated with lower schizophrenia rates// Schizophr. Res. 2019. № 8. P. 89. DOI: 10.1016/j.schres.2019.10.012.
7. Mitchell European quality of life survey
8. Bell S.L., Wheeler B.W., Phoenix C. Using Geonarratives to Explore the Diverse Temporalities of Therapeutic Landscapes: Perspectives from “Green” and “Blue” Settings // Ann. Am. Assoc. Geogr. 2017, № 107, Pp. 93–108. DOI: 10.1080/24694452.2016.1218269
9. Wheeler B., White M.P., Fleming L.E., Taylor T., Harvey A., Depledge M.H. Influences of the oceans on human health and wellbeing / Oceans and human health: implications for society and well-being. Chichester: Wiley; 2014. Pp. 4–22
10. Markevych I., Schoierer J., Hartig T., Chudnovsky A., Hystad P., Dzhambov A.M. Exploring pathways linking greenspace to health: theoretical and methodological guidance// Environ Res. 2017. № 158. Pp. 301–317. doi: 10.1016/j.envres.2017.06.028.
11. Engemann K., Pedersen C.B., Arge L., Tsirogiannis C., Mortensen P.B., Svenning J.-C. Residential green space in childhood is associated with lower risk of psychiatric disorders from adolescence into adulthood // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 2019. № 116. Pp. 5188–5193. DOI: 10.1073/pnas.1807504116
12. Pearce J., Cherrie M., Shortt N., Deary I., Thompson C.W. Life course of place: A longitudinal study of mental Health Place// Trans. Inst. Br. Geogr. 2011. № 43. Pp. 555–572. DOI: 10.1111/rep.12246
13. Wood C.J., Smyth N. The health impact of nature exposure and green exercise across the life course: A pilot study//Int. J. Environ. Health Res. 2020, 30, 226–235. 10.1080/09603123.2019.1593327
14. Нартова-Бочавер С.К., Мухортова Е.А., Ирхин Б.Д. Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/EDN: KYCJCT>
15. Schultz, P. W., & Tabanico, J. Self, identity, and the natural environment: Exploring implicit connections with nature// Journal of Applied Social Psychology. 2007. № 37. Pp. 1219–1247.
16. Hinds J., Sparks P. Eudemonic well-being and environmental identity: The role of natural environment experiences, 2009.
17. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. 121 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.3
18. Clayton S., Opatow S. Introduction: Identity and the natural environment. In S. Clayton & S. Opatow (Eds.), Identity and the natural environment: The psychological significance of nature (pp. 1–24), 2003. Cambridge, MA: MIT Press.

INTERACTION WITH THE NATURAL ENVIRONMENT AS A FACTOR INFLUENCING HEALTH, PSYCHOLOGICAL WELL-BEING, PRO-ENVIRONMENTAL BEHAVIOR

Ermolaeva Y.V.

Institute of sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Interaction with the environment is the fundamental basis for creating a complex of self-identification as part of the natural world, creating a complex of knowledge about the principle of the functioning of the surrounding world, the principles of pro-ecological behavior. Based on a meta-analysis of studies, few variables were found. The available evidence supports the overall positive role of early exposure to nature on mental health, but taken together, the evidence does not suggest that exposure at any particular life stage is more markedly associated with higher levels of health and well-being than at other



stages. The possibility of high-quality interaction with nature largely depends on the environment (urban / rural); time spent in nature; as a lived experience. As part of the development of the urban environment, both for the ecology of the city and for human well-being, a sufficient level of development of green areas is extremely necessary. The effect of interaction with nature in the framework of the formation of pro-ecological behavior at different stages of the life path was different, early experiences increased the likelihood of pro-ecological behavior, but the quality of the experience and its comprehension turned out to be more important, which contributed to the formation of ecological identity and commitment to social and environmental practices.

Keywords: sustainable development, environmental sociology, sociological theory, pro-ecological behavior, social-ecological practices, personality transformation, environmental psychology, subject-object interactions

References

1. Nejade R.M., Grace D., Bowman L.R.. What is the impact of nature on human health? A scoping review of the literature. *J. Glob Health*. 2022 Dec 16;12:04099. doi: 10.7189/jogh.12.04099
2. Plotnikova E. Yu. Influence of the environment on human health // *Modern scientific research and innovation*. 2020. No. 12 [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/12/94166> (дата обращения: 05.09.2023).
3. Montgomery C. Happy City. How urban planning is changing our lives. – M. Mann, Ivanov and Ferber, 2019. – 368 p.
4. Weich, S., Twigg, L., & Lewis, G. (2006). Rural/non-rural differences in rates of common mental disorders// *British Journal of Psychiatry*. № 188. Pp. 51–57. doi: 10.1192/bjp.bp.105.008714.
5. Smirnova O.O. Features of providing psychological assistance in rural areas // *Psychology. Historical-critical reviews and modern research*. 2016. Том 5. № 5B. С. 222–230.
6. Engemann K., Jens-Christian S., Lars A., Jørgen B., Camilla G., Bo M.P. Oleguer P.-R. Constantinos T., Bøcker P.C. Natural surroundings in childhood are associated with lower schizophrenia rates// *Schizophrenia Res*. 2019. № 8. P. 89. DOI: 10.1016/j.schres.2019.10.012.
7. Mitchell European quality of life survey
8. Bell S.L., Wheeler B.W., Phoenix C. Using Geonarratives to Explore the Diverse Temporalities of Therapeutic Landscapes: Perspectives from “Green” and “Blue” Settings // *Ann. Am. Assoc. Geogr.* 2017, № 107, Pp. 93–108. DOI: 10.1080/24694452.2016.1218269
9. Wheeler B., White M.P., Fleming L.E., Taylor T., Harvey A., Depledge M.H. Influences of the oceans on human health and wellbeing / *Oceans and human health: implications for society and well-being*. Chichester: Wiley; 2014. Pp. 4–22
10. Markevych I., Schoierer J., Hartig T., Chudnovsky A., Hystad P., Dzhambov A.M. Exploring pathways linking greenspace to health: theoretical and methodological guidance// *Environ Res*. 2017. № 158. Pp. 301–317. doi: 10.1016/j.envres.2017.06.028.
11. Engemann K., Pedersen C.B., Arge L., Tsirogiannis C., Mortensen P.B., Svenning J.-C. Residential green space in childhood is associated with lower risk of psychiatric disorders from adolescence into adulthood // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2019. № 116. Pp. 5188–5193. DOI: 10.1073/pnas.1807504116
12. Pearce J., Cherrie M., Shortt N., Deary I., Thompson C.W. Life course of place: A longitudinal study of mental Health Place// *Trans. Inst. Br. Geogr.* 2011. № 43. Pp. 555–572. DOI: 10.1111/nep.12246
13. Wood C.J., Smyth N. The health impact of nature exposure and green exercise across the life course: A pilot study//*Int. J. Environ. Health Res*. 2020, 30, 226–235. 10.1080/09603123.2019.1593327
14. Nartova-Bochaver S.K., Mukhortova E.A., Irkhin B.D. Interaction with the plant world as a source of positive human functioning // *Consultative psychology and psychotherapy*. 2020. Т. 28. № 2. С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/> EDN: KYJCJT
15. Schultz, P. W., & Tabanico, J. Self, identity, and the natural environment: Exploring implicit connections with nature// *Journal of Applied Social Psychology*. 2007. № 37. Pp. 1219–1247.
16. Hinds J., Sparks P. Eudemonic well-being and environmental identity: The role of natural environment experiences, 2009.
17. Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian volunteering in emergency situations: portrait, motives, activities. 2021. № 3. 121 c. DOI: 10.19181/INAB.2021.3

18. Clayton S., Opatow S. Introduction: Identity and the natural environment. In S. Clayton & S. Opatow (Eds.), Identity and the natu-

ral environment: The psychological significance of nature (pp. 1–24), 2003. Cambridge, MA: MIT Press.



Деятельность семейного многофункционального центра как новый вектор реализации социальной политики на селе

Меринова Валентина Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета

E-mail: merinovavalentina@gmail.com

Гуринович Людмила Анатольевна,

старший преподаватель Института социальных наук Иркутского государственного университета

E-mail: milgur@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна,

кандидат философских наук, доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета

E-mail: eresh80@mail.ru

Статья подготовлена по материалам социологического исследования, проведенного на территории Иркутской области по изучению мнения сельских жителей о деятельности семейных многофункциональных центров для решения вопросов повышения качества жизни населения. Авторы приводят мнение жителей и экспертов о направлениях работы центров и готовности жителей к сотрудничеству. Наиболее интересными являются данные об уровне информированности жителей о направлениях работы изучаемых организаций. Авторами даны предложения о построении взаимодействия между государственными и некоммерческими организациями с целью повышения качества социального обслуживания населения на сельских территориях.

Ключевые слова: сельские жители, социальное обслуживание, семейные многофункциональные центры.

Социальное развитие страны является важнейшей целью государства, что прослеживается в последовательном формировании мероприятий социальной политики. Активные участники сельских сообществ так же особенно заинтересованы в развитии территории как малой родины и её населения как главного ресурса местности. В настоящее время ярко проявляется необходимость интеграции государственных органов с бизнесом и общественными организациями с целью повышения эффективности применяемых мер социального сопровождения. Особенно в этом нуждаются провинциальные сельские территории, которым важно сохранить и, возможно, увеличить количество населения своих поселений. При анализе научной литературы было выявлено, что развитие социологии села претерпело несколько этапов и кризисов, что демонстрирует развитие указанной теории среднего уровня во времени и пространстве.

Исследование развития сельских поселений, структуры населения, стратегии развития являются не самыми распространенными. Так, наиболее серьезное исследование последнего десятилетия, по нашему мнению, провели социологи В. А. Давыденко, В. А. Адрианова и М. В. Худякова, выявив аспекты изучения сельских пространств [4]. Аспекты, составляющие критерии оценки качества развития и воздействия на социальную сплоченность общества рассматривали классики отечественной науки, например, Ж. Т. Тощенко [10] и Е. И. Холостова [11], и молодые исследователи, в частности, С. С. Аносов [1] и М. В. Попова [6; 7]. Так, проблема отсутствия кадров для развития производственной и социальной сферы, в целом инфраструктуры, становится особенно острой, так же проблема взаимодействия с населением и оказания помощи тем, кто находится в трудной жизненной ситуации,

важность проведения социальной политики по повышению качества жизни [3].

С.С. Аносов исследует вопросы консолидации общества и делает вывод о реализации государством формальных форм социальной политики, в то время как со стороны бизнеса рассматривается применимость форм социальной ответственности, что дает возможность говорить о наличии отдельных аспектов социальной солидарности [1, с. 16]. Автор отмечает низкий уровень воздействия государства на создание условий для достойной жизни всех членов общества, поскольку внимание направлено на социальную поддержку наименее защищенных слоёв населения. М.В. Попова исследует социальное самочувствие как маркер развития любых территорий, что применимо и к муниципальным образованиям [6; 7].

Проведение массовых мероприятий в сельских территориях как аспект повышения качества жизни изучают Решетникова Е.В., Шантанов Р.В., Гуринович Л.А [3]. Авторы выявили, что социальные настроения жителей отличаются определенной ригидностью, и сделали вывод, что для повышения активности нужно комплексное взаимодействие с общественными структурами, где будут представлены советы ветеранов, волонтерские организации, общественные представительства. Целью такого взаимодействия станет локальная работа по повышению социального оптимизма сельского населения.

Государственная социальная политика в отношении семей, имеющих детей, направлена на ее укрепление, развитие и защиту прав и интересов семьи. Руководствуясь основными направлениями государственной семейной политики, а также в рамках национального проекта «Демография», необходимо было найти новые пути оказания помощи семьям с учетом их потребностей и интересов.

По инициативе Минтруд России совместно с Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, при экспертном участии Ассоциации организаций по защите семьи было принято решение о пилотных проектах

по созданию Семейных многофункциональных центров, (далее – семейные МФЦ) [5].

06.04.2022 за № 203 был подписан приказ Министерства труда и социальной защиты РФ «О реализации в отдельных субъектах РФ пилотного проекта по созданию семейных многофункциональных центров», которые смогли бы внедрять в жизнь новые технологии социальной работы с семьями, имеющими детей [5; 9].

Такие центры были созданы в 8 регионах нашей страны, в том числе и в Иркутской области, где по решению регионального Министерства социального развития, опеки и попечительства принято решение об открытии семейных МФЦ на базе трех подведомственных учреждений: на базе ОГКУСО «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Правобережного округа г. Иркутска», ОГКУСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Усольского района» и на базе ОГБУ «Управление социальной защиты и социального обслуживания населения по Баяндаевскому району» [9].

Создание семейных МФЦ направлено на модернизацию структуры социального обслуживания, исходя из потребностей семей с детьми, где применяются различные социальные технологии.

Авторами в декабре 2022 года было проведено социологическое исследование среди жителей Баяндаевского района, спустя три месяца после открытия семейного МФЦ на территории района. В опросе методом анкетирования (выборка гнездовая) приняли участие 100 жителей, являющихся по уровню занятости работниками органов управления, социальной сферы, незанятыми и пенсионерами.

Первой задачей было необходимо выявить социальные круги построения взаимодействия в условиях сельской местности, какова включенность семейного многофункционального центра в круг организаций, известных жителям как элементы социальной структуры. Опрошенные имели воз-



можность выбрать при ответе на вопрос до 5 вариантов ответа. Результаты полученных ответов приведены в табл. 1.

Таблица 1. Какие организации в настоящее время работают с семьями на территории Баяндаевского района Иркутской области

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля ответов, в%	Доля респондентов, в%
1.	органы исполнительной власти (администрация, органы социальной защиты и пр.)	64	24,3%	64,0%
2.	семейный многофункциональный центр	63	24,0%	63,0%
3.	школы	54	20,5%	54,0%
4.	учреждения культуры (сельские клубы, музеи и т.п.)	29	11,0%	29,0%
5.	общественные (совет ветеранов, совет сельских женщин и другие)	17	6,5%	17,0%
6.	Спортивные	16	6,1%	16,0%
7.	депутаты муниципальных образований (поселений)	11	4,2%	11,0%
8.	затрудняюсь ответить	8	3,0%	8,0%
9.	другое (а именно: «специалист по соц. работе (участковый)»)	1	,4%	1,0%
	Всего	263	100,0%	263,0%

Анализ результатов демонстрирует наличие системного взаимодействия между населением, органами власти, семейным МФЦ и общественными организациями. Выявление направлений совместной работы не входило в задачи исследования, поскольку предполагается, что круг обсуждаемых и решаемых вопросов достаточно широк, часть его населению малоизвестна в силу своей специфики. Построение социальной политики в отношении семей на террито-

рии отдельного муниципального образования связано с задачами снижения социальной напряженности, повышения представлений о социальном благополучии и индивидуальной работе с отдельными группами населения. Жителем был задан вопрос о том, каковы основные условия создания благоприятной обстановки при работе с семьей. Анализ результатов показал, что открытие семейного МФЦ указано как главное благоприятное условие (табл. 2).

Таблица 2. Какие условия, по мнению респондентов, являются самыми благоприятными для осуществления работы с семьями на территории Баяндаевского района Иркутской области

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля ответов, в%	Доля респондентов, в%
1.	открытие семейного многофункционального центра	60	18,0%	60,0%
2.	упрощенный порядок оформления пособий, все оформят сотрудники по принципу «одного окна»	52	15,6%	52,0%
3.	возможность обратиться к специалистам для решения возникающих проблем	49	14,7%	49,0%
4.	предоставление дополнительных мер социальной поддержки для повышения материального уровня жизни семьи	43	12,9%	43,0%
5.	возможность заключения социального контракта для выхода из трудной жизненной ситуации	35	10,5%	35,0%
6.	достаточное внимание со стороны государства к семье	35	10,5%	35,0%

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля ответов, в%	Доля респондентов, в%
7.	имеется возможность позвонить по телефонам «горячей линии» и сообщить о проблемах неблагополучия в семьях	29	8,7%	29,0%
8.	возможность получения консультации от специалистов при возникновении напряженности в отношениях с супругом, детьми, другими родственниками	24	7,2%	24,0%
9.	затрудняюсь ответить	7	2,1%	7,0%
	Всего	334	100,0%	334,0%

*респонденты могли выбрать не более пяти вариантов ответа

Анализ полученных результатов демонстрирует, что более половины жителей исследуемой территории осведомлены об основных предоставляемых мерах социальной политики и оценивают это как достаточное внимание со стороны государства. Для экспертов, участвовавших в проведении опроса методом интервью, вариант ответа «достаточное внимание со стороны государства» не был существенным, его отметил только один человек из 15 экспертов. Необходимо отметить результат того, что социально-психологические особенности семейного взаимодействия не являются публичной сферой. Так, наличие возможности звонить по телефонам «горячей линии» отметили лишь 8,7% опрошенных, а возможность проконсультироваться при возникновении напряженности в отношениях с супругами, детьми и другими родственниками оценили только 7,2% респондента. Нам видится, что такое отношение нужно оценивать с учетом традиционности построения взаимодействий на территории сельских поселений, недоверие к анонимности консультирования, неумение формулировать проблему. Еще одним возможным фактором можно предположить субъективное отношение к сотрудникам семейного МФЦ, которые являются такими же жителями этих небольших по численности территорий. Тем не менее, на фоне непрекращающихся обсуждений проблем насилия в семье, становится необходимым внести коррективы в культуру обсуждения проблемы со специалистом, нежели ее замалчивания и повышения уровня напряженности во взаимоотношениях.

Для проверки достоверности полученным данным нами был использовано применение контрольного вопроса. Опрошенным было предложено продемонстрировать аргументы, которые они используют в случае формирования рекомендаций для обращения в семейный МФЦ. Топ-5 ответов, набравших более 10% от числа ответивших (при общем числе ответов, равного 100%), составили следующие:

- специалисты знают, что делать, если в семье возникает трудная жизненная ситуация (16,1%);
- специалисты не оставят без внимания ни одной ситуации (13,9%);
- специалисты быстро, по принципу «одного окна», оформляют документы (12,1%);
- специалисты – профессионалы при работе с семьями (12,1%);
- специалисты оказывают социально-психологическую поддержку (10,8%).

Менее десяти процентов составили ответы «специалисты приезжают на дом/в наш поселок, если нет возможности ехать к ним» (9%), «это гарантированный способ получить полагающиеся по закону денежные выплаты на детей и прочие меры социальной поддержки» (8,5%) и «специалисты владеют технологиями разрешения конфликтов» (2,7%). Авторы полагают, что перечисленные являются теми аспектами работы, которые важно развивать и совершенствовать при дальнейшем планировании деятельности и расширении системы семейных МФЦ.

Ресурсное обеспечение работы семейных МФЦ является важным проме-



жуточным итогом реализации проекта семейных МФЦ [8]. Именно поэтому ещё одной задачей исследования было вы-

явить качества сотрудников семейного МФЦ, занимающихся работой с населением (табл. 3).

Таблица 3. Какие качества демонстрируют сотрудники семейного многофункционального центра при взаимодействии с семьями, по мнению респондентов

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля ответов, в%	Доля респондентов, в%
1.	взаимопонимание	42	18,3%	42,0%
2.	открытость в диалоге	34	14,8%	34,0%
3.	затрудняюсь ответить	34	14,8%	34,0%
4.	коммуникабельность	33	14,3%	33,0%
5.	внимательно слушают	28	12,2%	28,0%
6.	четкое изложение вариантов решения проблемной ситуации	23	10,0%	23,0%
7.	задают наводящие и дополнительные вопросы	13	5,7%	13,0%
8.	не обращались	9	3,9%	9,0%
9.	деловито запрашивают документы и оформляют требуемые справки	7	3,0%	7,0%
10.	говорят, что разберутся в ситуации, приглашают прийти повторно	6	2,6%	6,0%
11.	другое (а именно: «терпение»)	1	0,4%	1,0%
	Всего	230	100,0%	230,0%

Анализ результатов продемонстрировал наличие наиболее популярных личностных качеств, демонстрируемых сотрудниками: взаимопонимание (18,3%), открытость в диалоге (14,8%), коммуникабельность (14,3%), внимание (12,2%), готовность предложить решение проблемной ситуации (10%). Сухость и формализм во взаимодействии отмечены опрошенными единично, например, вариант ответа «деловито запрашивают документы и оформляют требуемые справки» выбрали 3% респондентов, вариант «говорят, что разберутся в ситуации, приглашают прийти повторно» отметили 2,6%. Очень важное качество прозвучало в варианте другое – один человек ответил необходимость проявлять терпение.

Рассматривая процесс развития социальных технологий, необходимо отталкиваться от специфики трансформации социальной реальности, которая формируется под воздействием новых информационно-телекоммуникационных

технологий, цифровизации мира, а также внедрение новых трендов не только в промышленности, например, роботизация, цифровизация, но и во всех отраслях нашей современной жизнедеятельности, как онлайн-образование, интернет-общение и т.д., все это способствует формированию новых видов социальных технологий и моделей, отказавшись от традиционных.

В настоящее время расширяется категория семей, нуждающихся в социальном обслуживании. Это не только находящиеся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении, но и в связи с возникновением различных жизненных ситуаций (рождение ребенка, инвалидность ребенка, многодетность, участие представителей семьи в СВО и т.д.).

В эти центры могут обращаться семьи с детьми, оказавшиеся в различных жизненных ситуациях. Это и семьи мобилизованных граждан, беременные женщины, молодые семьи, семьи с одним

родителем, и семьи с детьми, которые столкнулись с проблемами буллинга, с конфликтными ситуациями в детско-родительских взаимоотношениях, малообеспеченные семьи и другие, которым необходима помощь.

Гавриленко О.В. в своей работе указывает, что технологии социальной работы – это совокупность научных знаний, средств, приемов, методов и организационных процедур, направленных на оптимизацию объекта социального воздействия [2].

Анализируя работу семейного МФЦ, можно выявить новые технологии социальной работы с семьями, имеющими детей.

Так, в первую очередь необходимо было довести информацию до родителей, имеющих детей, о возможности получения комплекса услуг в связи с возникновением различных жизненных ситуаций. Были определены различные формы донесения информации, например, через средства массовой информации, путем смс-сообщений, размещение объявлений в школах, в дошкольных учреждениях, в поликлиниках и в других местах общего посещения, например, сельские администрации.

Перед сотрудниками центров встал вопрос о создании информационно-просветительской системы о порядке предоставления существующих способов и условий получения социальной помощи, в связи с чем был разработан перечень возможных видов социальной поддержки, которые направлены на популяризацию традиционных семейных ценностей и укрепление института семьи.

Чтобы определить конкретный объект работы, необходимо было выявить семьи, нуждающиеся в социальной поддержке, социальном обслуживании. В этом направлении большую помощь оказывают все субъекты системы профилактики детской безнадзорности и беспризорности. Для правильного определения нуждаемости в социальной поддержке или в социальном обслуживании, вводится дифференциальный учет таких семей.

Большая роль в работе семейных МФЦ отводится круглосуточной диспетчерской службе. Эта служба регистрирует все обращения и в зависимости от ситуации может сделать экстренный вызов команды реагирования, куда входят органы опеки, здравоохранения, образования, органы социальной защиты населения, полиция, которые в течение суток с момента обращения в службу, а в случае угрозы жизни и здоровья ребенка – в течении 3 часов принимают меры по возникшим ситуациям.

В настоящее время в обществе возникла необходимость в использовании справочно-информационными ресурсами, и семейные МФЦ предусмотрели такую возможность в оказании помощи. Для этого создана зона цифровых сервисов для граждан, которая обеспечивает доступ посетителей к Федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», где можно обратиться на региональный портал государственных услуг, при необходимости оказывается помощь в регистрации на портале «Работа в России», а с помощью персональных компьютеров имеется доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Особый интерес вызывает предоставление консультации не только при личной встрече, но и дистанционно, а также применяется новая форма социального обслуживания – выезд на дом.

За консультацией родители или лица, представляющие интересы детей, могут обратиться по разным вопросам в режиме «Одного окна». Для более полного ответа сотрудники семейного МФЦ могут привлечь педагогов, специалистов по социальной работе, в некоторых случаях привлекается психолог, который бесплатно оказывает услуги по выяснению и обследованию внутренних отношений в семье, установит психологическую диагностику с целью составления рекомендаций по психологической коррекции. Кроме того, оказывается содействие в предоставлении юридической помощи семье.



За каждой обратившейся в центр семьей, закрепляется специалист, который не только составит индивидуальную программу помощи или предоставления социальных услуг, но и занимается поиском решений по выходу из различных трудных жизненных ситуаций. По выполнению этой программы проводится мониторинг эффективности, а при необходимости – её пролонгирование.

Дальнейшее социальное сопровождение семьи, где основной задачей специалистов команды семейного МФЦ, как новой службы, является работа с семьей до полного разрешения ситуации, которая привела их в семейный МФЦ, а также заметить проблемы, которые могут возникнуть у семьи в будущем, и не допустить их проявления.

На сегодняшний день актуальна проблема для лиц с семейными обязанностями по сбору необходимых документов, подтверждающих право на пособия, компенсации и другие социальные выплаты, меры социальной поддержки. Сотрудники семейного МФЦ минимизируют процесс сбора документов, подтверждающих право на получение услуг. Большинство документов и справок, подтверждающих право на получение социальных услуг, сотрудники центров могут запрашивать у представителей смежных ведомств без участия граждан, также они окажут помощь в составлении заявления и отправлении его через сайт государственных услуг.

С помощью этих технологий можно достичь поставленных целей в решении социальных проблем.

Новые технологии по работе с семьей базируются на следующих принципах:

- доступности, т.е. оперативное и комплексное оказание помощи, исходя из семейной ситуации;
- адресности, т.е. конкретно по каждой обратившейся семье разрабатывается программа помощи;
- безвозмездности, т.е. бесплатные консультации юриста, психолога и т.д.;
- непрерывное повышение качества предоставляемых социальных и го-

сударственных услуг, нацеленность на удовлетворение потребностей семей с детьми;

- создание комфортных залов ожидания для родителей и игровые зоны для детей;
- дифференцированного подхода, т.е. ведение раздельного учета семей, нуждающихся в социальной поддержке, в социальном обслуживании или в социальном сопровождении, осуществляемое на основании индивидуальной программы предоставления социальных услуг;
- принцип «одного окна», где предполагается исключение или максимально возможное ограничение участие граждан в процессах сбора документов, подтверждающих права на получение различных социальных услуг.

С учетом новых технологий в семейном МФЦ образовалась и новая структура, которая включает отделение первичного приема семей с детьми, отделение экстренной психологической помощи и экстренного реагирования, отдел сопровождения замещающих семей, отдел по постинтернатному сопровождению, отдел сопровождения семей с детьми, отдел психолого-педагогической помощи семье и детям. К работе центра Баяндаевского района подключены и участковые социальные работники сельских поселений районов. Так же была организована выездная работа в отдаленные населенные пункты для обеспечения проактивного режима работа.

Задача семейного МФЦ – объединить региональные социальные ресурсы для оказания комплексной помощи семьям с детьми с учетом их жизненной ситуации. Итоги реализации проекта подведут к окончанию календарного года.

Мы полагаем, что важно продемонстрировать отдельные результаты деятельности семейных МФЦ и расширять аудиторию клиентов. Поскольку такие решения имеют затратный характер, авторы предположили, что можно сотрудничать и с общественными организациями, которые могут включить в свой арсенал техник работы уличную работу с населением, когда не житель будет обращаться

в семейный МФЦ, а общественная организация показывать сотрудникам социального взаимодействия с семьей очага социальной напряженности, объединяя усилия по их ликвидации. Таким образом эффективность работы и узнаваемость применяемых социальных технологий станет существенно выше.

Выводы по исследованию

Формирование социальной политики государства является процессом, который затрагивает все стороны: органы власти, бизнес-структуры, население, общественные организации. Представителям властных структур важно позиционировать в положительном свете отдельные элементы ведения социальной политики, чтобы всеми жителями территорий, независимо от сферы занятости, воспринимались как повышение уровня благополучия при активизации самих жителей в том числе.

Пилотный проект 2022 года по созданию семейных многофункциональных центров является инновационной технологией социальной работы с населением, в частности, с участниками семей. Семья как весьма уязвимая группа становится центром внимания государства, следовательно, можно говорить о повышении значимости семей, о готовности вести речь о повышении благополучия её участников.

Семьи, проживающие в сельской местности Иркутской области, являются зачастую представителями традиционных общностей и одновременно теми, кто периодически или постоянно находятся в трудной жизненной ситуации. При этом работа семейных многофункциональных центров по взаимодействию с такой семьей станет наиболее эффективной при объединении усилий с органами местного самоуправления, организациями социальной сферы, некоммерческого сектора и бизнес-сообществ, с демонстрацией примеров такого сотрудничества в различных формах организации культурной жизни населения (на праздниках, на спортивных состязаниях и пр.).

Формирование и внесение элементов уличной социальной работы со стороны

некоммерческого сектора и волонтерских организаций станет дополнительной инновацией и расширит аудиторию участников решения социальных проблем жителей сельской местности.

Литература

1. Аносов С.С. Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. № 2. С. 5–20.
2. Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Т. 25. № 4. С. 77–94 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42355193> (дата обращения: 01.09. 2023).
3. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Шантанов Р.В. Социокультурные особенности развития сельских территорий как фактов изменения вектора взаимодействия населения в условиях смешанных этнопоселений // Социология. 2023. № 4. С. 77–85.
4. Давыденко В.А., Адрианова В.А., Худякова М.В. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 6. № 3 (23). С. 79–129 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44169519_22870156.pdf (дата обращения: 01.09. 2023).
5. В России открыты первые семейные многофункциональные центры [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/443> (дата обращения: 11.09. 2023).
6. Попова М.В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
7. Попова М.В. Современные российские миграции из города в село // Социология. 2021. № 2. С. 68–74.
8. Пустовойт Н.В., Поташева А.А. Семейный многофункциональный



- центр – перспективный инфраструктурный проект по обеспечению качественной и доступной помощью семей с детьми // Научные достижения 2022. Москва. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50466071_29140603.pdf (дата обращения 16.09.2023).
9. Семейные МФЦ будут открыты в 8 регионах [Электронный ресурс]. URL: https://irkobl.ru/sites/society/news/1628861/?sphrase_id=29719886 (дата обращения 11.09.2023).
 10. Тощенко Ж.Т. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016. 368 с.
 11. Холостова Е.И. Социальная сплоченность общества: история и перспективы // Отечественный журнал социальной работы. 2010. № 1 (40). С. 6–10.
2. Gavrilenko O.V. Social technologies as a research field and a tool for social transformation // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. T. 25. No. 4. P. 77–94 [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42355193> (date of access: 09/01/2023).
 3. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Shantanov R.V. Sociocultural features of the development of rural areas as facts of changes in the vector of interaction of the population in the conditions of mixed ethnic settlements // Sociology. 2023. No. 4. P. 77–85.
 4. Davydenko V.A., Adrianova V.A., Khudyakova M.V. Modern world contexts of rural sociology in the realities of Russian rural life // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2022. Volume 6. No. 3 (23). pp. 79–129 [Electronic resource]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44169519_22870156.pdf (access date: 09/01/2023).
 5. The first family multifunctional centers were opened in Russia [Electronic resource]. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/443> (date of access: 09/11/2023).
 6. Popova M.V. Mechanisms for developing the attractiveness of rural areas in the Irkutsk region // Sociology. 2020. No. 1. P. 317–327.
 7. Popova M.V. Modern Russian migrations from city to village // Sociology. 2021. No. 2. P. 68–74.
 8. Pustovoit N.V., Potasheva A.A. Family multifunctional center – a promising infrastructure project to provide high-quality and accessible assistance to families with children // Scientific achievements 2022. Moscow. 2022 [Electronic resource]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50466071_29140603.pdf (access date 09/16/2023).
 9. Family MFCs will be opened in 8 regions [Electronic resource]. URL: https://irkobl.ru/sites/society/news/1628861/?sphrase_id=29719886 (access date 09/11/2023).
 10. Toshchenko Zh.T. Meanings of rural life (Experience of sociological analysis) / Ed. Zh.T. Toshchenko. M.: Center for Social Forecasting and Marketing. 2016. 368 p.
 11. Kholostova E.I. Social cohesion of society: history and prospects // Domestic Journal of Social Work. 2010. No. 1 (40). pp. 6–10.

THE ACTIVITIES OF A FAMILY MULTIFUNCTIONAL CENTER AS A NEW VECTOR FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY IN RURAL AREAS

Merinova V.N., Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V.
Irkutsk State University

The article was prepared based on materials from a sociological study conducted in the Irkutsk region to study the opinions of rural residents on the activities of family multifunctional centers to address issues of improving the quality of life of the population. The authors provide the opinions of residents and experts about the directions of work of the centers and the readiness of residents to cooperate. The most interesting is the data on the level of awareness of residents about the areas of work of the organizations being studied. The authors made proposals for building interaction between government and non-profit organizations in order to improve the quality of social services for the population in rural areas.

Keywords: rural residents, social services, family multifunctional centers.

References

1. Anosov S.S. Effectiveness of consolidation: social policy of the state // Sociology. 2021. No. 2. P. 5–20.



Влияние социокультурных процессов на трансформацию коммуникативного сознания: на примере молодежи Чеченской Республики

Мухсанова Исита Вахидовна,

доктор педагогических наук, профессор, директор Института филологии, истории и права, Чеченский государственный педагогический университет
E-mail: vinter_65@mail.ru

Буралова Раиса Амхадовна.

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Чеченский государственный педагогический университет
E-mail: vinter_65@mail.ru

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформациями коммуникативного сознания представителей современной чеченской молодежи под влиянием социокультурных процессов окружающей реальности. Отмечается, что для организации эффективного межкультурного взаимодействия и коммуникации необходимо изучение не только структуры языка, но и системы формирования мысли конкретным этнофором, представителем той или иной этнической группы. Характеризуется коммуникативное сознание как процесс отражения способности к умственному восприятию и переработке личностью внешней информации, а также способности анализировать происходящие в реальной жизни события. На основе экспериментальных данных сделаны выводы о том, что несмотря на определенные трансформации коммуникативного сознания молордых чеченцев, система духовно-нравственных ценностей чеченского общества, сохранила незыблемые основы, базирующиеся на уважении к старшим, заботе о личности, а нравственные концепты «йахь» (достоинство), «кьонахалла» (мужество), «нохчалла» (чеченскость), «Г1иллакх» (вежливость) регулируют поведение каждого индивида общества и направлены на укрепление норм социальной реальности.

Ключевые слова: личность, сознание, коммуникация, культура, взаимодействие, трансформация, реальность, социум, ценность.

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания № 123030700102–9 прикладного научного исследования «Коммуникативное поведение билингва в аспекте межкультурного и межъязыкового взаимодействия в образовательном и культурном пространстве полилингвального региона» на 2023 год.

Развитие единого информационного пространства, высокотехнологичные процессы трансформации окружающей реальности, актуализируют вопросы, связанные с разработкой навыков межкультурной коммуникации. В современном дискурсе дефиниции «глобальное информационное пространство», «глобальное образовательное пространство», «межкультурное языковое сознание» являются ключевыми в исследованиях, рассматривающих проблемы диалога культур. Следует отметить, что серьезные достижения в области изучения межкультурной коммуникации и межкультурного языкового сознания принадлежит научной школе И.А. Стернина. В работе ученого отмечено, что в языковом сознании выделяют психолингвистический и традиционно-лингвистический уровни. И.А. Стернин отмечает, что изучение языка как система правил, единиц, свойственной классической, традиционной лингвистике, в современном мире не может отвечать общественным потребностям в межкультурной коммуникации. По мнению автора, «традиционно-лингвистический подход предполагает описание того, что есть в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым. Продуктами такого описания являются определенные конструкты лингвистов, предлагающие их понимание значений и функций тех или иных языковых форм и структур на данном этапе развития языка».

Для организации межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия нужно изучить процессы формирования мысли этнической группы, структуры языка. Невозможно не согласиться с мнением И.А. Стернина: «Уровень психолингвистического описания языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности,



выполненных с помощью различных ассоциативных экспериментов и других многочисленных экспериментальных процедур, которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально существуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» [5].

Коммуникативное сознание в И.А. Стерина определяется как «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека...» [5].

В процессе межкультурного взаимодействия, восприятие происходит в соответствии с культурными нормами и обычаями. Знакомство с культурой других народов, понимание и принятие их как самобытных, уникальных явлений в мировой цивилизации не углубляет кругозор, но меняет отношение человека к нациям и миру. Происходит осознание мультикультурности и разнообразия мира, влияние на ориентации человека, позволяющие развивать коммуникативные стратегии поведения. В интерактивном взаимодействии проявляются разнообразные формы коммуникативного поведения, и в результате адаптации человека в иной социокультурной среде, определяется психологическая культура. Термин «Психологическая культура» был введен Н.А. Лужбиной [2]. В данной статье наше обращение к психологической культуре обосновывается тем, что коммуникативное сознание и коммуникативное поведение личности, выступают основанием формирования ее интерактивного и креативного компонентов. Кроме того, вхождение личности в инокультурное пространство способствует развитию ее психологической культуры.

Инокультурное пространство организует процесс осознания и общения окружающей действительности, духовных ценностей представителей других народов, формируя определенное коммуникативное поведение. Считаем

уместным привести слова выдающегося ученого М.М. Бахтина, утверждавшего, что понимание человеческой личности возможно только через диалог. Так, в одной из своих работ, он пишет: «человек открывается как личность в диалогическом взаимодействии. Впечатления от общения выполняют регулятивную функцию; от того, насколько правильно собеседники понимают друг друга, зависит коммуникация» [1].

Современная реальность наглядно демонстрирует необходимость межкультурной коммуникации, межэтнического взаимодействия. Естественно, для эффективной интеракции необходимо знать традиции, историю, социально-экономические аспекты стран других народов и учитывать психолингвистические особенности коммуникации представителей различных этнических групп. Следует отметить, что коммуникативное сознание отражает интеллектуальный потенциал, способность к переработке информации, умение анализировать жизненные события.

Коммуникативное сознание формируется на основе опыта познания и проходит несколько стадий. На первоначальной стадии человек получает представление об окружающем мире. Этот процесс коммуникативно сознания характеризуется произвольностью и совершается в собственной культуре. Если рассматривать через призму чеченской этнической культуры можно говорить о формировании «лела хаар», (умение вести себя), «г1иллакх хилар», (быть воспитанным, проявлять вежливость и уважение) в семье, в раннем детстве, когда усвоение коммуникативных установок происходит на безусловном уровне. Усвоение элементарных норм речевого этикета, коммуникативного поведения в чеченском обществе происходит через усвоение модели поведения, предлагаемой старшими, родителями, дедушками, бабушками, другими значимыми взрослыми. В коммуникативной культуре чеченцев традиционно не приветствовались сентенции и нравоучения, так как доминантой выступал личный пример, демонстрируемый взрослыми.

На последующих стадиях развития коммуникативного сознания, взаимодействуя с другими культурами, без учета знаний, их специфических убеждений, модификаций возникают языковые барьеры. Трудности связаны в основном с разницей в предубеждениях, свойствах каждой личности, и они отличаются у представителей культур.

Для реализации, поставленной в данной работе цели, нами был проведен мониторинг соотношения традиционного и современного в коммуникативном сознании представителей современной чеченской молодежи. В исследовании приняло участие 80 человек, в возрасте 20–23 года, 40 из которых студенты педагогического вуза, 40 – молодые люди, работающие в разных сферах деятельности. Выбор работающей молодежи и студентов обосновывался исходя из предположения о том, что в процессе обучения в вузе молодые люди продолжают получать знания об организации интерактивного взаимодействия, особенностях и специфике своей этнической культуры и культур разных народов. Представители рабочей молодежи могут иметь определенные теоретические знания о родной культуре, но при этом в силу специфики трудовой деятельности чаще сталкиваются с проблемами взаимодействия с представителями разных возрастных групп.

Первый вопрос нашего мониторинга был связан с представлением молодежи о коммуникативном сознании. Были предложены три варианта ответов на утверждение: «Коммуникативное сознание – это... – совокупность взглядов, идей, убеждений, формирующих нравственную картину мира личности; – определяет коммуникативное поведение личности в разных жизненных ситуациях; – показывает принадлежность личности к определенной этнической группе». Второй вопрос был направлен на выяснение знаний традиционной компоненты в коммуникативной культуре молодыми чеченцами чеченцев и ее значимости в современном мире. Третий вопрос позволил определить насколько представители современной чеченской

молодежи согласны с утверждением, что «личный пример имеет сакральное значение в воспитательной парадигме чеченцев и оказывает непосредственное воздействие на формирование коммуникативного сознания». Остальные вопросы были связаны с возможными барьерами в коммуникации с представителями иных культур и способами их преодоления.

Необходимо отметить, что представители современной чеченской молодежи расходятся во мнении, насколько следует придерживаться традиций, которые сегодня, на их взгляд, не представляют особой ценности. Так 67 человек из опрошенных 80-ти утверждают, что ничего предосудительного не находят в том, чтобы брать на руки своих малолетних детей (молодым отцам) в присутствии незнакомых старших, тем более это не осуждается в религии. Тогда как в традиционной коммуникативной культуре чеченцев такое поведение молодых людей вызывает осуждение. Практически все опрошенные согласны с тем, что модель отношений матери, отца со своими родителями, ребенок усваивает как матрицу поведения и философия воспитания у чеченцев строится на принципах. У чеченцев всегда ценился опыт взаимодействия, тактичность в общении, умение быть снисходительным к слабым. Авторитет мужчины зависит от отношений к нему в семье. Отец в семейном воспитании занимает главную позицию [3,4].

Ответы респондентов позволяют нам сделать следующие выводы: коммуникативное сознание представителей современной чеченской молодежи претерпело трансформацию под влиянием исламских ценностей, что проявляется в их коммуникативном поведении; система духовно-нравственных ценностей чеченского общества, независимо от глобализационных, цифровых трансформаций построена на уважении к старшим, заботе о личности; нравственные концепты «йахь» (достоинство), «къонахалла» (мужество), «нохчалла» (чеченскость), «г1иллакх» (вежливость) регулируют поведение каждого индивида общества



и направлены на укрепление норм социальной реальности.

Литература

1. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической действительности. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Демина Л. Д., Лужбина Н.А. Психологическая культура личности: общепсихологический контекст // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 7–11.
3. Муханова И.В. Этнопсихологические особенности развития личности в чеченской семье // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 3 (28). С. 121–124.
4. Муханова, И. В. Психолого-педагогические условия формирования этнокультурной личности в семье // Психология и психотехника. 2011. № 5 (32). С. 81–84.
5. Стернин, И.А. Язык и национальное сознание / И.А. Стернин // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 156–171.

THE INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES ON THE TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE CONSCIOUSNESS: THE EXAMPLE OF YOUTH OF THE CHECHEN REPUBLIC¹

Muskhanova I.V., Buralova R.A.
Chechen State Pedagogical University

This article discusses issues related to the transformations of the communicative consciousness of representatives of modern Chechen youth under the influence of socio-cultural processes of the surrounding reality. It is noted that in order to organize effective intercultural interaction and communication, it is necessary to study not

only the structure of the language, but also the system of thought formation by a specific ethnophore, a representative of a particular ethnic group. Communicative consciousness is characterized as a process of reflecting the ability to mentally perceive and process external information by a person, as well as the ability to analyze events occurring in real life. On the basis of experimental data, conclusions are drawn that despite certain transformations of the communicative consciousness of young Chechens, the system of spiritual and moral values of Chechen society has preserved unshakable foundations based on respect for elders, care for the individual, and the moral concepts "yahh" (dignity), "kionahalla" (courage), "nokhchalla" (Chechenness), "g'illakh" (politeness) regulate the behavior of each individual of society and are aimed at strengthening the norms of social reality.

Keywords: personality, consciousness, communication, culture, interaction, transformation, reality, society, value.

References

1. Bakhtin, M.M. Author and hero in aesthetic reality. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.
2. Demina L. D., Luzhbina N.A. Psychological culture of personality: general psychological context // Siberian Psychological Journal. 2004. No. 19. pp. 7–11.
3. Muskhanova I.V. Ethnopsychological features of personality development in the Chechen family // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2015. No. 3 (28). pp. 121–124.
4. Muskhanova, I.V. Psychological and pedagogical conditions for the formation of an ethno-cultural personality in the family // Psychology and psychotechnics. 2011. No. 5 (32). pp. 81–84.
5. Sternin, I.A. Language and national consciousness / I.A. Sternin // Logos. – 2005. – No. 4 (49). – pp. 156–171.

¹ The work was carried out as part of the implementation of the state task No. 123030700102–9 of the applied scientific research "Communicative behavior of a bilingual in the aspect of intercultural and interlanguage interaction in the educational and cultural space of a multilingual region" for 2023.

Особенности корпоративной культуры государственных служащих

Полюшкевич Оксана Александровна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: okwook@mail.ru

В статье рассматриваются особенности развития корпоративной культуры государственных служащих Иркутской области. Приводятся результаты исследования, позволяющего выявить сильные стороны корпоративного развития, выраженные в кодексе этических принципов государственных и муниципальных служащих, а также внутренних регламентирующих нормы и требования к поведению государственных служащих, наличие индивидуальной символики (герб, гимн, флаг, в некоторых подразделениях – форма). Минусы складываются из таких элементов корпоративной культуры государственных служащих как авторитарная модель управления в разных подразделениях, ситуации двойных стандартов к декларируемым и реальным ценностям профессионального развития, неудовлетворенность оплатой труда, перспективами карьерного роста, повышения квалификации и т.д. Делается вывод о противоречивом развитии норм и требований корпоративной культуры в Иркутской области.

Ключевые слова: государственные служащие, корпоративная культура, оценка корпоративной культуры, управление органами власти.

Корпоративная культура – то, что соединяет между собой сотрудников всего органа государственной власти, подразделения, отдела. Причем это объединение должно опираться как на формальные, так и на неформальные критерии социальной интеграции, опирающиеся на социальную идентичность и социальную активность и вовлеченность сотрудников в совместную реализацию общего дела, с максимально возможной отдачей. Эти процессы позволяют регулировать социальную активность как руководства, так и рядовых сотрудников, позволяющую регулировать нормы и ценности рассматриваемой сферы.

Говоря о развитии корпоративной культуры среди государственных служащих необходимо учитывать серьезный вектор идеологической составляющей, связанной с политической и экономической ситуаций в целом в стране, как, наверное, ни в одном другом секторе профессионального развития. Это приводит к деформации базовых уровней корпоративной культуры, но при этом создает формально единое поле для всех государственных служащих РФ.

Сложность формирования корпоративной культуры на государственной службе в том, что она должна одновременно учитывать особенности и бюрократического начала и одновременно соответствовать современным изменчивым реалиям жизни. Усугубляет это положение имидж государственных служащих, который достаточно низок из-за негативных представлений и установок, существующих в общественном мнении.

Чтобы ситуация менялась, возникает необходимость перехода от авторитарного стиля управления к более лояльному, также и изменения стилей и стратегий управления, социального взаимодействия чиновников и населения, где преобладали бы забота о благополучии граждан, открытость и инициатива. В силу того, что государственная граждан-



ская служба: носит публичный характер; обладает особыми задачами, способными обеспечить оптимальное выполнение решений органов власти на различных территориях и сферах; носит бюрократический характер деятельности; опирается на использование властных полномочий для решения своих профессиональных обязанностей; личная самореализация сотрудника государственной гражданской службы ограничивается регламентирующими нормами и правилами поведения – необходимо принципиально менять условия и формы развития корпоративной культуры.

В тоже время, именно эти особенности государственной гражданской службы определяют специфику формирования корпоративной культуры. Мы можем выделить трехуровневую модель развития корпоративной культуры государственных гражданских служащих.

Первый уровень – формальный, нормативно-ценностный, где обязанности к должности предписаны законом и закреплены нормативными актами и должностными инструкциями, усиливаются ценностями (приоритетом прав и свобод человека и гражданина, равному доступу к гражданской службе, профессионализмом и компетентностью, доступностью информации о деятельности государственных гражданских служащих, правовой и социальной защищенностью служащих, ответственностью за неисполнение и ненадлежащее исполнение должностных обязанностей и др.

Второй уровень – социокультурный, включает исторические и культурные особенности становления и развития государства, формирования менталитета, в том числе и управленческого менталитета, что напрямую отражается на государственном и муниципальном управлении. Например, патерналистские принципы в нашей стране заложены ментально и проявлены через стереотипы и установки.

Третий уровень – личностный, зависит от личных характеристик, авторитета, харизмы руководителей того или иного органа или уровня государственной

власти, руководителей отделов и непосредственных исполнителей – государственных служащих.

Особенности исследования

В своей работе мы опирались на ключевые моменты социологии организаций, раскрытые в социологии организаций А.И. Пригожина [8], социального моделирования и изучения государственного и муниципального управления, а также местного самоуправления Г.П. Зинченко [5], Н.Л. Захаров [4], Е.В. Охотский [7]); концепций организационной культуры (К. Камерон и Р. Куинн [6], Э.Х. Шейн [15]). Также учитывали факторы иррационализации сознания (Р.Г. Ардашев [1–2]), которые меняют способы мышления и формы социальной активности на рабочем месте и идеи А.Н. Пружинина и А.Ю. Поджидаевой [9–12] о развитии человеческого капитала и общего функционирования корпоративных ценностей и норм (Г.В. Дружинин [3], особенности корпоративной культуры государственных служащих Е.А. Терещук [13] и Е.Г. Устичева [14]).

Опираясь на данных авторов, мы предположили, что можно создать наиболее оптимальную модель существующей корпоративной культуры государственных гражданских служащих, соответствующую современным реалиям и задачам через структурно-символический и прагматический подходы к управлению, так как они наиболее раскрывают возможности изменения корпоративной культуры.

В исследовании приняло участие 480 государственных служащих Иркутской области в возрасте от 22 до 60 лет, 55% женщин и 45% мужчин, со стажем государственной гражданской службы от одного года до 40 лет.

Анализ и обсуждение результатов исследования

В результате исследования мы выяснили, что гражданские служащие неодинаково понимают определение, значение и смыслы корпоративной культуры. На основе полученных ответов, мы смогли выделить несколько ключевых смыс-

лов символического содержания корпоративной культуры.

Первый предполагает, что благодаря корпоративной культуре *связываются* через ценности интересы сообществ и личности, приводящие их к единению (*солидарности*) и выполнению единых задач, направленных на стратегическое и тактическое развитие общества – 22%. Этот смысл чаще указывали мужчины среднего (от 36 до 55 лет) и старшего (от 56 лет и старше) возраста.

Второй предполагает, что благодаря корпоративной культуре через смыслы и символы, которые формируются и передаются всем участникам сообщества, *формируется особая культурная и социальная реальность, особая зона*, позволяющая осуществлять управленческие функции социумом – 26%. Этот смысл указывали женщины среднего возраста (36–55 лет) и мужчины младшего возраста (от 22 до 35 лет).

Третий предполагает *утилитарно-манипулятивный характер*, что корпоративная культура – это *коллективное программирование мыслей* и чувств членов определенного сообщества – 28%. Об этом говорили женщины младшего возраста от 22 до 35 лет и мужчины среднего (от 36 до 55 лет).

Четвёртый говорит о *философско-идеологическом* содержании культуры, когда формируются *смыслы, мировоззрение, миссия, идеология* тех, кто входит в структуру организации или подразделения – 24%. Об этом говорили женщины старшего возраста (от 56 лет и старше) и мужчины среднего возраста (от 36 до 55 лет).

Таким образом, государственные гражданские служащие как носители единой корпоративной культуры представителей чиновничества России обладают не однородным пониманием того, что же собой представляет данное явление само по себе. Общим моментом выступает нахождение в одном сообществе, смыслы и символы, ценности и мировоззрение, которые помогают более эффективно выполнять поставленные высшим руководством задачи в интересах государства.

По нашему мнению, тут необходима централизованная работа по формированию общего идеологического содержания, наполнения едиными смыслами корпоративной этики и культуры, которая не сводится к кодексу этики государственного и муниципального служащего, но является более обширным понятием, включающим образ жизни, образ мыслей и реальные стратегии поведения в постоянно меняющейся реальности. Интересной задачей может выступать формирование мобильной, гибкой стратегии развития корпоративной культуры государственных служащих. Для этого необходимо соединение основных условий реализации профессиональной деятельности и личных мотивов каждого государственного служащего.

Все опрошенные (100%) указали, что они знают о существовании кодекса этики государственного и муниципального служащего, где предписаны нормативные требования к поведению: работать честно и добросовестно; быть вежливыми при работе с посетителями; соблюдать нормы охраны труда и техники безопасности; не входить в коррупционные и преступные схемы и прочее.

Интересный момент, полагают, что их окружение также придерживается норм и правил данного кодекса – только 62%, частично их соблюдает из окружения опрошенных 33%, совсем не соблюдает – 5%. Иными словами, чуть менее 40% не придерживается норм кодекса, а стало быть, не соблюдает базовые условия корпоративной культуры гражданских служащих. Это один из элементов подрыва к корпоративной культуре, к профессиональной реализации и социальной и личной отдаче от реализации профессиональной деятельности.

Также все 100% отметили внутренние правила, регламентирующие поведение в том или ином органе или подразделении, где работает гражданский служащий. Они имеют схожесть с этическими требованиями, но включают уникальные черты и особенности через специфику работы того или иного государственного органа (например, у Министерства лесного комплекса или Мини-



стерства строительства Иркутской области отличаются условия реагирования в случае рискованных или чрезвычайных ситуаций и т.д.).

Внутренние правила соблюдают больше, чем общий кодекс этики поведения государственного и муниципального служащего. Придерживается в своем поведении прописанных там норм – 75%, частично придерживаются – 25% и нет совсем тех, кто их нарушает. Полагаем, внутренние регламентирующие предписания написаны для непосредственного реагирования в сложной ситуации и, если человек нарушает этот порядок – это становится очевидно всем, и он становится изгоем, в скором времени увольняется.

Общие профессиональные и этические требования они выступают основой для работы, но строятся на слишком общих формах и стратегиях, что приводит к тому, что его воспринимают далеким, одобряемым, но не присвоенным документом, с которым формально ознакомились, но не более того. Ни личной ответственности, ни душевного проникновения он не вызвал ни у кого. Это косвенный показатель того, что необходимо усиливать такие механизмы этического кодекса, которые будут помогать каждому государственному служащему увидеть себя в нем, проникнуться тем, что там написано и согласно этому руководству выстраивать свою линию профессионального и личного поведения.

Частичные нарушения совершаются либо по обстоятельствам, либо как необходимость (в случае, когда нужен более быстрый результат для решения задачи здесь и сейчас, чаще это делают те, кто занимают более высокие должности), среди рядовых исполнителей больше страхов и поэтому соблюдаются правила и нормы.

Из профессиональных качеств государственных служащие выбирают такие пары как: профессионализм и ответственность (25%); на втором уровне – инициативность и ум (21%); на третьем – честность и лояльность (18%); на четвертом – справедливость и то-

лерантность (15%); на пятом – лояльность к руководителю и эмпатия к народу (12%); на шестом – доброта и скромность (9%). Данное распределение фиксирует значимость отстраненно-формальных критериев личного развития и профессионального становления, отодвигая на задний план личностно-человеческие качества.

Если говорить о повышении мотивации трудовой деятельности, то вполне ожидаемо фигурировал материальный фактор (47%), на втором месте – фактор социального престижа (33%), на третьем – условия и формы личной реализации (10%). На данный момент преимуществами работы государственным служащими выступает стабильность работы (54%), возможность общаться с большим количеством людей (24%), получение новых навыков, знаний, опыта (22%).

Отношения в коллективе значимы для профессиональной деятельности для 77% государственных служащих, для 23% они не на первом месте. При этом, хорошими отношения в коллективе считает только треть опрошенных (31%), плохими значительно больше (56%), нейтральными (13%). Разные люди входят в профессиональное сообщество государственных служащих, далеко не всегда совпадающие между собой по установкам и ценностям, но вынужденные осуществлять общую работу. Это приводит к недопониманию в коллективе и накладкам при реализации профессиональных обязанностей.

Непосредственный руководитель и отношения с ним важны 83%, и только 17% отметили не приоритетность данного фактора. Взаимодействие с непосредственным руководством определяет то, что мы можем назвать как уровень комфортности работы. И чем лучше эти отношения, тем выше комфортность и как следствие удовлетворенность своим рабочим местом и своей непосредственной профессиональной реализацией на этом месте. При этом, отношения со своим руководителем считают хорошими 37% государственных служащих, плохими – 33%, нейтральными 30%.

Отвечая на вопрос, как руководитель принимает решения, респонденты указывали следующее: самостоятельно принимает решения и требует полного их исполнения (51%), привлекает сотрудников к принятию решений, обсуждает варианты (29%), привлекает экспертов в том или ином вопросе, потом принимает решение, опираясь на руководителей подразделений в будущем, выполняющих поставленные задачи (20%). Иными словами, больше половины руководителей государственных служащих принимают решения авторитарно – это может накалывать отпечаток в организации работы, особенно негативно это может сказаться на профессиональной деятельности, если руководителя вновь назначили или перевели из другого подразделения. Неудовлетворённость таким положением вещей негативно сказывается на корпоративной культуре государственных служащих.

Государственные служащие достаточно удовлетворены техническим оснащением своей работы (86%) и уровнем внутренних коммуникаций (с руководством и коллегами) – 79%. При этом, их не вдохновляет график работы, из-за необходимости постоянных задержек на рабочем месте (22%) и само содержание не всем нравится (31%), высокий уровень неудовлетворенности материальным стимулированием и уровнем зарплаты (66%). Перспективы профессионального развития также не являются стимулами для развития корпоративной культуры, т.к. не удовлетворены возможностями повышения квалификации – 57% и карьерным ростом – 65%.

Традиции и ритуалы, принятые в различных подразделениях, являются непосредственными элементами корпоративной культуры государственных и поэтому фиксируются как важный элемент неформального взаимодействия. Все опрошенные указали, что имеют свои традиции (100%). При этом указывали схожие, по сути, но разные по форме проявления традиций (40%). Например, празднование дней рождений (в одних подразделениях скидываются на подарок и именинник покупает

тортик на обед; в других – дарят деньги, в третьем – делают совместный стол – праздник, без символических подарков и т.д. Или же празднование нового года – подарки дарят кто кому хочет или через «тайного санту»; профессиональный праздник – день государственного служащего (24 января) или же день определенного подразделения и другие корпоративные праздники. К традициям респонденты отнесли и планерки, т.е. традиционный для подразделения способ и стиль управления, взаимодействия с подчиненными – 35%. Значительно менее распространены традиции участия в спортивных и интеллектуальных состязаниях (20%), совместного досуга (кино, театры, концерты) – 5%.

Символика в корпоративной культуре очень важна, но флаг, герб и гимн есть не у всех подразделений (только у 36% государственных служащих, участвующих в исследовании), но все государственные служащие считают своими профессиональными символами – символы российской государственности (100%). Но говорить о знании символики, истории вопроса, скрытых смыслов и так далее, мы можем только в 63% случаев, остальные 37% путаются в ответах и не могут четко рассказать об истории и значении символов общероссийского или узкопрофильного – принадлежащего к определенной сфере государственной службы символизма корпоративной культуры.

В результате проведенного анализа мы можем формировать ряд особенностей развития корпоративной культуры государственных служащих.

- ситуации двойных стандартов, когда декларируются ценности и нормы одного образца, а на практике реализуются другие стратегии реализации обязанностей государственных гражданских служащих (начиная от коррупции в органах власти, до развития личных интересов и приоритетов над интересами населения или государства);
- наиболее распространены авторитарные стратегии управления, что негативно отражается на расширении



возможностей развития корпоративной культуры;

- сотрудники подстраиваются под руководителя подразделения или органа в целом, а не под должностные инструкции;
- наличие единого кодекса этики государственных гражданских служащих является формальным фактором, не наполненным реальными значимыми действиями и решениями; внутренние документы подразделений в большей степени солидаризируется сообщество государственных служащих;
- некоторые отделения государственной гражданской службы имеют свои гербы, флаги, символику, форму (например Министерства лесного комплекса, МЧС и т.д.), но не все гражданские служащие знают их историю и символическое содержание, что понижает вовлеченность в корпоративную культуру.

Корпоративная культура гражданских служащих требует дополнительного внимания и анализа. На данный момент она разрознена и зависит от решений и взглядов руководителей различных подразделений гражданской службы, имеет лишь формальное объединение (кодекс этики и иные нормативно-правовые акты, регламентирующие работу). Для того чтобы мы могли говорить о цельности и внутренней слаженности – необходим выработанный механизм социальной адаптации к меняющимся условиям, способный объединить всех государственных служащих в единое поле корпоративных ценностей норм.

Чтобы корпоративная культура государственных служащих развивалась – ее надо изучать и понимать формы, логику развития, а для этого необходим ежегодный мониторинг, проводимый во всех субъектах РФ, позволяющий понять общие черты и уникальные особенности корпоративной культуры гражданских служащих на местах.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гума-

нитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.

2. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
3. Дружинин Г.В. Правовое санкционирование корпоративных норм: проблемы совершенствования // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 510–513.
4. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. М.: РАГС, 2002. 118 с.
5. Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Государственная служба: Социологические очерки. Монография. М.: Университетская книга, 2013. 184 с.
6. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и измерение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 154 с.
7. Охотский Е.В. Государственный служащий: статус, профессия, призвание. М.: Экономика, 2011. 702 с.
8. Пригожин А.И. Социология организаций. М., URSS, 2015. 173 с.
9. Пружинин А.Н. Воспроизводство человеческого капитала бизнес-структур в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 185–188.
10. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.
11. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
12. Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю. Социальное предпринимательство через призму корпоративной социальной ответственности и развития человеческого капитала // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы,



- перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 471–477.
13. Терещук Е.А. Особенности корпоративной культуры государственных служащих в оценках экспертов // Социум и власть. 2010. № 1. С. 5–20.
 14. Устичева Е.Г. Формирование корпоративной культуры российской государственной службы // Экономика труда. 2015. Том 2. № 1. С. 61–76.
 15. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2013. 351 с.

FEATURES OF THE CORPORATE CULTURE OF CIVIL SERVANTS

Polyushkevich O.A.
Irkutsk State University

The article discusses the features of the development of corporate culture of civil servants in the Irkutsk region. The results of a study are presented that make it possible to identify the strengths of corporate development, expressed in the code of ethical principles of state and municipal employees, as well as internal regulatory norms and requirements for the behavior of civil servants, the presence of individual symbols (coat of arms, anthem, flag, in some departments – uniform). The disadvantages consist of such elements of the corporate culture of civil servants as an authoritarian management model in different departments, situations of double standards for the declared and real values of professional development, dissatisfaction with wages, prospects for career growth, advanced training, etc. The conclusion is drawn about the contradictory development of norms and requirements of corporate culture in the Irkutsk region.

Keywords: civil servants, corporate culture, assessment of corporate culture, government management.

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. T. 15. No. 2. P. 76–84.

2. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. T. 21. No. 2. P. 120–124.
3. Druzhinin G.V. Legal authorization of corporate norms: problems of improvement // Legal technology. 2023. No. 17. pp. 510–513.
4. Zakharov N.L. Social regulators of the activities of Russian civil servants. M.: RAGS, 2002. 118 p.
5. Zinchenko G.P., Zinchenko Ya.G. Public service: Sociological essays. Monograph. M.: University Book, 2013. 184 p.
6. Cameron K., Quinn R. Diagnosis and measurement of organizational culture. St. Petersburg: Peter, 2001. 154 p.
7. Okhotsky E.V. Civil servant: status, profession, vocation. M.: Economics, 2011. 702 p.
8. Prigozhin A.I. Sociology of organizations. M., URSS, 2015. 173 p.
9. Pruzhinin A.N. Reproduction of human capital of business structures in the urban environment // Civilization shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2021. pp. 185–188.
10. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital // Sociology. 2020. No. 2. P. 306–313.
11. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) // Sociology. 2021. No. 3. P. 114–125.
12. Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu. Social entrepreneurship through the prism of corporate social responsibility and human capital development // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 471–477.
13. Tereshchuk E.A. Features of the corporate culture of civil servants in the assessments of experts // Society and power. 2010. No. 1. pp. 5–20.
14. Usticheva E.G. Formation of corporate culture of the Russian public service // Labor Economics. 2015. Volume 2. No. 1. pp. 61–76.
15. Shane E. Organizational culture and leadership. St. Petersburg: Peter, 2013. 351 p.



Село в стратегиях креативного управления

Полова Марина Владимировна,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
E-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

В статье рассматриваются процессы новых условий управления сельскими территориями. Делается акцент на развитии креативной экономики на селе и креативного управления сельским развитием. Приводятся результаты экспертного опроса глав сельских поселений Иркутской области о перспективах развития села и особой роли в этом процессе креативных индустрий.

Ключевые слова: креативность, креативное село, креативная сельская территория, социальное управление, креативная экономика.

В современном мире село меняет свой статус и положение. Это связано с глубинными процессами изменения социальной и технологической инфраструктуры, виртуализации и глобализации. И для одних сельских поселений это стало толчком к развитию, внедрению новых технологий и производств, появлению рабочих мест, увеличению количества жителей; а для других фактором деградации, увеличения миграции, остановки имеющихся производств и общей стагнации и деградации.

Общемировые процессы миграции из села в город вызваны тем, что традиционно на селе меньше возможностей и перспектив качественной жизни. Но новый опыт управления, внедрение новых стандартов и привлечение проектов креативной экономики показывает обратный эффект и заставляет переоценить возможности качества жизни, инфраструктуры, наличия рабочих мест в сельской местности.

Становится очевидным, что традиционные формы управления сельскими территориями не эффективны, поэтому необходимы новые подходы к социальному моделированию и управлению сельскими территориями. Одним из таких инструментов выступает креативная экономика. Креативность сельских поселений может стать инструментом возрождения села, выхода из стагнационных процессов и усиления социальной динамики территории. Эта идея раскрывалась в ряде исследований коллег (О.Е. Акимова, С.К. Волков, Е.А. Гладкая и И.М. Кузлаева, А.А. Хрышева [1, 21], Л.А. Гуринович, Е.В. Решетникова, Р.В. Шантанов [3], И.А. Журавлева, Ю.В. Заварзина, М.В. Попова [4] и др.). Это может стать поводом для развития бренда территории и в целом увеличить территориальную привлекательность (Р.Г. Ардашев [2], А.Н. Пружинин [19,20], М.В. Попова [13–18]).

Особенности исследования

В качественном исследовании, проведённом в виде экспертного опроса, в кото-

ром приняло участие 36 глав сельских поселений Иркутской области, в возрасте от 35 до 60 лет, 65% мужчин и 35% женщин, все имеют высшее образование, занимают должность главы поселений от года до 20 лет.

Экспертный опрос проходил в виде полу-структурированного опроса через видеосвязь Skype, каждое интервью длилось около двух часов.

Анализ результатов исследования

Помимо того, что «нет денег», основной проблемой выступают пробелы в управлении и функционировании сельской территории. Этот аспект затронули все опрошенные (100%).

Остальные показатели стали взаимодополняющими элементами социально-пространственных и управленческих проблем (изменение первого пункта – управления и функционирования сельских территорий – приведет к изменению и всех последующих). Это лишний раз показывает взаимосвязанность всех элементов социального развития.

Неравномерный уровень доходов (32%). Рабочие места есть не во всех сельских поселениях, надежда на свой огород, собирательство (ягоды, грибы) и охота/рыбалка становятся основой для жизни. И для одних дают возможность прожить, для других создают предпосылки для повышения качества и уровня жизни.

Но с развитием сети интернет и различных средств социальной коммуникации – меняется формат и условия занятости сельчан. Удаленная работа становится источником дохода, не связанным непосредственно с деятельностью на территории сельских поселений, а использования своих навыков и возможностей в интеллектуальном плане. Это одна из основных перспектив развития сельских территорий – комфортная жизнь и работа, без привязки к территории.

Проблемы занятости (16%). Создание рабочих мест связано с тем, что производимая продукция более долго будет доставляться в точки сбыта, а на местах из-за малой плотности населения

ее не выгодно сбывать. А также низкий уровень квалификации кадров. Но решение этой проблемы кроется в привлечении специалистов из города и обучении или переобучении на местах. А также при развитии виртуального пространства – удаленная занятость становится приоритетом качества жизни и достойной оплаты услуг. Об этом уже говорилось выше.

Перспективным направлением развития креативности на сельских территориях выступает увеличение доли самозанятых (до 30%) и внедрения инициатив малого и среднего бизнеса.

Недостаток качественного образования (детские сады, школы, среднеспециальные образовательные учреждения) – 27%. Чтобы быть конкурентными на рынке труда, в том числе и на удаленной работе, необходимо обладать достаточным уровнем знаний и навыков, чтобы предлагать свои услуги и быть востребованным специалистом. Повышение уровня образования возможно через мотивацию привлечения молодых кадров из городов.

Проблемы в обеспечении в рамках системы здравоохранения – 25%. Удаленность от крупных городов создает ограниченность возможностей для поддержания собственного здоровья. Но при достаточном уровне образованных и работающих людей – возможно формирование мобильных больничных центров, а также доступ к медицине в ближайших городах по особым квотам. Хотя, безусловно, данный вопрос требует более детальной проработки. На данный момент рабочим механизмом качественного медицинского обслуживания выступает привлечение молодых кадров, так же, как и в системе образования.

Обозначенные проблемы некоторыми сельскими территориями успешно преодолеваются. Часть из них за счет программ развития сельских территорий, например, федеральный – «Лидеры села», и региональный – «Форум сельской молодежи» (44%), другая за счет гражданско-частного партнерства (31%), третья – за счет инициативы сельчан –



25%. Но эти программы не являются панацеей, они выступают лишь одной из возможностей социального развития сельских территорий. Основная нагрузка лежит на инициативности и активности самих сельчан.

Безусловно, одни и те же инструменты управления не подойдут ко всем сельским территориям. Но понимая внутренние проблемы и противоречия развития сельских территорий, можно выявить основные управленческие стратегии социального моделирования развития целых регионов. Если село становится креативным центром, то оно теряет статус менее развитого, и наоборот смещается в сторону нетрадиционного развития, новых видов деятельности и форм организации повседневной жизни.

Для того, чтобы это стало возможно, необходимо чтобы администрация начала мыслить иначе, для этого необходимо повышение уровня знаний и квалификации администрации сельских поселений, приводит к внедрению новых управленческих стратегий. Проблемы в мышлении управленческих кадров, не готовности рисковать и принимать нестандартные решения говорили 80% экспертов.

Более того, креативная экономика предлагает новые подходы к развитию производства, созданию инфраструктуры и перспективам социального моделирования сельского социума, выражающегося в том, что не только развитие сельского хозяйства и фермерства может стать перспективой сельских территорий, но и формы и процессы креативного класса могут создать перспективы приоритетного развития территорий. Но чтобы это стало не просто словами, а воплотилось в реальную практику – надо быть открытым новому, не бояться пробовать, а с этим трудности у более чем половины глав сельских поселений – 56%.

Благодаря креативному классу возможно развитие творческой деятельности в предпринимательстве и в целом производстве в сельских территориях. С одной стороны, креативный потенциал сельских поселений строится на уникальных навыках и талантах жителей

сел, который в последующем становится интеллектуальной собственностью и ресурсом конкретной территории. С другой стороны, создание условий для социальных инициатив, начиная от социального предпринимательства, заканчивая общественными инициативами по решению актуальных проблем территории приводит к формированию новой социальной общности – социально активных, креативных сообществ, с высокой гражданской ответственностью, социальной солидарностью и идентичностью с конкретной территорией и между собой.

Человеческий и социальный капитал сельских территорий требует обновления – указывала треть экспертов (33%). Мотивации для жителей городов для переезда в село должна строиться не только на социальной пропаганде, но и том, что люди должны видеть реальную выгоду от переезда (в более ранних работах мы об этом писали более подробно).

Социальный контекст ограниченности коммуникаций сегодня решается через виртуальное взаимодействие, позволяющее работать, учиться и проводить досуг на принципиально новом уровне. Но все же, социальный капитал экспертами чаще относился к проблемной зоне (65%), чем к зоне перспектив и возможностей (35%).

Географический контекст создает пространственные возможности мобильного вовлечения в социальное взаимодействие с крупными городами в отдельных территориях. О тесной связи формальными и неформальными методами с ближайшими городами говорили 90% экспертов. Социальная изоляция также преодолевается виртуальным общением. И это выступает инструментом выходя из «территориальных ограничений» развития. Но при этом потребует более мощного оснащения телефонией и Интернетом, так как производства, основанные на цифровом знании и коммуникациях требуют стабильного сигнала и постоянного доступа к виртуальному пространству.

Выделенные выше показатели перспектив развития сельских территорий приводят к привлечению творческих лю-



дей в село, созданию творческой вдохновляющей атмосферы. Этому помогает социокультурное и историческое наследие данной территории, природный ландшафт, информационная открытость и географическая доступность.

Творческие индустрии в сельской местности начинаются тогда, когда в повседневном обиходе находятся нетрадиционные способы решения обычных, типичных практик. И так называемое «сельское очарование», помимо качества жизни в экологически чистых и красивых местах, становится притягивающим инструментом социального развития.

Сферы развития сельских территорий через новые стратегии управления, которые обозначили эксперты.

1. Результатом реализации креативных практик может стать развитие туризма, народные ремесла, декоративно-прикладное искусство. Этот аспект становится идеей для развития социального предпринимательства и государственно-частного партнерства при реализации креативных практик на селе.

2. Решение социальных и экологических проблем территории в рамках социального взаимодействия креативных сообществ сельской территории.

3. В результате вовлечения сельских территорий в открытое виртуальное пространство – развитие интернет-бизнеса и разнообразных форматов виртуального моделирования общественного развития.

Важным моментом выступает тот факт, что переносить городские модели развития креативной экономики на село просто не будут работать. Поэтому, необходимо опираться на уже существующие практики творческой реализации и максимально их развивать.

Креативность в управлении селом может стать стратегией социальной адаптации к новым условиям жизни общества. А также формой получения дополнительных доходов, что позволит сельчанам остаться в селе – не переезжать из-за финансового фактора в город (особенно это касается молодежи).

Создание микропредприятий, обеспечивающих формат самозанятости,

удаленной работы (фриланс или на постоянной основе) создают новый формат работы: сочетание с основной работой на пол дня или полностью удаленная занятость. Творческое пространство села этим будет отличаться от творческого пространства города (см. более подробно в работах О.А. Полюшкевич [5–12]), где креативность строиться на личном творческом потенциале горожан (тогда как в селе оно строится на социальных условиях, в которых можно креативно адаптироваться).

Для того, чтобы креативность села развивалась – необходимо создавать креативные центры обсуждения практик сельской креативной экономики. Это может происходить в виде конкурсов социальных креативных проектов, рассказыванию историй и просветительских лекций об успешных проектах и т.д. Это будет формировать чувство общности, сопричастность и желание реализовать аналогичные идеи у себя в селе. В перспективе данный способ станет инструментом рекламы и PR для привлечения туристов и новых жителей.

Учет уникальности каждой территории (начиная от истории и природы, заканчивая интересными людьми и необычными проектами в сфере бизнеса, производства, коммуникаций) может стать точкой привлечения нового творческого потока населения. Для того чтобы эти возможности воплотились в практику помимо готовности управленческих кадров менять традиционные модели управления, активности и инициативности населения, разработке и реализации государственных программ поддержки села нужна комплексная модель вывода сельских поселений в новый статус. Это стратегическая задача социального моделирования управления территорией, способная вывести на новый уровень жизни современные села, обратить вспять миграцию, расширить рабочие места и повысить солидарность и социальную идентичность жителей села.

Выводы

Креативная сельская территория – понятие новое для нашего общества. Оно кон-



центрирует такие смыслы как: формирование знания на определенной территории (знание символическое, промышленное, туристическое), где возникают идеи выгодные для физических лиц, предприятий, отраслей, позволяющие получать прибыль как для территории, так и для самих акторов.

Таким образом, экономическое возрождение села зависит от креативных индустрий, способных адаптироваться к сельской местности и выти на новый уровень социальной коммуникации и общественного воспроизводства. Возможно, в этом секторе не будет место для мегаприбылей, но креативная экономика на селе сможет объединить жителей, укрепить их идентичность и общность, что в будущем станет чертой уникальности имиджа или бренда территории.

Для государства, внедрение новых форматов управления сельскими территориями, через креативный подход к управлению может стать точкой отсчета новых условий и форм развития территории, формирования новых территориальных брендов, которые смогут переоценить перспективы развития села в настоящем и будущем. Это станет формой антикризисного управления современным селом, что придаст стабильности и уверенности в будущем сельских территорий и сельчан, в частности.

Литература

1. Акимова О.Е., Волков С.К., Гладкая Е.А., Кузлаева И.М. Формирование креативных центров в контексте развития социально-экономического потенциала сельских территорий: выявление и оценка лучших практик // Экономика. Информатика. 2020. № 47 (4). С. 665–678. DOI 10.18413/2687–0932–2020–47–4–665–678.
2. Ардашев Р.Г. Субъективное восприятие бренда территории // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР. Под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. 2020. С. 6–9.
3. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Шантанов Р.В. Социокультурные особенности развития сельских территорий как фактор изменения вектора взаимодействия населения в условиях смешанных этнопоселений // Социология. 2023. № 4. С. 77–85.
4. Журавлева И.А., Заварзина Ю.В., Попова М.В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 26–29.
5. Полюшкевич О.А. Креативная культурная среда современных городов Сибири // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса. Материалы Первой региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 52–56.
6. Полюшкевич О.А. Креативная среда городского пространства // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы IV международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 230–238.
7. Полюшкевич О.А. Креативное измерение публичного пространства Иркутска // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 154–160.
8. Полюшкевич О.А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019. № 4. С. 143–149.

9. Полюшкевич О.А. Креативность публичного пространства провинциальных городов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 30–35.
10. Полюшкевич О.А. Креативный город: условия развития (случай Иркутска) // Управление городом: теория и практика. 2019. № 2 (33). С. 3–8.
11. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
12. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, БГУ, 2023. С. 159–163.
13. Попова М.В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // Социология. 2018. № 3. С. 118–125.
14. Попова М.В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
15. Попова М.В. Миграция из города в село // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 80–83.
16. Попова М.В. Миграция населения из города в село: мотивы здоровья и скорости жизни // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 83–87.
17. Попова М.В. Символические основания притяжения сел для горожан // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 161–166.
18. Попова М.В. Современные российские миграции из города в село // Социология. 2021. № 2. С. 68–74.
19. Пружинин А.Н. Бренд территории как инструмент создания положительного образа Малой Родины // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 573–576.
20. Пружинин А.Н. Социальные представления об имидже и бренде территории // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутский государственный университет; Институт социальных наук. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 257–266.
21. Хрысева А.А., Акимова О.Е., Волков С.К. Модели креативных центров в рамках концепции пространственного развития сельских территорий // Экономика. Информатика, 2022. № 49(4). С. 661–676. DOI 10.52575/2687–0932–2022–49–4–661–676

VILLAGE IN CREATIVE MANAGEMENT STRATEGIES

Popova M.V.
Irkutsk State University

The article examines the processes of new conditions for managing rural areas. Emphasis is placed on the development of a creative economy in rural areas and creative management of rural development. The results of an expert survey of heads of rural settlements in the Irkutsk region on the prospects for rural development and the special role of creative industries in this process are presented.

Keywords: creativity, creative village, creative rural area, social management, creative economy.



References

1. Akimova O.E., Volkov S.K., Gladkaya E.A., Kuzlaeva I.M. Formation of creative centers in the context of developing the socio-economic potential of rural areas: identification and assessment of best practices // *Economics. Computer science*. 2020. No. 47 (4). pp. 665–678. DOI 10.18413/2687–0932–2020–47–4–665–678.
2. Ardashev R.G. Subjective perception of the territory brand // *Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation*. Materials of the IV All-Russian scientific and practical online conference dedicated to the 100th anniversary of the TASSR. Edited by G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. 2020. pp. 6–9.
3. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Shantanov R.V. Sociocultural features of the development of rural areas as a factor in changing the vector of interaction of the population in the conditions of mixed ethnic settlements // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 77–85.
4. Zhuravleva I.A., Zavarzina Yu.V., Popova M.V. The influence of territory identity on the creation of a territorial brand as a creative direction // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 26–29.
5. Polyushkevich O.A. Creative cultural environment of modern cities of Siberia // *Creative industries in the regional space of social services and business*. Materials of the First regional scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State University and the 20th anniversary of the Institute of Social Sciences. Irkutsk, ISU, 2018. pp. 52–56.
6. Polyushkevich O.A. Creative environment of urban space // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the IV international scientific and practical conference. Irkutsk, ISU, 2022. pp. 230–238.
7. Polyushkevich O.A. Creative dimension of public space in Irkutsk // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. materials of the Second Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2019. pp. 154–160.
8. Polyushkevich O.A. Creativity and openness of public space in Irkutsk // *Sociology*. 2019. No. 4. pp. 143–149.
9. Polyushkevich O.A. Creativity of public space in provincial cities // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 30–35.
10. Polyushkevich O.A. Creative city: conditions for development (the case of Irkutsk) // *City management: theory and practice*. 2019. No. 2 (33). pp. 3–8.
11. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in a provincial town: creativity and profaneness of public space // *Sociology*. 2021. No. 4. pp. 129–135.
12. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of prosocial practices // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badoonov. Ulan-Ude, BSU, 2023. pp. 159–163.
13. Popova M.V. Territory brand as a development resource (on the example of the Baikal region) // *Sociology*. 2018. No. 3. P. 118–125.
14. Popova M.V. Mechanisms for developing the attractiveness of rural areas in the Irkutsk region // *Sociology*. 2020. No. 1. P. 317–327.
15. Popova M.V. Migration from city to village // *Civilizational shifts in the development of a modern city*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 80–83.
16. Popova M.V. Migration of the population from city to village: motives for health and speed of life // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, ISU, 2021. pp. 83–87.
17. Popova M.V. Symbolic grounds for the attraction of villages for townspeople // *In search of social truth*. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2022. pp. 161–166.
18. Popova M.V. Modern Russian migrations from city to village // *Sociology*. 2021. No. 2. P. 68–74.
19. Pruzhinin A.N. Territory brand as a tool for creating a positive image of the Small Motherland // *Interdisciplinary resources of eco-*



- conomic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of the Small Motherland. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, ISU, 2019. pp. 573–576.
20. Pruzhinin A.N. Social ideas about the image and brand of a territory // Culture and explosion: social meanings in the era of change. materials of the IX All-Russian scientific Internet conference. Irkutsk State University; Institute of Social Sciences. Irkutsk, ISU, 2017. pp. 257–266.
21. Khryseva A.A., Akimova O.E., Volkov S.K. Models of creative centers within the framework of the concept of spatial development of rural areas // Economics. Informatics, 2022. No. 49(4). pp. 661–676. DOI 10.52575/2687–0932–2022–49–4–661–676

Российская Федерация и актуальные проблемы международных отношений: социальный аспект их современного состояния и тенденции развития

Швачкина Людмила Александровна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: Shvachkina@mail.ru

Родионова Валентина Ивановна,

доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Игошева Марина Анатольевна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и история Отечества», ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»
E-mail: igosheva_marina@mail.ru

В статье анализируется социальный аспект системы международных отношений, в которой важное место отводится России. Главное внимание авторов статьи сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую и более отдаленную перспективу. Остановившись на дефиниции понятия «международные отношения» не с политологических, а с социологических позиций и совершив экскурс в историю международных отношений постсоветской России, авторы статьи, опираясь на последнюю редакцию Концепции внешней политики Российской Федерации и подробно анализируя взаимоотношения России с Западным миром, делает вывод, что в условиях конфронтации государств и эскалации региональных конфликтов, только Россия способна предложить миру новую модель международных отношений, построенную не на ненависти, а на взаимовыгодном сотрудничестве, которое снизит градус конфликтности и приведет страны к созданию социально-экономических стратегий развития общества на основе более цивилизованных форм международного взаимодействия.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, глобализация, Евросоюз, Россия, конфликт, безопасность.

Международные отношения традиционно определяются как «совокупность политических, экономических, идеологических, правовых, военных, дипломатических и других связей и взаимоотношений между основными субъектами мирового сообщества» [9, с. 27]. Это определение уводит нас от восприятия данного явления с точки зрения политического контекста, согласно которому международные отношения следует рассматривать как «совокупность различных взаимодействий между народами, государствами и другими субъектами политики разных государств» [9, с. 27]. Если рассматривать внешнюю политику как продолжение внутренней политики того или иного государства, распространяющуюся на отношения с другими государствами, которые могут обеспечить благоприятные условия для реализации его интересов и благополучия его народа, то международные отношения следует считать «особым видом общественных отношений, выходящим за рамки внутриобщественных связей и территориальных образований» [9, с. 27].

В начале XXI века международные отношения накрыла волна глобализационных процессов, охвативших практически все сферы общественной жизни. Важной тенденцией развития международных связей в эту эпоху стало «становление нового мирового порядка, характеризующегося падением bipolarной системы и формированием новых подходов к определению природы отношений между государствами, блоками государств и т.п.» [2].

В начале 1990-х годов в результате смены политического режима после распада Советского Союза свое место в системе международных отношений пришлось искать и России, которая, став его правопреемницей в международной сфере, что дало стране возможность находиться среди постоянных членов Со-

вета Безопасности ООН, должна была заново выстраивать двухсторонние отношения со странами Запада и Востока, выбирать приоритетные стратегические цели социально-политического курса и искать пути их достижения.

Этот поиск был непростым, сопровождался ошибками и даже неудачами на международной арене. Даже взяв курс на международно-правовое признание в качестве демократического государства с формирующейся рыночной экономикой и став членом Международного валютного фонда и Всемирного банка, что послужило толчком к расширению иностранных инвестиций в ее экономику, постсоветская Россия с трудом вписывалась в новые общемировые процессы. Это было связано с обесцениванием мировым сообществом прежних достижений огромной страны, правопреемницей которой она оказалась. Результатом стал затяжной и труднопреодолимый социально-экономический кризис и утрата национальной идентичности, поставившие, на определенном этапе (1990-е годы), под сомнение само существование России [1, с. 198]. Однако, на глазах у всего мира, который прочил Российской Федерации судьбу «третьей страны», Россия встала с колен и, справившись с внешними социально-политическими вызовами, доказала свою востребованность на международной арене.

Пройдя долгий путь становления, в процессе которого строилась система национальных интересов, хотя и путем интеграции в западное сообщество (1993–2000), а потом выстраивая свою внешнюю политику в контексте противодействия недружественной политике стран Запада и наращивания партнерских отношений с дружественными странами Восточно-Азиатского региона (2008–2013), Россия в 2023 году заявила о том, что берет на себя ответственность за поддержание глобального мира и безопасности путем построения и поддержания многополярного мироустройства параллельно действующему порядку, «основанному на правилах», навязанных государствами англо-саксонского мира

во главе с США, и готова сотрудничать с теми, кто готов к диалогу с Россией, не только отстаивавшей свои национальные интересы, но и призывающей другие государства последовать ее примеру.

31 марта 2023 года Президент России подписал новую редакцию «Концепции внешней политики Российской Федерации». Этот документ наследует основные положения Концепции внешней политики РФ в редакциях 2000 и 2008 годов, и в то же время в него внесены изменения с учетом происшедших в мировой политике и международных отношениях перемен. Прежде всего, в данной Концепции представлена переоценка тенденций развития современного мира, касающихся, в первую очередь, перехода от однополярного мира, навязанного США, к миру многополярному, в основе которого лежит суверенное равенство всех государств; уважение их права выбора модели развития, а также социального, политического и экономического устройства; сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды; отказ от политики двойных стандартов [5].

Согласно данной Концепции, **Российская Федерация стремится к формированию справедливого и устойчивого мироустройства, т.е. к созданию** такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства [5]. В рамках положений данной Концепции Россия и выстраивает отношения с другими странами и народами.

Основой позиционирования России в мире является содействие урегулированию международных конфликтов, которые, как отмечает Ю.Н. Саямов, связаны с социальными отношениями и социальным состоянием общества. Несмотря на окончание «холодной войны», конфликты, которые все чаще и чаще пере-



ходят в боевые столкновения, не только никуда не исчезли, но разгораются с новой силой [10, с. 225].

Сегодня система международных отношений сегодня такова, что на карте мира появляются все новые и новые участники конфликтных противостояний. Одним из наиболее ярких современных конфликтов, носящих глобальный характер, является конфликт России и коллективного Запада, разрешить который крайне сложно в силу политических и социальных противоречий.

В противостояние Запада и России свой вклад внесли события 2008 (Южная Осетия) и 2014 (Крым) годов. Эти события не были восприняты на Западе как реальные геополитические и военно-политические риски и вызовы. Сказалось всё еще сохранявшееся на Западе стереотипное мышление в парадигме «сфер влияния». Российские озабоченности, касающиеся социальной политики в этих регионах, ставших зоной конфликта в силу некоторой инерционности мышления остались на периферии внимания Запада. Его заботили прежде всего другие вызовы: и меняющее мировой баланс укрепление позиций Китая, и острый финансовый кризис 2008–2009 гг., и нестабильность в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, давшей толчок миграционному кризису в Европе, и проблема «изменения климата», ставшая важной частью мировой повестки, и, в довершение ко всему, двухлетний шок от пандемии, вызвавшей небывалое сокращение численности населения планеты и вызвавшая резкое усиление социальных дисбалансов внутри национальных государств, не только развивающихся и бедных, но и богатых ведущих держав [8, с. 8]. Скачок безработицы и начавшаяся реструктуризация рынка труда, деградация и обесценивание позиций среднего класса в странах Запада на фоне пандемии вызвали напряжение, которое легло на удобренную почву социальных противоречий и протестной активности последних лет. Действия правительств, с трудом и не всегда удерживающих баланс между соблюдением эпидемиологических требований и по-

требностью поддерживать экономическую активность, предотвратить разорение бизнеса, прежде всего среднего и малого, вызвали недовольство и протесты населения [7, с. 9].

На этом фоне Россия в конце 2021 года фактически выдвинула Западу ультиматум с требованием глубокого пересмотра форматов безопасности в Европе, столкнувшейся с ростом национализма, который был вызван естественной реакцией на процесс интеграции и миграционными волнами. И в самом начале 2022 г. появились некоторые слабые признаки готовности Запада к диалогу. Уверенности Москве придала и успешная операция в рамках ОДКБ по оказанию помощи президенту Токаеву в стабилизации ситуации в Казахстане. Однако дальнейшие события, развернувшиеся на Украине с целью защиты населения Донбасса от геноцида, перешли в неконтролируемую эскалацию конфликта России с Западом, что дополнительно усугубляется военно-политической поддержкой Киева со стороны западных стран.

Конфронтация с Западом в долгосрочной перспективе вредит России: сокращаются возможности по привлечению инвестиций в различные сферы экономики, сужаются возможности для российского бизнеса за рубежом, затрудняется координация в решении общих глобальных проблем и вызовов безопасности, возникают сложности в процессе евразийской экономической интеграции, из-за развязанной информационной войны страдает репутация России [11, с. 15]. Но если говорить о выборе между суверенитетом и безопасностью, с одной стороны, и участием в глобальных трансграничных взаимодействиях, с другой, то политические уступки здесь неуместны. Однако, и в условиях выхода из дилеммы между суверенитетом и глобализацией, Россия пытается найти оптимальную формулу получения выгоды от глобализации в интересах своего развития, сохраняя пространство для широкого внешнеполитического маневра и защиты своих интересов в области безопасности.



Россия готова развивать международные отношения на всех уровнях – геополитическом, экономическом, культурном и т.п. Но только страны Евросоюза во главе с США посчитали, что по своему экономическому и технологическому потенциалу Россия достойна занять в мировой системе лишь место «региональной державы», несмотря на ее ядерный статус, место постоянного члена в Совете Безопасности ООН и стремление участвовать в решении глобальных проблем, что уже позволяет причислить Россию к ведущим мировым державам [4, с. 129].

Учитывая потенциальный вклад России в мировое развитие, эксперты отмечают, что она является важнейшим игроком в международных отношениях. Утвердившись, по словам Министра иностранных дел Российской Федерации, С.В. Лаврова, в качестве не только «одного из ведущих центров силы», но и «поставщика ценностей развития, безопасности и стабильности» [6] и, учитывая, что продукты и услуги в сфере безопасности будут расти, Россия, с точки зрения А. Безрукова, «обретает уникальный шанс применить свои способности по созданию высокотехнологичной структуры глобальной безопасности и одновременно заложить новые основы евразийского сотрудничества» [2]. При этом, как отмечает А. Безруков, речь идет «не просто о технократической модели развития, а о новой философии российского присутствия на международной арене», суть которой – создать безопасное пространство в полном опаснейшем мире» [2]. «Главное, – пишет данный эксперт, – у России есть то, что в будущем мире окажется в дефиците: природные ресурсы, защищенные транзитные пути между Европой и Азией, пахотные земли, чистая вода и воздух. Россия полностью суверенна и надежно защищена, что позволяет ей на равных участвовать в решении мировых вопросов [2].

Апеллируя к новой парадигме международных отношений, нельзя сбрасывать со счетов и тандем «Россия – Китай». Для России тесное сотрудничество

с Китаем по всем сферам социальной инфраструктуры является экономически целесообразным. Потенциал этого взаимовыгодного сотрудничества продолжит расти не только на региональном, но и глобальном уровне. Дополнив возможности своего стратегического партнера, каковым является Китай, в сферах экономической и геостратегической безопасности, устранив его зависимость от морских коммуникаций и заморских энергетических и прочих ресурсов, Россия вместе с КНР станет менее привязана к западной финансовой системе. По мысли А. Безрукова, «Китай умеет дешево и эффективно вести строительство и обеспечивать массовое производство – как раз то, чему мы никак не можем научиться» [2].

Итак, под воздействием нового контекста, создаваемого Россией, наметилась новая модель международных отношений. Этот контекст проявляется, в первую очередь, в наметившемся движении от однополярного мира к многополярному, в котором играет большую роль новая редакция альтернативных глобальных социально-экономических стратегий развития. Но, если посмотреть в будущее, то, как отмечают аналитики, на ситуацию в социально-экономической, энергетической, внешнеполитической, военно-политической сферах (не только на континенте, но и в мире в целом) будут оказывать региональные конфликты, к которым, например, относится палестино-израильский конфликт, рискующий под эгидой США и ее союзников перейти в более широкое противостояние, в результате чего градус конфликтности может вспыхнуть с такой силой, что в него может быть втянут весь мир.

Несмотря на то, что в большинстве прогнозов, данных аналитиками в 2021–2023 годах, констатировалось, что, несмотря на крайне опасное нарастание напряженности, дело вряд ли дойдет до крупномасштабного военного конфликта, реалии таковы, что мир будет поделен на кластеры, находящиеся между собой в состоянии конфликта, что скажется и без того на незавидном



социально-экономическом положении граждан конфликтующих стран.

Современный мир нуждается в утверждении более цивилизованных форм международного взаимодействия. Поэтому Россия должна мобилизовать все свои ресурсы, чтобы не только активно взаимодействовать с другими странами по линии ШОС и БРИКС, но и разрешить большую часть противоречий и взаимных претензий между государствами, вставшими на путь враждебной конфронтации.

Литература

1. Ачкасов В.А., Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 480 с.
2. Безруков А.О. Спасти и сохранить. Россия как экспортер безопасности // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 1 – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/spasti-i-sohranit>.
3. Бостан С.И. Теоретические аспекты исследования международных отношений в современный период // Studia Humanitatis. – 2015. – № 1.
4. Коновалова Н.А. Внешняя политика России в рамках современной международной системы // Россия и современный мир. – 2018. – № 1 (98). – С. 126–138.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
6. Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России. Размышления на новом этапе международного развития // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 2. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-perspektiva-vneshnej-politiki-rossii>.
7. Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 136 с.
8. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. – М.: ИМЭМО РАН, 2022. – 130 с.
9. Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте следующей волны глобализации // Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте: коллективная монография. – Ростов н/Д., 2019. – С. 27–32.
10. Саямов Ю.Н. Международные отношения и глобальные социальные трансформации // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 4. – С. 219–232.
11. Тимофеев И.Н. Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024). – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 35 с.

THE RUSSIAN FEDERATION AND ACTUAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS: SOCIAL ASPECT OF THEIR CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Igosheva M.A.

Don State Technical University, Rostov State Transport University

This article analyzes the social aspect of the system of international relations, in which Russia is taking an important place. The main attention of the author of the article is focused on the problems of key importance for ensuring stable economic and political development of Russia in the near and more distant future. Having defined the sociological (not political) aspect of the term 'international relations' and concerning the history of international relations of the post-Soviet Russia, the author of the article, relying on the latest version of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation and analyzing Russia's relations with the Western world in details, concludes that, in the conditions of confrontation of states and escalation of regional conflicts, only Russia is able to offer the world a new model of international relations, built not on hatred, but on cooperation in all spheres of life.

Keywords: international relations, foreign policy, globalization, European Union, Russia, conflict, security.

References

1. Achkasov V.A., Lantsov S.A. World Politics and International Relations. – Moscow: Aspect Press, 2011. – 480 p.



2. Bezrukov A.O. Save and Preserve. Russia as an exporter of security // *Russia in Global Politics*. – 2017. – No 1. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/spasti-i-sohranit>.
3. Bostan S.I. Theoretical Aspects of the Study of International Relations in the Modern Epoch // *Studia Humanitatis*. – 2015. – No 1. – URL: <https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/139687>.
4. Konovalova N.A. Russia's foreign policy in the modern international system // *Russia and the modern world*. – 2018. – No 1 (98). – Pp. 126–138.
5. Концепция of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
6. Lavrov S.V. Historical perspective of Russia's foreign policy. Reflections on the new stage of international development // *Russia in Global Politics*. – 2016. – No 2. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-perspektiva-vneshnej-politiki-rossii>.
7. *Russia and the World: 2022. Economy and Foreign Policy. Annual forecast*. – Moscow.: IMEMO RAN, 2021. – 136 p.
8. *Russia and the World: 2023. Economy and foreign policy. Annual forecast*. – Moscow.: IMEMO RAN, 2022. – 130 p.
9. Sayamov Y.N. International relations in the context of the next wave of globalization // *Interdisciplinary problems of international relations in the global context: a collective monograph*. – Rostov-on the Don: Publishing House of Rostov State Economic University, 2019. – Pp. 27–32.
10. Sayamov Y.N. International relations and global social transformations // *Socio-humanitarian knowledge*. – 2018. – No 4. – Pp. 219–232.
11. Timofeev I.N. Theses on foreign policy and positioning of Russia in the world (2017–2024). – Moscow: Center of Strategic Developments, 2017. – 35 p.



Проблема профессионального статуса глав местного самоуправления

Шиндяев Владислав Васильевич,

заместитель директора по общим вопросам,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского
университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: m612020@yandex.ru

В социологии профессионализация считается одним из важнейших процессов общественного развития и формирования социальной структуры, в основе которого лежит выделение специальных областей знания и компетенций, необходимых для решения важных и сложных задач. В статье ставится вопрос о том, в какой степени главы муниципальных образований (МО), являющиеся высшими должностными лицами местного самоуправления (МСУ), могут считаться профессионалами и образуют особую профессиональную группу. В качестве критериев профессионализации видов деятельности и образования профессиональных групп рассматриваются следующие: наличие специальных знаний, определяющих престижность профессии, а также системы специальной подготовки; постоянный характер занятости; наличие дохода от занятости; групповая идеология и публичный образ; групповая идентичность; создание профессиональных объединений; практика социального закрытия; механизмы группового социального контроля; механизмы профессиональной социализации. В статье показано, что, хотя государственные служащие, в целом, соответствуют большинству критериев профессионализации, для работников МСУ такое соответствие выражено в меньшей степени, а для глав МО ни один из критериев не применим в полной мере. Это связано с уникальными особенностями их положения, вытекающими из политического (электорального) механизма занятия должности. В статье также обсуждаются условия, при которых можно говорить о профессионализации глав МО.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципалитеты, главы муниципальных образований, мэры, профессии, профессиональные группы, профессионализация

Качество работы местных органов власти и профессионализм кадрового состава местного самоуправления (МСУ) общепризнанно считается одной из наиболее трудно решаемых проблем управления общественными процессами в современной России (см., напр., [1–3]). В значительной степени эти проблемы носят объективный характер: в муниципалитетах, особенно небольших и в сельской местности, отсутствует достаточное количество квалифицированных работников на рынке труда, система образования не справляется с подготовкой необходимого числа специалистов, низкий уровень зарплат и престижа не позволяет привлекать кадры высокой квалификации, свой вклад вносят ограниченность финансовых ресурсов и полномочий. Это определяет актуальность и важность анализа условий, которые могут способствовать росту профессионализма местных органов власти.

Совершенное особое место в анализе факторов качества МСУ занимает место их руководителей, то есть, глав муниципальных образований (МО). Они не являются муниципальными служащими и занимают свою должность в результате электоральных, а значит, политических, процедур. Такие процедуры могут носить прямой характер, при непосредственном избрании глав МО местными жителями, либо опосредованным, при участии представительного органа. Несколько лет назад в российскую практику был введен новый способ замещения должности главы – модель т.н. «конкурсного» главы, при котором представительный орган выбирает главу из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. Однако даже такая модель, максимально приближенная к концепции назначения руководителей местных органов власти, их полного встраивания в единую систему государственного управления, – благодаря сохранению базовой институциональной и конститу-



ционной базы МСУ, – задействует электоральные процессы.

Включенность в электоральный процесс предопределяет двойственное положение глав МО. С одной стороны, они должны решать конкретные организационные и управленческие проблемы, необходимые для работы местных органов власти, то есть, выполнять технократические функции. С другой стороны, их прямая или косвенная зависимость от электорального поведения местных жителей требует от них выполнения и политических функций, связанных с согласованием и представительством интересов местных сообществ, поиском баланса интересов муниципальных стейкхолдеров, организацией публичного политического процесса. При этом если первая функциональная сфера является, по крайней мере теоретически, делегируемой, в том числе на основе модели нанятого «сити-менеджера», то вторая функция является неустраиваемой, существенно присущей любому избираемому должностному лицу. В свете этой двойственности возникает важный вопрос о том, в какой степени главы МО могут считаться профессионалами и могут продемонстрировать тот уровень компетентности, который общество ожидает от высококвалифицированных профессионалов как специалистов в решении определенного круга задач, требующих особых знаний и навыков.

В социологии профессионализация считается одной из важнейших составляющих развития современных обществ. Еще в концепции разделения общественного труда как основы общественной динамики, предложенной Э. Дюркгеймом, была обоснована неизбежность выделения особых социальных групп, специализирующихся на отдельных общественных функциях и требующих специальных знаний [4]. В свою очередь, М. Вебер обосновал выделение сферы государственного управления в качестве отдельной сферы занятости, требующей специальных, экспертных знаний, – и формирование особого класса профессионалов – бюрократии [5]. В развитии социологического пони-

мания профессий и профессиональных групп изначально важное место уделялось отличию профессий от других видов занятости, в основе которого лежало не только необходимость владения специальными знаниями, но также и высокий престиж профессий [6]. Это обусловило роль профессий как основы всей социальной структуры современного общества, значимость которых со временем только возрастала. Так, в теории постиндустриального общества Д. Белла было обосновано, что на определенном историческом этапе главным источником общественного развития становятся новые знания и их применение в экономической активности [7]. Неизбежным следствием становится увеличение доли профессионалов в структуре занятости, рост инвестиций в развитие человеческого капитала (прежде всего в образование), а также распространение механизмов объединения профессионалов для защиты своих групповых интересов, например, путем профессиональных ассоциаций. В теории прекариата Г. Стендинга, описывающей новую глобальную классовую структуру, выделяются два класса профессионалов: салиариат (в значительной степени состоящий из работников госсектора) и независимые профессионалы, – которые занимают высшие позиции в стратификационной системе, уступая только новым рантье – собственникам крупного бизнеса [8].

Понятие профессий и профессиональных групп в настоящее время остается дискуссионным, однако одной из главных общих идей является представление о них не как о статичных, фиксированных элементах социальной структуры, но скорее как о некотором континууме видов занятости, отличающихся разной степенью профессионализации и, соответственно, способностью формировать профессиональные группы. В.А. Мансуров и О.В. Юрченко, опираясь на неовеверианский подход, называют следующие критерии профессионализации видов занятости [6, с. 27–30]:

1. Выделение уникальной сферы специальных знаний и компетенций, а также



социальный статус и престиж, который определяется владением такими знаниями.

2. Формирование профессиональной идеологии и публичного образа, в котором делается акцент на социальной ценности профессии.

3. Создание профессиональных ассоциаций и других объединений, формализующих стандарты профессии и обеспечивающих защиту групповых интересов.

4. Практика социального закрытия, то есть, поддержание групповых границ, ограничивающих возможности вступления в нее новых членов.

5. Механизмы социального контроля, направленного на поддержание определенных образцов поведения внутри группы, и групповых норм, обеспечивающих сохранение социального статуса профессии.

Этот перечень может использоваться для оценки степени профессионализации, но он является не вполне полным с точки зрения определения профессии как таковой. Чаще всего, в число атрибутов профессии включаются три критерия: постоянство занятости, статус этого вида занятости как основного источника доходов человека, а также наличие специальной подготовки [9, с. 293]. И если последнее неявно предполагается в критерии выделения специальной области знаний, то первые два пункта являются относительно самостоятельными и дополняют перечень, предложенный В.А. Мансуровым и О.В. Юрченко. Именно получение высокого дохода является необходимым условием привлечения в профессию новых членов и их мотивации, способствующим их инвестициям в собственное образование и развитие, без чего невозможно накопление специальных знаний и сама способность решать сложные задачи. Из потребности в накоплении специальных знаний и опыта вытекает и потребность в постоянном характере занятости, – только в этом случае профессия становится стабильным источником дохода, карьеры и места в обществе, равно как и возможности формирования профессиональных групп.

В приведенном выше перечне также отсутствует признак групповой идентичности, который необходим для осознания профессионалами общности своей деятельности, своего положения и своих интересов. Формирование профессиональной идентичности необходимо для облегчения коммуникации между профессионалами, лоббирования общих интересов, а также для обмена знаниями и опытом, без которого невозможно развитие самой сферы специальных знаний. Наконец, выделение профессии требует механизмов профессиональной социализации – систематической передачи от профессионалов к новичкам не только специальных знаний и навыков, но также групповой этики и идеологии, ролевых моделей, норм. Получение специального образования при этом играет ключевую роль в профессиональной социализации, хотя последняя является процессом, продолжающимся в течение всей профессиональной карьеры и включающей формальные и неформальные механизмы, в том числе внутри организаций и в горизонтальных коммуникациях с другими профессионалами [10].

Набор характеристик, перечисленный выше, может быть использован для определения профессионального статуса людей, занятых в сфере местного самоуправления. Если говорить о муниципальных служащих как основной категории работников в системе МСУ, то можно видеть, что они обладают многими, хотя и не всеми, признаками профессии. Однако этот тезис требует важного уточнения. Само выделение чиновников в качестве особой социально-профессиональной группы является достаточно очевидным и не вызывающим сомнений. Сфера государственного управления давно оформилась как особая отрасль знаний, во всех развитых странах действует разветвленная и дифференцированная система специальной подготовки; в России это, прежде всего, образовательные программы всех уровней, включая систему повышения квалификации, по направлению «Государственное и муниципальное управление».

Государственные и муниципальные служащие имеют постоянную и стабильную занятость, их деятельность является стабильным источником дохода для них, по объему социальных гарантий и престижности они находятся в верхних стратах социальной структуры. Наличие сети образовательных организаций, в сочетании со стабильной работой внутри организаций и механизмами вертикальной и горизонтальной коммуникации, обеспечивает условия для профессиональной социализации. Наконец, у чиновников формируется общая идентичность, свой набор представлений и моделей поведения, которые позволяют говорить о них как об особой группе.

Единственным критерием профессионализма, не вполне применимым к чиновникам, является создание объединений для представительства и защиты своих интересов. Однако это связано исключительно с тем, что в отличие от других профессиональных групп чиновники непосредственно входят в систему власти, а потому располагают другими инструментами защиты своих интересов. Несколько более сложным является также вопрос о наличии собственной групповой идеологии: в модели М. Вебера идеальный тип бюрократии является полностью технократическим и не имеющим собственной политической идеологии, однако в более широком смысле, образуя особую социальную группу, они становятся носителями и определенного набора представлений и нормативных идей, основанных на формальной и процедурной рациональности.

Представление о чиновниках как об особой профессиональной группе поэтому можно считать вполне обоснованным. В то же время следует отметить, что оно относится, в первую очередь, к государственным служащим, к классической бюрократии, встроенной в целостную систему государственной власти. С местным самоуправлением ситуация не такая очевидная. Хотя муниципальные служащие также имеют постоянную занятость и доход, и за ними закреплены определенные управленческие функции, связанные с освоением специальных

знаний, другие критерии профессионализма выражены в их случае менее явно. Отсутствие непосредственной встроенности в единую систему государственной власти (вытекающее из самой сути МСУ и принципа его самостоятельности) ограничивает возможности формирования общей идентичности и механизмов объединения в профессиональную группу. Также в меньшей степени в сфере МСУ действуют механизмы профессиональной социализации, – просто в силу того, что каждый муниципалитет образует относительно обособленную социальную систему.

Таким образом, можно заключить, что МСУ, в целом, характеризуется меньшей степенью профессионализации, чем система государственного управления, но сохраняет некоторые важные элементы профессии. Однако в отношении глав МО применимость перечисленных выше критериев становится особенно проблематичной. Даже беглый анализ показывает, что ни один из приведенных критериев в полной мере к ним не применим.

Ключевое значение имеет отсутствие специальной подготовки как условия занятия профессией. Безусловно, можно говорить, что руководство местными органами власти образует особую сферу компетенций. Однако, во-первых, эта сфера компетенций лишь частично связана со специальными знаниями в сфере муниципального управления. Из-за двойственности роли главы МО эти компетенции включают в себя и политические способности, необходимые для участия в политическом (электоральном) процессе. Во-вторых, и это еще более важно, демократическая сущность МСУ предполагает принцип открытости: любой дееспособный гражданин имеет право занять публичную должность, а следовательно, никакие критерии и требования к владению специальными знаниями не могут выступать условием доступа к такой позиции. Соответственно, не могут существовать и специальные образовательные программы для глав МО, а любые образовательные механизмы имеют значение лишь в той мере, в ко-



торой они помогают кандидату убедить избирателей в своей пригодности для роли главы МО. В этом смысле, позиция главы МО похожа на позицию собственника бизнеса, который сам управляет им. Можно говорить, что управление бизнесом требует особых компетенций, но в действительности занятие этой позиции не требует ничего кроме права собственности.

Далее, главы МО занимают эту позицию и получают от нее доход лишь в течение определенного срока своих полномочий. Ничто не гарантирует им сохранения этой позиции, и ее потеря не позволяет остаться в «профессии». В обычных профессиях возможности сохранения занятости и дохода для профессионала зависят лишь от состояния рынка труда и индивидуальных обстоятельств; для выборных лиц существуют системные ограничения для постоянного присутствия на должности (хотя они и не являются непреодолимыми). Главы муниципалитетов представляют единичную позицию в каждом из них. Это делает невозможным существование организационных механизмов профессиональной социализации, в которых воспроизводились бы уникальные для глав ролевые, поведенческие и когнитивные характеристики. Из-за временного характера занятости и географической удаленности друг от друга главам МО сложно формировать групповую идентичность, идеологию и публичный образ, сложно создавать объединения, артикулировать и защищать свои интересы, – именно как интересы особой групп, а не интересы муниципалитетов. Наконец, у глав МО в принципе отсутствуют даже гипотетические механизмы контроля и социального закрытия, поскольку членство в этой группе никак не зависит от других профессионалов.

Таким образом, можно констатировать, что не существует никаких рациональных оснований считать глав МО членами особой социально-профессиональной группы, а их деятельность – профессией. К аналогичному выводу приходит и О.В. Федосеева, которая предлагает в качестве

альтернативы говорить не о социально-профессиональном, а о социально-функциональном статусе глав МО [9]. Действительно, в этом есть определенная логика: несмотря на несоответствие критериям профессии, главы МО занимают вполне определенное место в системе общественного разделения труда, и выполняют уникальный набор функций, сочетающий управленческие и политические функции. Однако они не образуют профессиональную группу, – более корректным было бы говорить о том, что они образуют особую социальную категорию, – и вопрос о критериях и условиях качества их работы должен ставиться и решаться в другой терминологии, не оперирующей понятиями профессии и профессионализма.

Можно поставить вопрос: при каких условиях и в каком случае, учитывая уникальное положение глав МО, можно было бы говорить об их профессионализации? Учитывая, что в современном обществе профессионализм рассматривается как важная и социально-желательная характеристика для людей, выполняющих ответственные и сложные функции, этот вопрос представляет безусловный интерес. На наш взгляд, можно о профессионализации глав МО можно говорить в двух случаях.

Во-первых, это возможно при полном встраивании глав в единую систему управления и превращение их в госслужащих. Такие тенденции действительно имеют место в последнее время и в особенности они воплощены в модели «конкурсного главы». Однако пока сохраняется элемент выборности в занятии должности главы, такая модель сохраняет и большинство перечисленных проблем соответствия критериям профессии. Полный переход к модели назначенных глав, встроенных в единую систему публичной власти, действительно способен переместить их в общую категорию государственных служащих. В этом случае к ним могут быть применены стандартные критерии профессионализма. Однако переход к такой модели предполагает фактическую ликвидацию местного самоуправления как такового.



Во-вторых, в более тонком смысле профессионализация глав МО может пониматься в смысле профессионализации политической деятельности. Люди, принявшие решение выстраивать политическую карьеру, могут накапливать опыт, знания, связи и компетенции, повышающие их возможности избираться на определенные должности. Тем самым они превращаются в «профессиональных политиков», для которых занятие выборных должностей становится основным видом занятости. Хотя формально ничто не гарантирует им переизбрание, политический опыт и знания могут значительно повышать их шансы на сохранение своего положения. Это касается в том числе и глав МО: существуют данные, подтверждающие, что опыт руководства муниципалитетом становится главным фактором участия в последующих выборах [11].

Таким образом, главы МО не образуют особую профессиональную группу в сколько-нибудь общепринятом смысле этого слова. Правильнее говорить о них как об особой категории, связанной с занятием уникальной позиции в системе общественно-властных отношений. Эта уникальность определяется сочетанием технократических и политических функций и политической природой процесса занятия должности. Соответственно, вопрос о том, в каком случае и при каких условиях главы МО могут считаться компетентными руководителями и обеспечить высокое качество МСУ, должен решаться не в терминах профессионализма, а с привлечением более сложных теоретических моделей.

Литература

1. Кайль Я.Я., Епина В.С., Манякин А.А. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Региональная экономика. Юг России. 2013. № 2. С. 216–224.
2. Масилова М.Г., Лобов В.Е. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Территория новых возможностей. Вестник Владивосток-

ского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 4. С. 170–179.

3. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Чекареева Е.А. Проблемы качества кадров местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 1. С. 81–91.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. Том 4. М.: ИД ВШЭ, 2019. С. 29–71.
6. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий: становление дисциплины и перспективы // Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. В.А. Мансурова. М.: ИС РАН, 2009. С. 16–36.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 944 с.
8. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
9. Федосеева О.В. Определение профессионального статуса главы муниципального образования // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4. С. 290–297.
10. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // Journal of Medical Ethics and History of Medicine. 2019. Vol. 12. No.17. P. 1–14.
11. Смирнов В.А. Социологический портрет кандидатов и победителей выборов на должность главы местного самоуправления в современной России // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 106–123.

THE PROBLEM OF PROFESSIONAL STATUS OF THE HEADS OF LOCAL GOVERNMENTS

Shindyayev V.V.

Irkutsk Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

In sociology, professionalization is one of the most important processes underlying social de-



velopment and social structure. It is based on the allocation of special fields of knowledge and competencies necessary to solve important and complex problems. The article raises the question of the extent to which the heads of municipalities, who are the highest officials of local government, can be considered professionals and form a special professional group. We consider the following criteria of the professionalization and the formation of professional groups: the presence of special knowledge that determines the prestige of the profession, as well as a system of special training; permanent nature of employment; income from the occupation; group ideology and public image; group identity; creation of professional associations; the practice of social closure; mechanisms of group social control; mechanisms of professional socialization. The article shows that, although civil servants, in general, meet most of the criteria for professionalization, municipal servants meet them to a lesser extent, and for heads of municipalities, none of the criteria is fully applicable. This is due to the unique features of their position, arising from the political (electoral) mechanism for holding office. The article also discusses the conditions under which it is possible to speak about the professionalization of the heads of the MD.

Keywords: local government, municipalities, heads of local governments, mayors, professions, professional groups, professionalization.

Reference

1. Kail Ya. Ya., Epinina V.S., Manyakin A.A. Problems of staffing of local self-government bodies and ways to solve them // *Regional economy. South of Russia*. 2013. No.2. pp. 216–224.
2. Masilova M.G., Lobov V.E. Problems of staffing of local self-government bodies and ways to solve them // *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*. 2019. No. 4. pp. 170–179.
3. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Quality problems of local government personnel // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2010. No. 1. pp. 81–91.
4. Durkheim E. *On the division of social labor*. M.: Canon, 1996. 430 p.
5. Weber M. *Economy and society: Essays of understanding sociology*. Volume 4. Moscow: HSE Publishing House, 2019. pp. 29–71.
6. Mansurov V.A., Yurchenko O.V. *Sociology of professions: formation of discipline and prospects // Professional groups: dynamics and transformation / Edited by V.A. Mansurov*. M.: IS RAS, 2009. pp. 16–36.
7. Bell D. *The coming post-industrial society*. Moscow: Academia, 2004. 944 p.
8. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
9. Fedoseeva O.V. Determination of the professional status of the head of the municipality // *Modern studies of social problems*. 2010. No.4. pp. 290–297.
10. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2019. Vol. 12. No.17. P. 1–14.
11. Smirnov V.A. Sociological portrait of candidates and winners of elections for the post of head of local self-government in modern Russia // *Bulletin of Perm University. Political science*. 2018. No. 2. pp. 106–123.

Институциональные основы профессиональной социализации в профессиях повышенного риска

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

Профессиональная социализация является сложным процессом, в ходе которого человек приобретает не только знания и навыки, необходимые в профессии, но также овладевает специфическими ролями, нормами, ценностями, формирует идентичность и усваивает профессиональную культуру. Особенностью профессий, связанных с высоким уровнем риска, является более высокая роль неформальных аспектов профессионализма, связанных с личностными качествами, ценностями и ролями. В статье анализируются институциональные условия профессиональной социализации в высокорисковых профессиях (на примере государственной противопожарной службы) в рамках образовательной системы. На основе изучения двух ключевых элементов ведомственной образовательной системы – профильных вузов и учебных центров – сделан вывод о росте значимости вузов как агента социализации, и в то же время – о недостаточности институциональных условий для неформальных аспектов профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессиональная социализация, профессиональные институты, профессиональный риск, высоконадежные организации; пожарная служба, МЧС России, высшее образование, среднее профессиональное образование.

Введение

Профессиональная социализация – ключевое условие существования и устойчивости профессиональных институтов, обеспечивающее их воспроизводство. Под профессиональной социализацией имеют в виду совокупность процессов, в ходе которых новичок становится полноценным профессионалом, овладевает системой знаний и компетенций, а также установок, ролей, норм и представлений, необходимых для профессиональной деятельности в конкретной институциональной среде [1]. В этом смысле, профессиональную социализацию необходимо отличать от простого профессионального обучения: она включает в себя в том числе аспекты ценностей, норм, установок, ролевых моделей, которые выходят за рамки технического содержания профессиональной деятельности, но которые не менее важны для успешной работы внутри профессионального института.

Являясь разновидностью вторичной социализации и социализации взрослого человека, профессиональная социализация характеризуется высоким уровнем ответственности и активности самого субъекта, из-за чего она не может рассматриваться как простой процесс передачи профессиональных знаний и культуры. Считается, что в профессиональной социализации играют роль различные институты и она осуществляется в рамках различных социальных контекстов, включая внутрисемейную социализацию (в том числе в рамках профессиональных династий), а также социализацию на рабочем месте [1; 2]. Тем не менее, большинство исследователей согласны, что в силу самой специфики профессиональных институтов, требующих значительного времени на целенаправленное освоение профессии, главную роль в профессиональной социализации играют образовательные институты [3]. Обеспечивая длительный



процесс подготовки, они, наряду с передачей профессиональных знаний и выработкой специальных умений, активно вовлечены и в более широкий спектр процессов социализации, важных для освоения системы профессиональных ролей, норм формальной и неформальной коммуникации, профессиональных ценностей и установок. В данной статье анализируется роль образовательных институтов в профессиональной социализации в областях, связанных с высоким уровнем профессионального риска, на примере пожарной охраны и гражданской обороны.

Особенности профессиональной социализации в профессиях, связанных с высоким уровнем риска

Различия между профессиями связаны не только с непосредственным содержанием профессиональных знаний и умений, но и с соотношением различных аспектов профессионализма, требованиями к физическим, психологическим, эмоциональным, социально-коммуникационным, ценностным и другим характеристикам личности. Это определяет различия в факторах и условиях успешной профессиональной социализации, а соответственно, и требования к институциональной основе подготовки профессионалов.

Особой спецификой в этой связи обладают профессии, связанные с высоким уровнем профессионального риска. Хотя те или иные виды рисков характерны для любой профессии, для некоторых они составляют основное содержание условий труда и выполняемых функций. Такими, в первую очередь, являются профессии, связанные с постоянными физическими угрозами: военные, правоохранительные, спасательные. Для них характерны высокий уровень повседневного риска, включая прямые угрозы здоровью и жизни, психологический стресс, дисциплинарная организация службы, постоянная готовность к выполнению задач в экстремальных условиях, высокий уровень взаимозависимости, преобладание мужских коллективов и др.

Для описания институциональной специфики таких профессий использует-

ся понятие HRO-организаций (high-reliability organizations), то есть, организаций, которые должны обеспечивать надежное выполнение общественно-значимых функций несмотря на высокий уровень риска и прямые угрозы жизни и здоровью работников(служащих) [4; 5]. Успешная работа в таких организациях требует особых условий профессиональной социализации. Такие профессии предъявляют более жесткие и специфические требования к человеку, включая высокие физические кондиции и заботу о своем здоровье, психологическую и стрессоустойчивость, готовность принимать на себя разумные риски, сильные моральные и волевые качества, социально-коммуникационные и лидерские компетенции и др. [5–8]. В профессиях пожарной службы в настоящее время формируется представление о приоритетности ценностных и моральных качеств в структуре профессионализма, по отношению к специфическому набору знаний и навыков [9]. При этом ряд исследований показывает, что для формирования значимых аспектов профессиональной роли большое значение имеют процессы предварительной социализации, а также социализации в профессиональных коллективах [5; 10]. Это заставляет поставить вопрос о том, в какой мере образовательные институты, обеспечивающие профессиональную подготовку в областях, связанных с высоким риском, обеспечивают условия, необходимые для всестороннего, комплексного процесса профессиональной социализации молодых людей. Проанализируем такие условия на примере образовательных организаций российской государственной противопожарной службы (ГПС МЧС России), обеспечивающих профессиональную подготовку и социализацию в системе пожарной охраны.

Институциональная организация профессиональной социализации в системе ГПС МЧС России

Современный профессиональный институт пожарной охраны в России представляет собой сложный и эволюционирующий комплекс организаций, ведомств

и слабоформализованных объединений. Он включает в себя федеральную противопожарную службу (ФПС), региональные противопожарные службы, муниципальную пожарную охрану, ведомственные и корпоративные службы, добровольческие отряды. Дополнительным фактором, усложняющим институциональный контекст социализации профессионалов пожарной службы, является изменение ведомственной принадлежности профессионального ядра пожарной охраны – государственной противопожарной службы (ГПС), включающей федеральную и региональные службы. В настоящее время она входит в структуру МЧС России, однако до 2002 года она действовала в рамках Министерства внутренних дел. Хотя и правоохранительная, и аварийно-спасательная деятельность относятся к числу профессий с повышенным риском, они образуют две достаточно разные профессиональные сферы, обладающие своим набором институциональных характеристик, включая набор социальных ролей, идентичность и публичный образ, традиции и другие элементы профессиональной культуры. Это задает определенную двойственность условий профессиональной социализации, которая на данный момент до конца не преодолена.

Другой важной особенностью институциональных условий профессиональной социализации в сфере пожарной охраны и гражданской обороны является структура ее кадрового обеспечения. Всего в системе пожарной охраны РФ занято около 300 тыс. чел., без учета добровольцев. Из них около 240 тыс. чел. относится к ГПС, более двух третей из которых – это работники ФПС.

Профессиональное образование по праву считается ядром и основным механизмом воспроизводства профессионального потенциала, а также главным институтом социализации. Система профильного образования в сфере пожарной охраны находится в состоянии развития и существенно влияет на формирование ее кадрового состава. В настоящее время в образовательную систему ГПС входит шесть вузов,

в том числе 4 академии, 1 институт и 1 университет, а также 20 учебных центров, обеспечивающих дополнительное профессиональное образование. Кроме того, один из учебных центров ФПС (Костромской) в настоящее время функционирует как коммерческая организация (ООО), предлагающая образовательные программы в сфере пожарной и техносферной безопасности.

Систему институционализированной профессиональной социализации в сфере пожарной охраны можно представить в виде нескольких концентрических кругов. Ее ядро образовано профильными вузами, предлагающими программы бакалавриата, специалитета и магистратуры, а также послевузовское образование. Именно высшее образование готовит наиболее высококвалифицированных специалистов, составляющих профессиональное ядро пожарной охраны и гражданской обороны. При этом в образовательной системе ГПС особое место занимают два вуза – Академия ГПС МЧС России (г. Москва) и Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. Они обеспечивают наиболее разнообразные и качественные программы различного уровня, обладают большим и качественным преподавательским составом, обеспечивают наибольшие возможности для карьерного продвижения выпускников в системе ГПС. Ведомственные вузы предлагают широкий выбор образовательных программ (высшего, среднего и дополнительного), однако наиболее важными для профессии являются программы в области пожарной и техносферной безопасности.

Второй круг образовательной системы образован учебными центрами, расположенными по всей территории России. Они обеспечивают более массовую подготовку и переподготовку в рамках программ дополнительного профессионального образования и профессионального обучения. Работа учебных центров направлена, прежде всего, на специалистов МЧС и получение ими дополнительных навыков в ходе специализированных курсов и программ.



Третий круг представляет собой более разнородный спектр программ и организаций, представляющих условия для формирования компетенций, востребованных в системе пожарной охраны и гражданской обороны. Он включает в себя как образовательные программы для детей в рамках системы МЧС (представляющие собой форму предварительной профессиональной социализации), так и вузы (и другие образовательные организации) вне системы МЧС. Хотя такие вузы могут обеспечивать важные профессиональные компетенции для спасательных служб, они не обеспечивают условия для широко понимаемой профессиональной социализации как таковой – с освоением специфических ролей, норм, идентичности и профессиональной культуры.

Таким образом, наибольшую значимость для формирования профессионалов в системе ГПС имеют первые два круга, то есть, ведомственные вузы и учебные центры. При этом первые обеспечивают наибольший уровень квалификации специалистов, а вторые – массовый охват и разнообразие компетенций, востребованных в профессии. Всего образовательная система ГПС обеспечивает реализацию 138 программ высшего образования, 5 программ среднего образования, 373 программ дополнительного профессионального образования и 157 программ профессионального обучения. Основная часть сотрудников образовательных организаций (3301 из 4270 чел.) вовлечена в обеспечение программ высшего образования, которые, таким образом, концентрируют в себе максимальные институциональные ресурсы.

Как уже отмечалось, система профессионального образования в ГПС и ее роль в формировании профессионального кадрового состава находится в состоянии развития. Главный вектор изменений можно описать как возрастание роли профильных вузов. Еще в первом десятилетии XX века доля профильных вузов в кадровом обеспечении подразделений МЧС была меньше 50%, а среди высшего, старшего и среднего начальствующего состава – еще ниже. Однако

изменения законодательства и утверждение требований наличия профильного образования (в соответствии с федеральным законом от 23.05.2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») стимулировало резкий рост запроса на высшее образование среди специалистов системы МЧС. Так, с 2012 г. по 2016 г. доля выпускников профильных вузов среди начальствующего состава выросла с 24,2% до 78,6% (источник – внутренние данные). В настоящее время вузы ГПС обеспечивают выпуск около 1 тыс. молодых специалистов в год. Вместе с тем структура выпуска остается несбалансированной: на фоне избытка по ряду второстепенных направлений сохраняется дефицит по главным профессиональным программам, прежде всего, «Пожарной безопасности».

С точки зрения условий для профессиональной социализации рост значимости профильных вузов представляет безусловный плюс. Участие в образовательных программах длительностью 4–6 лет не только обеспечивает более высокий уровень профессиональных знаний и навыков, но и предоставляет неопоставимо большие возможности для других аспектов профессиональной социализации, чем краткосрочные курсы. Постоянное нахождение в среде профессионалов, возможности формальных и неформальных коммуникаций с действующими профессионалами обеспечивают освоение базовых профессиональных ролей и норм уже в ходе получения образования. Главными проблемами и ограничениями социализации в профильных вузах, выявленных в том числе в ходе наших исследований стали:

- недостаточно четкое понимание целей и задач вузовского образования в других аспектах профессиональной социализации в высокорисковых профессиях, помимо обучения и подготовки;
- избыток бюрократизма и формализма при создании условий для полу-

чения высшего образования, связанный, в частности, с элементами формализма и оторванности от реалий федеральных образовательных стандартов;

- нехватка практических занятий и условий для неформального взаимодействия с профессионалами.

В свою очередь, прохождение действующими специалистами МЧС краткосрочных программ на базе учебных курсов представляет возможности для развития профессиональных связей и профессиональной коммуникации уже действующих профессионалов. Такое обучение следует поэтому считать частью профессиональной социализации на рабочем месте. Оно не способно заменить базовую профессиональную социализацию новичка, но может рассматриваться как дополнительная и во многом уникальная возможность по коррекции представлений о содержании профессионализма в сфере пожарной охраны и гражданской обороны, помимо освоения новых специальных знаний и умений. Однако для полноценной реализации этой функции системе профессиональной переподготовки также требуется определенное переосмысление своих целей и задач, и более отчетливое понимание ценности краткосрочных программ именно как средства профессиональной коммуникации, необходимого для профессиональной социализации уже действующих специалистов.

Заключение

Таким образом, институциональные условия профессиональной социализации в профессиях, связанных с высоким риском, являются многоуровневыми и эволюционирующими. Важнейшей тенденцией является увеличение роли высшего образования, что отражает общемировую тенденцию к профессионализации пожарной охраны и гражданской обороны. В этих условиях особую важность приобретает способность вузов создать условия не просто для освоения определенных знаний и навыков, но и для формирования других аспектов профессионализма (роли, нормы, личностные

качества и ценности, профессиональная культура и др.), которые в высокорисковых профессиях имеют особенно большое значение. В настоящее время такие условия созданы лишь частично, и задачи вузов в обеспечении необразовательных аспектов профессиональной социализации осознаются и решаются пока не в полной мере.

Литература

1. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2019. Vol. 12. No.17. P. 1–14.
2. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2010. Vol. 20. P. 924–938.
3. Саенко Л.А., Затева Т.Г. Профессиональное образование как базовый процесс профессиональной социализации // *Дискуссия*. 2014. № 5. С. 123–127.
4. *New challenges in organization research: High reliability organizations / Ed. by K. Roberts*. New York: Macmillan, 1993.
5. Myers K.K. A burning desire // *Management Communication Quarterly*. 2005. Vol. 18. No.3. P. 344–384.
6. Болотин А.Э., Аганов С.С., Довженко М.С. Структура готовности выпускника вуза ГПС МЧС России к профессиональной деятельности // *Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России*. 2015. № 1. С. 159–163.
7. Шубин В.А. Профессиональная социализация курсантов вузов государственной противопожарной службы. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пенза, 2011.
8. Терехин Р.А. Социально-психологические детерминанты психологической готовности военнослужащих к изменению служебной ситуации в процессе профессиональной социализации.



СПб.: Центр стратегических исследований, 2020.

9. Яковлева О.И. Особенности профессионализма в сферах деятельности, связанных с повышенным риском // Гражданская оборона на страже мира и безопасности. М.: Академия ГПС МЧС России, 2023. С. 111–116.
10. Desmond M. Making firefighters deployable // Qualitative Sociology. 2011. Vol. 34. P. 59–77.

INSTITUTIONAL BASIS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION IN HIGH-RISK PROFESSIONS

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Professional socialization is a complex process during which a person acquires not only the knowledge and skills necessary in the profession, but also masters specific roles, norms, values, develops professional identity and assimilates professional culture. A feature of high-risk professions is the higher role of non-educational aspects of professionalism associated with personal qualities, values and roles. The article analyzes the institutional conditions of professional socialization in high-risk professions (using the example of the state fire service) within the educational system. Based on the study of two key elements of the professional educational system, specialized universities and training centers, it is concluded that higher education institutions become more important agents of socialization. At the same time, their institutional conditions for non-educational aspects of professional socialization are underdeveloped.

Keywords: professional socialization, professional institutions, professional risk, high-reliability organizations, fire service, EMERCOM, professional education.

References

1. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // Journal of Medical Ethics and History of Medicine. 2019. Vol. 12. No.17. P. 1–14.
2. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2010. Vol. 20. P. 924–938.
3. Saenko L.A., Zateeva T.G. Professional education as a basic process of professional socialization // Discussion. 2014. № 5. P. 123–127.
4. New challenges in organization research: High reliability organizations / Ed. by K. Roberts. New York: Macmillan, 1993.
5. Myers K.K. A burning desire // Management Communication Quarterly. 2005. Vol. 18. No.3. P. 344–384.
6. Bolotin A.E., Aganov S.S., Dovzhenko M.S. Structure of graduate school GPA readiness The Russian Emergency Situations Ministry to Professional Activity // Nauchno-analiticheskij zhurnal Vestnik Sankt-Peterburgskogo universi-teta gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii. 2015. № 1. P. 159–163.
7. Shubin V.A. Professional socialization of the state fire service higher education institutions' cadets. PhD Dissertation. Penza, 2011.
8. Terekhin R.A. Social psychological determinants of military personnel psychological readiness to the changes in military service situation during professional socialization. Saint Petersburg: Center of Strategic Research, 2020.
9. Yakovleva O.I. Professionalism in high-risk professions // Civil Defence of guard of peace and security. Moscow: Academy of State Fire Service of EMERCOM Russia, 2023. P. 111–116.
10. Desmond M. Making firefighters deployable // Qualitative Sociology. 2011. Vol. 34. P. 59–77.

Клиентоориентированность и клиентоцентричность при предоставлении государственных и муниципальных услуг

Болдина Марина Юрьевна,

кандидат социологических наук, кафедра социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: koma34@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретических оснований внедрения принципов клиентоориентированности и клиентоцентричности в практику государственного и муниципального управления в части предоставления государственных и муниципальных услуг населению. Проведен сопоставительный анализ клиентоориентированности и клиентоцентричности в бизнес-сфере и сфере государственного и муниципального управления. Проанализированы, с точки зрения удобства для клиента, основные форматы предоставления государственных и муниципальных услуг. Оценены перспективы внедрения клиентоцентричности при предоставлении услуг в офлайн и онлайн форматах. На основании вторичного анализа «больших данных», собираемых Министерством экономического развития Российской Федерации, проведена оценка удовлетворенности потребителей процессом и результатом предоставления государственных и муниципальных услуг. По результатам исследования определены проблемы реализации принципов клиентоцентричности и намечены пути их решения.

Ключевые слова: клиентоориентированность, клиентоцентричность, государственные и муниципальные услуги, публичное управление, большие данные.

Введение

Передовые исследования государственного и муниципального управления приходят к пониманию того, что публичное управление должно быть клиентоориентированным. Группа исследователей из РАНХиГС [3] считает, что перемены в понимании смысла государственной и муниципальной службы связаны как с общим государственным курсом (государственная и муниципальная служба – это служба народу), так и с переходом на государственную и муниципальную службу профессионалов из бизнес-сферы, которые привносят в публичное управление принципы, инструменты и терминологию коммерческого сектора.

Клиентоцентричный подход теоретически проработан и эмпирически апробирован в бизнес-сфере. Адаптация данного подхода к сфере государственного и муниципального управления означает построение модели оказания государственных и муниципальных услуг гражданину на том же уровне, на котором оказываются услуги клиентам в конкурентной среде бизнес-организаций [6]. При этом происходит трансформация в понимании продукта (услуги) от унифицированного подхода к возможности гибкого решения в ответ на запрос конкретного клиента.

Внедрение новых принципов государственного и муниципального управления требует терминологической проработки основных понятий, а также анализа накопленного (пока еще небогатого) опыта внедрения клиентоцентричности, в связи с чем, приведенные в данной статье результаты исследования представляются актуальными в теоретико-прикладном плане.

Методы и принципы исследования

Цель статьи – наметить пути повышения клиентоцентричности государственного



и муниципального управления. В качестве методов исследования были использованы сравнительный анализ, аналогия, анализ документов, а также вторичный анализ «больших данных», собранных Министерством экономического развития Российской Федерации.

Основные результаты

О клиентоориентированности в государственном и муниципальном управлении исследователи и практики заговорили раньше, чем о клиентоцентричности. Изначально клиентоориентированность – это экономическая категория, отражающая совокупность индикаторов функционирования организации, обеспечивающих более полный и всесторонний учет предпочтений клиента, по сравнению с организациями-конкурентами [4].

Клиентоориентированность в государственном и муниципальном управлении, по мнению С.Г. Захаровой, представляет собой ориентацию на максимальное удовлетворение запросов населения, таких, как оказание и предоставление услуг, при безусловном соблюдении стандартов качества публичных услуг [2, с. 68]. Главной сложностью экстраполяции принципов клиентоориентированности на систему публичного управления является то, что государственные и муниципальные органы власти действуют в неконкурентной среде, соответственно отсутствует вектор создания более высокой потребительской ценности, чем у конкурентов, также нет задачи привлечения новых клиентов для увеличения объема продаж и максимизации прибыли [5]. Возникает правомерный вопрос, на что должен быть направлен вектор клиентоориентированности публичного управления? Автор данной статьи выдвигает предположение о том, что мощным стимулом клиентоориентированности может стать модель оценки деятельности должностных лиц и государственных и муниципальных служащих, в которой существенный весовой коэффициент будет иметь оценка населением качества процесса и результата предоставления государственных и муниципальных услуг. В этом случае воз-

можна переориентация внимания с характеристик услуги на потребность клиента, аналогично бизнес-сфере.

В отличие от клиентоориентированности, клиентоцентричность – относительно новый термин, применительно к публичному управлению. Между тем, именно он стал основой разработки нового вектора политики взаимодействия государства и общества, государства и человека. Разработку научных принципов клиентоцентричности и подготовку кадров в соответствии с этими принципами взяла на себя, прежде всего, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [3]. Деятельность по внедрению принципов клиентоцентричности в практику публичного управления курирует Министерство экономического развития Российской Федерации, которым были разработаны стандарты клиентоцентричности [9]. Особый интерес в рамках данной темы представляет стандарт «Государство для людей». В этом стандарте дается определение клиентоцентричного подхода в государственном и муниципальном управлении как подхода, основанного на выявлении и изучении потребностей клиента, постоянном улучшении взаимодействия органов власти и полномочных организаций с клиентом для удовлетворения его потребностей с намерением превзойти его ожидания. [8].

В виде центрального субъекта, предоставляющего государственные и муниципальные услуги, можно назвать МФЦ (Многофункциональный центр) – организацию, которая создавалась по своей организационно-правовой форме как учреждение государственного или муниципального управления. Суть оказания государственных услуг через МФЦ состоит в том, что заявитель не участвует в дальнейшем взаимодействии с органами государственного и муниципального управления, поскольку указанную функцию берет на себя МФЦ [10]. На наш взгляд, именно МФЦ обладают наиболее высоким потенциалом реализации принципов клиентоцентричности государственного и муниципального управ-



ления, поскольку предполагают, помимо функционального взаимодействия с клиентом, личное взаимодействие сотрудника МФЦ, которое предоставляет возможность непосредственно вникнуть в жизненную ситуацию клиента. Вместе с тем, основное направление развития клиентоцентричности публичного управления в современной России связано с предоставлением услуг в электронном формате, то есть путем опосредованного взаимодействия с клиентом.

Цифровой формат оказания рассматриваемых услуг предполагает:

- оперативный доступ для населения к сведениям об осуществляемых государством процедурах (перечень документов, порядок осуществления, порядок и сроки выдачи результата и т.д.);
- реализацию прав и обязанностей граждан в более простом и комфортном формате с помощью информационного портала без очередей и возможного нарушения стандартов их рассмотрения;
- граждане могут контролировать процесс оказания услуг путем отслеживания хода рассмотрения их обращения в удобном формате;

- выдача результата рассмотрения обращения гражданам также осуществляется в дистанционном электронном виде [1].

Предоставление государственных и муниципальных услуг являются центральным сегментом модели клиентоцентричного государства. Оценка качества предоставления услуг должна быть главным параметром измерения клиентоцентричности. Единственным действенным механизмом оценки на данный момент является мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг, проводимый Минэкономразвития России, основанный на «больших данных». Мониторинг проводится в отношении государственных и муниципальных услуг, сведения о которых находятся в распоряжении оператора Единого портала, а также операторов иных информационных систем, которые участвуют в предоставлении услуг.

Результаты мониторинга за 3 квартал 2023 года представлены в таблице 1. Массив данных, анализируемых при проведении мониторинга, содержал сведения о ходе выполнения более чем 141 млн запросов о предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Таблица 1. Показатели качества предоставления федеральных, региональных и муниципальных (в совокупности) услуг, %

№	Наименование показателя	Достигнутое значение		Целевое значение
1	Доля запросов, принятых уполномоченным органом Региональные и муниципальные услуги	Федеральные услуги	67,7	100
			87,4	
2	Доля запросов, зарегистрированных уполномоченным органом Региональные и муниципальные услуги	Федеральные услуги	55,6	100
			80,0	
3	Доля отказов в предоставлении услуги Региональные и муниципальные услуги	Федеральные услуги	19,9	не более 10
			15,4	
4	Доля запросов с нарушением срока регистрации услуги Региональные и муниципальные услуги	Федеральные услуги	20,8	0
			Нет данных	
5	Доля запросов с нарушением срока предоставления услуги Региональные и муниципальные услуги	Федеральные услуги	10,0	0
			Нет данных	
6	Доля ошибок при предоставлении услуг в электронной форме Региональные и муниципальные услуги	Федеральные услуги	0,48	0
			0,11	



№	Наименование показателя		Достигнутое значение		Целевое значение
7	Доля запросов, по которым заявитель не уведомлен о ходе предоставления услуги Региональные и муниципальные услуги Региональные и муниципальные услуги		Федеральные услуги	48,4	0
				83,2	
				4,6	
8	Доля жалоб на качество предоставления услуги Региональные и муниципальные услуги		Федеральные услуги	0,8	0
				0,2	
9	Доля жалоб, не урегулированных в досудебном порядке Региональные и муниципальные услуги		Федеральные услуги	73,5	не более 10
				56,4	
10	Основные причины обжалования	Нарушение сроков предоставления услуги	Федеральные услуги	46,0	
			Региональные и муниципальные услуги	31,0	
	Отказ в предоставлении услуги	Федеральные услуги	33,0		
		Региональные и муниципальные услуги	45,0		

Мониторинг предполагает оценку заявителями качества предоставления услуг. В 3 квартале 2023 г. оценка качества предоставления федеральных услуг составила 4,2 балла, региональных и муниципальных – 4,6%, при целевом значении показателя 4,5 балла.

Большой процент непринятых и незарегистрированных запросов может объясняться некорректной работой информационных систем, что вскрывает проблему несовершенства технико-технологических систем предоставления услуг.

По российскому законодательству уполномоченные органы должны уведомлять заявителя о ходе предоставления услуги – от момента регистрации запроса до принятия решения по итогам его обработки. Неинформирование заявителя нарушает его права и законные интересы, поскольку гражданин лишается возможности отслеживать своевременность и соблюдение порядка при рассмотрении своего запроса и узнавать о готовности документов, являющихся результатом предоставления услуги.

Существенный процент отказов в предоставлении услуг косвенно указывает на недостаточную информированность заявителей о порядке предоставления услуги. Соответственно, еще одной проблемой является недостаток информационной поддержки клиента.

В большинстве случаев ответственные сотрудники зарегистрировали поданные запросы, однако заявителям не было направлено об этом соответствующих уведомлений. Между тем, неинформирование заявителя о регистрации запроса может привести к ошибочному расчету им срока предоставления услуги, и как следствие, снижению качества предоставления услуги.

Проведение мониторинга на постоянной основе позволяет выявить основные проблемы, возникающие в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг, включая несоблюдение сроков их предоставления, уровень отказов, технические ошибки, случаи неинформирования заявителей о ходе предоставления услуг и другие.

Обсуждение

Понятия клиентоориентированности и клиентоцентричности в публичном управлении, во-первых, соотносятся как общее и частное. Во-вторых, клиентоориентированность можно понимать как действия, направленные на понимание и учет потребностей клиента, тогда как клиентоцентричность – это модель построения системы управления, обеспечивающей предоставление услуг, максимально адаптированных для каждого клиента.

На наш взгляд, принципы клиентоцентричности наилучшим образом могут быть реализованы в работе МФЦ, поскольку данный формат обеспечивает закрепление персонально ответственного исполнителя и нивелирует цифровое неравенство. Однако Правительство РФ и Минэкономразвития РФ делают ставку в реализации принципов клиентоцентричности на электронный формат предоставления государственных и муниципальных услуг.

Главными преимуществами оказания услуг населению в электронном формате являются:

- высокая скорость – цифровой формат рассмотрения обращений позволяет экономить время на подачу и их рассмотрение;
- снижение влияния личного фактора – уменьшает вероятность человеческих ошибок и неверных консультаций;
- уменьшение документооборота – при оказании услуги дистанционно, предоставляемые сведения не дублируются за счет возможности доступа сотрудника к сведениям о заявителе в государственных базах данных;
- доступность – подавать обращения возможно даже при нахождении в другой стране при помощи информационного портала;
- уменьшение бюрократии – обусловлено как снижением количества документации, так и унификацией всего процесса рассмотрения заявления и выдачи результата;
- возможность в любой момент отследить статус услуги в личном кабинете.

Важно понимать, что предоставлять качественные государственные и муниципальные услуги можно при условии использования качественного программного и технического обеспечения. Без этого невозможно организовать полноценный доступ к серверам и специальным сервисам, создать эффективные коммуникации между пользователями и структурами, предоставляющими услуги.

Заключение

На основании выявленных в результате исследования проблем реализации прин-

ципов клиентоцентричности при предоставлении государственных и муниципальных услуг, можно наметить пути совершенствования процесса и результата предоставления услуг, в соответствии с запросами конкретных клиентов:

- Закрепить персональную ответственность (в том числе, в рамках материального стимулирования) за результат предоставления государственных и муниципальных услуг.
- Дополнить процесс подачи запроса в электронном виде практикой персональных консультаций (по телефону, электронной почте), нацеленных на разъяснение правил для клиентов, допускающих ошибки при подаче заявления.
- Наряду с развитием электронных форм предоставления услуг, оставить за клиентом право выбора формы получения услуги (через МФЦ, непосредственно в органах государственной власти и муниципального управления).

Таким образом, клиентоцентричность можно считать новой вехой государственного и муниципального управления. Повсеместное внедрение данного подхода должно сопровождаться анализом лучших практик, на деле демонстрирующих результаты функционирования «государства для людей».

Литература

1. Авдохина Я.В. Доступность государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации / Я.В. Авдохина, А.А. Селех // Системные технологии. – 2017. – 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostupnost-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 14.09.2023).
2. Захарова С.Г. Оценка системы управления муниципальных районов по критерию качества жизни населения / С.Г. Захарова // Власть. – 2016. – 8. – с. 67–73.
3. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О.В. Линник, А.В. Ожа-



- ровского, М.С. Шклярчук. – Москва: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. – 180 с. URL: <https://it-bank.gov39.ru/upload/iblock/d4f/d4f-7b37e0809a89c135f2f75c18c0a57.pdf> (дата обращения: 14.09.2023).
4. Ладыгина Е.Е. Концептуальная модель формирования и оценки уровня клиентоориентированности предприятий / Е.Е. Ладыгина // Вестник МГСУ. – 2017. – 3 (102). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-formirovaniya-i-otsenki-urovnya-klientoorientirovannosti-predpriyatiy> (дата обращения: 14.09.2023).
 5. Леонтьева В.В. Клиентоориентированный подход при оказании муниципальных услуг / В.В. Леонтьева // Муниципалитет: экономика и управление. – 2018. – 2(23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovannyu-podhod-pri-okazanii-munitsipalnyh-uslug> (дата обращения: 14.09.2023).
 6. Леонтьева Л.С. Клиентоцентричность как фактор формирования качества репутационных ресурсов системы публичного управления (отечественный и зарубежный опыт) / Л.С. Леонтьева, В.В. Смирнова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2022. – 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientotsentrinnost-kak-faktor-formirovaniya-kachestva-reputatsionnyh-resursov-sistemy-publicnogo-upravleniya-otechestvennyu-i> (дата обращения: 14.09.2023).
 7. Оценка качества госуслуг. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/vnedrenie_novyh_principov_predostavleniya_uslug/ocenka_kachestva_gosuslug/ (дата обращения: 14.09.2023).
 8. Стандарт «Государство для людей». Требования по внедрению клиентоцентричного подхода в государственном и муниципальном управлении при взаимодействии с людьми. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/00db16ac60dcff6084d-1bcf2e611703e/standart_gosudarstvo_dlya_lyudey.pdf (дата обращения: 14.09.2023).
 9. Стандарты клиентоцентричности. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrchnosti/ (дата обращения: 14.09.2023).
 10. Ушакова А.Н. Совершенствование деятельности МФЦ как субъекта предоставления государственных и муниципальных услуг / А.Н. Ушакова, А.А. Попиков // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2021. – 4. – с. 19–25.

CLIENT FOCUS AND CLIENT-CENTRICITY IN THE PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES

Boldina M. Yu.

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA

The article is devoted to the analysis of the theoretical foundations for introducing the principles of client focus and client-centricity into the practice of state and municipal management in terms of providing state and municipal services to the population. A comparative analysis of client orientation and client-centricity in the business sphere and the sphere of state and municipal administration was carried out. From the point of view of convenience for the client, the main formats for the provision of state and municipal services are analyzed. The prospects for introducing client-centricity in the provision of services in offline and online formats are assessed. Based on a secondary analysis of “big data” collected by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, an assessment of consumer satisfaction with the process and result of the provision of state and municipal services was carried out. Based on the results of the study, problems in implementing the principles of customer centricity were identified and ways to solve them were outlined.

Keywords: client focus, client-centricity, state and municipal services, public administration, big data.



References

1. Avdohina Ja.V. Availability of state and municipal services in the Russian Federation / Ja.V. Avdohina, A.A. Seleh // System technologies. – 2017. – 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostupnost-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed 14 september 2023) [in Russian]
2. Zaharova S.G. Assessment of the management system of municipal districts according to the criterion of the quality of life of the population / S.G. Zaharova // Authority. – 2016. – 8. – p. 67–73. [in Russian]
3. Client-centric approach in public administration: Navigator of digital transformation / ed. O.V. Linnik, A.V. Ozharovsky, M.S. Shklyaruk. – Moscow: RANEPa under the President of the Russian Federation, 2020. – 180 pp. URL: <https://it-bank.gov39.ru/upload/iblock/d4f/d4f7b37e0809a89c135f2f75c18c0a57.pdf> (accessed 14 september 2023).
4. Ladygina E.E. Conceptual model for the formation and assessment of the level of customer focus of enterprises / E.E. Ladygina // Bulletin of MGSU. – 2017. – 3 (102). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-formirovaniya-i-otsenki-urovnya-klientoorientirovannosti-predpriyatii> (accessed 14 september 2023) [in Russian]
5. Leont'eva V.V. Customer-oriented approach to the provision of municipal services / V.V. Leont'eva // Municipality: economics and management. – 2018. – 2(23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovanny-podhod-pri-okazanii-munitsipalnyh-uslug> (accessed 14 september 2023) [in Russian]
6. Leont'eva L.S. Client-centricity as a factor in shaping the quality of reputational resources of the public administration system (domestic and foreign experience) / L.S. Leont'eva, V.V. Smirnova // Bulletin of Moscow University. Episode 21. Management (state and society). – 2022. – 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientotsentrichnost-kak-faktor-formirovaniya-kachestva-reputatsionnyh-resursov-sistemy-publichnogo-upravleniya-otechestvenny-i> (accessed 14 september 2023) [in Russian]
7. Assessing the quality of government services. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe-upravlenie/vnedrenie_novyh_principov_predostavleniya_uslug/ocenka_kachestva_gosuslug/ (accessed 14 september 2023).
8. Standard “State for people”. Requirements for the introduction of a client-centric approach in state and municipal management when interacting with people. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/00db16ac60dcff6084d1bcf2e611703e/standart_gosudarstvo_dlya_lyudey.pdf (accessed 14 september 2023).
9. Customer-centricity standards. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe-upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti/ (accessed 14 september 2023).
10. Ushakova A.N. Improving the activities of the MFC as a subject of providing state and municipal services / A.N. Ushakova, A.A. Popikov // Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management. – 2021. – 4. – p. 19–25. [in Russian]



Конфликтное поведение в трудовом коллективе: социальные характеристики и стратегии взаимодействия

Тагибова Асият Ахмедовна,

кандидат социологических наук, заместитель президента Национального фонда культурных инноваций, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)
E-mail: a.a.tagibova@mail.ru

Литвина Кристина Яковлевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики и финансов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: litvina.k.y@yandex.ru

Золотова Яна Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и таможенное дело», Тихоокеанский государственный университет
E-mail: rozohka@mail.ru

Волкова Нина Петровна,

кандидат философских наук, доцент; Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
E-mail: petrovnvolkova@mail.ru

Анучина Ольга Васильевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории и социологии, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ФГБОУ ВО «КНИТУ»)
E-mail: anuchina.o.v@mail.ru

фликтов и выяснить особенности детерминации конфликтного поведения. На основе анализа эмпирических данных установлены три ведущих типа конфликтного взаимодействия. Использование авторского опросника позволило выявить качественные характеристики отношения работников к конфликтному взаимодействию в организации.

Ключевые слова: внутриколлективный конфликт, конфликтное взаимодействие, восприятие конфликта, отношение к конфликтам, типы конфликтного взаимодействия.

В статье рассматриваются качественные и количественные социальные характеристики конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе современной организации. Конфликтное поведение в трудовом коллективе, как правило, является следствием различных противоречий. Конфликтное поведение возникает в ситуации непосредственного взаимодействия участников, исходя из различных целей, которых должна достичь каждая из сторон. Мы исходим из необходимости изменения конфликтного поведения участников к конструктивным действиям, направленным на разрешение или устранение противоречий. В работе использован авторский опросник рефлексивного анализа элементов конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе. Проведенный авторами опрос позволил выявить частоту, причины, инициаторов кон-

Введение

В эпоху технологических и организационных инноваций ужесточение конкуренции на любом уровне повышает социальное напряжение в сфере труда и влечет за собой развитие противоречий социального характера, что находит свое отражение в обострении и увеличении частоты и интенсивности конфликтных ситуаций в социально-производственной системе [3].

В связи с чем возникает вопрос о необходимости перехода управления на адаптивные структуры, приспособляющиеся к нестандартным ситуациям с помощью внутриорганизационных управленческих инструментов, в частности эффективных методов управления внутриколлективными конфликтами (далее – ВК).

Активизация значения эффективно управления ВК обусловлена прежде всего высокой общественной потребностью в познании конфликтов, которые нередко возникают из-за противоречий социальных ожиданий [4].

В изучении ВК широко используются различные направления социологического познания, где предметом исследования становятся социальные аспекты ВК. Понятие «социология конфликта» впервые ввел в научное обращение немецкий социолог Г. Зиммель. Подчеркивая важность конфликта как одной из форм общественной жизни и норм социального взаимодействия, он утверждал, что именно пересечение групповых эгоистических интересов разных социальных групп способно дать толчок для разработки инструментов смягчения конфликтности среды. [12]

Развивая идеи Г. Зиммеля, Л. Козер в своих трудах тщательно исследовал функциональную пользу социального конфликта [6]. Рассматривая конфликт как одно из средств снятия напряжения, он подчеркивал, что вследствие разрешения конфликтной ситуации достигается четкость выявления групповых интересов, ускоряется структуризация и институционализация социальных образований. [6] В основе конфликта со-

гласно Р. Дарендорфу лежит конфликт интересов, опирающийся на несовпадение интересов. Вследствие чего этого возникают противоречия и конфликтные ситуации, непосредственно влияющие на проявления конфликта. [2]

При этом, следует отметить, что не существует единой точки зрения относительно влияния ВК на деятельность организации. Некоторые ученые [5] утверждают, что конфликт влияет на организацию лишь негативно, поскольку ухудшает социально-психологический климат в коллективе, приводит к стрессам работников и снижению их производительности, чем дестабилизирует деятельность. Сторонники другой точки зрения [2] настаивают на том, что конфликт оказывает положительное влияние, так как предоставляет возможности для выявления и устранения имеющихся проблем, чем позволяет организации развиваться, подталкивает работников к профессиональному росту.

Вышеизложенные позиции известных ученых еще раз подтверждают актуальность исследования ВК для достижения большей результативности деятельности работников организаций.

Цель исследования – исследовать качественные характеристики конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе современной организации.

Результаты исследования

Несмотря на то, что взаимодействие является центральной категорией социологии организации, сегодня потенциал конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе организации эмпирически исследован фрагментарно. Конфликтное взаимодействие является формой выражения противоречия, возникающей в ситуации непосредственного взаимодействия субъектов и представляет противоположно избранные цели, образы конфликтной ситуации, представления, осознаваемые или неосознаваемые действия участников, направленные на разрешение или устранение противоречия [13].

Современные исследования выделяют обычно четыре элемента конфликт-



ного взаимодействия [1, 9]. Любой ВК имеет свою причину, возникающую при необходимости удовлетворения любой потребности. Причинами ВК могут выступать разные материальные, социальные и духовные ценности.

Участниками ВК могут быть отдельные индивиды или социальные группы. Главными участниками ВК являются противодействующие стороны, одна из которых испытывает дискомфорт в связи с действительным или мнимым ущемлением ее потребности другой стороной. Кроме участников конфликта, совокупность которых составляет микросреда, важную, а иногда и решающую роль в ее развитии играет макросреда и те конкретные социальные условия, при которых она разворачивается [7].

Характер ВК зависит не только от объективных условий, создающих в коллективе чувство дискомфорта, ограничение потребностей участников конфликта, но нередко и от субъективного восприятия ими ситуации, от образа конфликтной ситуации [9]. Именно эти образы часто являются непосредственной основой поведения сторон в конфликте [9]. Интегральной формой выражения отношений, обуславливающих способ социального взаимодействия, является готовность личности либо к кооперации, либо к конфронтации. Реализация конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе зависит от личностного выбора, в основе которого лежат социальная позиция, социальные роли и социальные ожидания работника.

Для более полного достижения цели исследования было осуществлено эмпирическое исследование качественных характеристик конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе современной организации

Всего в исследовании принимали участие 59 человек в возрасте от 28 до 43 лет. Основным методом исследования – опрос. Определение современных трендов конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе предполагало установление частоты, причин, инициаторов конфликтов и установление особенностей детерминации конфликтного

поведения и способов урегулирования конфликта. В работе использован авторский опросник рефлексивного анализа элементов конфликтного взаимодействия в трудовом коллективе, а также проективные методики «направленной проекции» и «незавершенных предложений».

Учитывая отсутствие специальных исследований, направленных на оценку отношения одного участника конфликта к другому, разработан авторский опросник, направленный на исследование качественных характеристик конфликтного взаимодействия.

Респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Выберите вариант, наиболее отражающий ваше понимание конфликта:

а) это крайняя мера решения проблем; б) это способ отстоять свою точку зрения и себя; в) это стресс; г) это столкновение противоположных интересов и взглядов; д) это положительная настройка на успешное разрешение противоречия; е) это способность личности к развернутому пониманию предмета противодействия; ж) это осмысление и решение проблемы; з) это трансформация любого противоречия в положительное русло;

2. Как часто возникают конфликтные ситуации среди сотрудников Вашего трудового коллектива?

3. Кто чаще всего выступает в качестве инициатора конфликта?

4. Вспомните любой конфликт (последний), в котором Вы были одной из сторон и укажите причину конфликта.

5. Можете ли Вы сформулировать истинную причину произошедшего конфликта?

6. Как сказывается наличие конфликтной ситуации на развитие межличностных отношений в коллективе?

7. Назовите способ урегулирования конфликта.

8. Как вы понимаете понятие конструктивной конфликтности?

9. Имеют ли конфликты негативные или положительные последствия в вашей жизни?

С помощью проективных методик «направленной проекции» и «незавершенных предложений» выявлено доминирование двух видов аксиологических модальностей восприятия конфликта одновременно как негативного и положительного явления в жизнедеятельности трудового коллектива. Выявлено, что подавляющее большинство испытуемых (80,4%) воспринимают конфликт как негативное, деструктивное и разрушительное явление: это крайняя мера решения проблем (8,7%), столкновение противоположных интересов и взглядов (63,0%), это стресс (8,7%). Четверть испытуемых воспринимает конфликт как положительное явление, позволяющее осмыслить и решить проблемы (10,9%), развернуто категоризировать предмет противодействия (4,3%), отстоять свое мнение и себя (4,3%).

На вопрос: «Как часто возникают конфликтные ситуации среди сотрудников вашего подразделения?» половина опрошиваемых 52,2% ответила, что они имели дело с конфликтным взаимодействием «довольно редко». Один раз в месяц сталкивались с конфликтными ситуациями 10,9% опрошиваемых. Треть опрошенных ежедневно попадает или инициирует конфликты (17,4% – ежедневно; 19,6% – один раз в неделю).

На вопрос «Кто чаще всего выступает инициатором конфликта?» ответы распределились следующим образом: 80,4% испытуемых указали, что инициатором конфликта был оппонент, 19,6% – что конфликт был инициирован ими.

Результаты опроса показали, что к наиболее значимым факторам, которые становятся причинами конфликтов в трудовом коллективе, относятся следующие: личностное недоразумение (28,3%); интеллектуальное соперничество (13%); неуравновешенность характера (10,9%); сокрытие важной информации (8,7%); категоричность в суждениях, перебивание в диалоге (6,5%); утверждение себя за счет обесценивания другого (6,5%); манипулирование (6,5%); эгоизм (4,3%); лицемерие и неприязнь (4,3%); вражда внутри коллектива (2,2%); хамство (2,2%); «болезнен-

ная» восприимчивость к словам (2,2%); неверное представление собственной роли в трудовом коллективе (2,2%); проявление неискренности, насмешки, пренебрежительный тон (2,2%).

На основе анализа эмпирических данных можно выделить три ведущих типа ВК в современной организации. Во-первых, это конфликты, возникающие в процессе трудовой деятельности как реакция на препятствия в достижении целей. Этот тип ВК возникает при нарушении взаимосвязей делового характера. Во-вторых, это конфликты, возникающие в трудовом коллективе и связанные с необходимостью сотрудников соблюдать определенные нормы, правила и способы поведения в коллективе. Для них характерны нарушения взаимосвязей ролевого и статусного характера. В-третьих, конфликты, возникающие на почве индивидуальных особенностей. Такие ВК возникают при нарушении социальных взаимосвязей личного характера [10].

Данные опроса позволили выявить, что одним из наиболее существенных признаков работников с высоким потенциалом конфликтности является то, что они часто не осознают характера конфликтной ситуации, не контролируют свое поведение, и это приводит к конфликту.

Анализ стратегий личного метода урегулирования ВК показал, что более значимыми для испытуемых оказались конструктивные стратегии поведения в конфликте (сотрудничество, компромисс, мирное урегулирование, диалог). Эти стратегии осознаются исследуемыми как эффективные и избираются наиболее часто.

Следующий этап эмпирического исследования заключался в выявлении отношения работников к другим участникам конфликтного взаимодействия. Отношение к другим участникам ВК понимается как комплекс представлений и оценок, которые характеризуются разной степенью готовности и выражают позицию личности [8]. Установлено, что только 7,0% не готовы заранее рассматривать потребности и интересы другого



участника конфликта; 57% исследуемых пытаются прояснить, уточнить и учесть потребности и интересы другого участника конфликтного взаимодействия. Треть испытуемых считают, что необходимо предложить конструктивные подходы к изменению конфликтной ситуации, связанной с профессиональными обязанностями, и перейти к обсуждению возможности поиска «ключевых точек», которые могут повлиять на ситуацию, соединить общие интересы, потребности и ожидания.

В конфликтной ситуации, связанной с несоответствием потребностей, интересов и ожиданий друг от друга, только 4,0% испытуемых считают целесообразным прекратить отношения при возникновении конфликта. На конформистскую модель ориентированы отдельные сотрудники, которые в конфликте склонны уступать и подчиняться. 68,0% испытуемых готовы участвовать в обсуждении причин и способов изменения конфликтного поведения, внедрение которых способно помочь разрешать возникающие конфликты. 28,0% испытуемых – это сторонники активных вариантов разрешения конфликтной ситуации с целью сохранения взаимоотношений между сторонами.

подавляющее большинство опрошенных ориентированы на использование конструктивной модели поведения в конфликте. Они стремятся найти решение, удовлетворяющее всех, поэтому охотно вступают в переговоры и ищут пути урегулирования проблемных вопросов.

Изучение отношения к участнику конфликтного взаимодействия предполагало также выяснение их готовности к прогнозу возможных рисков и последствий своих действий, возможности учитывать негативные проявления ВК, такие как: нарушение установившейся системы коммуникаций между работниками; препятствия на пути достижения целей роста организации; ослабление группового единства; угроза личным интересам участников конфликтной ситуации; подрыв авторитета и лишение поддержки со стороны других членов коллектива;

безрезультатное расходование энергии и ресурсов; угроза возникновения новых конфликтов; акцентирование на необходимости победы, а не на решении проблемы; снижение эффективности выполнения поставленной задачи; повышение текучести кадров; отрицательные эмоциональные переживания участников конфликта; угроза стабильности организации; препятствие введению новшеств; содействие возникновению кризисных ситуаций [1].

Анализ данных показал, что 11,0% опрошенных стремятся спрогнозировать возможные риски и последствия своих действий только для себя, как предателя одной из сторон конфликта и общего дела; 22% – стараются оценивать риски конфликтного поведения, последствия не только для одной стороны конфликта, но и для других сторон – участников конфликтной ситуации, и общего дела; и подавляющее большинство опрошенных (67%) обычно пытаются прогнозировать риски, последствия не только собственных действий, но и других действий для себя, общего дела и интересов другого участника ВК.

Не менее важно было выявление готовности сотрудников современной организации к пониманию эмоционального состояния, мотивов и отношений к делу и к себе другого участника. По результатам опроса, 4,0% опрошенных не стремятся понять эмоциональное состояние, мотивы другого участника конфликта. 50,0% опрошенных готовы своими действиями изменить конфликтное поведение в трудовом коллективе и потратить для этого ресурсы, которыми располагает опрошенный, в разумном количестве, для того, чтобы понять эмоциональное состояние и мотивы конфликтующих сторон. 46,0% испытуемых готовы прилагать дополнительные усилия и тратить личные ресурсы для понимания эмоционального состояния другого участника взаимодействия.

В ходе анализа выяснено, что 22,0% опрошенных проявили полную готовность оказывать помощь, поддерживать, только если это необходимо делу партнера для оказания ему помощи,



основываясь на собственном представлении о ситуации. 50% опрошенных респондентов, считают, что они пытаются откликаться на просьбы о помощи со стороны другого участника конфликта, треть респондентов не склонны к решительным действиям, хотя выражают стремление согласовывать свое вмешательство в дела других участников конфликта для оказания помощи в изменении конфликтного поведения участников. При этом пытаются самостоятельно предлагать помощь и поддержку другому участнику конфликта. Помощь готовы оказывать лишь предварительно выяснив необходимость и, можно сказать, неизбежность, если не хотят, чтобы конфликтное поведение других участников негативно повлияло на них лично. Есть ситуация, когда личность стремится достичь положительного результата в конфликтном противостоянии, реализовать цель и сохранить позитивный характер отношений при использовании стратегии кооперации.

Поскольку речь идет о взаимодействии, важнейшим компонентом ситуации каждого участника является другой участник конфликта с ситуацией его собственного самоопределения в конфликтном взаимодействии [11]. Дальнейший анализ эмпирических данных показал, что 15,0% испытуемых готовы самостоятельно искать дополнительные пути, возможности для эффективного разрешения конфликтной ситуации; 38,0% готовы искать дополнительные пути, возможности для эффективного разрешения конфликтной ситуации и привлечь другого участника при его инициативе; почти половина (47,0%) готовы самостоятельно искать дополнительные пути, возможности для эффективного разрешения конфликтной ситуации, привлекая для этого другого участника конфликтного взаимодействия.

Чисто эмпирически эта динамика может быть совершенно разной и вызывать как совпадение, так и дальнейшее расхождение исходных ситуаций, то есть к усилению или ослаблению конфликтного взаимодействия. За счет каких действий сторон взаимодействия такое

преобразование ситуации становится возможным – вопрос особый, обычно они описываются как процесс переговоров, что позволяет достичь того или иного компромисса, соглашения сторон участниц [11].

Заключение

В результате проведенного исследования показано, что любая организация, являющаяся взаимосвязанной системой, может подвергаться негативному влиянию ВК. В статье доказана необходимость исследования ВК для достижения большей результативности в деятельности работников организаций.

В ходе эмпирического исследования выявлено, что большинство сотрудников современной организации воспринимают конфликт как негативное, деструктивное и разрушительное явление. Результаты опроса показали, что к наиболее значимым факторам, которые становятся причинами конфликтов в трудовом коллективе, относятся следующие: личностное недоразумение; интеллектуальное соперничество, неуравновешенность характера, сокрытие важной информации, категоричность в суждениях, перебивание в диалоге, утверждение себя за счет обесценивания другого; манипулирование, эгоизм, лицемерие и неприязнь, внутригрупповая вражда, хамство, «болезненная» восприимчивость к словам, неправильное представление своей роли в группе, проявление неискренности, насмешки, пренебрежительный тон. Анализ стратегий личного метода урегулирования конфликта показал, что более значимыми оказались конструктивные стратегии поведения в конфликте (сотрудничество, компромисс, мирное урегулирование, диалог).

В заключение отметим, что заблаговременное предупреждение ВК поможет минимизировать их деструктивные последствия для эффективной работы коллектива. Иными словами, очень важно уметь предупреждать ВК с целью сохранить благоприятную продуктивную среду в коллективе. Поскольку этот вопрос недостаточно исследован, существуют перспективы дальнейших научных раз-



работок профилактики ВК в различных сферах деятельности.

Литература

1. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Организационный конфликт: социологический аспект: монография. – М.: Изд-во СГУ, 2013. 179 с.
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: Российская политическая энциклопедия(РОССПЭН), 2002. 288 с.
3. Зайнуллин Л.И. Социальная адаптация как одна из стратегий вхождения иммигрантов в принимающее общество (философский анализ) // Манускрипт. 2016. № 5 (67). С.89–92.
4. Зайнуллин Л.И. Социокультурный феномен концепции культурной динамики // Л.И. Зайнуллин, Л.К. Зиганшина // Казанский вестник молодых ученых. Исторические науки – 2018. – Т. 2. – № 3 (6). – С. 61–66.
5. Кашник О.И., Силкина Н.В., Федосихина Е.А. Практикум по управлению конфликтами в организации. Новосибирск. 2014.302 с.
6. Козер Л. Функции социального конфликта. Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
7. Лукаш Ю.А. Внутрифирменные конфликты, или Трудовая конфликтология в бизнесе. М.: Юстицинформ, 2014. 157 с.
8. Никуло Е.А. Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к участникам делового взаимодействия: диссертация ... кандидата психологических наук. Москва, 2013. 193 с.
9. Овсянникова Е.А., Серебрякова А.А. Конфликтология. Москва: Флинта, 2020. 335 с.
10. Петров С.В. К вопросу о развитии эмпатического потенциала как условия эффективного разрешения конфликтов в процессе учебной деятельности в ВУЗе // Пространство и время. 2014. № 1(15). С. 246–251
11. Пископпель А.А. Конфликтная ситуация с позиционно-ролевой точки зрения // Этнометодология вып.15. М., 2010. с. 9–28
12. Трофимова Е.А. Эволюция парадигмы социального конфликта// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2008. № 1(1). С. 75–77.
13. Халитов Р.Г. Конфликт как потенциал развития / Материалы IV Всероссийской конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций». 2012. Вып. 4. С. 19–23.

CONFLICT BEHAVIOR IN THE WORKFORCE: SOCIAL CHARACTERISTICS AND INTERACTION STRATEGIES

Tagibova A.A., Litvina K. Ya., Zolotova Ya.V., Volkova N.P., Anuchina O.V.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation, Pacific National University, Moscow Aviation Institute (National Research University), Kazan National Research Technological University

The article examines the qualitative and quantitative social characteristics of conflict interaction in the workforce of a modern organization. Conflict behavior in the labor collective, as a rule, is a consequence of various contradictions. Conflict behavior occurs in a situation of direct interaction of participants, based on different goals that each of the parties must achieve. We proceed from the need to change the conflicting behavior of the participants to constructive actions aimed at resolving or eliminating contradictions. The author's questionnaire of reflexive analysis of elements of conflict interaction in the labor collective is used in the work. The survey conducted by the authors allowed us to identify the frequency, causes, initiators of conflicts and to find out the peculiarities of the determination of conflict behavior. Based on the analysis of empirical data, three leading types of conflict interaction have been established. The use of the author's questionnaire made it possible to identify qualitative characteristics of the attitude of employees to conflict interaction in the organization.

Keywords: intra-collective conflict, conflict interaction, perception of conflict, attitude to conflicts, types of conflict interaction.



References

1. Gostev A.N., Demchenko T.S. Organizational conflict: sociological aspect: monograph. – M.: SSU Publishing House, 2013. 179 p.
2. Dahrendorf R. Modern social conflict. Essay on the Politics of Freedom. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2002. 288 p.
3. Zainullin L.I. Social adaptation as one of the strategies for the entry of immigrants into the host community (philosophical analysis) // Manuscript. 2016. No. 5 (67). pp.89–92.
4. Zainullin L.I. Sociocultural phenomenon of the concept of cultural dynamics // L.I. Zainullin, L.K. Ziganshina // Kazan Bulletin of Young Scientists. Historical Sciences 2018. T. 2. No. 3 (6). P. 61–66.
5. Kashnik O.I., Silkina N.V., Fedosikhina E.A. Workshop on conflict management in an organization. Novosibirsk. 2014. 302 p.
6. Koser L. Functions of social conflict. Per. from English O.A. Nazarova. – M.: Idea-Press, House of Intellectual Books, 2000. 208 p.
7. Lukash Yu.A. Intracompany conflicts, or Labor conflictology in business. – M.: Justitsinform, 2014. 157 p.
8. Nikulo E.A. Social and psychological factors of the responsible attitude of entrepreneurs towards participants in business interaction: dissertation ... candidate of psychological sciences. Moscow, 2013. 193 p.
9. Ovsyannikova E.A., Serebryakova A.A. Conflictology. Moscow: Flinta, 2020. 335 p.
10. Petrov S.V. On the issue of developing empathic potential as a condition for effective conflict resolution in the process of educational activities at a university // Space and Time. 2014. No. 1(15). pp. 246–251
11. Piskoppel A.A. Conflict situation from a positional-role point of view // Ethnomethodology no. 15. M., 2010. p.9–28
12. Trofimova E.A. Evolution of the social conflict paradigm // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov. 2008. No.1 (1). pp.75–77.
13. Khalitov R.G. Conflict as a potential for development / Materials of the IV All-Russian Conference with international participation "Man and the World: Psychology of Conflict and Risk of Innovation." 2012. Issue. 4. P. 19–23.



Кинематограф в регионах РФ: советские киностудии и современное состояние

Левченко Наталья Валерьевна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: natalya_levchenko@mail.ru

Ключевые слова: семиотический подход, классический киноведческий анализ, визуальный материал, региональное кино, кинематограф, художественные, документальные фильмы, советские киностудии, контрпункты, авторское кино.

Предметом исследования является региональный кинематограф. В статье приводится краткий обзор деятельности киностудий, созданных в советскую эпоху. Исследование было направлено на изучение выявления специфики, как ряда кинофильмов региональных советских киностудий, так и современного авторского кино.

Были отобраны и проанализированы основные картины режиссеров, а также проведен анализ публикаций СМИ и рецензии журналистов, посвященных данной теме. На примере Свердловской киностудии раскрываются особенности функционирования крупных советских киностудий, которые сохранились на сегодняшний день.

Как показал анализ научной литературы, кинематограф рассматривается с разных ракурсов. Представители семиотического подхода анализировали фильмы как знаковые системы, герменевтический подход основан на визуальной репрезентации и интерпретации различных образов в фильмах, при дискурсивном анализе смысл произведения зависит от интерпретаторов. На сегодняшний день научные труды, посвященные современным региональным кинофильмам, как правило, касаются развития определенного локального этнического кино. В тоже время исследования, касающиеся вопросов развития кинематографа в регионах, а также сравнительному анализу кинематографа в различных регионах уделяется недостаточно внимания.

Основные выводы исследования: большинство советских региональных киностудий в настоящее время либо прекратили свою деятельность, либо фокусируются преимущественно на документальных фильмах. В результате политических, экономических, культурных, и социальных трансформаций советское киноискусство перестает существовать как феномен массовый и активно развивается в регионах России. Показано как через региональные кинофильмы кинорежиссеры освещают такие темы, как: раскрытие исторических событий, социальные проблемы жителей городов и деревень, особенности местного фольклора.

Кинематограф в России начал бурно развиваться в начале XX века. В 1906–1909 гг. А. Ширяев, балетмейстер Мариинского театра, снимает первые кукольные мультфильмы. В 1911 году выходит первый в России полнометражный фильм «Оборона Севастополя» (реж. Ханжонковым и Гончаров). «Эта работа во многом носила новаторский характер. Был осуществлен первый опыт съемки батальных сцен в России» [1, с. 8]. В 1912–1913 гг. В. Старевич снял серию кукольных мультфильмов «с участием» насекомых. Одним из наиболее популярных фильмов был «Прекрасная Люканида или Война усачей с рогачами», в котором жуки разыгрывали сцены, согласно сюжетам рыцарских романов. После 1917 г. кинематограф развивался уже по советским канонам. В первые годы советской эпохи в киноиндустрии власть активно внедряет элементы идеологии, как «важнейшее средство ориентации социального поведения» [2, с. 157]. Мультипликация выступала средством идейного воспитания [3, с. 117]. В 30-е гг. в искусстве официальным методом был признан социалистический реализм, который включал в себя изображение жизни согласно идеалам социалистического общества. В это время советский кинематограф соединил в себе новые приемы в технике и традиции русского сценического искусства (система Станиславского). В Сталинский период от отрасли требовалось пропагандирование культа вождя, коллектива, построение «светлого будущего», наряду с этим формировался образ врага. Образ Сталина активно использовался в киноискусстве. Создается культ героев-стахановцев, которые отражали стремление работников к лучшей жизни, используя все свои возможности [4, с. 11]. В годы войны моральный дух армии и народа поднимали такие киноленты, как: сатирическая картина «Киноцирк» (реж.: О. Ходатаева, Л. Амальрик, 1942), фильм-плакат «Одна из многих (Мосэнерго)» (реж.: Л. Бредис, 1943), «Синдбад-мореход» (реж. В. и З. Брумберг, 1944) и др. В послевоенные годы в идеологии большее внимание уделяли

трудолюбию и оптимизму, «готовности откликнуться на призыв партии (комсомола, профсоюза), героизму» [5, с. 72]. В 60-е гг. сатиристические мультфильмы, игровое кино, пресса и литература должны были обличать общественные пороки, формировать художественный вкус и духовно воспитывать [Васильева, 2016, с. 236]. К началу перестройки в стране нарастали как внешние, так и внутренние политические проблемы, но не смотря на это было снято множество хороших фильмов различных жанров: «Операция Ы» и другие приключения Шурика (реж. Л. Гайдай, 1965), «Служебный роман» (1977) и «Вокзал для двоих» (1982) Эльдара Рязанова, «Любовь и голуби» (реж. В. Меньшов, 1984) и многие другие. Кроме того в это время выходит много талантливых мультфильмов. После распада СССР российский кинематограф долгое время находился в упадке, «Союзмультфильм» перестает существовать в своей прежней форме и переходит в частную собственность. К наиболее ярким фильмам 90-х гг. можно отнести «Утомлённые солнцем» (реж. Н. Михалков, 1994), «Ширли-мырли» (реж. В. Меньшов, 1995), «Особенности национальной охоты» (реж. А. Рогожкин, 1995). «Брат» (реж. А. Балабанов, 1997) и др. В 90-е и в начале 2000-х гг. «самыми популярными жанрами российского кино являлись криминал, комедия и история. В прокат выходит много документальных фильмов и сериалов с элементами художественного вымысла» [6, с. 122].

В результате политических, экономических, культурных, и социальных трансформаций советское киноискусство перестает существовать как феномен массовый и активно развивается в регионах России. Советская традиция в кинематографе «больше «не для всех» не в силу своей экзистенциальной или иной сложности, но по множеству причин, одна из которых – отсутствие коммерческой выгоды» [7, с. 180].

Теоретико-методологические подходы

В рамках визуальной социологии, среди наиболее авторитетных исследователей



можно выделить П. Штомпку, который использовал анализ фотографий как способ познания общества [8]. По мнению ученого, «при изучении визуального материала немаловажными являются герменевтический анализ и семиотическая интерпретация». С позиции герменевтического подхода возможен анализ целей, мотивации создателей фильма, тем самым помогая раскрыть сущность «образов» в фильмах. В этом случае, создателей фильмов можно разделить на две группы: «на тех, кто ищет новые способы кинематографического выражения, экспериментируя и обогащая язык кино, и тех, кто такой задачи не ставит, а направляет свое творчество на создание интересных массовому зрителю историй» [9, с. 108]. С помощью семиотической интерпретации возможен анализ символических значений образов и выявления транслируемых стереотипов поведения [10, с. 398].

В контексте визуальной культуры помимо семиотического и герменевтического подходов Вдовина Т.В. выделяет еще несколько базовых подходов к анализу визуального и визуальности: психоаналитический, социально-критический, деконструкционистский, структуралистский и дискурсивный [12, с. 17]. В основе психоаналитической методологии (родоначальником которого является З. Фрейд) лежит изучение продуктов искусства как «сублимация бессознательных стремлений» их авторов. Представители социально-критического подхода (Ч. Миллс, Э. Фромм) рассматривают визуальную репрезентацию разных рас, гендеров, социальных классов или групп, визуальные проявления определенного социального порядка. В основе деконструктивизма лежит принцип «обратной связи» между всеми звеньями процесса образования смыслов и образов контекста. В рамках структуралистского подхода фотография рассматривалась, как отражение социально-значимой реальности. В дискурсивном подходе «смысл» произведения меняется в зависимости от интерпретации целевой аудитории, по этому «целью дискурсивной интерпретации ставится вы-

яснение смыслов, которыми наделяется визуальное сообщение благодаря аудитории» [10, с. 396–398]. Размышляя о визуальной культуре Бушкова-Шиклина Э. В. и Одегова К.И. приходят к выводу, что в произведениях искусства через знаковую систему визуальных изображений могут транслироваться стереотипы и образцы поведения.

В своих исследованиях Тищенко Н.В. классифицирует теоретические подходы в несколько другом ракурсе. Так, она выделяет три большие группы исследований, которые принципиально отличаются друг от друга: «семиотические теории – рассматривали киноискусство как автономный, самодостаточный способ высказывания (на примерах работ К. Метца и П.П. Пазолини). Ко второму направлению исследователь относит «разнообразные социологические традиции анализа кинотекстов, для которых киносценарии и кинотехники являются неотъемлемой частью социальной реальности и изменения кинотекстов прежде всего связаны с трансформациями в структурах социальных отношений (изменения гендерных ролей, разнообразие социальных конфликтов, столкновение социальных интересов и социальных статусов)». И третья группа исследований состоит из работ, направленных на изучения кинотекстов в рамках философского дискурса, которые представляют собой специфические метафизические и гносеологические проекты [13, с. 90–91]. Схожую классификацию можно увидеть в исследовании Янущ О.А., которая также выделяет среди уровней анализа кинотекста семиотику кино; философию кино, а также акцентирует внимание на классическом киноведческом анализе, занимающимся «изучением основных художественно-выразительных средств кинематографа». Классический анализ состоит из двух аспектов: «анализ сюжетных принципов построения фильма, вычленение фабулы и логики композиции фильма» (в т.ч. анализ изобразительных и художественно-выразительных средств) и контекстного анализа [14].

Опираясь на труды Штейна, Т.И. Кожокару выделяет 4 группы исследова-

тельских подходов, которые составляют основу классификации именно аналитического инструментария: стратегические подходы, указывающие на общую стратегию познавательной активности в отношении предмета исследования; методологические подходы, в которых предмет исследования является формально определенным; интерпретационные подходы, указывающие на «рассмотрение предмета как чего-то содержательно и/или контекстуально определенного». Четвертый тип подходов представляет собой некие специфические подходы, которые включают в себя отдельные компоненты различных подходов и методов, либо их совокупность, выбор которых зависит от поставленных задач исследования. В своем труде «К вопросу о методологии анализа фильма» автор указывает и на «всеобъемлющий для гуманитарной науки» константный метод, разработанный Сергеем Юрьевичем Штейном», в основе которого лежит разложение культурной константы на несколько составных частей: представление исследуемого как определенной культурной константы; – определение характера информации (прямой, косвенный, смешанный) и выделение совокупности моделируемых констант (константное картирование) [15, с 121–122; 139]. Данный метод можно отнести к моделирующему подходу, который зеркально переносит моделирование на анализ кинематографа.

Как показал анализ научной литературы кинематограф рассматривается с разных ракурсов. Представители семиотического подхода анализировали фильмы как знаковые системы, уделяя при этом внимание построению кадра и структуре сюжета, анализ которых дает представления о транслируемых стереотипах и образцов поведения. Герменевтический подход основан на визуальной репрезентации и интерпретации различных образов в фильмах, при дискурсивном анализе смысл произведения зависит от интерпретаторов. В тоже время на сегодняшний научные труды, посвященные современному региональному кинофильму, как правило касаются раз-

вития определенного локального этнического кино [9, 16, 17 и др.]. В то время как сравнение фильмов различных регионов на наш взгляд недостаточно полно рассмотрено в социологическом дискурсе. В этой связи в исследовании рассматриваются основные исторические этапы развития кинематографа в регионах РФ, а также современное состояние на примере кинематографа в ряде регионов.

Становление регионального кино

В конце 1920 – начале 1930-х гг. кино выступало движущей силой идеологической пропаганды, предполагающей максимальный охват населения регионов. В СССР помимо основных киностудий были созданы национальные в союзных республиках: Азербайджанской, Белорусской, Украинской, Грузинской, Армянской, Узбекской и др. Во многих крупных регионах Советского Союза активно создавались региональные киностудии: «Киносибирь» (1926), Ростовская (1927), Куйбышевская (1927), Восточно-Сибирская (1930) и Нижне-Волжская (1931) студии кинохроники, «Чувашино» (1927) и др. В дальнейшем некоторые из них были закрыты из-за нерентабельности («Востоккино» 1928–1935), другие были реорганизованы, либо присоединены к другим крупным кинопредприятиям. Региональные киностудии снимали в основном документальные, научно-популярные и учебные фильмы, выпускали хроникальные журналы, а также художественные картины, показывающие общественно значимые события в повседневной жизни народов региона. К примеру, «Чувашино», образованный в 1926 г. в Чебоксарах, с 1930 г. волился в «Востоккино» с целью производства и проката фильмов для национальных республик. Первый чувашский документальный фильм – «Страна Чувашская», где «авторы стремились охватить все, или почти все, стороны жизни чувашского народа», был чувашской деревни [18, с. 18]. Помимо документальных фильмов, студия выпустила ряд художественных фильмов, одним из которых был «Волжские бунтари» (реж. П. Петров-Бытов, 1926). С 1990 по 2007 г. Государ-



ственным учреждением «Чувашкино» было создано 15 документальных фильмов, касающихся истории Чувашии и отдельных деятелей культуры и науки [18, с. 5]. *Ростовская студия кинохроники* была основана в 1927 г. в Ростове-на-Дону для создания киножурналов и документальных фильмов. Основными сюжетами фильмов выступали: сельское хозяйство, природа и пейзажи области, известные люди Дона и Приазовья, быт жителей региона и др. (например, «Ростов и ростовчане», реж. Л. Мазрухо, 1958; «Бес-смертник», реж. Л. Мазрухо, 1965). Прекратила кинематографическую деятельность в 2013 году. *Западно-Сибирская киностудия*, созданная в 1930 г. в Новосибирске как «Съёмочная база хроники», производила киносюжеты для «Союзкиножурнала» и журнала «Сибирь на экране». В 1938 году была переименована в «Новосибирскую студию хроникально-документальных фильмов». Киностудия освещала исторические события города и области, сельское хозяйство и промышленность, выпускала научно-популярные и художественные фильмы и др. История и природа Сибири показана в таких картинах, как «Берег двух океанов» (реж. В. Новиков, 1985), «Рассказы о тундре» (реж. В. Новиков, 1980) и др. В 2017 г. киностудия была ликвидирована. На базе *Восточно-Сибирская студия кинохроники*, созданной в 1930 г. в Иркутске, снимались фильмы о тайге, колхозах и предприятиях, также выпускались этнографические картины. С 1936 г. студией были открыты контрпункты в Якутске, Чите, Красноярске, Бурятии и др. На киностудии выпускался тематический журнал «Восточная Сибирь», а также хроникально – документальные фильмы и сюжеты о Якутии. В документальном фильме «Письмо из Нерюнгри» (реж. А. Ключников, 1986) показана нетронутая природа русской тайги; о жителях заполярья, оленеводах, бригаде рыбаков, буровиках скважины был снят фильм «Заполярье – край мой» (реж. В. Куренсков, 1977) и др. В 2005 г. прекратила свое существование. Расцвет советского кинематографа, в том числе регионального, в 1960-е гг. во многом

был связан с приходом целого ряда молодых специалистов. Всё более актуальным становится развитие этнического (локального) киноискусства, уход от документального кино к художественному. Многие авторы либо окунаются в собственную национальную традицию, либо активно осваивают другую региональную культуру. При этом возникающий национальный кинематограф использует специфические выразительные средства и формирует собственный киноязык [19]. Вместе с тем творческая реализация авторов зависела от государственного заказа, полностью соответствовавшего советской идеологии. Культурная политика в национальных и региональных кинематографиях строилась на основополагающем принципе интернационализма и патриотизма, продвижении идей классовой солидарности, дружбы между народами [20]. Кинопроизведения конца 1950–1960-х гг. объединяло следующее: смена эстетике на основе желания «ухватить реальность», стремление к документализму, пересмотр принципов сюжетосложения в кинодраматургии, поиск нетрадиционных героев, обращение к повседневности [21].

В 1960-е гг. открываются и развиваются новые киностудии («Дальтелефильм», «Пермтелефильм»). Киностудия «Пермтелефильм» была создана в 1962 г. в Перми как Главная редакция кинопроизводства. Наиболее известный фильм «Три с половиной дня из жизни Ивана Семёнова, второклассника и второгодника» (реж. К. Березовский, 1966) получил Гран-при Первого Всесоюзного фестиваля телевизионных фильмов в Киеве среди детских фильмов. Отличительной чертой местных мультипликационных картин было особое отношение к фольклору и к коми-пермяцкому эпосу («Потя и Потиха» (1982) и «Верешок» (1984) режиссера Леонида Кощеникова и др). В 1989 г. в Перми появилась некоммерческая киностудия «Новый курс», которая ежегодно выпускала несколько документальных фильмов, принимавших участие в советских и международных кинофестивалях. Всего киностудией создано более 100 фильмов, многие

из них снимались на территории Перми [22, с. 141]. По инициативе компании «Новый курс» в 1995 г. был организован кинофестиваль «Флаэртиана». Однако имеет преимущественно локальный охват, хотя и имеет статус международного [23, с. 160].

В конце 1960-х гг. выходит постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара», что повлекло за собой усиление контроля за учреждениями культуры. В этот период среди приоритетных направлений были: произведения патриотической и производственной направленности, что не помешало выходить множеству других культовых фильмов. В период перестройки из-за ослабления влияния партии многие режиссеры, почувствовав свободу, стали открыто поднимать острые социальные проблемы. В конце восьмидесятых и новым идеологическим инструментом становятся политические ток-шоу.

Как показал краткий обзор деятельности региональных советских киностудий, режиссеры старались показать историю региона, его особенности, жизнь знаменитых людей, героев и простых граждан, отдельным направлением было научно-популярные фильмы и хроникальные журналы. Все это является источником познания жизни и быта населения, местного фольклора и исторических событий в разных субъектах РФ

Современный региональный кинематограф

После распада СССР многие кинокомпании прекратили свою деятельность. Российский кинематограф долгое время находился в упадке. Возникает вопрос существует ли киноиндустрия в регионах там где были советские киностудии или где они не были открыты, остался ли региональный кинематограф как фактор сохранения региональных особенностей и фольклора? Исследование показало, что советское киноискусство перестает

существовать как массовый феномен и активно развивается в регионах России локально. В статье анализируются особенности регионального кино в таких субъектах РФ, как: Свердловская и Омская области и Республика Саха (Якутия). Выбор регионов обусловлен желанием проследить развитие кинематографа в тех регионах, где либо существовали крупные советские киностудии (Свердловская область), либо контрпункты советских киностудий (например, Якутия), а также в тех регионах, где советских киностудий не было (Омская область). Исследование было направлено на изучение ряда фильмов, в которых анализировались основные отличительные черты и детали, изучены публикации в СМИ, касающиеся региональных фильмов, а также рецензии журналистов «Искусство кино». В выпусках журналов были отобраны статьи, посвященные исследуемым фильмам.

Свердловская область. В Свердловской области киностудия была образована еще в 1943 году в Екатеринбурге и с этого же времени в городе начала работать Школа актерского мастерства. Первая картина была выпущена в 1944 году – «Сильва» (реж. А. Ивановский, 1944). Музыкальная комедия была снята по оперетте венгерского композитора И. Кальмана. После военных лет киностудия практически перестает снимать художественные фильмы и переключается на документальные. В период правления Сталина фильмы, которые снимались на киностудии контролировались государством. «Документальное кино – это заказ государства. Студии получали заказ, шли в банк, под два процента годовых брали кредит, делали картину, учитывая каждую копейку с точностью до десяти рублей, а потом сдавали сметы вместе с проектами». Среди ранних фильмов можно выделить такие, как: «Алмазы» (И. Правов, совместно с А. Лениным, 1947), «Страницы жизни» (А. Мачерет, совместно с Б. Барнетом, 1948) и др. В картинах «Алмазы» и «Страницы жизни» показаны настойчивость и любовь к своей профессии. До середины 50-х гг. Свердловская кино-



студия выпускала только учебные, документальные, научно-популярные фильмы. В дальнейшем киностудия вновь начала снимать художественные фильмы. Среди наиболее популярных работ 1950–1970-х годов были: военный фильм «Самый медленный поезд» (реж. В. Скова и В. Краснопольский, 1963) сценарий был написан Юрием Нагибином. «В ночь лунного затмения» (реж. Б. Халзанов, 1978), поставленный по пьесе писателя и драматурга Башкортостана Мустая Карима. В 1979 г. состоялась премьера телефильма «Безымянная звезда» (реж. М. Козаков), трагикомедия снятая по одноименной пьесе Михаила Себастьяна. В 90-е гг. снимались художественные фильмы: «Любовь по заказу» (реж. Я. Лапшин, 1992), «Макаров» (реж. В. Хотиненко, 1993), «Домовик и кружевница» (реж. Д. Воробьев, 1995) «Послушай, не идёт ли дождь» (реж. А. Кордон, 1999) и др.. Среди документальных фильмов можно выделить: «Тропа староверов» (реж. А. Морозов, 1995), «Весенний марафон» (реж. Борис Кустов, 1996) и др. В середине 90-х гг. киностудия продолжала быть государственной, однако к тому времени накопилось большое количество долгов и количество выпускаемых игровых кинолент сократилось. В 2001 г. выходит фильм «На полути в Париж» (реж. Я. Лапшин) о проблемах в научной сфере. В фильме «Егерь» (реж. А. Цацуев, 2004) показаны ценности дружбы и взаимопомощи. В 2012 г. вышел фильм «Золото» (А. Марсонтов), в котором отражалась идея, что материальное благополучие влияет на смену ценностей и жизненных принципов. Сюжет драмы «Буря» (реж. А. Аскарков, 2020) основан на реальных событиях, произошедших в Башкирии в 2016 году, в котором также прослеживается мораль и ценность нравственных качеств. С 2013 в регионе проходит ежегодный форум молодых кинематографистов «Кинохакатон». «Всего на Киностудии снято более 200 художественных и 500 документальных картин, сотни научно-популярных фильмов, около 100 мультипликационных работ. Многие из них вошли в золотой фонд отечественного

кинематографа». Однако после распада СССР количество выпускаемых художественных лент значительно снизилось, киностудия стала развивать преимущественно направление документального кино.

Омская область. В Омске еще в 1908 г. был открыт «Омский кинематограф-театр», в городе активно рос спрос на новые ленты. Репертуар электротеатров был разнообразен, показывались документальные и художественные фильмы. После распада СССР были разрушены привычные связи, студии и кинотеатры закрывались. Однако интерес к искусству кино не пропал. Ежегодно в регионе проходит несколько кинофестивалей и форумов, проводятся мастер-классы и творческие встречи с режиссерами документальных и художественных фильмов. В 2014 г. местные энтузиасты (режиссер Максим Дьячук со своей супругой) открыли Школу кино «GSS», где можно освоить основы актерского мастерства и режиссуры, научиться гриму и писать сценарии. Сегодня кинематограф в Омске активно развивается, появляется местное авторское кино. В 2010 г. состоялась премьера первого Омского художественного фильма «Три дня войны» (реж. М. Дьячук) о событиях, произошедших за три дня до битвы на Курской дуге. Картина была снята на собственные деньги режиссера. В ней было «задействовано около 30 актеров омских театров. Одни из главных ролей достались актерам Омского драматического театра» [26]. Композитором фильма был омский рок-музыкант. В 2011 г. режиссер выпускает научно-фантастический фильм ужасов «Споры». В основе сюжета поездка друзей на пикник. В этом же году выходит фильм «Проект: Антропоморф» (реж. Д. Павленко, 2011), в котором небольшая группа молодых людей во главе с журналисткой отправляются в леса Западной Сибири. Герои пытаются найти объяснения происходящих там непонятных явлений. В короткометражном фильме «Беспокойник» (реж. Д. Павленко, 2017) молодой фотограф после ссоры с девушкой погибает, однако он



не понимает, что находится уже за пределами реальности. В 2021 году Д. Павленко снимает драму «Примесь порока», где герои переосмысливают свою жизнь, поднимая при этом проблемы современности [27]. В большинстве случаев омское кино снимается в жанрах хоррора, триллера или фантастики, либо «имеет предельно мрачную атмосферу» [28].

Республика Саха (Якутия). Якутия может считаться передовиком регионального кинопроизводства. Ежегодно здесь выпускается порядка 10 лент. Не смотря на то, что в Якутии был контрольный пункт Восточно-сибирской студии кинохроники рассвет кинематографа в Республике начинается с конца 90-х – начала 2000-х, когда «открылись большие возможности и доступность для любого человека заниматься видеосъемкой и даже снимать кино с запуском его в прокат» [29, с. 339] Сначала студенты ВГИКа снимали короткометражные фильмы. Затем, в 1990 г. была создана первая в регионе производственная киностудия «Северфильм», далее через 2 года была организована национальная кинокомпания «Сахафильм». В 1993 г. выходит первый якутский полнометражный художественно-этнографический фильм «Орто Дойду». Одной из целей картины было возрождение культурной памяти якутского народа. В короткометражном фильме «Обонньор» (реж. Н. Аржаков, 2003) показана российская глубинка советской эпохи. «Покидая благоухающую гавань» (С. ООржак, 2011) о душе человека, о возвращении к истокам [Анашкин, 2011]. Одной из самых ярких картин стал фильм студии «Сахафильм» – «Тойон Кыыл» (Э. Новиков, 2018), где показано, что «якутское двоеверие со стороны выглядит как попытка соединить несочетаемое – монотеистическую религию, принесенную на якутский берег очередной волной ассимиляции, и языческие верования, куда более древние» [30]. В Якутии ведется активная поддержка продюсеров и спонсоров, выделяются субсидии от государства и гранты, появляются частные фонды, вкладывающие финансы в развитие кинематографа в регионе. Основными деталям якут-

ских картин (в т.ч. «Нет бога кроме меня», реж. Д. Давыдов, 2019; «Надо мной солнце не садится», реж. Л. Борисова, 2019; «Пугало», реж. Д. Давыдов, 2020; «Иччи» реж. КостасМарсан, 2021; и др) выступают: природные ландшафты, пейзажи, натуральные декорации, повествование на родном языке, образ деревни, иллюстрация конфликта между современной городской жизни и традиционной жизни в деревне, отображение религиозного мировоззрения, мистические образы. Через подобные сюжеты кинематограф показывает самобытность мировоззрения и мировосприятия местного народа. Как отмечает Янтуш, устная регионального кино связан «с принципиально иным подходом к целям, задачам, природе самого кино – как к целостному воплощению самосознания культуры. При этом часто ни выбор жанра (от притчи до хоррора), ни уровень технической реализации не имеют существенного значения» [31, с. 83].

Заключение

Большинство советских региональных киностудий в настоящее время либо прекратили свою деятельность, либо фокусируются на документальных фильмах. Основной доход действующие региональные киностудии получают от сдачи помещений в аренду. Исследование показало, что несмотря на существующие проблемы и спад кинопроизводства в 1990-х-2000-х гг. в настоящее время в регионах выходят качественные авторские фильмы. Причем даже на крупных региональных киностудиях стараются снимать авторское кино с участием простых жителей. Как правило, режиссеры совмещают несколько функций: от сценаристов и актеров до продюсеров. В региональном кинематографе поднимаются вопросы, касающиеся важности человеческих ценностей, как продолжение киноиндустрии советской эпохи, и поднимаются проблемы, связанные с местными, локальными особенностями. Этнографическое кино выделяется среди других фильмов, как отражение определенного самосознания культуры народности. Н.А. Аргылов и У.В. Охлопкова в своих



исследованиях якутского кинематографа отмечают, что его современное состояние зависит от трех ключевых факторов: содействие государства; конкурентная среда и наличие талантов; интерес целевой аудитории к «кинематографу родного края» [9, с. 114].

Литература

1. Русина Ю.А. История советского кино: учеб. пособие / Ю.А. Русина; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 104
2. Сенявский А.С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // Труды Института российской истории. Вып. 10 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. Москва, 2012. С. 155–176. EDN: RUAOSZ
3. Кривуля Н.Г. Специфика развития и формирование особенностей отечественной анимационной индустрии в контексте концепции детства / Н.Г. Кривуля // Наука телевидения. 2018. № 14.2. с. 107–135. EDN: UUFUM
4. Советская идеология в 30-е годы XX века: Метод. рекомендации по Курсу «Отечественная история» / Моск. гос. инст-т электроники и математики; Сост. ст. преподаватель И.В. Родионова Москва, 2003. С. 30 ISBN 5–94506–025–9
5. Романовский Н.В. Социология позднего сталинизма / Н.В. Романовский // Социологические исследования. 1997. № 2. с. 69–76.
6. Колесова А.А. Появление в России киноискусства и этапы его развития // Бизнес и дизайн ревю. 2022. № 3 (27). с. 117–123. EDN: LVYYXJ
7. Социокультурные основания советского модерна: [монография] / О.В. Аксенова, Э.К. Бийжанова, К.В. Подъячев [и др.]; отв. ред. О.В. Аксенова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 300 с. ISBN 978–5–89697–397–3 DOI 10.19181/monogr.978–5–89697–397–3.2022 EDN WJGIXG
8. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник Пер. с польск. Н.В. Морозовой; авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос. 2007. С. 168
9. Аргылов Н.А., Охлопкова У.В. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Медиаальманах. № 6. 2022. с. 107–117. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117 EDN: FAAWJA
10. Бушкова-Шиклина Э. В. и Одегова К.И. Теоретико-методологические подходы визуальной социологии в изучении гендера // Социальные и гуманитарные знания. Том 7. № 4. 2021. с. 392–401. EDN: OQWYZV
11. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Текст]. – Таллин: Ээсти раамат, 1973. С. 135
12. Вдовина В.Т. Визуальные исследования: основные методы и подходы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16–26.
13. Тищенко Н.В. Развитие исследований кинематографа: от «языка кино» к «языку социума» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 89–91 EDN: SVRWGF
14. Янутш О. Анализ кинотекста как инструмент экспертизы кинопродукции // Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт. Санкт-Петербург. 2011. С. 286–303.
15. Кожокару Т.И. К вопросу о методологии анализа фильма // Артикульт. 2021. № 4(44). С. 118–148. DOI: 10.28995/2227616520214118148 EDN: QJYINC
16. Бадмаев А.Г. Антология бурятского кино // Вестник Восточно-Сибирского ГИК. 2020. № 3 (15). С. 5–19. DOI: 10.31443/2541–8874–2020–3–15–5–19. EDN: EUYOIN
17. Бураева С.В., Батуринов С.А. Бурятия в пространстве документального советского кино (1923–1941 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского ГИК. 2017. № 4 (4). С. 62–71.



18. Галкин А.В. К вопросу об истории чувашского кино // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 17–22. EDN: JZBDXD
19. Кранк Э.О. Национальный кинематограф и национальный менталитет // Этническая культура. 2020. № 1(2). С. 21–25. EDN: XMSPFO
20. Еременко Е.Д. Национальные киностудии советского союза в условиях цензуры 1960–1980-х годов В сборнике: Языки и национальные культуры через призму кинематографа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: П.В. Данилов (отв. редактор) [и др.]. Санкт-Петербург, 2022. С. 6–9. EDN: RTOINB
21. Савельева Е.Н. Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 62–66. EDN: KHNPTZ
22. Аверкиева О.И., Вурганов Л.В. Образ города в пермском документальном кино // Мировая литература в контексте культуры. 2020. № 11 (17). С. 140–146. EDN: SGPTFA
23. Иванов А.Ю. Влияние кинофестиваля «Флаэртиана» на брендинг территорий // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. С. 157–161.
24. От разборок с бандитами до банкротства: история взлетов и падений Свердловской киностудии // E1.RU 10 февраля 2021 URL: <https://www.e1.ru/text/culture/2021/02/10/69754871/> (дата обращения: 16.08.2023)
25. Уральский «Голливуд»: Евгений Куйвашев развивает кинематограф в Свердловской области // Свердловское областное телевидение. 2 декабря 2021. URL: <https://www.obltv.ru/news/culture/uralskiy-gollivud-evgeniy-kuyvashev-razvivaet-kinematograf-v-sverdlovskoy-oblasti/> (дата обращения: 16.08.2023)
26. В Омске снят художественный фильм собственного производства // Коммерческие вести. 9 апреля 2010 URL: https://kvnews.ru/gazeta/2010/04/13/v_omske_snyat_hudozhestvenniy_film_sobstvennogo_proizvodstva (дата обращения: 16.08.2023)
27. Омский режиссёр завершает съёмки пикантной драмы «Примесь порока» // МК.RU Омск. 18 июля 2021. URL: <https://omsk.mk.ru/culture/2021/07/18/omskiy-rezhissyorzavershaet-syomki-pikantnoy-dramy-primess-poroka.html> (дата обращения: 16.08.2023)
28. Марина Александрова Омский кинематограф: миф или реальность? // безформата. 11 января 2019. URL: <https://omsk.bezformata.com/listnews/omskij-kinematograf-mif-ili/23723365/> (дата обращения: 16.08.2023)
29. Бектурсунов Т.А. Появление и тенденции развития кинематографа // Вестник Казахского национального женского педагогического университета № 2 (78). 2019. С. 337–341. EDN: QOTRXC
30. Беликов Е. «Жив, цел, орел: вышел якутский фильм «царь-птица» о том, что природа сильнее человека» // Искусство кино. Вып. 11/12. 2018. URL: <https://kinoart.ru/reviews/zhiv-tsel-orel-vyshel-yakutskiy-film-tsar-ptitsa-o-tom-chto-priroda-silnee-cheloveka> (дата обращения: 21.09.2023)
31. Янутш, О.А. Региональное кино как средство формирования культурной идентичности // Международный журнал исследований культуры. № 1 (50). 2023. С. 79–86. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_1_79. EDN: HDJHRV

CINEMATOGRAPHY IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOVIET FILM STUDIOS AND CURRENT STATE

Levchenko N.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS

The subject of the study is regional cinematography. The article provides a brief overview of the activities of film studios created in the Soviet era. The research was aimed at studying the



specifics of both a number of films of regional Soviet film studios and modern author's cinema. The main films of the directors were selected and analyzed, and media publications and reviews by journalists devoted to this topic were analyzed. Using the example of the Sverdlovsk Film Studio, the peculiarities of the functioning of major Soviet film studios that have survived to the present day are revealed. As the analysis of scientific literature has shown, cinematography is considered from different angles. Representatives of the semiotic approach analyzed films as sign systems, the hermeneutic approach is based on the visual representation and interpretation of various images in films, in the discourse analysis the meaning of the work depends on the interpreters. At the same time, to date, scholarly works devoted to contemporary regional cinema tend to focus on the development of certain local ethnic cinemas. At the same time, there has been insufficient attention paid to studies concerning the development of regional cinematography, as well as to comparative analysis of cinematography in different regions. The main conclusions of the study are that most Soviet regional film studios have now either ceased operations or focus primarily on documentaries. As a result of political, economic, cultural, and social transformations, Soviet film art ceases to exist as a mass phenomenon and is actively developing in Russia's regions. It is shown how through regional films filmmakers cover such topics as: disclosure of historical events, social problems of city and village residents, peculiarities of local folklore.

Keywords: semiotic approach, classical film analysis, visual material, regional cinema, cinematography, feature films, documentaries, Soviet film studios, counterpoints, auteur cinema.

References

1. Rusina, Yu. A. (2019). History of Soviet Cinema. Textbook / Y.A. Rusina; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Izd-v. Ural. un-ta, 104
2. Senyavskiy, A. S. (2012). Transformation of the Soviet ideology during the Great Patriotic War and its impact on the psychology of the people / A.S. Senyavsky, E.S. Senyavskaya/ Proceedings of the Institute of Russian History. History. Vyp. 10 / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; responsible. ed. Yu.A. Petrov, ed.-coord. E.N. Rudaya. Moscow, 155–176. EDN: RUAOSZ
3. Krivulya, N. G. (2018) Specificity of development and Formation of features of the domestic animation industry in the context of the concept of childhood. Television Science. 14.2, 107–135. EDN: UUFUM
4. Rodionova, I. V.. (Ed.). (2003). Soviet ideology in the 30s of the XX century: Method. recommendations for the course "Patriotic History". Moscow State Institute of Electronics and Mathematics; Compiled by senior lecturer Moscow, 30 ISBN 5–94506–025–9
5. Romanovsky, N. V. V. (1997). Sociology of late Stalinism. Sociological Studies. Stalinism. Sociological Studies, 2, 69–76.
6. Kolesova, A.A. (2022). The emergence of cinematographic art and stages of its development in Russia. Business and Design Review, № 3 (27), 117–123. EDN: LVYYXJ
7. Aksenova, O.V. (Ed.). Socio-cultural foundations of the Soviet Modernity: [monograph] (2022). O.V. Aksenova, E.K. Bijjanova, K.V. Podyachev [et al]. FCTAS RAS. M.: FCTAS RAS, 300 doi:10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022 EDN WJGIXG
8. Sztompka, P. (2007). Visual sociology. Photography as a method Research. Textbook Per. from Polish. N.V. Morozova; author of the introductory article. N.E. Pokrovsky. Moscow: Logos, 168
9. Argylov, N.A., & Okhlopkova, U.V. (2022). Factors Formation and development of regional cinema in Russia: the Yakut phenomenon. Medialmanac, 6, 107–117. doi:10.30547/medialmanah.6.2022.107117 EDN: FAAWJA
10. Bushkova-Shiklina, E. V., & Odegova, K. I. (2021). Theoretical and methodological approaches of visual sociology in the study of gender. Social and Humanitarian Knowledge, 7 (4), 392–401. EDN: OQWYZV
11. Lotman, Yu. M. (1973). Semiotics of Cinema and Problems of film aesthetics [Text]. – Tallinn: Eesti Raamat, 135
12. Vdovina, V. T. (2012). Visual research: main methods and approaches. Vestnik RUDN. Series: Sociology, 1, 16–26.
13. Tishchenko, N. V. (2014). Development of cinematography research: from "the language of cinema" to "the language of society". Theory and practice of social development, 15, 89–91 EDN: SVRWGF
14. Janutsch, O. (2011). Film text analysis as an Film text analysis as a tool of expertise of film production. Cultural expertise: theoreti-



- cal models and practical experience. models and practical experience. St. Petersburg, 286–303.
15. Cojocar, T.I. (2021). To the question of methodology of the film analysis. *Artikult*, 4(44), 118–148. doi:10.28995/2227616520214118148 EDN: QJYINC
 16. Badmaev, A. G. (2020). Anthology of Buryat cinema. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo GIK*, 3 (15), 5–19. doi:10.31443/2541–8874–2020–3–15–5–19. EDN: EUYOIN
 17. Burayeva, S.V., & Baturin, S.A. (2017). Buryatia in the space of documentary Soviet cinema (1923–1941 years). *Bulletin of the Vostochno-Sibirskiy GIH. Vostochno-Sibirskogo GIK*, 4 (4), 62–71.
 18. Galkin, A.V. (2008). K question about the history of Chuvash cinema. *Vestnik Chuvashskogo universitet*, 4, 17–22. EDN: JZB-DXD
 19. Krank, E.O. (2020). National cinema and national mentality. *Ethnic Culture*, № 1(2), 21–25. EDN: XMSPFO
 20. Eremenko, E.D. (2022). National film studios of the Soviet Union in the conditions of censorship in 1960–1980s. In the collection: *Languages and National Cultures through the prism of Cinematography. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Editorial board: P.V. Danilov (editor-in-chief) [and others]. St. Petersburg, 6–9. EDN: RTOINB
 21. Savelyeva, E.N. (2007). Genre and stylistic peculiarities of the films of Siberian themes in the Russian cinematography of the 1960s. *Vestnik of Tomsk State University*, 305, 62–66. EDN: KHNPTZ
 22. Averkieva, O.I., & Vurganov, L.V. (2020). Image of the city in the Perm documentary cinema. *World Literature in the context of culture*, 11 (17), 140–146. EDN: SGPTFA
 23. Ivanov, A.YU. (2015). Influence of the film festival “Flahertiana” on the branding of territories. *Vestnik of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian-Pedagogical University*, 157–161.
 24. E1.RU. (2021). From gangsters to bank-ruptcy: the history of ups and downs of the Sverdlovsk Film Studio. Retrieved from <https://www.e1.ru/text/culture/2021/02/10/69754871/> (date of address: 16.08.2023)
 25. Sverdlovsk Oblast Television. (2021). Urals “Hollywood”: Evgeny Kuivashev develops cinematography in the Sverdlovsk Oblast. Retrieved from <https://www.obltv.ru/news/culture/uralskiy-gollivud-evgeniy-kuyvashev-razvivaet-kinematograf-v-sverdlovskoy-oblasti/> (date of access: 16.08.2023)
 26. *Kommercheskie vesti*. (2010). Omsk shot a feature film of its own production. Retrieved from https://kvnews.ru/gazeta/2010/04/13/v_omske_snyat_hudozhestvennyy_film_sobstvennogo_proizvodstva (date of access: 16.08.2023)
 27. MK.RU Omsk. (2021). Omsk director completes filming of spicy drama “A Touch of Vice”. Retrieved from <https://omsk.mk.ru/culture/2021/07/18/omskiy-rezhissyor-zavershaet-syomki-pikantnoy-dramy-primos-poroka.html> (date of access: 16.08.2023)
 28. Alexandrova, M. (2019). Omsk cinematography: myth or reality. *Bezformata*. Retrieved from URL: <https://omsk.bezformata.com/listnews/omskij-kinematograf-mif-ili/23723365/>(date accessed: 16.08.2023)
 29. Bektursunov, T.A. (2019). Emergence and tendencies of development of the cinematography. *Bulletin of the Kazakh National Women’s Pedagogical University. University № 2 (78)*, 337–341. EDN: QOTRXC
 30. Belikov, E. (2018). Alive, intact, eagle: the Yakut movie “king-bird” about the that nature is stronger than man. *The Art of Cinema*. Issue. 11 (12). Retrieved from <https://kinoart.ru/reviews/zhiv-tsel-orel-vyshel-yakutskiy-film-tsar-ptitsa-o-tom-chto-priroda-silnee-cheloveka> (date of reference: 21.09.2023)
 31. Yanutsch, O. A. (2023). Regional cinema as a means of forming cultural identity. *International Journal of Cultural Research*, 1(50), 79–86. doi: 10.52173/2079–1100_2023_1_79. EDN: HDJHRV



Влияние концептов «земли» и «русской земли» на становление и развитие отечественной научной мысли

Добронравова Ульяна Владимировна,

кандидат философских наук, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Омский автобронетанковый инженерный институт
E-mail: ulianazhilina@mail.ru

Статья посвящена философско-мировоззренческим основаниям развития отечественной науки. На примере ключевых научных идей и открытий наиболее выдающихся отечественных учёных и философов автор показывает, что значительное влияние на развитие отечественной научной мысли оказали концепты «земли» и «русской земли». Эти концепты с древности составляли основу мировоззрения человека русской культуры, их содержание включало космологически и онтологически единое пространство, особое вечное неизменное бытие со своим ценностным, культурным и религиозным полем, а также историей и языком. Будучи основополагающими для русской культуры, концепты «земли» и «русской земли» оказали влияние на область научных интересов отечественных ученых, институционализацию отечественной науки, а также научный этос внутри отечественного научного сообщества.

Ключевые слова: философия науки, отечественная наука, мировоззрение, аксиология, концепты «земли» и «русской земли».

В научно-философском сообществе принято считать, что в отличие от искусства, философии или религии, не может существовать национальной науки. Действительно, научные достижения и открытия, которые претендуют на раскрытие истины о природе и человеке, являются общезначимыми: законы Ньютона являются истинными как в Австралии, так и в Южной Америке, независимо ни от географии, ни от национальности, расы или пола тех, кто их использует. Это тот самый универсализм, который Р. Мертон считал одним из столпов научного этоса [1, с. 771]. Однако, исследовательский путь, которым идут ученые, а, соответственно, особенности организации научного знания, институционализации науки и сами научные достижения непосредственно зависят от социальных, культурных, политических и даже географических условий, в которых осуществляется научная деятельность. Социально-культурные особенности развития науки в разных странах были подмечены давно. В этой связи, отечественными философами даже был предложен термин «экология науки» [2, с. 3], который призван отражать особенности влияния социальных и культурных факторов на научную деятельность.

Особенный интерес для российского научно-философского сообщества представляет социально-культурная среда, которая в исторической перспективе влияла на развитие отечественной науки. В этой связи нам представляется необходимым раскрыть философско-культурные и мировоззренческие особенности среды, в которой зародилась и стала развиваться русская наука.

Речь в данном случае пойдет о роли концептов «земля» и «русская земля» в развитии отечественной научной картины мира и отечественной научной культуры. Образ этот является осново-



полагающим для русской культуры, начиная с дохристианских времен.

Еще в дохристианский период в русской мифологии и фольклоре бытовал антропоморфный образ матери-сырой земли, кормилицы, породившей весь мир и людей. Земля – это женщина, со всеми соответствующими физиологическими особенностями. Земля рождает, кормит, вздымается, стонет, дрожит [3, с. 112]. Очень важно, что именно по образу человека, женщины, древнерусский человек выстраивал свое восприятие окружающего мира, и наделял этот мир соответствующими качествами и ценностями [4, с. 382].

Поскольку земля – это мать, ее нужно любить и защищать, но она не просто пассивна, она и сама может придать сил, защитить, укрыть своих чад. Так, например, для былин характерен образ «землицы Русской», которую богатырь носит всегда в горсти у груди. Без этой земли его силы иссякают, ему становится трудно побороть противников [5, с. 130].

Вместе с христианизацией Руси образ земли претерпел некоторые изменения. Конечно, языческое поклонение ей как природной силе было под запретом, однако в значительной степени на передний план выступила космологическая и ценностная сторона этого концепта.

Так, наиболее ранней естественнонаучной картиной мира на Руси, вероятно, была «плоскостно-комарная» система мира Козьмы Индикоплова [4, с. 29–30], изложенная им в труде под названием «Христианская топография» и составленная в русле антиохийской традиции. Согласно Индикоплову, наш мир является не шаром в центре Вселенной, а чем-то вроде палатки, или скинии. Сама Земля представляет собой плоскость, «потолком» которой служит небесный свод – «комара». Края этого свода, как в палатке, крепятся к концам Земли. Солнце и Луна вращаются вокруг Земли горизонтально, скрываясь за высокой горой на Севере.

В качестве прообраза плоскостно-комарной системы выступает скиния Моисея, служившая храмом еврейскому народу во время 40-летнего перехода

из Египта в Землю Обетованную. Именно по этому подобию и с этим смыслом сооружались православные храмы [4, с. 35]. Итак, согласно плоскостно-комарной системе мироздания, Земля – это дом. Причем не просто дом как место обитания, а еще и храм, созданный для служения Богу, священное место, которое требует должного к себе отношения.

Характерной чертой всей антиохийской космологической традиции и «Топографии» Индикоплова, в частности, является вера в существование земного рая как вполне реального географического места, где был создан человек и откуда он был изгнан за свои грехи, откуда вытекают четыре великих реки [4, с. 33]. Таким образом, вера в существование земного рая в антиохийской традиции противоречит традиционной дихотомии «земного-небесного» и «сакрального-профанного». Нет никакой рая за пределами Земли; все, что нужно человеку, предел его мечтаний – уже здесь. Земля сама по себе и есть рай, который требует возвращения человека. Конечно, для того, чтобы вернуться в рай, от человека требуется соответствующее христианское поведение.

С одной стороны, комарно-плоскостную космологическую концепцию даже приблизительно нельзя назвать научной (в отличие от геоцентрической системы Птолемея). С другой стороны, она представляет собой свидетельство перехода от языческой системы мировоззрения к христианской. В то же время распространилась эта система на Руси, поскольку отвечала глубинной потребности русского человека ощущать себя на Земле как дома. Причем не просто в доме, а в Доме всего бытия, в храме, каждая деталь которого наделена смыслом и ценностью, а уход за этим домом подразумевает служение Богу.

Наряду с комарно-плоскостной системой на Русь из византийских источников проникло философско-научное учение, основанное на геоцентризме. Восходило оно к Аристотелю [4, с. 83], учение которого было известно на Руси посредством трудов Иоанна Дамаскина



и Иоанна Экзарха. Экзарх и Дамаскин, будучи православными христианами, не могли разделять языческое поклонение земле как стихии. В то же время, поскольку Земля – это творение Бога, то и отношение человека к ней должно быть соответствующим, уважительным, бережным. В космологии православных интерпретаторов Аристотеля и Птолемея Земля занимает центральное место в космосе, а вокруг нее уже вращаются все остальные планеты.

Вместе с христианизацией Руси особое отношение к Земле не теряется, оно преобразуется и наполняется новыми смыслами. Так, поскольку в языческом восприятии Земля – это мать, то в православном осмыслении она сближается с Богородицей и Параскевой Пятницей [4, с. 383; 5, с. 133]. Земля – защитница, кормилица, мать, которую, в свою очередь, тоже необходимо защищать. Матерная брань считалась рассматривалась как оскорбление в отношении родной матери, Богородицы и Земли.

Также вместе с христианизацией Руси и укреплением централизованной власти распространяется концепт «русская земля», который далеко не ограничивается географическим содержанием. Конечно, изначально «русской землей» называлась земля русов, одного из славянских народов. Территориально к русской земле относились Киевское, Черниговское и Переяславльское княжества – Среднее Поднепровье [6, с. 65]. При этом, согласно летописям, далеко не все территории, которые сегодня принято относить к Древней Руси сами себя считали «русской землей». Для новгородцев, тверян, смолян было привычно считать, что путешествие в область Киевского княжества – это поездка на Русь. Сами к себе они применяли схожие термины: «смоленская земля», «новгородская земля» и т.п., явно противопоставляя себя земле русской.

Однако в древнерусском эпосе, «Слове о полку Игореве», «Задонщине», «Слове о погибели земли русской», под русской землей подразумевается далеко не только некая географическая область. В этих произведениях, пронизан-

ных переживаниями за судьбу русского народа и русской культуры, русская земля противопоставляется языческому и неправославному окружению. Таким образом, к XIII в. русская земля представляет собой не только территориальное, но, прежде всего, духовное единство, основанное на общности истории, православной веры, языка и культуры [6, с. 67–68]. Концепт «русской земли» намного шире, чем понятие «русского государства», и включает в себя космологические, онтологические, религиозные, культурные, аксиологические и языковые смыслы.

Пространство «русской земли» бесконечно, причем и в географическом, и в культурном, и в религиозном, и в космологическом смыслах. Недаром Н.А. Бердяев по этому поводу высказывался следующим образом: «русская душа ушиблена ширью» [7, с. 63]. Можно воспринимать это высказывание очень по-разному, однако, ключевой смысл его сводится к тому, что «бесконечное» пространство «земли русской» формирует сознание человека русской культуры и его отношение к бытию.

Итак, можно утверждать, что концепты «земли» и «русской земли» являются основополагающими для русской культуры. При этом под «русской землей» подразумевается не только место жительства определенного народа, государственное образование или географически очерченная территория, но и определенное космологически и онтологически единое пространство, особое вечное неизменное бытие со своим ценностным, культурным и религиозным полем, а также историей и языком.

Конечно же, концепт «русской земли», будучи основополагающим для русской культуры не мог не отразиться на особенностях развития науки в России. И невозможно рассматривать институционализацию отечественной науки и ее научную программу, не обращаясь к соответствующим культурным основаниям.

В допетровской Руси, как и повсюду в средневековой Европе, существовали культурные, образовательные и научные



центры, которые, в основном, группировались вокруг монастырей. Христианство накладывало глубокий отпечаток на интеллектуальную и познавательную деятельность русских мыслителей. С христианизацией Руси и созданием славянской грамоты начинается процесс масштабного перевода преимуственно греческих текстов на русский язык.

Нужно было создать новую христианскую картину мира, рассказать людям о Творце этого мира, о том, как этот мир устроен и о том, как должно вести себя человеку в этом мире, чтобы спасти свою бессмертную душу. Создавая эту новую картину мира, важно было не потерять русскую идентичность. Думается, что взятые вместе, все эти потребности, в совокупности с имеющимися у русских интеллектуальных деятелей того времени в виде текстов греческих натурфилософов, привели к формированию концепта «русской земли». Особого бытия, которое, с одной стороны, представляет собой вполне конкретную географическую местность и народ, населяющий эту местность, с другой стороны, – мир культурных и религиозных ценностей этого народа, который не ограничивается географическими пределами или же владениями того или иного правителя.

Реформы Петра I нередко противопоставляются допетровской русской интеллектуальной мысли. Однако, Петр I и его мировоззрение не были чужды русской культуре, они произошли непосредственно из нее, были рождены долгими годами и даже веками тщательной интеллектуальной подготовки. В конце концов все реформы, предпринятые Петром, были совершены им не во имя некой абстрактной науки, науки как таковой, а во имя «русской земли», ради ее расширения и усиления.

Ключевую роль в становлении отечественной науки при Петре I сыграло и географическое положение России, занимающей большую часть Евразии, что превращает ее в огромное естественное поле для развития самых разных областей научного знания. Интересно, что одним из первых значение пространств России и ее уникального положения под-

черкнул в своем письме к Петру I немецкий философ Лейбниц. Лейбниц писал: «Кажется, что Божиим намерением является, чтобы наука обошла земной круг и чтобы теперь изошла из Скифии и что Ваше Величество избраны в этом случае за ее орудие, так как Вы, с одной стороны, из Европы, с другой – из Китая можете взять лучшее и улучшить то, что обе страны сделали» [8, с. 61].

В область интересов русской науки при Петре I попали, в первую очередь, географические проблемы, связанные с установлением точных границ Российской Империи и всего материка. Главным образом, Петра интересовало исследование северных и восточных пределов России, поиск пути в Индию через возможный пролив между Азией и Северной Америкой, а также особенности азиатской территории России, коренные народы, проживающие на ней, ее флора и фауна, полезные ископаемые, которыми она богата. Одной из главных задач, связанных с исследованием азиатской части России, стало составление ее подробной карты [8, с. 92].

Петровские реформы развивались в русле научной программы, в основе которой лежал концепт, или образ «русской земли». И первыми ощутимыми плодами этой науки стало решение вопроса о характере Азиатского континента экспедицией Беринга. Именно это, по словам В.И. Вернадского, явилось первым большим научным достижением русского общества. А до тех пор не были известны ни точные очертания Азии, ни ее северные части. Также почти не изучено было западное побережье Северной Америки, и совершенно не было известно, являются ли Азия и Северная Америка единым материком, или же нет. Именно обширность российских земель, перспективы исследования новых флоры и фауны, а также коренных народов азиатской части России привлекали в наше отечество амбициозных иностранных специалистов [2, с. 35].

Проводя параллели с западной наукой и с научными интересами ее представителей, можно очень обобщенно сказать, что западная наука была ори-



ентирована больше вовне, чем внутрь, на себя. Великие географические открытия, в том числе открытие Северной и Южной Америк, были совершены в поисках нового мира, «Нового света», как стали говорить позднее. Открытия Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона были также направлены скорее, на область неба, нежели на область Земли. Земля в этой новой научной картине мира заняла второстепенной положение. Мир в западной науке Нового времени деантропоморфизировался, перестал быть антропоцентричным. Интересы западной науки, как и западной культуры лежат вовне, «по ту сторону» Земли, «по ту сторону» человеческого бытия. В то же время первое масштабное усилие отечественной науки было направлено «на себя», на свою землю, на исследование ее границ и возможностей, а также людей, населяющих ее. В этой связи основы отечественной науки геоцентричны и антропоцентричны. При этом, «геоцентризм» в данном случае не следует понимать как отставание от мировой науки. Скорее, представители отечественной научной мысли проявили, с одной стороны предельное безразличие, с другой стороны, всестороннюю терпимость к этому вопросу. Известно, что у царя Федора Иоанновича был телескоп работы Галилея, а потолок дворца царя Алексея Михайловича украшало изображение планет, вращающихся вокруг Солнца. Также известно, что в допетровских учебниках астрономии, использовавшихся в отечественных образовательных заведениях, упоминались одновременно три системы мира: птолемеевская, коперниканская и гелиоцентрическая Тихо Браге [9, с. 444]. В это же время в «просвещенной» Европе труды Коперника и его взгляды были под запретом. Отечественные мыслители и философы легко приняли идею гелиоцентризма, но при этом интересовали их в большей степени вопросы, связанные с землей. Причем именно с «русской землей».

Итоги первого крупного научно-го проекта отечественной науки были впечатляющими. Среди несомненных

успехов следует назвать: открытие Берингова пролива, уточнение северных и восточных границ Евразии, открытие и подробное описание новых видов животных, растений и минералов, описание народов, проживающих в азиатской части Империи. Венцом этой великой экспедиции стало составление научной географической карты Российской Империи, омывающих ее морей и пограничных азиатских земель. При этом, как отмечает В.И. Вернадский, «...сама постановка создания правительственной карты России была в то время делом новым... правительства европейских стран противились изданию хороших географических атласов, считая их опасными с военной точки зрения» [8, с. 109].

Несмотря на то, что Петр I сам не был ученым, ему удалось заложить мощные институциональные основы для дальнейшего развития отечественной науки. И концепт «русской земли» продолжал оказывать на этот процесс существенное влияние. Возможно, это также было связано с тем, что первые русские академики в основном происходили из крестьянского сословия и «русская земля» была для них не только красивым образом, но и непосредственной реальностью их бытия. Они были, что называется, «плоть от плоти земли русской».

Так, например, уже в XVIII в. стала насущной задача исследований недр земли Российской Империи. Выдающиеся умы страны посвятили данной задаче свои труды. Первый «природный русский» академик Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) стал одним из провозвестников будущих химии, физики и геологии. Будучи всесторонне одаренным человеком, особое внимание Ломоносов уделял изучению «русской земли», причем и в культурно-историческом аспекте, и, собственно, в геологическом. Ломоносов понимал, что только на научных основаниях можно построить приемлемую общественную жизнь и разумно управлять ею. В своих трудах Ломоносов настаивает на необходимости исследования недр богатой «русской земли». При этом для усиления собственной аргументации



Ломоносов обращается к мифопоэтическому пласту русской культуры, связанному с образом земли. Ломоносов пишет: «Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: простирайте надежду и руки ваши в мое недра и не мыслите, что искание ваше будет тщетно» [10, с. 175].

Для русского по происхождению и мировоззрения выдающегося учёного – Ломоносова – «русская земля» в прямом и переносном смысле является одновременно основой научного познания (в ее материальном аспекте, земля-космический объект, земля-почва, земля-недра) и целью (русская земля в духовном аспекте, как культурное, ценностное, историческое, общественное пространство).

Именно культурная самостоятельность Ломоносова и других русских ученых, бывших его современниками, самостоятельность, которая не давала закрывать глаза на достижения и заслуги иностранных коллег и в то же время ограждала от самоуничужения и комплекса провинциала по отношению к западной научной традиции, позволила появиться целой плеяде отечественных ученых, которые внесли великий вклад и в отечественную, и в мировую науку.

Мировоззренческие основания отечественной науки, заложенные философскими и религиозными традициями допетровской Руси, реформами Петра I, а также деятельностью первых русских академиков, привели к появлению большого числа отечественных ученых, научные исследования которых продолжали «геоцентрическую» традицию российской науки. Традиция эта, в частности, обнаруживалась в непосредственной связи между теорией и практикой. Виднейшие российские ученые, внесшие выдающийся вклад, как в отечественную, так и в мировую науку, достигли высот теоретического знания, не отрывая его от практики. И причиной во многом стала ориентация отечественной научной мысли на решение «земных» проблем, а также понимание того, что наука суще-

ствует для человека и для того, чтобы преобразовывать его жизнь к лучшему. Даже в самой абстрактной науке – математике – отечественные ученые, дойдя до самых вершин теоретического знания, сумели вернуть его на «землю», преобразовав отвлеченные истины в инструмент совершенствования земной жизни человека. Примером тому служат труды математика Пафнутия Львовича Чебышева (1821–1894).

П.Л. Чебышев был не только выдающимся ученым, но и педагогом. Современники и его ученики отмечали, что в ходе своих лекций наисложнейшие теоретические выкладки он предварял замечаниями об историческом и методологическом значении того или иного научного факта, что значительно упрощало понимание обучающимися излагаемого материала. Таким образом, не разрывая научные исследования и изложение их результатов студенческой аудитории, П.Л. Чебышев считал необходимым демонстрировать в ходе обучения практическое значение теоретических вопросов.

Большая часть математических открытий Чебышева была непосредственно связана с его исследованиями в области механики и географии. В статье «Черчение географических карт» Чебышев отмечает, что именно практика обнаруживает неполноту математических трудов последних трех столетий [11, с. 150], а следовательно, именно в ней, в практике, в реальной жизни, наука должна искать новые вызовы для дальнейшего развития.

Главная задача науки вообще, согласно Чебышеву, состоит в том, чтобы ответить на вопрос «как располагать средствами своими для достижения по возможности большей выгоды?» [11, с. 150]. Именно в интересах решения этой задачи Чебышев посвящает свои труды не только чистой математике, но и ее непосредственному применению к промышленности России, а именно к промышленности России. Так, теорию наибольших и наименьших величин Чебышев использует для составления карты России с наименьшими погрешностями.



Чебышев подчеркивает, что составление карт зависит от реальных размеров того или иного государства. И принципы, применимые для картографирования Франции или Германии, совершенно не подходят для составления карты такой обширной страны, как Россия. Даже картографирование различных частей России, утверждает Чебышев, предполагает чувствительные изменения в масштабе. Составляя карту для европейской части России, Чебышев применяет найденный им способ определения центра и указателя проекции и получает, таким образом, карту этой части России, изменением масштаба которой не превосходит 1/50. Для того времени это было наивысшей степенью точности.

На примере картографирования России в сочинении «Черчение географических карт», написанном для торжественного акта в Императорском Санкт-Петербургском университете 8 февраля 1856 г., Чебышев демонстрирует применение теории наибольших и наименьших величин к совершенно новым для науки задачам, а также подчеркивает решающее значение вопросов практики и конкретной человеческой выгоды в развитии теоретической науки.

Долгосрочным продолжением реформ Петра I, подкрепляемым нуждами внешней и внутренней политики России, стало развитие горного дела, минералогии, геологии и химии. России требовалось укреплять и развивать промышленность, а для этого требовались специалисты с соответствующим образованием. Сама необъятная «русская земля» воспринималась отечественными учеными-естественниками как одна большая лаборатория, огромное экспериментальное поле, толь и ждущее, когда его освоят. Эти мысли мы видели и в трудах Ломоносова, оставались они важными и для научных исследований отечественных химиков. К XIX в. В России сложилась влиятельная химическая школа, видными представителями которой были Воскресенский, Зинин и Бутлеров. Венчал этот ряд гений Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907), которые превратил химию из набора раз-

розненных эмпирических фактов в теоретическую науку.

В русле своих научных исследований Менделеев неоднократно подчеркивал их значимость для России и ее будущего. Главной особенностью России Д.И. Менделеев считал ее географическое положение между Европой и Азией, что, по его мнению, определяло миссию России – объединить и примирить два этих типа культур [12, с. 146]. Вопреки расхожим военно-политическим взглядам того времени, в соответствии с которыми территория России, расположенная и в Европе, и в Азии, представляет собой военный плацдарм, позволяющий, по сути, «владеть миром», Менделеев видит в этом положении философско-миротворческую функцию. России, согласно Менделееву, предстоит именно «помирить» Европу и Азию, преодолеть и радикальный европейский индивидуализм, и во многом рабскую азиатскую общинность. Философско-историческая мысль Менделеева по существу своему «химична». Менделеев много пишет о синтезирующей роли России в мировой культуре [13, с. 277, 278, 299, 409] так, как если бы культурный синтез нес в себе функции химического синтеза, в результате которого из более простых молекул образуются более сложные. Россия, таким образом, предстает в образе лаборатории, в условиях которой возможен великий синтез мировых культур.

Именно Менделеев впервые поставил вопрос о необходимости изображать Россию на картах как единое целое, чего в то время не делалось. Отдельно изображалась европейская, а отдельно – азиатская части России. В 1906 г. под его руководством Б.П. Гуцин и А.Г. Михеев разработали именно такую карту, о необходимости которой говорил Д.И. Менделеев [14, с. 36].

Дмитрий Иванович Менделеев – многогранный, разносторонне одаренный ученый, который всегда помнил о том, что высшее предназначение науки, даже самой высокой и самой абстрактной теории, в том, чтобы преобразовывать жизнь человека. В частности, в своих



многочисленных трудах он высказывал обеспокоенность судьбой России, ее народа и отечественной науки. Можно утверждать, что научная мысль Д.И. Менделеева пронизана переживаниями за «русскую землю». С другой стороны, в своих размышлениях о «русской земле», русском народе и его миссии, Менделеев применяет аналогию со сложными химическими процессами, которые позволяют человеку преобразовывать и совершенствовать мир, менять его к лучшему.

Образ «земли» как человеческого дома оказал значительное влияние на идеи русского космизма, а соответственно и на дальнейшее освоение космоса. Идеи русского космизма, представленные в трудах Н.Ф. Фёдорова, К.Г. Циолковского, В.И. Вернадского и других, как бы совершают диалектическое возвращение к допетровским философско-научным взглядам, господствовавшим на Руси. Представители русского космизма, не боясь показаться наивными, прямо заявляют о том, что Земля – это единственный дом человека, и у человека есть долг перед своим долгом. В этой связи деятельность, в том числе научная, необходимо должна быть пронизана этим долгом.

Идеи о преобразовании всего космоса Н.Ф. Фёдоров (1829–1903) черпает из самой русской культуры и образа «русской земли». Размышляя о положении современной ему цивилизации, Фёдоров указывает на то, что только у России. Фёдоров объясняет спасительный потенциал России общинностью русской культуры, уникальным географическим положением и климатом, а также опытом собирания земель. [15, с. 306]. Именно эти предпосылки позволяют стать России такой страной, которая может повести за собой к духовному спасению все остальную Землю, а за ней и весь Космос. В философии космизма Фёдорова, таким образом намечается линия спасения: от человека – к Земле – и дальше к Космосу.

Особую роль в развитии русского космизма в применении к естественным наукам играют труды В.И. Вернад-

ского (1863–1945), создателя геохимии и биогеохимии. В своих исследованиях Вернадский подчеркивал, как важно понимать непосредственную взаимосвязь между живыми организмами, населяющими Землю, ее химическим составом, а также геологическими и минералогическими процессами, которые в ней происходят. Саму минералогию Вернадский впервые предложил рассматривать как химию Земли и настоял на том, что необходимо изучать не только сами минералы и их свойства, но и процессы, которые приводят к образованию минералов.

Рассматривая химический состав земной коры в перспективе исторического развития, Вернадский пришёл к выводу о том, что значительную роль в образовании химических элементов земли играет живая природа. Таким образом, жизнь, согласно Вернадскому, будучи продуктом геохимических процессов, происходящих многие миллиарды лет на Земле, сама на определенном этапе становится самостоятельной силой, участвующей в геохимических процессах Земли. Геохимия становится биогеохимией.

Подчеркивая роль живой природы в формировании облика нашей планеты, Вернадский ведет свою мысль еще дальше. Вершиной развития жизни является человеческий разум, который, в свою очередь, также становится геологической силой и меняет облик планеты, а в перспективе и всего космоса. Продолжая идеи Н. Фёдорова, Вернадский утверждает, что человеческая мысль, с одной стороны, порождена всей эволюцией планеты Земля, а с другой стороны, она сама становится силой планетарного масштаба и формирует особую область бытия – ноосферу [16, с. 245].

Можно утверждать, что отечественная философско-научная мысль, начиная с древних времен, развивалась в духе космизма. Причем русский космизм вовсе не является попыткой бегства человека с Земли. Напротив, он основан на глубокой вере в то, что именно Земля является единственной и неповторимой планетой, геохимические условия которой породили жизнь и разум, способные



творчески преобразить весь мир, расширить земные условия до космических масштабов, превратить всю Вселенную в свой родной дом.

Безусловно, концепты «земли» и «русской земли» являются не единственными культурными особенностями развития отечественной науки. Сама отечественная наука является неотъемлемой частью мировой науки в наиболее высоких ее проявлениях. И в то же время, необходимо осознавать ценностные и культурные основания отечественной научной мысли, поскольку отрыв от исторических условий ее формирования, игнорирование социокультурных особенностей ее становления и развития, грозит разрушением смысловых основ ее существования.

Литература

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
2. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII-середина XIX вв.). М.: ЛЕНАНД, 2015. 176 с.
3. Герасимова И.А. Сокровенные знания Древней Руси. Вып. VIII. М.: Кнорус, 2015. 680 с.
4. Древнерусская космология. СПб.: Алетейя, 2004. 480 с.
5. Мильков В.В. Концепт «земля» и «русская земля» в представлениях домонгольской эпохи // Ориентиры, М.: 2013, вып. 8. С. 141–143.
6. Ужанков А.Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М. Институт Наследия, 2022. 212 с.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
8. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 464 с.
9. Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М.: НП ИД «Русская панорама», 2007. 664 С.
10. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 756 с.
11. Чебышев П.Л. Полное собрание сочинений П.Л. Чебышева. Том V. Прочие сочинения. Биографические материалы. Издательство Академии наук СССР, Москва-Ленинград, 1951. 474 с.
12. Менделеев Д.И. К познанию России. СПб: Издание А.С. Суворина, 1907. 160 с.
13. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. 413 с.
14. Козиков И. А. Д.И. Менделеев о евразийских особенностях российского государства // Русская политология, № . 1 (6), 2018, С. 34–40.
15. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с
16. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.

INFLUENCE OF CONCEPTS OF “EARTH” AND “RUSSIAN LAND” ON FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN SCIENTIFIC THOUGHT

Dobronravova U.V.

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute

The article investigates the philosophical and ideological foundations of the development of Russian science. Using the example of key scientific ideas and discoveries of the most outstanding Russian scientists and philosophers, the author shows that the concepts of “earth” and “Russian land” had a significant influence on the development of Russian scientific thought. Since ancient times, these concepts formed the basis of the worldview of a person of Russian culture; their content included a cosmologically and ontologically unified space, a special eternal unchanging existence with its own value, cultural and religious field, as well as history and language. Being fundamental to Russian culture, the concepts of “earth” and “Russian land” influenced the field of scientific interests of Russian scientists, the institutionalization of Russian science, as well as the scientific ethos within the Russian scientific community.

Keywords: philosophy of science, Russian science, worldview, axiology, concepts of “earth” and “Russian land”.

References

1. Merton R. Social theory and social structure. M.: AST: AST MOSCOW: KHRANITEL, 2006. 873 p.



2. Kuznetsova N.I. _ Sociocultural problems of the formation of science in Russia (XVI–II – mid- XIX centuries). M.: LENAND, 2015. 176 p.
3. Gerasimova I.A. _ Secret knowledge of Ancient Rus'. Vol. VIII. M.: Knorus, 2015. 680 p.
4. Old Russian cosmology. SPb.: Aletheia, 2004. 480 p.
5. Milkov V.V. _ The concept of "land" and "Russian land" in the ideas of the pre-Mongol era // Landmarks, M.: 2013, issue. 8. pp. 141–143.
6. Uzhankov A.N. Picture of the world of the ancient Russian scribe. Categories of Russian medieval culture. M. Heritage Institute, 2022. 212 p.
7. Berdyayev N.A. _ The fate of Russia. M.: Philosophical Society of the USSR, 1990. 240 p.
8. Vernadsky V.I. _ Works on the history of science in Russia. M.: Nauka, 1988. 464 p.
9. Svyatsky D.O. _ Astronomy of Ancient Rus'. M.: NP Publishing House "Russian Panorama", 2007. 664 pp.
10. Lomonosov M.V. _ Selected philosophical works. M.: State Publishing House of Political Literature, 1950. 756 p.
11. Chebyshev P.L. _ Complete works of P.L. Chebysheva. Volume V. _ Other writings. Biographical materials. Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow-Leningrad, 1951. 474 p.
12. Mendeleev D.I. _ Towards knowledge of Russia. St. Petersburg: Publishing house A.S. Suvorina, 1907. 160 p.
13. Mendeleev D.I. _ Treasured thoughts. M.: Mysl, 1995. 413 p.
14. Kozikov I. A. D.I. Mendeleev on the Eurasian features of the Russian state // Russian Political Science, no. 1 (6), 2018, pp. 34–40.
15. Fedorov N.Ф. Essays. M.: Mysl, 1982. 711 p.
16. Vernadsky V.I. _ Biosphere and noosphere. M.: Iris-press, 2004. 576 p.



Логицизм Б. Рассела и неологицизм К. Райта и Б. Хейла: метаонтологические сходства и различия

Олейник Полина Ивановна,

кандидат философских наук, Томский научный центр Сибирского отделения РАН, Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: polina-grigorenko@mail.ru

В статье проводится анализ идей неологицизма К. Райта и Б. Хейла и логицизма Б. Рассела. Делается предположение о том, что обращение к работам по философии математики Б. Рассела может помочь в решении ряда проблем неологицизма. Показана роль принципов абстракции в неологицизме. Устанавливаются результаты использования принципа Юма, а также возможные проблемы его использования. Анализируется методология Б. Рассела и его обращение к принципам абстракции. Показано, как получить в программе Б. Рассела аналог принципа Юма неологицистов. Определяются метаонтологические и методологические различия и связи между логицизмом Б. Рассела и неологицизмом К. Райта и Б. Хейла. Проводится сравнение эпистемологической позиции а также роли логики в этих программах. Делается вывод о том, что анализ философии математики Б. Рассела не теряет своей актуальности в связи с появлением новых современных программ философии математики.

Ключевые слова: логицизм, неологицизм, Б. Рассел, К. Райт, Б. Хейл, Аристотелевское сообщество.

Одно из наиболее обсуждаемых направлений в современной философии математики, неологицизм, имеет тесную связь с традиционной программой философии математики, логицизмом. Наиболее развитой является программа К. Райта и Б. Хейла, которая также именуется неофрегеанством или абстракционизмом. Эта программа представляет собой обновленную и пересмотренную версию логицизма Г. Фреге. Форма логицизма Б. Рассела почти не обсуждается в этой литературе. Более того, логицизм Б. Рассела в этих работах часто отвергается как форма логицизма в связи с его обращением к аксиомам бесконечности, сводимости и другим.

Вместе с тем, ряд исследователей полагает, что обращение к работам по философии математики Б. Рассела может помочь в решении ряда проблем неологицизма. Стоит отметить, что Б. Хейл, один из наиболее выдающихся представителей неологицизма, также как и Б. Рассел, являлся членом и президентом Аристотелевского сообщества. Интеллектуальная традиция, сохраняемая этим сообществом, прослеживается у авторов и исследователей разных периодов деятельности сообщества и демонстрирует не только возможности применения новых идей и инструментов к традиционным концепциям в процессе развития научного сообщества, но и движение в обратном направлении: пересмотр традиционных идей может помочь в решении современных проблем.

Исследование перспектив развития неологицизма при обращении к идеям логицизма Б. Рассела предполагает решение нескольких задач: во-первых, определение метаонтологических и методологических различий и связей между логицизмом Б. Рассела и неологицизмом К. Райта и Б. Хейла; во-вторых, демонстрацию возможных решений целого ряда проблем неологицизма (проблема плохой компании, проблема Юлия Цеза-

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00126).

ря и другие), которые может предложить расселовская форма логицизма при обращении к ней. Обе эти задачи объемны, в связи с этим в данном исследовании мы остановимся на первой задаче.

Методология неологицизма К. Райта и Б. Хейла

Наиболее значимая попытка возродить идеи логицизма содержится в работах К. Райта и его соавторов, главным образом Б. Хейла [6, 7, 8, 12, 14]. Они формулируют свою позицию как своего рода неофрегеанство: при построении программы философии математики они стремятся сохранить общую идею философии математики Фреге. Они детально исследуют ряд тезисов Фреге и используемые им принципы. Вместе с тем, стоит отметить, что многие вопросы остаются в неологицизме практически без внимания: так, проблеме, связанной с обнаружением парадокса в системе Фреге, уделяется очень мало внимания (подробнее об этом [2]); кроме того, многие исследователи ставят под вопрос преемственности логицизма и неологицизма, показывая, что некоторые идеи К. Райта и Б. Хейла скорее антифрегеанские. Тем не менее, связь этих проектов, обсуждаемых целей, задач и методов несомненна.

Было бы неверно утверждать, что Райт полностью игнорирует Рассела; взгляды Рассела на бесконечно расширяемые концепции довольно подробно обсуждаются в работах Райта [13] и околонеологицистских работах С. Шапиро [11]. Однако Райт не рассматривает философию математики Рассела в качестве перспективной программы, нуждающейся в доработке и последующей реабилитации. Позиция Райта о логицизме Рассела выражена следующим образом: «в настоящее время практически никто не признает, что существует какая-либо истина, заключенная в теоретико-числовом логицизме. Некоторые, может быть, согласились бы, что все зависит от того, что мы понимаем под “логикой”. Но общая точка зрения, по-видимому, заключается в том, что парадокс Рассела ставит под сомнение попытку Фреге и что собственная попытка

Рассела в “Principia Mathematica” усугубляется явно нелогичным характером ее аксиоматической основы (наиболее ярко проявляющейся в аксиоме бесконечности) и теоремами о неполноте о Геделе. Но эти причины не имеют достаточного обоснования» [12, p. 130–131].

Райт поясняет, почему результаты Геделя не ослабевают логицизм. [там же]. Использование спорных аксиом в логицизме Рассела Райтом не обсуждается, как и в целом логицизм Рассела. Это соответствует общей тенденции среди работающих философов математики. Вместе с тем, Рассел серьезно размышлял над проблемами, если не теми же, но очень похожими на наиболее важные актуальные и потенциальные проблемы, с которыми сталкивается современный неологицизм. Как пишет К. Клемент, видящий большие перспективы для К. Райта и Б. Хейла в обращении к идеям философии математики Б. Рассела, «взвешенная позиция Рассела относительно этих проблем более сложная, чем широко известно, и действительно, Рассел пришел к противоречивым ответам в значительной степени в результате противоречивой метаонтологической и методологической отправной точки. Я полагаю, что взгляды Рассела обладают ресурсами для того, чтобы предложить убедительные и удовлетворительные решения трудностей, с которыми сталкиваются современные логицисты, хотя они также имеют определенные издержки. Использование подхода Рассела также означает отказ от довольно простой, но, возможно, наивной связи между языком и онтологией, одобренной Райтом и др. В конце концов, я думаю, что перспективы для неорасселианского неологицизма, во всяком случае, более многообещающие, чем доминирующие в настоящее время альтернативы» [9, p. 130].

Неологицизм Райта и Хейла отводит первостепенную роль принципам абстракции, в связи с этим его часто называют «абстракционизмом». Райт не отстаивает такие сильные утверждения, что арифметические истины являются логическими истинами или что арифме-



тика является разновидностью логики; он предпочитает говорить, что арифметика может быть доказана как аналитически истинная и, следовательно, имеет эпистемологический и метафизический статус, аналогичный тому, который обосновывает Фреге. Арифметические истины вытекают из аксиом логики второго порядка, дополненной определенными дополнительными принципами, которые сами по себе являются аналитическими истинами или имеют эпистемологический и метафизический статус определений. Эти дополнительные принципы принимают форму принципов абстракции (подробнее о принципах абстракции [5]) следующей формы:

$$(AP) \forall a \forall b (\Sigma(a) = \Sigma(b) \equiv E(a, b)),$$

где a и b – переменные одного и того же типа, как правило, либо отдельные объекты, либо понятия; Σ – оператор, обозначающий функцию от свойств (или отношений) к отдельным объектам; и E является отношением эквивалентности объектов, относящихся к данному типу.

Принципы абстракции предназначены, в некотором смысле, для того, чтобы быть имплицитными определениями оператора абстракции Σ . Особенности и границы применения принципов абстракции активно обсуждаются в современной литературе [5, 11].

Наиболее важным таким принципом для теории чисел является так называемый принцип Юма, формально:

$$(HP) \forall F \forall G (\#F = \#G \leftrightarrow F \approx G)$$

Главная идея неологистов заключается в том, чтобы с помощью принципа Юма, утверждения, что два понятия, F и G , являются равночисленными (в символах, « $\#F = \#G$ »), если и только если существует взаимно-однозначное соответствие между ними (т.е. « $F \approx G$ »), можно реконструировать арифметику по пути логицизма. Принцип Юма вместе со стандартными аксиомами и правилами логики второго порядка достаточен для доказательства арифметики Пеано второго порядка. Считается, что других принципов абстракции достаточно для установления основных истин действи-

тельных чисел и даже теории множеств. Получение постулатов Пеано из принципа Юма, пожалуй, является наиболее важным для оценки абстракционистского неологицизма. Это свидетельствует о силе принципа Юма; исходя только из него, можно установить существование бесконечного числа чисел. Этот результат был бы невозможен, если бы принцип Юма не был сформулирован таким образом, что сущности, названные терминами, обозначающими знак тождества слева, не могли бы быть экземплярами понятий Fz и G или значениями квантифицированных индивидуальных переменных, которые встречаются в его правой части.

Учитывая дедуктивную силу принципа Юма, К. Райт должен предоставить нам объяснение для утверждения, что принцип Юма можно рассматривать как аналитическую истину, как имеющий эпистемологический и метафизический статус. Это не стандартный вид определения; оно не позволяет нам исключить знак « $\#$ ($\#$)» из всех тех контекстов, в которых оно появляется. Тем не менее, К. Райт считает, что принцип Юма является аналитическим следствием понятия числа, что он, в сущности, объясняет то, что мы подразумеваем, когда мы говорим о числе, и, что всем, кто правильно понимает формулу логики второго порядка на правой ее стороне и находится в состоянии признать некоторый пример в силу данного принципа как истинный или ложный, в состоянии осознать существование одного или (в случае ложного примера) двух чисел. Заимствуя метафору из Г. Фреге, К. Райт описывает пример с левой стороны как новый взгляд на содержание соответствующего примера справа.

Райт поддерживает точку зрения, которую он также приписывает Фреге, что истина конститутивно предшествует референции. Что для языка означает ссылаться на объекты, так это на определенные выражения, которые имеют синтаксические и комбинаторные свойства терминов единственного числа, служащие частями соответствующих типов истинных предложений. Таким

образом, мы можем ввести такие термины, как сформированные с использованием «#()», и при условии, что мы способны фиксировать истинностные условия утверждений, в которых они появляются, и фиксировать условия их равенства и можем распознать самостоятельность получения этого условия, этого достаточно, чтобы гарантировать, что эти термины обозначают. Принцип Юма фиксирует условия равенства чисел в терминах уже понятой логической лексики, и тем самым фиксирует истинностные условия арифметических высказываний, в которых высказывания о числах появляются. Райт и Хейл утверждают, что некоторые принципы абстракции имеют статус устанавливающих значение (*meaning-constitutive*). Они утверждают, что эта роль наделяет принцип эпистемическим аспектом. Тем не менее, неопрегеанцы не считают принципы абстракции имеющими этот особый эпистемологический статус, а также не настаивают, что они являются логическими принципами, но лишь говорят о том, что они аналитически истинные, поскольку они являются устанавливающими значение. В этом отношении они отходят от логицизма Фреге, который, по крайней мере, на начальном этапе, рассматривал свою Аксиому V (один из самых известных принципов абстракции) как логическую. Однако эпистемологическая роль логики в неологицизме велика. Поскольку это знание логики, которое необходимо для обоснованного вывода правой стороны принципа Юма, неопрегеанцы считают, что логического знания и знания определенных принципов абстракции достаточно для математического знания. «Цель состоит в том, чтобы выбрать несколько принципов (которые, однако, не рассматриваются чисто логическими) и затем объяснить, каким образом можно, путем схватывания этих принципов, прийти к знанию математики. Полученная теория объясняет (в случае ее успешности), как математическое знание может быть выведено из основных принципов и знания логики второго порядка. Кроме того, объекты этих принципов якобы

считаются существующими, и существующими независимо от разума» [4, p. 54].

Как пишет К. Клемент, «трудно отрицать интуитивную привлекательность позиции К. Райта. Принцип Юма, кажется, каким-то образом объясняет, что мы подразумеваем, когда мы говорим о числах; если он не имеет статус своего рода определения или другого вида аналитической истины, трудно понять, какой другой статус он мог бы иметь, на каком ином основании мы могли бы прийти к его знанию или даже на каком другом основании он может быть истинной» [9, p. 135]. Однако, использование принципа Юма приводит к ряду проблем. Основными проблемами неологицизма К. Райта и Б. Хейла являются проблема «плохой компании» (*The Bad Company Objection*) и связанная с ней проблема «слишком богатого выбора» (*The Embarrassment of Riches Objection*); проблема Юлиуса Цезаря (*The Julius Caesar Problem*), а также проблема, связанная со слишком богатой онтологией. Мы не будем подробно останавливаться на этих проблемах здесь (подробнее о них – [8]).

Методология Б. Рассела

Теперь обратимся к Расселу и ряду вопросов, тесно связанных с обсуждаемыми современными неологицистами проблемами.

Первый параметр сравнения, к которому мы обратимся, связан с тем, как должен быть задуман проект логицизма. Это связано с тем, что есть много несоответствий в программе философии математики Рассела традиционному представлению основ логицизма. Так, ряд исследователей утверждает, что Рассел был заинтересован не столько в том, чтобы показать, что истины математики являются истинами чистой логики, сколько только в двух целях этого проекта: (1) показать, что словарь чистой математики может быть сведен к логическому словарю, и (2) определить, из каких фундаментальных принципов может быть выведена остальная математика (при этом не требуется, чтобы сами такие принципы были логически или аналитически истинными). Клемент же



полагает такое мнение ошибочным. Он отмечает, что Райт и другие неологицисты рассматривают свой проект как эпистемологический: их цель – обеспечить эпистемологическую основу наших убеждений в арифметических истинах, показав, что они вытекают из логических истин наряду с дополнительными принципами, имеющими эпистемологический статус, схожий с эпистемологическим статусом определений. Рассел же задумывал свой проект логицизма совсем не так. Во всяком случае, Рассел считал, что эпистемологически математика уже стоит на твердой почве. Вместо этого Рассел понимал свой проект как применение общей философской методологии.

Его методология состоит из двух этапов. На первом этапе человек начинает с определенной теории, доктрины или набора убеждений, которые считаются более или менее правильными, но в некоторой степени расплывчатыми, неточными, разобщенными, чрезмерно сложными. Цель состоит в том, чтобы перейти от этих убеждений, взятых как своего рода «данные», к определенному минимальному набору новых понятий и общих принципов, которые, как можно было бы предположить, лежат в основе первоначальной совокупности знаний. Второй этап заключается в восстановлении или реконструкции здания первоначальной совокупности знаний с использованием результатов первого этапа. Более конкретно, человек определяет те элементы исходной доктрины, которые, как считается, стоит сохранить, в терминах «минимального словаря», определенного на первом этапе, и выводит основные положения исходной теории из основных принципов или общих истин, определенных таким образом.

Рассел называет эту процедуру «анализом», но это не процесс, посредством которого мы пытаемся обнаружить, «что мы все это время имели в виду» под данным набором утверждений. Цель скорее состоит в том, чтобы предоставить замену первоначальной доктрины, нечто такое, что сохраняет то, что было восстановлено в оригинале, но принимает

новую форму, в которой связи между различными понятиями становятся ясными, логические взаимосвязи между различными тезисами теории эксплицитными, а расплывчатые или неясные аспекты оригинальной терминологии устраняются. В случае успеха понятия или допущения, порождающие парадоксы, головоломки или другие проблемы в рамках исходной теории, могут быть исключены за ненадобностью или заменены чем-то менее проблематичным. В итоге, результаты процедуры упорядочиваются в виде дедуктивной системы, с помощью которой можно получить новые результаты. По описанию Рассела, этот процесс сродни процедуре проверки гипотез в эмпирических науках. Данные, которые должны быть объяснены результирующей теорией, являются безупречными аспектами первоначальной совокупности знаний, и считается, что они обеспечивают индуктивные доказательства для новой теории. Как выразился Рассел в «Principia Mathematica»: «причина, по которой принимается аксиома, как и любое другое предложение, всегда по большому счету индуктивна, именно множество предложений, которые почти несомненно, может быть выведено из нее, и не существует известного равноценно разумного способа, посредством которого эти предложения могли бы быть обоснованы как истинные, если бы аксиома была ложной, а также, что из нее нельзя вывести то, что, вероятно, является ложным» [3, с. 134].

Рассел заявляет, что, создавая логическую основу для математики, его целью не является укрепление эпистемологического статуса арифметических утверждений, таких как « $2 + 2 = 4$ »: они должны восприниматься как уже более или менее несомненные. Если цель Рассела не была эпистемологической, можно ли считать ее метафизической? Клемент утверждает, что это так: «предположение, по-видимому, состоит в том, что поскольку первоначальная совокупность знаний была расплывчатой, а логические связи между принципами или понятиями, которые она предполагает,

имплицитными, неизбежно должен был существовать разрыв между формой, которую она приняла, и формой фактов, к которым она относилась» [9, р. 145]. Метафизика Рассела соответствует метафизике, представленной в «Трактате» Л. Витгенштейна [1] и, таким образом, отличается от метафизики Хейла и Райта в том смысле, что он считал, что факты имеют определенные логические структуры, независимые от наших концептуальных схем. Однако, в отличие от Витгенштейна, Рассел не считал, что структура обычного языка уже отражает структуру объективной реальности; действительно, цель анализа отчасти состояла в том, чтобы приблизить структуру наших научных языков к структуре реальности.

Применяя только что описанную методологию к математике, Рассел пришел к выводу, что минимальный словарный запас и понятийный аппарат, необходимые для реконструкции математики, — это логика. Трудно сказать, учитывая довольно разные концепции проектов, совпадает ли это мнение с мнением современных неологистов. Конечно, хотя Райт и не считает, что математический словарь может быть прямо определен в терминах логического словаря, он утверждает, что любой, имеющий понимание языка логики второго порядка в принципе в состоянии получить представление о математическом словаре и понятиях посредством соотнесения последних с первыми [13].

Рассел познакомился с понятием «определения с помощью абстракции» в работах Дж. Пеано и его коллег. Рассел полагал, что суть принципа абстракции заключается в том, что «когда существует какое-либо отношение, которое является транзитивным, симметричным и рефлексивным, тогда, если это отношение сохраняется между u и v , мы определяем новую сущность $\phi(u)$, которая должна быть равна $\phi(v)$ » [10, р. 315]. ϕ здесь, по сути, является функцией; это то же самое, что и Σ в (AP) выше. Рассел рассматривал функции как производные от отношений и поэтому использовал принцип для постулирования

отношения S для каждого отношения эквивалентности E таким образом, что u будет иметь отношение S к тому же объекту, к которому v имеет отношение S только в том случае, если u и v связаны отношением E . Однако Рассел понимал, что возможно существование многих Ss , которые будут поняты так же, как и в (AP), и может быть много различных интерпретаций Σ , в которых они были бы истинны. По сути, это другая версия проблемы Юлия Цезаря: выполнение (AP) для данного отношения эквивалентности E недостаточно, чтобы определить, какими должны быть $\Sigma(a)$ и $\Sigma(b)$. В ранних работах по формальной логике Рассел попытался преодолеть это, приняв S за отношение, существующее между u и классом объектов, к которому оно имеет отношение E , тем самым давая конкретную референцию к $\phi(u)$ (или $\Sigma(a)$). С $\phi(u)$, взятым как класс всех x , к которому u имеет отношение E , Рассел с самого начала рассматривал принцип абстракции как «поддающийся доказательству» [10, р. 239] из основных принципов теории классов.

В более поздних работах, конечно, Рассел начал сомневаться в реальности классов, придя к выводу, что термины класса являются «неполными символами», или символами, которые непосредственно не обозначают сущности, но, тем не менее, способствуют значению выражений, в которых они появляются более сложным способом. Таким образом, в некотором смысле зрелый Рассел тоже верил, что математический словарь не может быть прямо определен в логическом словаре. Почти без исключения, любой математический термин, обозначающий число, функцию, математическое отношение, после анализа Рассела, становится для Рассела таким видом выражения, для которого невозможно найти единое унифицированное выражение, сформированное с использованием логической лексики, которое могло бы его заменить. Скорее, существует метод, с помощью которого любое предложение, в котором встречается этот термин, может быть переведено



в целом в предложение, не содержащее нелогических констант.

В Principia Mathematica есть наиболее близкое неологистскому #(), включенному в (НР), обозначение, которое Рассел обозначает «Nc». Оно используется Расселом как функтор, применяемый к классу терминов α . Несколько модернизируя обозначения Рассела и применяя (или упрощая) результаты ряда промежуточных определений, мы имеем:

$$Nc(\alpha) =_{\text{df}} \beta (\beta \approx \alpha)$$

Число класса α – это класс всех классов, равночисленных α . Конечно, это не конец анализа, поскольку, согласно теории Рассела «без классов», термины для классов могут быть исключены контекстуально. Вводимые далее контекстуальные определения, наряду с определенными соглашениями для разрешения потенциальных возможности неоднозначности области применения, должны в принципе позволить нам исключить выражение «Nc(α)» в любом контексте, в котором оно появляется, так что результатом становится утверждение, включающее квантификацию более высокого порядка, не содержащее никаких констант, кроме логических констант. Контекстуальные определения для терминов класса наряду со стандартным определением равенства более высокого порядка придают утверждениям о равенстве, сформированным с использованием неполных символов терминов класса, их обычную экстенциональность. Итак, Клемент предлагает вывести следующую версию принципа Юма, которая является не основным допущением системы, но следствием реконструированной теории классов и определения чисел, используемых в ней, наряду с чисто логическим результатом, что равночисленность является отношением эквивалентности:

$$(НР^R) \forall \alpha \forall \beta (Nc(\alpha) = Nc(\beta) \leftrightarrow \alpha \approx \beta)$$

Такая формулировка выглядит почти идентичной принципу Юма, рассмотренному выше.

Рассел полагает, что человек, обладающий пониманием и знанием ло-

гики высшего порядка, обладает всем, что ему нужно для того, чтобы получить представление об условиях истинности математических утверждений по мере их анализа. Однако это делается не простым указанием на то, что существуют термины, относящиеся к объектам, условия равенства которых должны регулироваться (НР), а скорее изобретением нового способа написания утверждений чистой логики таким образом, чтобы они, по-видимому, использовали термины для объектов, имеющие такие условия равенства, в которых при распаковке контекстуальных определений можно увидеть, что наличие этих условий равенства является просто побочным продуктом определений.

Одно из главных различий, конечно, заключается в том, что выражение в форме «Nc(α)» не понимается Расселом как подлинный термин. Рассел, в отличие от Райта, не рассматривает поверхностную грамматику как показатель референциальной силы. В некотором смысле Рассел признает, что определенные утверждения, выражаемые только с помощью логической лексики, могут быть «переосмысленны» как (или действительно ставшие формально эквивалентами) утверждения с явными числовыми терминами. Этого недостаточно, чтобы гарантировать результат, заключающийся в том, что эти явные термины являются терминами, собственно говоря, или действительно обладают своей собственной референтной силой. Вся связь с сущностями осуществляется косвенно через квантовый аппарат системы. Термин, обозначающий число, на языке Рассела является «неполным символом», означаящим, что он обычным образом дополняет любое предложение, в котором он появляется, но сам по себе не имеет смысла, называя или представляя единичную сущность; ему требуется контекст использования, чтобы его можно было преобразовать в оператор большей сложности. Рассел использует словосочетания «логические конструкции» и «логические операции» в качестве ярлыков для очевидных «вещей», таких как классы и числа, о кото-

рых, по-видимому, идет речь в определенном дискурсе только из-за использования неполных символов, которые, по-видимому, предназначены для них в предложениях с четко сформулированными условиями истинности в тексте в указанном только что смысле. Зрелая версия «принципа абстракции» Рассела, как он ее видит, позволяет нам проделать ту же работу с принципами абстракции, которые можно найти в работах Хейла и Райта, но без постулирования каких-либо новых сущностей. Действительно, кажется, что подход Рассела дает гораздо более интуитивную картину того, как можно «переосмыслить» положение дел («данные»).

Таким образом, мы видим, что в системе Рассела возможно введение принципа абстракции, максимально приближенного по смыслу принципу Юма неологистов. Вместе с тем, принцип, выводимый Расселом, не имеет тех последствий, которые влечет за собой введение принципа Юма в связи с отсутствием заданных онтологических последствий и иной методологией получения принципа. Вопрос о перспективности этого принципа для решения проблем неологицизма остается темой отдельного исследования. Полная оценка взглядов Рассела на природу незавершенных символов и логических конструкций и относительная оценка их как метаонтологии, конкурирующей с абстракционистской позицией неологиста, невозможны в настоящем контексте; это сразу приводит ко многим фундаментальным вопросам философской семантики и метафизики.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: «Канон+», 2017. 288 с.
2. Олейник П.И. О роли существования парадоксов в программе философии математики неологицизма // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60. – № 3. С. 55–60.
3. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I / А. Уайтхед, Б. Рассел: пер. с англ., под. ред. Г.П. Ярового, Ю.Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 722 с.
4. Ebert P., Rossberg, M. What is the purpose of Neo-Logicism? // *Travaux de Logique*, ed. by the CdRS at the University of Neuchâtel. – 2006. – № 18. – P. 33–61.
5. Fine K. *The Limits of Abstraction*. Oxford: Clarendon Press, 2002. 216 p.
6. Hale B., Wright C. Logicism in the Twenty-First Century // *The Oxford Handbook of Philosophy of Mathematics and Logic*, ed. by Stewart Shapiro. – Oxford University Press, New York. – 2005. – P. 172–173.
7. Hale B., Wright C. The Metaontology of Abstraction // *Metametaphysics*, ed. by D. Chalmers. – Oxford: Oxford U.P. – 2009. – P. 178–212.
8. Hale B., Wright C. *The Reason's Proper Study: Essays towards a Neo-Fregean Philosophy of Mathematics*. – Oxford: Clarendon Press. – 2001. – 455 p.
9. Klement K. Neo-logicism and Russell's logicism // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies*. – 2012. – Vol. 32 (127). – P. 127–152.
10. Russel B. *The Principles of Mathematics* [Электронный ресурс] // Free online edition. – URL: <https://people.umass.edu/klement/pom/> (дата обращения: 20.10.2023).
11. Shapiro S., Wright C. All Things indefinitely extensible // *Absolute generality*, ed. A. Rayo. – New York: Oxford University Press. – 2006. – P. 255–304.
12. Wright C. Frege's conception of numbers as objects. Aberdeen University Press, 1983. 194 p.
13. Wright C. On the harmless impredicativity of $N =$ (Hume's principle) // *The philosophy of mathematics today*, ed. by M. Schirn. – Oxford, Oxford University Press. – 1998. – P. 339–368.
14. Wright C. On the philosophical significance of Frege's theorem // *Language, thought, and logic*, ed. by R. Heck. – Oxford, Oxford University Press. – 1997. – P. 201–244.



LOGICISM OF B. RUSSELL AND NEOLOGISM OF K. WRIGHT AND B. HALE: METAONTOLOGICAL SIMILARITIES AND DIFFERENCES¹

Oleinik P.I.

Tomsk State University

The article analyzes the ideas of the neologism of C. Wright and B. Hale and the logicism of B. Russell. It is hypothesized that an appeal to the works on the philosophy of mathematics by B. Russell can help in solving a number of problems of neologism. The role of abstraction principles in neologism is shown. The results of using the Hume principle are established, as well as possible problems of its use. The article analyzes the methodology of B. Russell and his appeal to the principles of abstraction. It is shown how to get an analogue of the Hume's principle in the B. Russell's program. The purpose of the article is to identify metaontological and methodological differences and connections between B. Russell's logicism and neologism of C. Wright and B. Hale. The epistemological position and the role of logic in these programs are compared. The conclusion is made about the relevance of using some of the ideas of B. Russell's logicism in the contemporary philosophy of mathematics of neologism.

Keywords: logicism, neologism, B. Russell, C. Wright, B. Hale, Aristotelian society.

References

1. Wittgenstein, L. *Tractatus Logico-Philosophicus* / Trans. I. Dobronravov, D. Lakhuti. Moscow: Kanon+, 2017, 288 p. (In Russian)
2. Oleinik P.I. On the role of the existence of paradoxes in the program of the philosophy of mathematics of neologism // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2023. – vol. 60. – № 3. P. 55–60. (In Russian)
3. Russell B., Whitehead A. *Principia Mathematica*. In 3 vols. Vol. I / Trans., ed.

- G.P. Yarovoy, Yu.N. Radaev. Samara: Samara University Press, 2005. 722 p. (In Russian).
4. Ebert P., Rossberg, M. What is the purpose of Neo-Logicism? // *Travaux de Logique*, ed. by the CdRS at the University of Neuchâtel. – 2006. – № 18. – P. 33–61.
5. Fine K. *The Limits of Abstraction*. Oxford: Clarendon Press, 2002. 216 p.
6. Hale B., Wright C. Logicism in the Twenty-First Century // *The Oxford Handbook of Philosophy of Mathematics and Logic*, ed. by Stewart Shapiro. – Oxford University Press, New York. – 2005. – P. 172–173.
7. Hale B., Wright C. *The Metaontology of Abstraction* // *Metametaphysics*, ed. By D. Chalmers. – Oxford: Oxford U.P. – 2009. – P. 178–212.
8. Hale B., Wright C. *The Reason's Proper Study: Essays towards a Neo-Fregean Philosophy of Mathematics*. – Oxford: Clarendon Press. – 2001. – 455 p.
9. Klement K. Neo-logicism and Russell's logicism // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies*. – 2012. – Vol. 32 (127). – P. 127–152.
10. Russell B. *The Principles of Mathematics* [Electronic resource] // Free online edition. – URL: <https://people.umass.edu/klement/pom/> (date of access 20.10.2023).
11. Shapiro S., Wright C. *All Things indefinitely extensible* // *Absolute generality*, ed. A. Rayo. – New York: Oxford University Press. – 2006. – P. 255–304.
12. Wright C. *Frege's conception of numbers as objects*. Aberdeen University Press, 1983. 194 p.
13. Wright C. On the harmless impredicativity of $N=$ (Hume's principle) // *The philosophy of mathematics today*, ed. by M. Schirn. – Oxford, Oxford University Press. – 1998. – P. 339–368.
14. Wright C. On the philosophical significance of Frege's theorem // *Language, thought, and logic*, ed. by R. Heck. – Oxford, Oxford University Press. – 1997. – P. 201–244.

¹ The work is supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF № 22–28–00126.



Мифотворчество потребительской культуры как способ философского осознания человеческого бытия

Сельдинова Дарья Олеговна,

аспирант института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета
E-mail: daria.seldinova@mail.ru

Несмотря на кажущийся рационализм современного общества миф занимает значимое место в культуре, являясь силовой линией бытия индивида. В мифе конструируется символический мир, а мифология как форма мировоззрения существует как необходимый мировоззренческий элемент сознания и бытия с точки зрения диалектики. Возможность перевоплощения стала реальной благодаря усложнившейся структуре быта, а также благодаря разнообразию потребительских товаров, в изобилии присутствующих в ряде стран мира. Каждое такое перевоплощение формирует индивидуальный образ, личный миф индивида. Именно тонкое умение пользоваться возможностями современности как раз и составляет удачную способность индивида проживать жизнь в её полноценности. Настройка «хора вещей» – это и есть, возможно, наряду со стремлением к воспитанию себя пример удачного балансирования между духовным и материальным.

Ключевые слова: мифология, бренд, культурный код, мифотворчество, массовая культура, потребительская культура.

Современные представления о текущем времени основаны на убеждении, что люди в большинстве стран живут в рационалистичную, основанную на торжестве разума эпоху. Развитие технологий, универсальные гаджеты для общения, развлечений, работы, такие как смартфоны и ноутбуки заставляют большинство думать, что эра рационального мышления, где всё подчиняется продуманности, удобству и прагматическому подходу, уже наступила. Существует расхожее мнение, что раз человечество успешно осваивает планету Земля, довольно успешно справляется с рядом болезней, возрастными изменениями, и наука проникает в каждую из сфер, начиная от естественно-научной до гуманитарной, то наша жизнь автоматически основывается на «мудрости, и разуме, и свете». Однако, что есть наша эпоха как не очередной виток мифологического сознания, где вместо героев и богов научные теории? Человечество явно не до конца понимает устройство мира, мы не владеем истинным знанием, поскольку явно не в состоянии предугадывать планетарные изменения или ход тех или иных болезней. Знание не равно истине, знание – это стремление проникнуть за поверхностный слой явлений, сохранить критическую точку зрения по мере приближения к истине. [10]. Современная наука (сумма множества абстрактных идей о мире) – есть ни что иное как миф, принятый по международному согласию большинства за истину. Миф – это многозначный культурный феномен, значение которого менялось на протяжении всей человеческой истории от сказания о богах до способа осмысления бытия и миропонимания [6]. О значении абстрактных идей договариваются, постоянно ссылаясь на эмпирический материал, из которого они вроде бы берутся, но который на самом деле им подчиняется [9, 86]. Современ-



ная наука пытается уложить мир в абстрактную теорию и находит доказательств того, что эмпирические явления являются подтверждением и отражением учитывающей все тонкие моменты теории. «Теория не только освещает путь практике, но и подчиняет ее; так сказать, освещая, подчиняет. Как ни печально, но и это тоже плоды просвещения, равно как и культ факта. Эмпирический факт – не что иное, как фетиш, поддерживаемый верой и правдой поклонения.» [3, 27] Получается, что человечество просто переиначивает направление своей веры с мифологических явлений на эмпирический факт, который по сути также является мифом.

«Миф – это силовая линия», по которой направляется существование любого живущего в это мире, включая *Homo sapiens*, сколько бы ни велось разговоров о свободе воли. [1, 102] Анализируя современность, частные поступки и общие процессы, мы наблюдаем, что «всё инстинктивное, тёмное в человеке, его смутные волевые порывы и путаница мыслей не побеждаются, а только усиливаются. Никакой технический разум не способен остановить нарастание слепой стихийности, напротив, технический разум открывает перед ней дорогу для проникновения и распространения в жизни [1, 111]. Современный мир – это место, где иррациональность, страх и неуверенность принимают значительные масштабы.

Осмысление места мифа в жизни общества и индивида является одной из составляющих, позволяющих приблизиться к философскому пониманию человеческого бытия. В мифе конструируется символический мир, а мифология как форма мировоззрения существует как необходимый мировоззренческий элемент сознания и бытия с точки зрения диалектики.

Мы наблюдаем, что несмотря на видимый прогресс человечество до сих пор не умеет справляться с болезнями, смертью и как результат потерей любимых людей, идеи трансгуманизма или «ультрагуманизма» (предполагающего подчинение технологий на благо увеличения

продолжительности жизни и улучшения способностей человечества) на данном этапе остаются идеями, не достигшими на данном этапе преодоления вопросов сколь угодно долгого продолжения жизни. Как и тысячелетия назад, мы находимся в ограниченном времени жизни, за которое пытаемся осознать себя и своё место в мире.

Производственный прогресс в ряде стран сделал жизнь населения более разнообразной с точки зрения времяпрепровождения и возможности проявить себя. Так, если буквально 1,5 века назад ряд стран не мог похвастаться практически 100% грамотностью населения, и писать дневники или литературные произведения могли представители состоятельных или привилегированных классов, то сегодня блоггинг (как текстовый, так и аудио-визуальный) проникает глубоко благодаря новым средствам коммуникации, не существовавшим ранее.

В предыдущие века люди имели менее скорую жизнь, социальные роли были распределены заранее и редко менялись в течение жизни. Сегодня мы наблюдаем формулу: «То ты богиня, то ты царица, сегодня кошка – завтра ты львица, каждый день новая жизнь». Возможность перевоплощения стала реальной благодаря усложнившейся структуре быта, а также благодаря разнообразию потребительских товаров, в изобилии присутствующих в ряде стран мира. Один и тот же человек в течение дня может выступать в роли родителя в уютном домашнем костюме, в роли спортсмена-любителя, экипированного в специальную одежду, например, одновременно лёгкую и сохраняющую тепло для пробежек на свежем воздухе, сотрудника государственной или частной корпорации в соответствующем деловом наряде и выразителем ценностей определённой субкультуры, находясь в правильных брендах на мероприятии среди своих. Если ранее человек представлялся крестьянином, коммерсантом или дворянином, и эти роли были стабильны в течение дня и хода жизни, то сегодня мы можем переизобретать себя и свой образ,

в том числе благодаря стратегиям досуга, работы, волонтерской деятельности – современные потребители осуществляют социальную конструкцию собственной идентичности при помощи товаров и потребляемых услуг (например, занятия живописью, субкультурными видами танцев, потребление интеллектуального контента от глубоко разбирающегося в определённой теме лектора).

Потребление сегодня является методом как культурологического, так и философского анализа. Хорошим тоном среди ряда исследователей считается критиковать современный образ жизни в обществе потребления, где бренд выступает главной идентификацией человека, а через коммуникации пропагандируются соответствующие им ценности, которые, в свою очередь, создают некую причастность индивиду к чему-то большему, чем он сам.

На наш взгляд, подобная трактовка является довольно поверхностной и не анализирующей суть процессов, происходящей в ризоматической структуре современного общества. Ризома – это такой многовариативный план бытия той или иной структуры, где важно не само состояние структуры, а ее динамика. Ризома на онтологическом уровне утверждает различие, которое имманентно бытию, встроено в него, а значит трансформации и изменения являются неотъемлемой частью жизненного процесса.

Говорить о том, что диктат брендов вседушеен и тотален, довольно смелое утверждение. Конечно, все мы живём в мире, где есть место социальной необходимости, обязанности человека быть в курсе вещей, чтобы поддерживать необходимые социальные связи или вписываться в существующее общество. Так было во все времена: каждый этнос имел набор поведенческих особенностей, внешних признаков, выражавшихся во внешнем виде, и приметами жилища. В те годы бренды не были международными и столь институционализированными, однако со временем, и они стали отражением статусности и качества жизни их владельца. «Недремлющий брегет упоминается» на страницах

«Евгений Онегина» А.С. Пушкина, начатого, между прочим, в 1823 году, то есть 200 лет тому назад. Этим же часам посвящён рассказ А.И. Куприна.

Современный потребитель в ряде стран и классов, выстраивая собственную идентичность, не является пассивным субъектом, а активным актором, задействующим символические конструкции как индивидуальной, так и коллективной идентичности.

«Быть потребителем сегодня... значит быть включенным в специфический набор культурных символов и ценностей». Бурдые в своих исследованиях «интеллектуального капитала» показали, что потребление сегодня это не только трата денег и времени, эта такая трата, которая проходит в частности, культурную решетку «хорошего вкуса» (являющегося одной из форм интеллектуального капитала). Потребительские товары означают, что некто есть «Х» или «У» для самого себя и для тех, кто разделяет с ними те же коды, означающие ту же систему знаков/символов. Таким образом, смысл термина «потребление» предполагает, по Бодрийару, потребление знаков и символов, а не просто вещей, не просто материальных объектов. [4]

Это особенно ярко проявляется в субкультурных течениях. Например, в среде европейских, а далее и российских футбольных фанатов (casual) приняты «правильные» с точки зрения данной субкультуры бренды. Например, это итальянский бренд одежды Stone Island, который защищает от непогоды во время футбольных матчей на открытых стадионах, при этом довольно прочный, чтобы не рваться при потасовке. Важный визуальный символ бренда – патч с розой ветров, который позволяет отличить «своих» от «чужих», а в случае вмешательства полиции всегда можно снять нашивку и слиться с другими. Эта марка выступает как символ веры в себя, амулет бесстрашия, и трек FOLK-PRO, в ироничной форме рассказывающий о школьнике, ненастоящем ультрасе, но стремящемся быть им, всё равно транслирует значимость этой марки для души фаната субкультуры:



«Запрети мне носить Stone Island
 В нём – я скала, в нём – все меня боятся

 Ты с меня не снимешь этот патч
 Я в нём в школу, я в нём на матч
 ...
 Я свеж и бодр – в этом весь мой underground
 Мне носить запретишь Air Max'ы, но не Stone
 Island
 У девочки моей плащ, даже она на плече но-
 сит патч
 Она зовёт меня при всех «силач»
 ...
 Я не смотрю на моду – в этом моя свобода»

Как мы видим, индивид потребля-
 ет не сами вещи, а именно отношения,
 и потребление выступает деятельно-
 стью систематического манипулирова-
 ния знаками, дискурсивным простран-
 ством, позволяющим передавать сооб-
 щения, коммуникацией. Потребляя, мы
 осуществляем коммуникацию, выстраи-
 ваем свой личный миф, создаём свою
 личную историю.

Современная техника в последние
 годы из товара сугубо практического
 превращается в акцентную составляю-
 щую интерьера, объект желания и даже
 часть мощной субкультуры. Так, компа-
 ния LG Electronics представила в 2022 го-
 ду на выставке IFA LG Styler ShoeCase
 с прозрачными панелями – решение для
 хранения и демонстрации обуви и LG
 Styler ShoeCare, созданный освежать
 любимые кроссовки. Эти продукты соз-
 даны для сникерхедов, коллекционеров
 дорогих, лимитированных, кастомизи-
 рованных сникерсов, являющихся пред-
 метом коллекции и способом самовыра-
 жения. LG Styler ShoeCase не только по-
 заботился о сохранности дорогой серд-
 цу сникерхеда коллекции, но и позволил
 красиво инсталлировать ее в интерьере
 [11]. Это даёт возможность заключить,
 что бренды встраиваются в современ-
 ный культурологический процесс, созда-
 вая товары, отвечающие эстетическим
 потребностям хайпбистов XXI века.

В социокультурном отношении бренд,
 мифологичный по своей природе, игра-
 ет мифологическую же роль, поскольку
 выступает способом и средством ос-

мысления человеком действительности
 и ориентации в ней. Бренды позволя-
 ют человеку быстро трансформировать
 свой стиль при смене социальных ролей,
 которые, как показано ранее, могут лег-
 ко меняться как в течение жизни, так
 и в течение дня.

Мифологическое пространство брен-
 да всегда задано как чудесное. Именно
 категория чуда оказывается для бренда
 базовой. Вещи в мифе, оставаясь те-
 ми же, приобретают совершенно особый
 смысл, подчиняются совершенно особой
 идее, которая объединяет их в каком-то
 новом плане, лишая присущей им есте-
 ственной заданности и дополняя товар
 мощной символической составляющей
 [8].

Важным думается подчеркнуть ком-
 пенсаторную функцию мифа как сред-
 ства утешения, замещения и воспол-
 нения недостающего, он обнадеживает
 индивида и тем самым создает, пусть
 ненадолго, состояние психологическо-
 го комфорта. Товар (особенно имею-
 щий мощную брендинговую составля-
 ющую) – элемент культурной истории
 и духовного развития человечества, во-
 бравший в себя опыт и чаяния преды-
 дущих поколений. Кроссовки теперь –
 это не просто функциональный товар,
 а средство украшения, мечты о здоро-
 вом, сильном и функциональном теле,
 надежда на признание и успех среди
 людей.

Чем сильнее бренд, тем мифологич-
 нее логотип, выступающим оттиском об-
 раза.

Современное общество в ряде стран
 имеет широкие возможности для по-
 требления различных благ и услуг. Как
 и любое другое явление, изобилие ду-
 ально по своей сути: это одновремен-
 но и яд, и лекарство. Установка, прису-
 щая ультрапотребительству, заключа-
 ется в стремлении поглотить весь мир.
 Вспомним «Понедельник начинается
 в субботу» братьев Стругацких, где соз-
 данный профессором Выбегалло третий
 гоммункул, по прогнозам неудачливо-
 го демиурга «исполин духа и корифей»
 чуть не всосал в себя всё пространство
 с риском свернуть время и простран-

ство и оуклнуться. То есть прекратить течение жизни. Именно тонкое умение пользоваться возможностями современности как раз и составляет удачную способность индивида проживать жизнь в её полноценности. Ксенофонт в «Домострое» пишет [2]: «Все остальные вещи уже, может быть, от этого кажутся красивее, что они поставлены в порядке: каждый вид напоминает хор вещей, да и пространство в середине между ними кажется красивым, потому что каждая вещь лежит вне его: подобным образом круговой хор не только сам представляет красивое зрелище, но и пространство внутри его кажется красивым и чистым.»

Настройка «хора вещей», умение удержаться и ограничить себя в стремлении приобрести что-то не совсем нужное, излишнее, некоторая аскетичность жизни – возможно, это и есть наряду со стремлением к воспитанию себя пример удачного балансирования между духовным и материальным.

Литература

1. Евгений Головин. Мифомания. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский» 2021 г. – 312 с.
2. Ксенофонт. Сократические сочинения [Текст]: Воспоминания о Сократе, Защита Сократа на суде, Пир, Домострой / Ксенофонт Афинский; Пер., статьи и комментарии С.И. Соболевского. – [Москва]; [Ленинград]: Academia, 1935 (М.: тип. «Кр. пролетарий»). – Суп.-обл., переплет, XXIV, 417 с., 14 вкл.л. ил., портр.: заставки; 20x13 см.
3. Мазин, В., Погребняк, А. М12 Незнаяка и космос капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 320 с.: ил. – (Библиотека журнала «Логос»).
4. Приепа А. Производство теории потребления // Логос. – 2000. – № 4(25). – С. 57–62.
5. Сельдинова, Д.О. Мифология бренда как социокультурный феномен / Д.О. Сельдинова // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 9. – С. 88–92. – EDN SCLUMF.

6. Сельдинова, Д.О. Мифотворчество в потребительской культуре / Д.О. Сельдинова, С.Б. Кожевников // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2023. – № 1(45). – С. 21–32. – DOI 10.25688/2078–9238.2023.45.1.2. – EDN MQFMKE.
7. Стругацкий А.Н. Понедельник начинается в субботу: сказка для научных работников младшего возраста / А. Стругацкий, Б. Стругацкий; рис. Е. Мигунова. М.: Издательский дом Мещерякова; АСТ, 2017. 320 с.
8. Тихонова, С.В. Мифология брендинга в обществе глобального потребления / С.В. Тихонова // Власть. – 2008. – № 9. – С. 45–49. – EDN KARBPV.
9. Фрейд З. Влечения и их судьбы// Психология бессознательного. М.: «Фирма СТД», 2006.
10. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ; Астрель, 2011. 314 с.
11. LG Unveils Styler ShoeCase and ShoeCare at IFA 2022, Delivering Total Shoe Care Solution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lgnewsroom.com/2022/08/lg-unveils-styler-shoecase-and-shoecare-at-ifa-2022-delivering-total-shoecare-solution/> (дата обращения: 26.10.2023).

MYTH-MAKING OF CONSUMER CULTURE AS A WAY OF PHILOSOPHICAL AWARENESS OF HUMAN EXISTENCE

Seldinova D.O.
Moscow City University

Despite the apparent rationalism of modern society, myth occupies a significant place in culture, being the power line of an individual's existence. In myth, the symbolic world is constructed, and mythology as a form of worldview exists as a necessary ideological element of consciousness and being from the point of view of dialectics. The possibility of reincarnation has become real thanks to the increasingly complex structure of everyday life, as well as due to the variety of consumer goods that are present in abundance in a number of countries around the world. Each such reincarnation forms an individual image, a personal myth of the individual. It is the sub-



the ability to use the opportunities of modernity that constitutes an individual's successful ability to live life to its fullest. Setting up a "chorus of things" is, perhaps, along with the desire to educate oneself, an example of a successful balancing between the spiritual and the material.

Keywords: Mythology, brand, cultural code, myth-making, mass culture, consumer culture.

References

1. Evgeny Golovin. Mythomania. M.: Publishing house of the bookstore "Tsiolkovsky" 2021–312 p.
2. Xenophon. Socratic writings [Text]: Memoirs of Socrates, Defense of Socrates at the trial, Feast, Domostroy / Xenophon of Athens; Translation, articles and comments by S.I. Sobolevsky. – [Moscow]; [Leningrad]: Academia, 1935 (M.: type. "Kr. Proletarian"). – Soup-reg., hardcover, XXIV, 417 pp., 14 incl.l. ill., portrait: screensavers; 20x13 cm.
3. Mazin, V., Pogrebnyak, A. M12 Dunno and the space of capitalism. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2016. – 320 pp.: ill. – (Library of the magazine "Logos").
4. Priepa A. Production of consumption theory // Logos. – 2000. – No. 4(25). – pp. 57–62.
5. Seldinova, D.O. Brand mythology as a sociocultural phenomenon / D.O. Seldinova // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – No. 9. – P. 88–92. – EDN SCLUMF.
6. Seldinova, D.O. Myth-making in consumer culture / D.O. Seldinova, S.B. Kozhevnikov // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. – 2023. – No. 1(45). – P. 21–32. – DOI 10.25688/2078–9238.2023.45.1.2. – EDN MQFMKE.
7. Strugatsky A.N. Monday begins on Saturday: a fairy tale for younger scientists / A. Strugatsky, B. Strugatsky; rice. E. Migunova. M.: Meshcheryakov Publishing House; AST, 2017. 320 p.
8. Tikhonova, S.V. Mythology of branding in a society of global consumption / S.V. Tikhonova // Power. – 2008. – No. 9. – P. 45–49. – EDN KARBPV.
9. Freud S. Drives and their destinies // Psychology of the unconscious. M.: "Firm STD", 2006.
10. Fromm E. To have or to be? / lane with him. E.M. Telyatnikova. M.: AST; Astrel, 2011. 314 p.
11. LG Unveils Styler ShoeCase and ShoeCare at IFA 2022, Delivering Total Shoe Care Solution [Electronic resource]. URL: <https://www.lgnewsroom.com/2022/08/lg-unveils-styler-shoecase-and-shoecare-at-ifa-2022-delivering-total-shoe-care-solution/> (date of access: 26.10. 2023).

О философском аспекте применения ИИ-решений в сфере высшего образования

Беликова Евгения Константиновна,

кандидат культурологии, доцент кафедры
английского языка факультета ВМК
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: jbelikova@list.ru

Современное общество функционирует в крайне сложных и интересных условиях институциональной ломки, обусловленной цифровой революцией. В фокусе внимания исследователей, специалистов, политиков и общественности в целом – феномен искусственного интеллекта как наиболее значимый, интересный и противоречивый индикатор цифровой эпохи. Статья посвящена анализу перспектив, рисков, барьеров и преимуществ применения искусственного интеллекта в высшей школе. Представлены подходы к дефиниции понятия «искусственный интеллект». Обзор научных и медийных источников, посвященных рассматриваемой нами предметной области, демонстрирует наличие трех типов тенденций в интеллектуализации высшей школы – (1) явно позитивные тенденции, (2) деструктивные явления и тренды, (3) тенденции, о сущности которых единого мнения пока не выработано. Обозначены перспективы внедрения искусственного интеллекта с позиции гуманизации и дегуманизации высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, цифровизация, автоматизация, высшая школа, искусственный интеллект, интеллектуализация, индивидуализация, педагог, гуманизация.

Современное общество функционирует в крайне сложных и интересных условиях институциональной ломки, обусловленной цифровой революцией. Человек и социум преобразуются сегодня именно благодаря и посредством цифровизации общественных институтов и практик. «Цифра» не только формирует новые технологические и коммуникативные возможности, но и разрушает всё архаическое и «отжившее свой век в институциональном багаже цивилизации» [7, с. 49]. В данной связи неудивительно, что общественные перемены и трансформации индивидуального бытия становятся самыми актуальными направлениями научных изысканий. В фокусе внимания исследователей, специалистов, политиков и общественности в целом – феномен искусственного интеллекта как наиболее значимый, интересный и противоречивый индикатор цифровой эпохи.

Единой научной дефиниции понятия «искусственный интеллект» в русской и зарубежной науке пока не выработано. С одной стороны, искусственный интеллект являет собой целое научное направление теоретических и прикладных исследований, представители которого заняты анализом и моделированием процессов познания и мышления человека посредством ресурсов вычислительной техники. С другой стороны, под искусственным интеллектом сегодня можно понимать всю совокупность гаджетов, механизмов, принципов, программных решений, которые в той или иной степени могут относиться к «интеллектуальным». В общеполитическом контексте искусственный интеллект можно понимать в качестве совокупности «представлений о познании, разуме и человеке, делающих возможной саму постановку вопроса о моделировании интеллекта» [2, с. 77].

Важность философского анализа специфики и последствий взаимоотно-



шений человека с искусственным интеллектом обусловлена ускоряющейся динамикой имплементации «умных» систем во все сферы деятельности человека. Налицо неразработанность философских позиций в отношении искусственного интеллекта. Множество существующих изданий, публикаций, исследований имеют фантастическую или утопическую направленность и не вполне подпадают под критерии академического исследования.

Многие авторы склоняются к тому, что искусственный интеллект является собой первый шаг к тотальной деструкции человеческой цивилизации. Скептические (или даже апокалиптические) позиции достаточно популярны в российской науке [4]. Исследователи говорят о скором переходе в эпоху «безлюдного производства» и полной замены человека машинами. Уже сейчас можно увидеть примеры того, как процесс автоматизации, роботизации, интеллектуализации становится неуправляемым.

Очевидно, что технологии, основанные на искусственном интеллекте, способны кардинально трансформировать жизненный уклад людей, государственное управление, политические режимы, экономику и промышленность, масс-медиа, законодательство, религию, образование, семью и брак [3, с. 123]. По нашему мнению, в русскоязычном научном массиве наблюдается нехватка исследований, посвященных всестороннему анализу специфических черт, перспектив и последствий внедрения интеллектуальных систем в конкретные сектора народного хозяйства и сферы жизнедеятельности человека. Безусловно, общество нуждается в уяснении характерных особенностей систем, в которых взаимодействуют машинный интеллект и интеллект человека, в определении будущих тенденций развития интеллектуального сегмента техносферы, в анализе субъективных и объективных характеристик искусственного интеллекта [9, с. 694].

Образование, как и многие другие сферы, сегодня находится «в зоне прекращающейся турбулентности» [11, с. 132]. Неопределенность и непредска-

зуемость становятся основными характеристиками процесса эволюции образовательных систем. Обучающие практики становятся все более адаптивными, мобильными, фрагментированными, ускоренными; практически ежедневно открываются частные образовательные центры, набирают популярность новые образовательные направления альтернативного толка и, что особенно важно, утрачивает актуальность и значимость центральная институциональная структура любой национальной образовательной системы – учреждение образования.

Если обратиться к прошлому опыту, можно увидеть, что высшее образование XX и XXI вв. развивалось в условиях доминирования крупногабаритных, «тяжеловесных, маломобильных и, что греха таить, консервативных и жестких структур» [11, с. 132]. Такие структуры сегодня стремятся к качественной трансформации в попытках обрести динамизм, открытость, флюидность и иные черты образовательных структур нового поколения.

Цифровизация высшего образования, до 2019 г. имевшая относительно плавный и поступательный характер, существенно ускорилась в условиях локдаунов, вызванных пандемией. Весьма показательной можно считать смену настроений общественности, студентов, родителей и педагогов к цифровым образовательным практикам. Изначально тотальный и внезапный переход на удаленный режим обучения и оцифровку обучающего контента был воспринят большинством участников образовательного процесса с энтузиазмом. Подобный оптимизм был обусловлен, по всей видимости, убежденностью в том, что дистанционное обучение может стать облегченной альтернативой традиционному обучению и всё, что необходимо сделать для его реализации – придать существующим учебным пособиям цифровой вид.

Впоследствии эти позиции сменились на более прагматичные и взвешенные: как показала реальная практика, банальный переход из обычной аудитории в виртуальную учебную комнату нельзя отождествлять с полноценным

переходом на цифровую парадигму обучения. Накопление методологических трудностей и барьеров, психологическая усталость и отчужденность от социальной среды, утрата интереса и мотивации к домашнему обучению – все это коренным образом изменило настроения большинства субъектов образовательных систем. На сегодняшний день цифровые средства обучения, в том числе и дистанционные, сохраняются во множестве российских вузов, но все чаще в педагогической и студенческой среде можно услышать пессимистичные мнения и общее неприятие цифровизации («подъем сменился раздражением, а к концу карантинного года – массовым разочарованием и <...> торжеством образовательного консерватизма профессиональных сообществ» [8, с. 24]).

Сегодня, главным образом благодаря СМИ, мы становимся свидетелями множества скандалов и конфликтов, связанных со злоупотреблением студентами инструментами искусственного интеллекта. Машинный разум помогает писать дипломные и курсовые работы, эссе, сочинения, избавляться от плагиата в загруженных из Сети работах, создавать «дипфейк»-изображения и обманывать экзаменаторов и проверяющих. Безусловно, из-за таких случаев искусственный интеллект постепенно обретает в массовом сознании негативные черты. Тем не менее, отменить распространение искусственного интеллекта в студенческой и педагогической среде, конечно же, нельзя: интеллектуализация – это глобальная, неотвратимая, массовая тенденция.

Отечественная система образования не может и не должна оставаться в стороне от процессов интеллектуализации. Напротив, следует понять, каким образом интеллектуальный инструментарий может быть применен в российских вузах. Как показывает опыт некоторых стран, из цифровизации образования можно извлечь пользу – но для этого нужно приложить усилия и подвергнуть целостному переосмыслению те предпочтения, которые искусственный разум может дать высшей школе [3, с. 123].

Обзор научных и медийных источников, посвященных рассматриваемой нами предметной области, демонстрирует наличие трех типов тенденций в интеллектуализации высшей школы – (1) явно позитивные тенденции, (2) деструктивные явления и тренды, (3) тенденции, о сущности которых единого мнения пока не выработано.

Однозначно положительные оценки получает, как правило, такой вектор применения искусственного интеллекта, как **организация учебно-методического процесса и делопроизводство в вузах**. Интеллектуальный инструментарий способен существенно улучшить администрирование образовательного процесса. В любом учреждении высшего образования функционирует множество подразделений, департаментов, кафедр, отделов. Это порождает колоссальное множество процессов и документации. Технологии искусственного интеллекта позволяют автоматизировать и упростить делопроизводство в образовательной организации.

Методическая работа также может быть облегчена компьютерным разумом: электронные ведомости об успеваемости, интерактивные расписания, цифровые обучающие среды – это далеко не весь перечень методических инструментов, куда встраивается искусственный интеллект. Данные направления внедрения машинного интеллекта, как правило, являются наиболее простыми, понятными и не вызывают дискуссий и противоречий со стороны педагогического сообществ, студентов, исследователей-теоретиков, представителей администраций вузов и функционеров образовательных ведомств.

Все чаще в научной литературе можно увидеть замечания авторов о необходимости следования принципу индивидуализации обучения. **Индивидуализация образовательных траекторий и адаптивность обучающих курсов** выступают на сегодняшний день ключевыми показателями качества обучения и престижа учебного учреждения. В рамках конвенциональной модели получения высшего образования, в режиме «оф-



лайн», адаптировать программу и задания под каждого студента представляется практически невозможным – ведь в таком случае для каждого студента потребовался бы отдельный преподаватель. Это, в свою очередь, формирует противоречие между требованием к персонализации обучения и фактическим количеством кадровых и финансовых ресурсов, выделяемых на организацию обучения. Решением данной проблемы может стать искусственный интеллект. Искусственный интеллект позволяет встраивать в цифровую обучающую платформу специальные алгоритмы, которые самостоятельно адаптируют процесс обучения под характеристики, знаниевые «пробелы» и академическую успеваемость каждого студента. Компьютер, таким образом, выбирает средства и технологии, оптимальные для конкретного обучающегося и, при этом, вносит коррективы в план обучения и в процессе прохождения курса. С философской точки зрения следует отметить, что в данном случае искусственный интеллект служит целям гуманизации образования.

По мнению специалистов, особенно перспективной такая технология станет для двух групп учащихся: (1) для тех, кто лучше и быстрее других усваивает материал, (2) для тех, кто, напротив, не способен быстро фиксировать в памяти и обрабатывать большие массивы новой информации [1, с. 158]. В традиционной парадигме обучения в рамках аудиторной работы, как правило, уже в первые недели обучения в группе явно начинают выделяться отличники и отстающие, которые остаются под бременем своего академического «амплуа» на протяжении всех остальных курсов обучения в вузе. В цифровой среде происходит частичная анонимизация учебных результатов и сама система выполнена так, чтобы каждый из режимов учебы и уровень успеваемости считался нормальным. Студент, который схватывает новые сведения медленнее, не должен пытаться «догнать» одноклассников и испытывать ощущение собственной когнитивной и интеллектуальной девиантности.

Он, благодаря самоподстраивающимся системам, проходит курс в том темпе, который комфортен для него, и, как показывает практика, в результате вполне успешно осваивает требуемый программой/модулем объем материала.

Развивая мысль о гуманизации образования, следует также отметить, что одной из сильных сторон интеллектуализации высшего образования выступает **обеспечение доступа к образованию и уравнивание образовательных и профессиональных возможностей**. На сегодняшний день в мире существует множество бесплатных интеллектуальных образовательных сервисов, благодаря которым можно пройти обучение по тому или иному виду профессиональной деятельности. Преимуществом искусственного интеллекта в общецивилизационном плане стало то, что он так и не стал привилегией политических и финансовых элит и довольно быстро пошел «в народ».

Представленному списку сильных сторон искусственного интеллекта в высшей школе противопоставляются свойства, относящиеся к слабым сторонам и рискам. Как известно, дидактика конструируется вокруг трех фундаментальных концепций и суперцелей обучения – образование, развитие, воспитание. Без равномерного распределения педагогических усилий по всем трем аспектам обучения образование нельзя будет считать полноценным и качественным. Анализируя возможности и ресурсы искусственного интеллекта, можно прийти к выводу о том, что **искусственный интеллект едва ли сможет стать равноправным человеку моральным субъектом, что, в свою очередь, исключает его воспитательный потенциал** и «этическое наставничество как таковое» [7, с. 52]. Искусственный интеллект на данный момент способен только к «простой диссеминации информации и менторства с односторонним движением» [7, с. 52].

При этом многие авторы говорят, что уже в ближайшем будущем искусственный интеллект научится предельно точно имитировать этичность, эмоциональ-



ность, эмпатию и иные чисто «человеческие» качества. В таком случае можно предположить, что тогда машина и сможет стать воспитателем для человека. Остается открытым вопрос о том, какая глубинная сущность, фундаментальная морально-нравственная основа будет лежать в базе такого воспитания. Таким образом, искусственный интеллект, с одной стороны, гуманизирует образование, а с другой – дегуманизирует его.

Даже не обладая воспитательным потенциалом и будучи избавленным от эмоционально-чувственных и морально-нравственных граней мировоззрения, искусственный интеллект в любом случае будет полностью или частично заменять преподавателей-людей. «Дидактический продукт», который будет генерирован машиной, станет дешевле, доступнее, адаптивнее (см. выше) и продуктивнее, чем традиционные знания, транслируемые учителями. Следует также отметить, что отсутствие эмоций, морали, нравственности и персонального «бэкграунда» делает **искусственный интеллект максимально эффективным проверяющим** [10, с. 840]; [5, с. 43]. Как показывает педагогическая практика последних лет, учащиеся, сдающие экзамены и тесты в цифровой среде, демонстрируют существенное снижение стресса и тревожности. Подобный эффект связан с тем, что технологии искусственного интеллекта показывают обучающимся объективные результаты их деятельности и не выносят негативных оценочных суждений [1, с. 158]. Несмотря на все вышесказанное, нельзя не отметить, что машина не сможет заменить принципиально важные для образования вещи – «живое общение», эмоциональные связи, социальные потребности [6, с. 23].

В заключение отметим: безусловно, негативные и положительные черты искусственного интеллекта в вузах не исчерпываются вышеописанными. Актуальными нам представляются также этические вопросы интеллектуального прокторинга, вопросы принятия профориентационных решений для абитуриентов на основании интеллектуальной

диагностики, проблемы занятости преподавателей, замененных машинами, проблемы нарастания социальной отчужденности и многие другие.

На сегодняшний день искусственный интеллект – лишь точечное дополнение к традиционной образовательной деятельности отечественных вузов. Пока машинный разум не обладает достаточными качествами, чтобы заменить преподавателей, имеющих не только необходимые компетенции, но и педагогическое мастерство. Поэтому можно предположить, что технологии искусственного интеллекта в ближайшие годы будут применяться исключительно в целях технической организации образовательного процесса. Тем не менее, несмотря на недостатки и возможные угрозы использования искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза, постепенно эти технологии будут все чаще интегрироваться в образовательную реальность.

Литература

1. Богдашин, А.В. Роль искусственного интеллекта в образовательном процессе педагогического вуза / А.В. Богдашин, Д.Н. Соловьёв, Т.О. Соловьёва // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (37). – С. 156–160.
2. Гутенев, М.Ю. Проблема искусственного интеллекта в философии XX века / М.Ю. Гутенев // Вестник ЧГАКИ. – 2012. – № 4 (32). – С. 77–80.
3. Ендовицкий, Д.А. Университетская наука и образование в контексте искусственного интеллекта / Д.А. Ендовицкий, К.М. Гайдар // Высшее образование в России. – 2021. – № 6. – С. 121–131.
4. Мягков, Д.В. Опасность искусственного интеллекта / Д.В. Мягков // Экономика и социум. – 2018. – № 5 (48). – С. 884–886.
5. Пырнова, О.А. Технологии искусственного интеллекта в образовании / О.А. Пырнова, Р.С. Зарипова //



- Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – № 3. – С. 41–44.
6. Резаев, А.В. Chatgpt и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? / А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Высшее образование в России. – 2023. – № 6. – С. 19–37.
 7. Согомонов, А.Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации / А.Ю. Согомонов // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 57. – С. 48–63.
 8. Согомонов, А.Ю. Цифровая этика для цифрового образования в цифровом мире / А.Ю. Согомонов // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 58. – С. 17–30.
 9. Стерледева, Т.Д. Философский прогноз взаимодействия человечества с искусственным интеллектом / Т.Д. Стерледева, Р.К. Стерледев // Манускрипт. – 2021. – № 4. – С. 694–697.
 10. Ущeko, А.В. Искусственный интеллект в образовании. Применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования / А.В. Ущeko // Вестник науки. – 2023. – № 6 (63). – С. 859–866
 11. Хангельдиева, И.Г. Общество 5.0 и образование: перспективы и предостережения / И.Г. Хангельдиева // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – № 1. – С. 123–140.

PHILOSOPHICAL FRAMEWORK OF THE ISSUE OF AI SOLUTIONS IN HIGHER EDUCATION

Belikova E.K.

Moscow State University. M.V. Lomonosov

Modern society operates in extremely complex and interesting conditions of institutional disruption caused by the digital revolution. The focus of attention of researchers, specialists, politicians and the public in general is on the phenomenon of artificial intelligence as the most significant, interesting and controversial indicator of the digital era. The article is devoted to the analysis of the prospects, risks, barriers and advantages of using artificial intelligence in higher education. Approaches to the definition of the concept of

“artificial intelligence” are presented. A review of scientific and media sources devoted to the subject area we are considering demonstrates the presence of three types of trends in the intellectualization of higher education – (1) positive trends, (2) destructive phenomena and trends, (3) contradictory trends. The prospects for the introduction of artificial intelligence from the perspective of humanization and dehumanization of higher education are outlined.

Keywords: higher education, digitalization, automation, high school, artificial intelligence, intelligentalization, individualization, teacher, humanization.

References

1. Bogdashin, A.V. The role of artificial intelligence in the educational process of a pedagogical university / A.V. Bogdashin, D.N. Solovyov, T.O. Solovyova // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies. – 2022. – No. 4 (37). – pp. 156–160.
2. Gutenev, M. Yu. The problem of artificial intelligence in the philosophy of the 20th century / M. Yu. Gutenev // Bulletin of ChGA-KI. – 2012. – No. 4 (32). – P. 77–80.
3. Endovitsky, D.A. University science and education in the context of artificial intelligence / D.A. Endovitsky, K.M. Gaidar // Higher education in Russia. – 2021. – No. 6. – pp. 121–131.
4. Myagkov, D.V. The danger of artificial intelligence / D.V. Myagkov // Economics and society. – 2018. – No. 5 (48). – pp. 884–886.
5. Pynnova, O.A. Technologies of artificial intelligence in education / O.A. Pynnova, R.S. Zaripova // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – No. 3. – pp. 41–44.
6. Rezaev, A.V. Chatgpt and artificial intelligence in universities: what kind of future can we expect? / A.V. Rezaev, N.D. Tregubova // Higher education in Russia. – 2023. – No. 6. – P. 19–37.
7. Sogomonov, A. Yu. Digital university in the information society: ethical aspects of the current transformation / A. Yu. Sogomonov // Bulletin of Applied Ethics. – 2021. – No. 57. – P. 48–63.
8. Sogomonov, A. Yu. Digital ethics for digital education in the digital world / A. Yu. Sogomonov // Bulletin of Applied Ethics. – 2021. – No. 58. – P. 17–30.
9. Sterledeva, T.D. Philosophical forecast of the interaction of humanity with artificial



- intelligence / T.D. Sterledeva, R.K. Sterledev // Manuscript. – 2021. – No. 4. – pp. 694–697.
10. Ushcheko, A.V. Artificial intelligence in education. Application of artificial intelligence to ensure adaptability of education / A.V. Ushcheko // Bulletin of Science. – 2023. – No. 6 (63). – pp. 859–866
11. Khangeldieva, I.G. Society 5.0 and education: prospects and warnings / I.G. Khangeldieva // Domestic and foreign pedagogy. – 2022. – No. 1. – pp. 123–140.



Трансформация идей о праве и государстве в западноевропейской и отечественной социально- философской мысли

Хубиев Башир Билялович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
E-mail: ktiirs@mail.ru

Кумыков Ауес Мухамедович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
E-mail: kumykov@mail.ru.

Кесаева Рита Эльбрусовна,

доктор социологических наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
E-mail: margo2199@yandex.ru

Дагаев Рашид Рамазанович,

старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
E-mail: rashdagaev@gmail.com

В статье произведен исторический анализ политико-правовых представлений в западной и отечественной философской мысли. Выявлены основные тенденции развития западноевропейских взглядов на государство и право, определено их влияние на формирование политико-правовых концепций в отечественной философии.

Методология исследования базировалась на диалектическом познании, анализе, синтезе, аналогии.

Представлен анализ ключевых концепций государства и права в их исторической ретроспективе от античности до наших дней. Дается сопоставительный анализ политических и правовых учений в западной и российской социально-философской мысли. Особое внимание уделено специфике формирования российских традиций правопонимания, опосредованных двумя разнонаправленными факторами: рецепцией западноевропейского концептуального наследия и влиянием византизма, трактующего право, как стоящую над человеком форму духовного единения людей. Представленный обзор отражает всю многоаспектность и неоднозначность исследуемого феномена.

Ключевые слова: правовое государство, социальная философия, история, политика.

Особую значимость сегодня приобретают вопросы, связанные с формированием всеобщих, цивилизационных универсалий, в том числе, касающихся политико-правовой сферы. Глобальный мир опосредует необходимость в становлении и развитии новых правовых стандартов, призванных урегулировать систему взаимоотношений в новых реалиях, где складывается абсолютно иная модель миропорядка и общественного устройства. Сегодняшняя повестка выносит на первый план такие правовые аспекты, как соотношение национального и международного права, взаимодействие систем правосудия, политико-правовой рецепции западного права в контекст российской государственности и прочее. При этом остро встает вопрос о том, какие именно идеи, ценности и стандарты мы можем считать универсальными, а какие остаются сугубо национальными? Как в сегодняшнем глобальном мире дифференцировать и соотнести процессы сохранения собственной национальной идентичности и интеграцию в мировое пространство?

Следует учитывать, что формирование будущих идеологических принципов глобального правопорядка вряд ли возможно, что называется, «с нуля». Вся история человечества представляет собой движение вперед, путем наслоения все нового и нового духовного опыта; цивилизация, развиваясь поступательно, впитывает наследие и идеи предшествующих поколений и приумножает их с каждым новым этапом своего развития. В этой связи, представляется особенно логичным рассматривать эволюцию концепций государства и права в их историческом развитии, экстраполируя весь накопленный в этой сфере опыт человечества на ситуацию социального развития дня сегодняшнего. Подобная аналитическая ретроспектива дает нам шанс критически взглянуть на идеи на-



ших предшественников и оценить применимость этих идей в современных реалиях.

Цель исследования – трансформация политико-правовых концепций в западной и российской социально-философской мысли.

Феноменология понятий «государство» и «право» рассматривается на уровне многих гуманитарных дисциплин: социологии, политологии, культурологии, философии, истории и др., в связи с чем авторы обратились к общенаучным методам общественного познания. Сравнительно-исторический метод позволили рассматривать сущность государства и права в их исторической ретроспективе, позволяя выявить специфику сущностных характеристик исследуемых понятий в западной и отечественной социальной философии, чтобы обозначить их тождества и противоречия. Диалектический принцип познания позволил рассмотреть историческую трансформацию идей государства и права в контексте соотношения универсальных и сугубо национальных традиций.

Проблема философского осмысления феномена «правовое государство» имеет долгую историю, уходящую глубоко в античность, а то и к более раннему периоду человеческой истории, когда библейские принципы существования являлись, по сути, тем нравственным мериллом, по которому выстраивалась вся система регулирования общественных отношений. Так, например, в традициях отечественной философии права, духовно-нравственные основы Ветхого Завета, зачастую, рассматриваются как квинтэссенция верховенства права. Так, например, В.И. Лафитский утверждает, что ветхозаветные постулаты представляют собой ни что иное, как одну из наиболее развитых правовых концепций, как с точки зрения юридической, так и с философской. Иначе, как еще можно трактовать представленные в Библии принципы разделения власти, нормы публичного и уголовного права, верховенства права, как закона. Цитируя автора, мы можем лишь согласиться с его точкой зрения: «Не было и другого права, кото-

рое оказывало бы столь мощное воздействие на ход истории, как Библия» [11].

При всей справедливости и правомочности данного тезиса, в исследовании феноменов государства и права, традиционно принято обращаться к периоду античности. Именно в размышлениях античных мыслителей начинают формироваться те представления о праве, законе, государстве, которые станут основой правопонимания в принципе, и составят историко-философскую предпосылку формирования будущей доктрины правового государства.

Представим краткий обзор наиболее важных концептуальных положений о правовом государстве в западной философской мысли. Идею о государстве, как чем-то разумном и совершенном, основанном на принципах справедливости отстаивали Сократ, Платон и Аристотель. По Платону, государственность возможна лишь там, где есть справедливость, а закон «есть владыка над правителями, а они – рабы его» [15, с. 473–474]. Идеальное платоновское государство представляло собой целостное, разумное единство, в котором торжествует добродетель, основанная на законах разума, где единственная миссия власти – служение справедливому закону. И хотя Платон рассматривал государство, как некий монолит, не расчленяя его на правовое, политическое, религиозное или нравственное, мы явно прослеживаем у него осознание ценности и важности правовых норм, законов, судебных решений для формирования социально благополучного государства. Воззрения Платона сыграли огромную роль в формировании всей дальнейшей истории развития политико-правовой идеологии, став предпосылкой осмысления государства, как правовой категории.

Последователь Платона, Аристотель, в сущности не относил правовые аспекты бытия к сфере своих основных интересов; для него апогеем научного познания являлась политика, в рамках которой он рассматривал право, как вспомогательную, служебную функцию, опосредующую достижение политических целей.



Тем не менее, в своих размышлениях о сущности государства, философ высказывает целый ряд идей касательно определяющей роли справедливости, добра, служению общему благу, важности законов. Вслед за Платоном, Аристотель ставит закон во главу государственного устройства, закон – есть мерило справедливости и регулятор политического общения, там, где не властвует закон – не идет речь о государственности. Рассматривая государство, как данность, проистекающую из человеческой природы, Аристотель основное свое внимание сосредотачивал не на сущностных аспектах государственности, а на ее форме и устройстве; согласно его представлениям, любая государственная система строится на «трех китах», трех ветвях власти – законосовещательный орган, магистратуры и судебный орган [5]. Таким образом, Аристотель фактически пришел к идее разделения властей, которая получил свое развитие чуть позже, в эпоху Просвещения.

Теория разделения властей находит существенное развитие и во «Всеобщей истории» Полибия. Описывая системы правления Спарты и Рима, философ находит существующую там форму правления, при которой полномочия трех властей (консулов, сената и народа), объединяясь, обеспечивают наилучшую устойчивость государства. Преимуществом такой смешанной формы политического устройства, Полибий усматривал в механизмах взаимного сдерживания и противодействия каждой из ветвей власти; поддержание такого баланса в результате обеспечивало стабильное существование государства. Концепция Полибия в значительной мере сформировала основные направления в дальнейшей разработке теорий разделения властей [7].

Идея взаимосвязи государства и закона находит свое продолжение в трудах Цицерона, древнеримского политика, вся карьера которого, была направлена на поиск устойчивых механизмов государственного устройства. Цицерон становится родоначальником идеи «общего правопорядка», первым из антич-

ных мыслителей фактически говорит о государстве, как о правовой институции. В целом, надо сказать, римское правовое сознание отличалось от взглядов Древней Греции; если последняя все-таки рассматривала государство, как нечто естественно-божественное, основанное на нравственных основах и общих интересах граждан, то древнеримское понимание государства больше базируется на рационально-прагматических категориях, обуславливающих публично-правовой характер политического устройства. В этой связи интересны высказывания Р. Иеринга, который рассматривал римское правосознание, как взращенное не на идеалах социальной справедливости, а на позициях силы и захватнической идеологии. По мнению Р. Иеринга, высшей ценностью римского мировоззрения является вовсе не человек, личность и его интересы, а имущество, любая «добыча», а соответственно, государство, как субъект права – прежде всего собственник имущества. Автор делает вывод, что развитие идей частноправового характера в римском праве – есть следствие специфичной, национальной захватнически-меркантильной идеологии, берущей свое начало еще с деяний Ромула и Рема. Как бы то ни было римское правовопонимание впервые задает государственности юридический вектор [9].

При всей специфичности правовопонимания, философская мысль Древнего Рима не останавливала поисков истинного правового начала, и в трудах многих авторов мы найдем идеи о справедливости высшего разума, который укрепляясь в умах человечества становится истинным мерилom права и бесправия, становясь законом. Цицерон рассматривал справедливость и вслед за ней право, как порождение природы, к которому и должен стремиться человек. Так в античной политико-правовой философии начинает оформляться идея естественного права, которая, безусловно, в тот период, была весьма и весьма ограниченной в применении; оно распространялось далеко не на каждого члена общества, например, женщины, рабы,

варвары не обладали естественными правами.

Итак, античная философия провозглашает право, как естественную природную данность, установленную высшим разумом, а не человеческой волей. Что же дальше? каков дальнейший ход философской мысли в области взаимоотношения права и государства?

Средневековье продолжает развитие естественно-правовых концепций античного времени, провозглашая высшим проявлением нравственности и справедливости волю Божью. Важным моментом в развитии правовых идей в средние века является тесное взаимодействие обычного права варварских народов, церковного права и античного наследия. На этой почве в сущности и зарождаются предпосылки современной западной правовой культуры. Тема построения правового порядка на основах божественной справедливости широко разрабатывается в трудах Аврелия Августина и Фомы Аквинского. Оба они, продолжая идеи древнегреческих мыслителей, провозглашали идею естественного закона, выходящего из здравого человеческого разума; право – есть проявление справедливости в божественном порядке человеческого общежития. Ф. Аквинский в своих размышлениях о нравственности отмечает, что Бог дает человеку лишь возможность нравственного поведения, а как воспользуется этим каждый человек зависит от его воли; свобода проявления воли руководствуется разумом человека, а разум – отражение божественного. Таким образом, средневековая философия ограничивает сферу нравственности и область светского, мирского закона, предлагая толковать закон, исходя из внутренней, духовно-нравственной мотивации человеческих поступков, ставя в приоритет именно моральную составляющую деяний, а не букву закона. В противном случае законность носит насильственный характер и противоречит божественному замыслу [7].

Нельзя не сказать еще об одной важной вехе в развитии политико-правовой мысли средневековья – это идея государства-суверена. В долго-

срочной междоусобной борьбе монархов с феодалами, зарождается теория государственного суверенитета, как независимости государства от внешних и внутренних влияний. Основные принципы суверенного государства концептуально оформились в работах Ж. Бодена, где он изначально говорит об отрицании международных и внутренних влияний на суверенность, а затем определяет ее позитивный смысл через установление отдельных правомочий государства. Еще раз оговоримся, что концепция государственной суверенности стала одним из ключевых этапов в формировании представлений о правовом государстве и прочно укоренилась в общественном сознании, выделив суверенитет, как один из определяющих признаков государства [14].

Философско-правовая мысль периода Просвещения и Нового времени стала своего рода гимном свободе человека, как его врожденного, неотъемлемого свойства. Свобода и равенство всех и каждого рассматривались, как единственно возможное условие человеческого общежития, ограниченное лишь рамками закона, перед которым все равны. Новое звучание проблемы соотношения права, равенства и нравственности отражается в формировании многих правовых концепций, суть которых сводилась к тому, что природа наделяет каждого равными правами при рождении, и становясь единицей социума, люди должны иметь равные права и обязанности. Каждый человек от природы стремится к реализации своих личных интересов, а значит основная задача государства – обеспечить такую правовую основу, которая не препятствует этому, а, напротив, направляет внутренне движение личности к добродетели, одновременно удовлетворяя личные выгоды. Тема справедливости у просветителей в большей степени соотносилась с категориями здравого смысла и рациональной пользы; большинство теоретиков придерживались мнения, что полезное для общества и есть справедливое [16].

Одним из принципиальных моментов в генезисе политико-правовых идей



Нового времени является их подверженность влиянию крупных религиозных войн того периода. На этом фоне многие теоретики активно разрабатывали тему веротерпимости, из чего закономерно формировалась идеология светского государства, обусловившая внутренние личностные противоречия человека: его религиозность и духовно-нравственные убеждения, попадали в противостояние с внешней, светской жизнью.

Сложившиеся к этому времени концепции естественного права имели своим продолжением разработку теории разделения властей. В поисках наилучших форм государственного устройства теоретики Просвещения в первую очередь выступали за правовое ограничение монаршей власти и рассредоточение полномочий между основными стратами (монархом, аристократией и третьим сословием) и представляющих их интересы правовыми институтами [14].

Г. Гроций, признавая за правом обязательный минимум нравственности, необходимой для общественного бытия, полагал, что народ имеет полное право выбрать ту форму правления, которая давала бы каждому человеку пользование своим достоинством на основе общественного договора.

Д. Дидро выделяет два возможных типа государства: деспотическое и суверенное, возникающее по воле народа на основании общественного договора. Главная цель последнего – обеспечение естественных прав народа и обеспечение их благосостояния и счастья [7].

Существенное влияние на развитие теории и практики правового государства оказали воззрения Дж. Локка и его последователя Ш.-Л. Монтескье. Локковская трактовка правового государства рассматривает последнее, как гарант естественных прав граждан, посредством верховенства закона и разделения властей. Сущность этого разделения Дж. Локк обосновывает принципами внутренней природы человека – способностью к разумной договоренности (законодательная власть), способностью принимать решения на основе этих договоренностей (судебная власть), спо-

собностью реализовывать общие нормы и правила в каждом конкретном случае (исполнительная власть) [12].

Монтескье, продолжая идеи Локка, также различает в суверенном государстве три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. При этом теоретик отмечает, что взаимодействие этих властей должно осуществляться по принципу взаимного сдерживания и контроля. Разделение и сдерживание властей по Монтескье – залог политической свободы, которую автор расценивает ни как вседозволенность, а как возможность делать все, что позволено законом. Особое внимание автор уделял политической свободе относительно отдельного человека, считая, что обеспечение ее целиком и полностью зависит от качества правосудия. Кардинальным, и вызвавшим массу критики, отличием теории Монтескье была его позиция относительно судебной власти, которую он наделял независимым статусом, обособляя ее от двух остальных. Правосудие рассматривалось им, как особое отражение национального суверенитета, отличное от законодательных и исполнительных действий, поэтому оно наделялось особой автономностью, которое и должно образовать третью власть, независимую от двух первых. Теоретические воззрения Локка и Монтескье о свободах и правах граждан и разделении властей стали базисом к дальнейшим разработкам концепций правового государства [2].

Неоспоримой квинтэссенцией теории правового государства периода Просвещения является учение Иммануила Канта. Концепция Канта, хотя и не является бесспорной, однако четко определяет те контуры правового государства, к которому в идеале должно стремиться любое общество. Многолетнее и доскональное изучение им развития мировой истории, приводит Канта к выводу, что цель человечества предопределена тайным замыслом природы, а ход истории – лишь путь к этой цели. По Канту, любой человек от рождения наделен природными качествами, дающими ему возможность созидания блага для се-



бия и общества. Тайный замысел мироздания все время бросает человечеству вызовы: войны, конфликты, противоречия, и, только, проходя через горнило социальных потрясений, человечество способно прийти к истинно правовой модели социального устройства – обществу свободных и равноправных граждан. Иными словами, в социальных конфликтах и противостояниях Кант видел источник социального прогресса. Государство, цитируя автора, это «объединение множества людей, подчиненных правовым законам», оно в своей идее должно соответствовать «чистым принципам права» [10, с. 233, 234]. Опираясь на принципы свободы, равенства и единства закона, Кант в качестве идеальной модели государства видел республику, правовое устройство которой подразумевает деление властей на три ветви: законодательную, где принятие законов осуществляется народом, судебную, осуществляемую судом присяжных, и исполнительную, которая по Канту осуществляется правительством. При этом ни одна из ветвей власти не вмешивается в сферу деятельности другой, они лишь уравнивают друг друга. Конечным итогом кантовского учения является создание глобального правового пространства и вечного мира между народами. Идея мирового гражданства, почерпнутая им у античных стоиков, венчалась у Канта созданием «общечеловеческого государства» [10, с. 13, 26]. В таком миропорядке главное место отводится человеку, а государство на принципах права выполняет народную волю и защищает интересы граждан.

Учение Канта получает свое дальнейшее развитие в теории Г. Гегеля, который трактовал правовое государство, как «царство свободной воли, полным осуществлением идеи свободы, творением человеческого разума, заключать в себе высшую ступень самосознания духа» [6, с. 279–289]. Относительно форм государственного устройства, Гегель выступал активным адептом конституционно-монархического строя, придавая критике принципы суверенной республики. В наследственной конститу-

ционной монархии Гегель выделяет три формы: законодательную, правительственную и власть государя. Он категорически возражал против противоборства властей, выступая за их органичное взаимодействие и целостность, апогеем которого является власть монарха. При этом Гегель, руководствуясь принципом разумности, отмечал, что управленческие государственные функции должны сосредотачиваться в руках достойных и наиболее подготовленных членов общества, это же касалось и правосудия, и законотворчества. Одним из основных тезисов гегелевской теории является понимание дальнейшего развития правового государства, как неразрывной взаимообусловленности любого социального прогресса и прогресса правового [13]. Иначе говоря, перспективы формирования государственных институтов вне права, по Гегелю, невозможны.

Кантовско-Гегелевская концепция, постулирующая поэтапное, закономерное движения общества к идеальному правовому государству, стала аксиомой философско-правовой мысли того времени, получив закрепление в конституциях отдельных государств Европы и послужила концептуальной основой для дальнейших построений политико-правового толка.

Вплоть до начала XX века европейская правовая мысль строилась и развивалась на концепте «правового государства», развитого философами Просвещения, конкретизируясь и расширяясь в направлении демократизации и юридического равенства граждан перед законом. Однако целый ряд событий, произошедших в последующий период, существенно пошатнули те правовые идеалы, которые сложились в общественном сознании. Две мировые войны заставили усомниться в способности человечества разрешать проблемы мирным, законным путем. Насилие и кровопролитие все также оставались актуальными, несмотря ни на какие философско-правовые обоснования идеального мироустройства. Ключевым моментом становится тот факт, что «германское царство», провозглашенное самим Гегелем как выс-



шая форма цивилизационного развития, не последовало идеям своих великих идеологов права. Вдохновившись идеей мирового господства, Германия избрала отнюдь не правовой, а чудовищный путь к этой цели. Вслед за ней и Америка, начала свой путь к вершине глобального превосходства, не колеблясь перешагнув все идеи о правах и свободах человека [13]. Существуют и другие, пусть не столь «кровавые», но не менее принципиальные аспекты, послужившие разрастанию кризиса правовых идей в Новейшей Истории; глубокое их рассмотрение и анализ представляют тему отдельного исследования.

Для нас же дальнейший интерес представляет специфика развития идеи правового государства в России. Любая кризисная эпоха, а именно в таковой мы сегодня и находимся, приводит человека к переосмыслению устоявшихся ценностных парадигм через обращение к историческому опыту и приложению его на современную почву.

Осмысление права и государственности в русской философии складывалось своим, самобытным путем, характеризующимся прежде всего ее отношением к западноевропейским традициям. Сформированный на Западе концепт естественно-правового типа правопонимания, при всем многообразии трактовок, отличается четко обозначенной антропоцентристской ориентацией, отраженной в понимании права, как личной свободы индивида. В русской же традиции философского правопонимания основой основ выступает системоцентристская модель, продиктованная, безусловно, влиянием Византии. Пришедшая вместе с христианством религиозно-духовная парадигма формулирует право, как некую силу духовного единения людей, стоящую над человеком и подчиняющая его общей идее божественной справедливости и всеобщей благодати [4].

Россия действительно шла своим, самобытным путем в вопросах философского понимания права, и большая часть античного и западноевропейского политико-правового наследия воспри-

нималась на отечественной почве весьма оппозиционно, особенно со стороны православной ветви христианства. Европеизация правового сознания, начавшаяся с петровских времен, и поэтапно впитывавшая в себя идеи западных мыслителей, так и не смогла нивелировать разницу между западным и российским правопониманием. Этот факт ничуть не умаляет того огромного влияния западной философской мысли, которым вдохновлялись отечественные мыслители разных периодов. Особенное значение для России имело взаимодействие российской философии с трудами немецких теоретиков. Их правовые концепции, ставшие классической основой правоведения, послужили для русской философской мысли толчком к развитию множества национальных научно-философских правовых течений. Более того, не будет преувеличением сказать, что вся отечественная философия права, так долго искавшая свою дорогу в постижении нравственно-правовых идеалов, во многом построена на заимствованиях из немецкой философии. При этом, рецепция западных тенденций осуществлялась через призму национально-самобытных особенностей России, с приложением их на почву культурно-исторических особенностей русского менталитета и миропонимания [13].

Мы вкратце рассмотрим основные вехи развития русской правовой мысли, выделив три основных этапа: Средневековье, эпоха Просвещения и XIX – начало XX вв. В Средние века правопонимание формировалось в сугубо православной парадигме и выражалось преимущественно в поучительно-молельной форме со стороны служителей церкви и образованных граждан. Среди документально оформленных воззрений, так скажем, правового толка того времени наиболее известны: «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати», среди светских источников – «Русская правда». Уже в этих летописях активно разрабатываются проблемы нравственности, религиозности, правды,

долга, и, кроме того, вопросы, связанные со справедливостью и законностью власти. Сложно назвать эти летописи философскими трудами, скорее – разрозненные предпосылки к становлению российской философии права.

По-настоящему глубокая разработка концепций права и государственности начинается в период правления Петра I, когда под влиянием секуляризации и реформации, философия обособляется в самостоятельную область научного знания. Начиная с этого времени, в Россию проникают учения западноевропейских мыслителей, Пуфендорфа, Монтескье, Гоббса и др. На их идеях формируются российские философско-правовые течения, связанные с именами В.Н. Татищева, Я.П. Козельского, В.Т. Золотницкого, С.Е. Десницкого и мн. др.

Уже во второй половине XVIII века естественно-правовая концепция западного права получает свое распространение в отечественных философских кругах и отражается в политике просвещенного абсолютизма. Основные темы, которые поднимаются в теориях либерально настроенного дворянства – ограничение самодержавия и защита прав человека. Естественно-правовая концепция активно обсуждается в российской философии весь XIX век, подвергаясь то критике и оспариванию, то вновь возрождаясь, как это и произошло к началу XX века, когда адепты естественного права – П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин, Н.А. Бердяев и др. – активно выступали за априорность идеального мироустройства. Главная тенденция философско-правовой мысли просветительского этапа – нравственно-религиозное опосредование правовых принципов [8].

XIX век стал весьма плодотворным периодом в деле подъема и укрепления правосознания. На повестку активно выносятся вопросы реформации государственного устройства, отмены крепостного права, построения общества, в котором личные права и интересы граждан сошлись в едином движении с государственными интересами. Именно в этот период развивается огромное разнообразие правовых концепций са-

мых противоречивых и радикальных направлений. Либерально-консервативное направление в философии права прочно связано с теориями М.М. Сперанского, ратовавшего за слияние российского абсолютизма с идеями западного демократического направления. Сперанский пытался продвигать идею так называемого социального христианства, в которой объединялись политико-правовые основы западноевропейского толка с нравственно-религиозными традициями России. Мыслитель призывал к созданию нравственного законодательства, которое обеспечит условия для правопорядка в государстве и осуществления гражданских прав при абсолютном соблюдении законов [4].

Радикальные идеи политико-правового направления развиваются в среде декабристов в свете происходящих в Европе буржуазных революций. Отметим, что и среди декабристов не всегда наблюдалось единство взглядов: так, П.И. Пестель выступает за распространение в России ключевых европейских принципов – суверенитета, верховенства права, гражданской свободы и разделение властей; Н.М. Муравьев остается на позициях приверженца конституционной монархии.

Идея слияния социалистической идеологии с европейской буржуазно-правовой нормативностью рассматривается в кругу радикально настроенных демократов: В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.П. Огарева, А.И. Герцена. Одновременно в России набирают активность революционно-народнические течения с их правовым нигилизмом, и близкая им по сути русская версия марксизма под руководящим участием В.И. Ленина [8].

Параллельно с этим в социально-философском дискурсе формируется тема поиска Русской идеи. К середине XIX века становится очевидным существенный отрыв российского государства от прогрессивной Европы, что в значительной мере касалось и политико-правовой сферы. Пути преодоления этого разрыва выделялись отдельным представителям русской философской



школы в диаметрально противоположных направлениях: так возникает спор между западниками и славянофилами. Западники выступали за рецепцию западноевропейских правовых традиций и их адаптацию в пространстве русского правоприменения. Западники прямо указывали на негативные стороны российской действительности; глубокое отставание России от процветающей Европы они видели в доминировании религиозных институтов и монархизме. При этом они в слепом поклонении западным образцам, не давали объективных оценок негативным проявлениям западных устоев: излишнему рационализму, культу материальных ценностей, пренебрежению к духовно-нравственным аспектам бытия.

Славянофилы стали выразителями идеи уникальности русского менталитета, основанного на духовных началах православия, где общее благо представляется, как отражение наиндивидуальных нравственных ценностей, таких как справедливость, правда, милосердие. Вся концепция славянофильской идеологии строилась вокруг понятия «соборность», как главного свойства русского миропонимания. В качестве наилучшей формы правления для русского государства славянофилы видели монархию. Буржуазную западноевропейскую идеологию славянофилы считали разрушительной и духовно порабощающей для русского человека [2].

При столь выраженном идейном противостоянии, у западников и славянофилов было одно объединяющее обстоятельство – выраженный патриотизм и стремление выработать наилучшую и приемлемую для России модель государственного устройства, ведущую к процветанию отечества.

Дальнейшее развитие правовых идей в России связано с влиянием позитивистских идей, которые в отличие от естественно-правовых концепций, трактовали право, как свод общеобязательных социально-правовых норм, отражающих требования государства и реализующихся путем принудительного исполнения. Среди сторонников

русского позитивизма наиболее известны Г.Ф. Шершеневич, Н.М. Коркунов, В.Д. Катков, а также Л.И. Петражицкий, рассматривающий правовые аспекты общественного устройства в контексте их психологической обусловленности [4].

На рубеже XIX–XX вв. отечественная философия права испытала огромное влияние религиозно-философских воззрений В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, обсуждающих проблемы соотношения права и государства с нравственными аспектами бытия.

Формат представленного исследования, не позволяет нам дать более развернутый анализ эволюции правовых идей в отечественном философском дискурсе, хотя очевидно, что данная проблематика неисчерпаема в своем осмыслении и актуальна в свете сегодняшних реалий. Тем не менее, даже в рамках представленного обзора, мы можем составить представление об основных концептуальных направлениях философско-правовой мысли в России. Специфика российских воззрений на политико-правовое мироустройство связана, прежде всего, с взаимовлиянием права и морали, их единстве и взаимозависимости. Традиции русской правовой мысли базируются на особенностях русского менталитета, сформированного на заветах христианской этики, тесно скрепленным с понятиями соборности, божественной справедливости и апеллирующего прежде всего к душе человека. В существующих сегодня глобальных противоречиях и конфликтах, России необходимо сохранить цивилизационную идентичность страны, которая выступает ключевым фактором в системе национальной безопасности, – как отмечает Э.С. Абдулаева в своей работе «Национальная безопасность России в контексте цивилизационных противоречий» [1].

Выводы. Эволюция философско-правовых учений о государстве и праве представляет собой огромный конгломерат идей, концепций, учений, прошедших долгий путь своего развития. На разных исторических этапах и при различных государственных режимах, от Антично-



сти до Новейшего времени формировалась идея правового государства в трудах теоретиков Запада и России. Краеугольным камнем правовой науки традиционно считается интеллектуальное наследие западноевропейской мысли, положившее начало как теоретическим разработкам, так и практической реализации идеи правового государства.

Основываясь на традициях католицизма и протестантизма, западная философия интерпретирует право, как выразителя частных интересов личности (его естественным правам) с их доминированием относительно публичных интересов государства. Основная идея в понятии правового государства западными теоретиками – свобода человека от произвола власти.

Сопоставление же правовых культур Запада и России, свидетельствует о своеобразии и самобытности русского пути в поисках модели идеального правового государства. При всем огромном и неоспоримом влиянии западной философской мысли на становление русской правовой науки, отечественная политико-правовая ориентация отличается системоцентричностью, исходящей из понимания права, как проявления божьей благодати, справедливости высшего порядка. В следствие этого, русская философско-правовая мысль развивалась по специфическим законам так называемой философии ценностей, где слились воедино бытие, вера и нравственность. Последняя, в свою очередь, является детерминантой духовного обновления человека и общества, стремящихся к построению идеального миропорядка.

Литература

1. Абдулаева Э.С. Национальная безопасность России в контексте цивилизационных противоречий // В сборнике: ежегодная итоговая научно-практическая конференция научно-педагогических работников. Сборник материалов конференции. Грозный, 2023. С. 488–494.
2. Альбов А.П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой фи-

лософии права: Теоретико-правовой анализ: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 1999. –379 с.

3. Батиев Л.В. Закон, справедливость и право в европейской философии (от античности до Нового времени) // Вестник МГОУ. Электронный журнал. – 2013. – № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21206573> (дата обращения: 16.11.2022).
4. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / [Соч.] Проф. М.Ф. Владимирского-Буданова. – 4-е изд., с доп. – Санкт-Петербург; Киев: Н.Я. Оглоблин, 1905 (Киев). –712 с.
5. Гаджиев Г.А. Онтология права. М.: Норма; Инфра-М, 2013. 320 с.
6. Гегель Г. В.Ф. Философия права. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 362 с.
7. Деханов С. А., Деханова Н.Г. Эволюция научных воззрений о правом и социальном государстве // Социально-политические науки. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-nauchnyh-vozzreniy-o-pravovom-i-sotsialnom-gosudarstve> (дата обращения: 18.11.2022).
8. Емельянов Б. В., Лицук А.А., Русаков В.М. Русская философия права: становление, взаимодействия, особенности // Антиномии. 2008. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-filosofiya-prava-stanovlenie-vzaimodeystviya-osobennosti> (дата обращения: 19.11.2022).
9. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб., 1875. Ч. 1. – 309 с.
10. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 61–106.
11. Лафитский В.И. Воскресение права. Ч. 1. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2008. 511 с.
12. Локк Дж. Сочинения: [Текст]: в 3 т. / [ред. и примеч.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин; пер. с англ. А.Н. Савина]. – Москва: Мысль, 1985–1988. –21 см. – (Филос. наследие. ФН).



13. Нерсесянц В.С. Философия права [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.С. Нерсесянц; Ин-т государства и права Российской акад. наук, Академический правовой ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – XII, 835 с/
14. Осипов И.Д. Идея правового государства в европейской философии // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-pravovogo-gosudarstva-v-evropeyskoj-filosofii> (дата обращения: 10.11.2022).
15. Платон. Государство. Законы. Политик. – М., 1998. – 798 с.
16. Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли [Текст] / В.И. Спиридонова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 186 с.

TRANSFORMATION OF IDEAS ABOUT LAW AND THE STATE IN WESTERN EUROPEAN AND RUSSIAN SOCIO-PHILOSOPHICAL THOUGHT

Khubiev B.B., Kumykov A.M., Kesaeva R.E., Dagaev R.R.
Kadyrov Chechen State University

The article provides a historical analysis of political and legal concepts in Western and Russian philosophical thought. The main trends in the development of Western European views on the state and law are identified, their influence on the formation of political and legal concepts in Russian philosophy is determined.

The research methodology was based on dialectical cognition, analysis, synthesis, analogy. The analysis of the key concepts of state and law in their historical retrospect from antiquity to the present day is presented. A comparative analysis of political and legal doctrines in Western and Russian socio-philosophical thought is given. Special attention is paid to the specifics of the formation of Russian traditions of legal understanding, mediated by two multidirectional factors: the reception of Western European conceptual heritage and the influence of Byzantium, which interprets law as a form of spiritual unity of people standing above a person. The presented review reflects all the multi-aspect and ambiguity of the phenomenon under study.

Keywords: rule of law, social philosophy, history, politics.

References

1. Abdulayeva E.S. National security of Russia in the context of civilizational contradictions // In the collection: the annual final scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers. Collection of conference materials. Grozny, 2023. pp. 488–494.
2. Albov A.P. Moral and legal problems in the Russian and German philosophy of Law: Theoretical and legal analysis: dissertation... Doctors of Law: 12.00.01. – St. Petersburg, 1999. –379 p.
3. Batiev L.V. Law, justice and law in European philosophy (from antiquity to Modern times) // Bulletin of Moscow State University. Electronic journal. – 2013. – No. 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21206573> (date of address: 11/16/2022).
4. Vladimirsky-Budanov, M.F. Review of the history of Russian law / [Op.] Prof. M.F. Vladimirsky-Budanov. – 4th ed., with an addendum – St. Petersburg; Kiev: N. Ya. Ogloblin, 1905 (Kiev). –712 p.
5. Gadzhiev G.A. Ontology of law. M.: Norm; Infra-M, 2013. 320 p.
6. Hegel G. V.F. Philosophy of law. M.; L.: Sotsekgiz, 1934. 362 p.
7. Dekhanov S. A., Dekhanova N.G. Evolution of scientific views on the legal and social state // Socio-political sciences. 2018. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-nauchnyh-vozzreniy-opravovom-i-sotsialnom-gosudarstve> (date of reference: 11/18/2022).
8. Emelyanov B. V., Litsuk A.A., Rusakov V.M. Russian philosophy of law: formation, interactions, features // Antinomies. 2008. No.8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-filosofiya-pravostanovlenie-vzaimodeystviya-osobnosti> (accessed: 19.11.2022).
9. Iering R. The spirit of Roman law at various stages of its development. – St. Petersburg, 1875. Part 1. – 309 p.
10. Kant I. About the saying “Maybe this is true in theory, but it is not suitable for practice” // Op.: in 6 vols. 4. Part 2. M.: Thought, 1965. pp. 61–106.
11. Lafitskiy V.I. Resurrection of Law. Part 1. M.: Publishing house of M. Yu. Tikhomirov, 2008. 511 p.
12. Locke J. Essays: [Text]: in 3 vols. / [ed. and note: I.S. Narsky, A.L. Subbotin; translated



- from the English by A.N. Savin]. – Moscow: Mysl, 1985–1988. –21 cm. – (Philos. heritage. FN).
13. Nersesyants V.S. Philosophy of Law [Text]: textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty “Jurisprudence” / V.S. Nersesyants; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academic Legal University –2nd ed., reprint. and add. –Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. – XII, 835 s/
 14. Osipov I.D. The idea of the rule of law in European philosophy // Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology. 2013. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-pravovogo-gosudarstva-v-evropeyskoy-filosofii> (date of application: 10.11.2022).
 15. Plato. State. Laws. Politician. – M., 1998. – 798 p.
 16. Spiridonova V.I. Evolution of the idea of the state in Western and Russian sociophilosophical thought [Text] / V.I. Spiridonova; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. – M.: IF RAS, 2008. – 186 p.

Феномен искусственного интеллекта: история возникновения и развития

Миндигулова Арина Александровна,

старший преподаватель кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет»
E-mail: mindigulova@corp.nstu.ru

Целью данного материала является краткий обзор истории возникновения и развития искусственного интеллекта (ИИ) – феномена, активно внедряющегося сегодня практически во все сферы жизни современного общества. В работе фиксируются ключевые факты эволюции технологий ИИ, а именно, первые попытки заложить основы современных технологий ИИ, например, работы Аристотеля и Платона, «машина» Р. Луллия, идеи Г. Лейбница, аналитическая машина Ч. Бэббиджа, работы Д. Буля и А. де Моргана, а также труды Г. Фреге. Также приведён обзор фактов развития ИИ, соответствующих XX и XXI векам. Среди прочего, речь идёт об идеях У.С. Маккаллаха и У.Х. Питтс-младшего, Д. Мински и М. Маккарти, об известнейшем эксперименте Тьюринга и гипотезе Ньюэлла-Саймона, и об одном из последних и крайне резонансных достижений технологий ИИ – ChatGPT. Кроме того обсуждаются некоторые этические принципы регулирования использования технологий ИИ.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, ИИ, интеллект, междисциплинарность, ChatGPT.

Введение

Последние десятилетия стали временем массового внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в нашу повседневную жизнь, будь то образование или наука, медицина или производство товаров и т.д. Ошибочным будет считать, что технологии ИИ являются прерогативой XX–XXI веков. Технологии, которые сейчас известны в обществе под названием ИИ, прошли долгий исторический путь от первых попыток рассуждений о них Сократа, Демокрита и Платона до современных новейших комплексов сложных установок. Данная статья будет попыткой сделать контурный набросок траектории исторического развития понятия ИИ со времен первых попыток создания «машин» до возникновения такого нашумевшего феномена последних лет как ChatGPT. За рамками данного обзора остаются технические особенности реализации технологий ИИ, поскольку авторская цель состоит именно в фиксации ключевых исторических событий в рамках рассматриваемой тематики. Кроме того статья содержит обсуждение некоторых аспектов основных принципов этического регулирования использования технологий ИИ в настоящее время.

История понятия ИИ

Несмотря на кажущуюся «современность» и техническую сложность технологий ИИ началом истории последних можно считать древнегреческий Логос, берущий своё начало в античной философии. Понятие Логоса означает связь речи и рассуждения, слова и мысли. В работах Аристотеля встречаются упоминания о некоей науке, рассуждающей о механизмах мышления. И мышление это, в конечном итоге, должно привести к обретению подлинного знания.

Как известно, формальная логика носит название аристотелевской. Главным ее достижением считается силлогистическая теория, развертывающаяся как

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С23–23.



дедуктивно-аксиоматическая система, превосходящая по своей строгости даже математические теории того времени. [1]. В известной работе Аристотеля «Логика» развитие получает тезис о том, что в основу знания положено изучение мысли.

Главные составляющие разума также обсуждаются в «Диалогах» Платона. Так, в «Федоне» Платон отказывается от идеи того, что разум – это лишь настройщик частей тела. Разум у Платона получает своё воплощение в бессмертной душе. Ключевые черты последней заключаются в нематериальности и отделении от тела.

Первую известную попытку разработки именно механизма, который совершал бы попытки моделирования мыслительного процесса человека относят к XIII веку. И принято её связывать с именем Раймунда Луллия. Он является автором устройства, состоящего из системы вращающихся кругов. Каждый из кругов делился на секторы разного цвета с записанными на них буквами латинского алфавита. Круги соединяли друг с другом и приводили во вращение. В результате чего получались различные сочетания цветов и символов. Такие сочетания назывались «формулой истины». Говоря современным языком, машина Луллия – это, своего рода, экспертная система, включающая в себя базу знаний, а также устройства ввода и вывода информации [2].

Следующая веха в развитии ИИ связана с именем Готфрида Лейбница. Наиболее существенное влияние на методологию, так называемых, компьютерных наук в целом, и становление ИИ, в частности, оказали следующие идеи Лейбница: 1) идея создания универсального языка науки и формализации знания; 2) идея логического исчисления; 3) идея и техническая реализация механического моделирования логических операций мышления при помощи вычислительной машины [3].

Нельзя не упомянуть и о Чарльзе Бэббедже, английском исследователе XIX века. Он воплотил в жизнь идею о том, что практически любые идеи можно механизировать. Он придумал

то, что сейчас известно как «аналитическая» машина – своеобразный прообраз современного калькулятора. Данный проект уже тогда стал предвестником и самих устройств, и, что крайне важно, самой логической архитектуры современных быстродействующих вычислительных машин.

Говоря о математических и логических основах ИИ стоит вспомнить работы XIX века Джорджа Буля и Огастеса де Моргана. Логика именно тогда приобрела свой характерный символический научный язык и правила обращения с его высказываниями. Благодаря последующим работам Буля «Математический анализ логики» [4] и «Исследование законов мысли» [5] произошел значительный прогресс в становлении и развитии логики.

Готлоб Фреге в своём труде «Основы арифметики» [6] создал ясный и точный язык спецификации для описания основ арифметики. С помощью этого языка Фреге формализовал многие вопросы, затронутые ранее Аристотелем. Предполагалось, что такая формальная система станет языком для описания математики и ее философских основ. [7].

Как становится понятно уже на данном этапе исследования, не смотря на всю, казалось бы, сложность технологий ИИ, попытки теоретических исследований или же практических реализаций в данной области начались достаточно давно. Однако именно в начале XX века понятие ИИ начало фигурировать в науке уже в более привычном нам смысле. Начало было положено с изобретением цифрового компьютера в 1940-х гг. Уорену С. Маккалаху и Уолтеру Гарри Питтсу-младшему в литературе часто приписывают первые исследования в области искусственного интеллекта [8, 9]. Однако родоначальниками понятия ИИ корректнее считать всё-таки Марвина Мински и Джона Маккарти. В 1950-х годах именно они выдвинули следующий тезис: «проблема ИИ обычно рассматривается так: необходимо заставить машину вести себя таким образом, как если бы человек вел себя так, то он был бы назван разумным» [10].



Стоит упомянуть о некоторых экспериментальных попытках прояснить степень разумности систем на основе ИИ, а именно тесте Тьюринга, гипотезе Ньюэлла-Саймона и их своеобразном оппоненте – «Китайской комнате», мысленном эксперименте американского философа Джона Серля.

Идея теста Тьюринга была предложена английским математиком, логиком и криптографом Аланом Мэтисоном Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум», опубликованной в 1950 году в журнале *Mind* [11]. Вопрос о том, может ли «машина» мыслить стал ключевым в данном материале. Более того, вокруг этого вопроса построен целый раздел философского учения под названием философия ИИ. Он появился спустя некоторое время после идеи, высказанной А. Тьюрингом, и активно обсуждается и дополняется до настоящего момента. Тест Тьюринга стал определённым стандартом для проверки систем ИИ. До 2019 года существовала даже особая премия для программ, прошедших тест Тьюринга, предполагалось, что ее получит тот, кто создаст программу, которая пройдет это испытание либо в стандартной форме, либо с использованием визуального, звукового или текстового подтверждения. Суть теста Тьюринга заключается в следующем: участник эксперимента разговаривает с собеседником, находящимся вне его поля зрения. А затем отвечает на вопрос, кем был его собеседник – человеком или неким автоматизированным устройством.

Ещё одной попыткой прояснения критерия разумности искусственных систем можно назвать гипотезу Ньюэлла-Саймона. Также она известна как гипотеза о физической символической системе. Предположение, сформулированное Алленом Ньюэллом и Гербертом Саймоном, гласит, что «физическая символическая система имеет необходимые и достаточные средства для произведения основных интеллектуальных операций» [12]. Другими словами, предполагается, что без символических вычислений невозможно выполнять осмысленные действия, а способность выполнять сим-

вольные вычисления вполне достаточно для того, чтобы стать способным выполнять осмысленные действия. Данная гипотеза, безусловно, была и остаётся уязвимой для критики, однако большая часть исследователей, работающих над созданием систем на основе ИИ, пошли именно по пути создания именно символических систем.

Как уже было сказано выше, и у гипотезы Ньюэлла-Саймона, и у теста Тьюринга в науке было немало оппонентов. В качестве примера можно вспомнить, среди прочего, «Китайскую комнату» американского философа Джона Серля. Этот мысленный эксперимент призван показать разницу между настоящим пониманием и настоящим человеком и грамотным умением им притвориться, что и происходит, по мнению Серля в ходе теста Тьюринга и ему подробных. [13].

Чат-бот ChatGPT, разработанный OpenAI, основан на передовой технологии, известной как «генеративный искусственный интеллект». Эта инновационная технология позволяет создавать уникальный контент на основе больших объемов данных и алгоритмов машинного обучения. На сегодняшний день существует множество подобных инструментов, и ChatGPT является одним из них, но не единственным. Например, ещё одна популярная нейросеть, Midjourney, способна генерировать изображение на основе текстового описания. Однако, особенностью ChatGPT является его высокая виральность¹, что делает его широко распространенным и популярным [14]. ChatGPT посвящено большое количество публикаций, в которых фиксируются неоднозначные мнения относительно использования последнего, порой противоположные умозаключения. Среди прочего, существуют мнения о том, что именно ChatGPT способен стать тем инструментом, которому в будущем будет отведена роль моста между эпизодическими применениями

¹ Под виральностью, в общем случае, понимается характеристика контента, которая определяет, с какой вероятностью читатели захотят поделиться публикацией.



технологий ИИ и их полноценным внедрением в нашу жизнь [15].

В рамках данной публикации представляется возможным также охарактеризовать понятие этики ИИ. В данном случае речь будет идти о так называемой прикладной этике. Широкое внедрение технологий поставило перед обществом множество вопросов как о том, какое поведение ИИ стоит называть этическим, так и о том, применимо ли в принципе понятие этики к технологиям ИИ. В целом, фиксируются следующие позиции: во-первых, наблюдается рост количества документов, описывающих и нормирующих основные принципы этики ИИ. Но даже те из них, которые можно отнести к нормирующим, по большей части носят рекомендательный характер. Во-вторых, наблюдается недостаток предметно ориентированных специалистов в области прикладной этики. Попытка фиксации норм этики людьми, не имеющими непосредственного отношения к сфере, в рамках которой используются искомые технологии ИИ, способно привести к созданию, формально пусть и нормативной базы, но не обязательной к исполнению в условиях реального использования технологий ИИ. [16].

Обсуждение результатов

Всё вышеизложенное даёт нам возможность тезисно зафиксировать основные этапы развития технологий ИИ, а также некоторые исследовательские позиции, касающиеся последних.

1. Рассуждения о механизмах мышления и обретения подлинного знания.
2. Появление первых «машин», с возможностью демонстрации использования прообраза системы, известной сегодня как база знаний.
3. Сопутствующие исследования в рамках логики. Логические операции, в числе прочего, являются важной частью технологий ИИ.
4. Создание формальной системы необходимой для так называемой теории представления технологий ИИ.
5. Появление первых полноценных исследований в области ИИ. При этом понятие ИИ начинает употребляться

уже в традиционном для современного общества смысле.

6. Изобретение цифрового компьютера, а также выдвигание известного тезиса Д. Мински и М. Маккарти относительно содержания понятия ИИ.
7. Тест, предложенный А. Тьюрингом, своего рода, стандарт для проверки систем ИИ.
8. Гипотеза о физической символической системе Ньюэлла-Саймона.
9. Выступающий своеобразным противником двум предыдущим исследователям мысленный эксперимент «Китайская комната» Джона Серля.
10. Активное развитие генеративных, то есть способных создавать новый контент на основе имеющихся баз знаний, систем ИИ. В последние годы наибольший резонанс вызвало появление и масштабное распространение ChatGPT.
11. В условиях массовой цифровизации и следующим за ней активным внедрением технологий ИИ во всех сферах жизни общества всё более необходимым становится этическое регулирование применения подобных технологий.

Заключение

С момента официального вхождения в общеупотребимый обиход понятия ИИ, его технологии колоссальным образом расширили границы своей применимости и претерпели немало изменений. Беря своё начало в трудах философов Античной эпохи, пройдя через попытки построения первых «Машин», различные эксперименты и все те сложности, которые возникли на этом долгом пути, технологии ИИ становятся полноправными участниками жизни современного общества. Более того, этот путь становления до сих пор не окончен. Технологии видоизменяются, приобретают всё новые способы и методы своей реализации, меняется отношение людей к ним, обсуждаются вопросы этического регулирования использования технологий ИИ. Очевидно, что список достижений и технологий не исчерпывается приведённым в данном материале перечнем



и перечень этот, безусловно, будет продолжен. С уверенностью можно сказать, что человечеству ещё предстоит стать свидетелем большого количества открытий в сфере технологий ИИ.

Литература

1. В.И. Антоненко Искусственный интеллект как социальный феномен / В.И. Антоненко, А.В. Панявин // Социально-гуманитарные технологии. – 2018. – № 4(8). – С. 3–9.
2. Л.Н. Ясницкий Интеллектуальные системы. – М.: Лаборатория знаний, 2016. – 221 с.
3. Н.Ю. Ключева Влияние идеи г. Лейбница на развитие компьютерных наук и исследования в области искусственного интеллекта. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, № 4, 2017, с. 79–92.
4. G. Boole The Mathematical Analysis of Logic. Being an Essay Towards a Calculus of Deductive Reasoning. 1847.
5. G. Boole An Investigation of the Laws of Thought. On which are founded the mathematical theories of logic and probabilities. 1854.
6. Untersuchung über den Begriff der Zahl VON Dr. G. FREGE a.o. Professor an der Universität Jena Breslau Verlag von Wilhelm Koebner. Die Grundlagen der Arithmetik eine logisch mathematische 1884.
7. Д.Ф. Люгер Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем. Вильямс, 2005.
8. W. McCulloch, W. Pitts A logical calculus of the idea immanent in nervous activity. Bulletin of Mathematical Biology, 5, 115–133. 1943. <https://doi.org/10.1007/BF02478259>
9. W. McCulloch, W. Pitts How we know universals the perception of auditory and visual forms. The Bulletin of mathematical biophysics, 9, 127–47. 1947.
10. J. McCarthy, M.L. Minsky, N. Rochester, C.E. Shannon A proposal for the dartmouth summer research project on artificial intelligence. USA: Dartmouth. 1955.
11. A. Turing Computing machinery and intelligence (англ.) // Mind: журнал. – Oxford: Oxford University Press, 1950. – No. 59. – P. 433–460.
12. H.A. Simon, & A. Newell (1971). Human problem solving: The state of the theory in 1970. American Psychologist, 26(2), 145–159.
13. J. Searle Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M (ed.) Oxford. 1990.
14. <https://www.forbes.ru/tehnologii/486215-programmisty-vizionery-i-genii-biznesa-kto-pridumal-chatgpt-i-kuda-oni-ego-vedut> (дата обращения 03.09.2023)
15. Р.А. Есенин. Психологические вызовы цифровой реальности: искусственный интеллект сегодня и в перспективе // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. № 2 (53).
16. А.А. Миндигулова/ Этика и искусственный интеллект: проблемы и противоречия / А.А. Миндигулова // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2022. – № 3. – С. 146–150.

THE PHENOMENON OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: HISTORY OF ORIGIN AND DEVELOPMENT

Mindigulova A.A.

Novosibirsk State Technical University

The purpose of this material is a brief overview of the history of the emergence and development of artificial intelligence (AI) – a phenomenon that is actively being implemented today in almost all spheres of modern society. The paper records the key facts of the evolution of AI technologies, namely, the first attempts to lay the foundations of modern AI technologies, for example, the works of Aristotle and Plato, the “machine” of R. Lull, the ideas of G. Leibniz, the analytical machine of C. Babbage, the works of D. Buhl and A. de Morgan, as well as the works of G. Frege. An overview of the facts of the development of AI and corresponding to the XX and XXI centuries is also given. Among other things, we are talking about the ideas of W.S. McCulloch and W.H. Pitts, Jr., D. Minsky and M. McCarthy, about the famous Turing experiment and the Newell-Simon hypothesis, and about one of the latest and extremely resonant achievements of AI technologies – ChatGPT. In addition, some



ethical principles of regulating the use of AI technologies are discussed.

Keywords: Artificial Intelligence, AI, intelligence, interdisciplinarity, ChatGPT.

References

1. V.I. Antonenko Artificial intelligence as a social phenomenon / V.I. Antonenko, A.V. Panyavin // *Socio-humanitarian technologies*. – 2018. – № 4(8). – С. 3–9.
2. L.N. Yasniitsky *Intellectual Systems*. – Moscow: Laboratory of Knowledge, 2016. – 221 с.
3. N.Y. Klyueva Influence of Leibniz's idea on the development of computer science and research in the field of artificial intelligence. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, No. 4, 2017, pp. 79–92.
4. G. Boole *The Mathematical Analysis of Logic. Being an Essay Towards a Calculus of Deductive Reasoning*. 1847.
5. G. Boole *An Investigation of the Laws of Thought. On which are founded the mathematical theories of logic and probabilities*. 1854.
6. *Untersuchung über den Begriff der Zahl VON Dr. G. FREGE a.o. Professor an der Universität Jena Breslau Verlag von Wilhelm Koebner. Die Grundlagen der Arithmetik eine logisch mathematische* 1884.
7. D.F. Luger *Artificial Intelligence. Strategies and methods for solving complex problems*. Williams, 2005.
8. W. McCulloch, W. Pitts A logical calculus of the idea immanent in nervous activity. *Bulletin of Mathematical Biology*, 5, 115–133. 1943. [https:// doi. org/ 10. 1007/ BF02478259](https://doi.org/10.1007/BF02478259)
9. W. McCulloch, W. Pitts How we know universals the perception of auditory and visual forms. *The Bulletin of mathematical biophysics*, 9, 127–47. 1947.
10. J. McCarthy, M.L. Minsky, N. Rochester, C.E. Shannon A proposal for the dartmouth summer research project on artificial intelligence. USA: Dartmouth. 1955.
11. A. Turing *Computing machinery and intelligence* // *Mind: journal*. – Oxford: Oxford University Press, 1950. – No. 59. – P. 433–460.
12. H.A. Simon, & A. Newell (1971). Human problem solving: The state of the theory in 1970. *American Psychologist*, 26(2), 145–159.
13. J. Searle *Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence* / Boden M (ed.) Oxford. 1990.
14. <https://www.forbes.ru/tekhnologii/486215-programmisty-vizionery-i-genii-biznesa-kto-pridumal-chatgpt-i-kuda-oni-ego-vedut> (accessed on 03.09.2023).
15. R.A. Esenin. Psychological implications of digital reality: artificial intelligence today and in the perspective // *Vocational Education and Labor Market*. 2023. № 2 (53).
16. A.A. Mindigulova. Ethics and Artificial Intelligence: problems and contradictions / A.A. Mindigulova // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. – 2022. – No. 3. – pp. 146–150.



Представление о суициде в трудах философов XIX века

Михайлова Александра Олеговна,

аспирант, ассистент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: miron_121@bk.ru

Философские исследования, как и религиозные представления, в системе прикладных исследований продолжали и продолжают сегодня играть немалую роль, определяя, в частности, направление и характер современных социально-философских теорий. Часто это влияние не просматривается как очевидный обуславливающий фактор, находится в некотором подтексте научных исследований. Для построения наиболее полной теоретической модели необходимо рассматривать сложные взаимосвязи между религией, философией и социальными направлениями в области исследования явления самоубийства.

В данной статье мы уделяем внимание исследованиям самоубийства философов и социологов XIX века. Э. Дюркгейм один из первых сделал публикации по суициду в своей работе «Самоубийство» и выделил главные факторы его возникновения: категории, группы людей, страна, регион, время суток и время года. А. Шопенгауэр разделяет самоубийц на два типа. Первый тип – люди, находящиеся во внутреннем, психофизиологическом или конституциональном состояниях, второй тип – эмоциональное и поведенческое состояние. С. Кьеркегор утверждал, что суицид – это абсурдная смерть, вызванная страхом.

Ключевые слова: суицид, философское исследование, социологическое исследование, факторы суицида, типы самоубийц.

В XIX веке начинается изменение темпа развития общества и направлений в философии и искусстве.

Определяющими для европейского общества становятся вопросы:

- смысла жизни;
- ценности жизни;
- дозволенности самоубийства;
- обоснованности самоубийства;
- оправданности самоубийства.

Первые научные исследования по суициду опубликовал французский социолог и философ Эмиль Дюркгейм. Его, по сути, программное систематическое исследование по вопросу суицида было представлено в 1897 году под названием «Самоубийство». [3, с. 151] Традиционные исследования по суициду уже тогда обязательно включали в себя метод статистического анализа и его данные были необходимы для подтверждения выдвигающихся предположений. Особенность труда Дюркгейма состояла в социологическом подходе. Главными факторами самоубийства, по мнению социолога, выступали социальные, такие как категории, группы людей, страна, регион, время суток и время года. [3, с. 112] Впоследствии другие ученые ссылались на Дюркгейма и представленные им факторы.

Одним из направлений в философии является иррационализм. Философы данного направления с особым интересом изучали феномен суицида. [2, с. 23] Например, немецкий философ и родоначальник иррационализма Артур Шопенгауэр задавался вопросами о причинах самоубийства на протяжении всей жизни, исходя из личной истории. Он изучает философию такого феномена, как «воля» и относит ее к биологическому аспекту. [17, с. 97] На биологическом уровне у любого человека есть воля к жизни, а в живой или не живой природе, он выбирает сам. Со стороны этики он осуждает суицидента и считает его слабым. Человек с интеллектом, по-

знанием и стремлением к жизни не имеет права себя ее лишать. Шопенгауэр оценивает такого человека как безвольного, слабого, не имеющего целей и сравнивает его с игроком, не умеющим проигрывать. [1, с. 52] Он отмечает, что у кого есть признаки суицидального поведения, имеют особый тип характера. «Если об руку с врожденным «тяжелым нравом» идет болезненное поражение нервной системы или пищеварительных органов, то она может достигнуть столь значительной степени, что постоянное недовольство породит отвращение к жизни с последующей склонностью к самоубийству». [7, с. 85] Философ утверждает, что у человека такого типа характера причинами для самоубийства могут стать незначительные проблемы, а если степень психологического расстройства более сильная, то такие причины и вовсе не нужны.

Артур Шопенгауэр приводит в пример французского психиатра Жан-Этьена Доминика Эскироля, который писал о душевных болезнях в своих сочинениях и описывал подобные состояния. По мнению этих ученых, такие состояния настигают человека, который находится под постоянным контролем, а как только он остается наедине с собой, то ему приходит мысль о самоубийстве: «чтобы без колебаний, борьбы и содрогания прибегнуть к выходу, который представляется ему естественным и желанным избавлением». [5, с. 43] Древнегреческим философом Платоном был назван новый тип характера человека «eucolos», что с латинского переводится как «легкий нрав». Такие люди не расположены к меланхоличному и пессимистичному состояниям. Однако, они так же способны к самоубийству, если произойдет что-то непоправимое, заставившее страдать и не нашедшее другой выход.

Немецкий философ Шопенгауэр разделял на два типа всех самоубийц. К первому типу относятся люди, которые находятся в положении страха и в конфликте со своим окружением. В этом типе существует три основных состояния человека: внутреннее, психофизиологическое, конституциональное. Второй тип

так же включает в себя людей, находящихся в сложных ситуациях конфликта и страха, а определяющими состояниями становятся эмоциональное и поведенческое. Философ утверждал, что люди обоих типов идут на суицид осознанно и нигде не упоминал о бессознательном выборе самоубийцы. [6, с. 151]

Сёрен Кьеркегор, датский философ и теолог XIX века, представитель иррационализма и экзистенциализма рассматривал вопросы жизни, смерти и веры со стороны здравого смысла и понимания для чего человек живет, добровольно уходит из жизни и верит. Его подход в изучении психологического состояния человека очень похож на рассуждения Артура Шопенгауэра. [9, с. 12] Как и немецкий коллега, Кьеркегор утверждал, что психологический портрет строится через отчаяние, страх и досаду, то есть негативное состояние. Упомянув древнегреческого философа Сократа, он говорил о вечности человеческой души и что нет такого отчаяния, способного ее уничтожить. К отчаявшемуся и решившемуся на самоубийство приходит «смертельная болезнь», которую не излечит физическая смерть. Сёрен Кьеркегор был христианином и считал, что суицид – это абсурдная смерть, вызванная страхом. [16, с. 37] Страх является составляющей человеческого бытия и служит эмоцией его переживания. Страх порождает отчаяние, и если первая эмоция происходит в отношениях с другими людьми, то отчаяние является личной трагедией внутри человека.

Литература

1. Ильченко К.В. Эвтаназия и суицид. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. 135с.
2. Полотовская И.Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир: историко-культурологическое развитие проблематики с древнейших времен до наших дней. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 327с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с франц. А. Ильинского. Москва: АСТ, 2019. 510с.



4. Поорда А. Мое самоубийство / пер. с франц. Philibert's. Москва: Forthcoming fire, 2019. 59с.
5. Choron Jacques. Suicide: An incisive look at self-destruction. New York: Scribner, 1972. 182с.
6. Брайан К. Дж. Когнитивно-поведенческая терапия для предотвращения суицида / пер. с англ. Ю. Максименко. СПб.: Диалектика, 2021. 464с.
7. Гизатулина А.А. Логика самоубийства. Челябинск: ЧГУ, 2017. 257с.
8. Jukkala T. Suicide in Russia. Uppsala: Acta Universitatis upsaliensis, 2013. 78с.
9. Исаев Д.С. Психология суицидального поведения. Самара: Составление, 2000. 38с.
10. Казанская В.Г. Подросток. Трудности взросления. СПб: Питер, 2008. 283с.
11. Карелин В.М. Самоубийство в социальном пространстве сельской культуры. Успехи современной науки. 2015. 4с.
12. Павленок П.Д. Социальная работа с лицами и группами девиантного поведения Москва: ИНФРА-М, 2014. 185с.
13. Попов Ю.В. Суицидальное поведение у подростков. СПб.: СпецЛит, 2017. 365с.
14. Хорхе Л. Биатанатос. Новые исследования. М.: АСТ, 2015. 320с.
15. Черепанова М.И. Суицидальный риск: Глобальные и региональные проблемы экологии российского человека. СПб.: Нестор-история, 2020. 326с.
16. Александрова Н.В. Профилактика суицидального поведения. Омск: ОГУ, 2020. 115с.
17. Шелехов И.Л. Суицидология. Томск: СГМУ, 2011. 203с.

THE IDEA OF SUICIDE IN THE WORKS OF PHILOSOPHERS OF THE 19TH CENTURY

Mikhaylova A.O.

Stoletovs Vladimir State University

Philosophical research, as well as religious ideas, continued and continue to play a significant

role in the system of applied research today, determining, in particular, the direction and nature of modern socio-philosophical theories. Often this influence is not seen as an obvious conditioning factor, it is in some subtext of scientific research. To build the most complete theoretical model, it is necessary to consider the complex interrelationships between religion, philosophy and social trends in the field of suicide research. In this article we pay attention to the research of suicide by philosophers and sociologists of the XIX century. E. Durkheim was one of the first to publish on suicide in his work "Suicide" and identified the main factors of its occurrence: categories, groups of people, country, region, time of day and time of year. A. Schopenhauer divides suicides into two types. The first type is people who are in internal, psychophysiological or constitutional states, the second type is an emotional and behavioral state. S. Kierkegaard argued that suicide is an absurd death caused by fear.

Keywords: suicide, philosophical research, sociological research, suicide factors, types of suicides.

References

1. Ilchenko K.V. Euthanasia and suicide. St. Petersburg: Pushkin State University, 2018. 135p.
2. Polotovskaya I.L. Death and suicide: Russia and the world: historical and cultural development of problems from ancient times to the present day. St. Petersburg.: Dmitry Bulanin, 2010. 327p.
3. Durkheim E. Suicide / trans. from French. A. Ilyinsky. Moscow: AST, 2019. 510p.
4. Roorda A. My suicide / trans. from French. Philibert's. Moscow: Forthcoming fire, 2019. 59p.
5. Choron Jacques. Suicide: An incisive look at self-destruction. New York: Scribner, 1972. 182p.
6. Brian K.J. Cognitive behavioral therapy for suicide prevention / translated from English by Yu. Maksimenko. St. Petersburg: Dialectics, 2021. 464p.
7. Gizatulina A.A. Logic of suicide. Chelyabinsk: ChSU, 2017. 257p.
8. Jukkala T. Suicide in Russia. Uppsala: Acta Universitatis upsaliensis, 2013. 78p.
9. Isaev D.S. Psychology of suicidal behavior. Samara: Compilation, 2000. 38p.
10. Kazanskaya V.G. Teenager. Difficulties of growing up. St. Petersburg: Peter, 2008. 283p.



11. Karelin V.M. Suicide in the social space of rural culture. The successes of modern science. 2015. 4p.
12. Pavlenok P.D. Social work with persons and groups of deviant behavior Moscow: INFRA-M, 2014. 185p.
13. Popov Yu.V. Suicidal behavior in adolescents. St. Petersburg: SpetsLit, 2017. 365p.
14. Jorge L. Biatanatos. New investigations. M.: AST, 2015. 320p.
15. Cherepanova M.I. Suicidal risk: Global and regional problems of the ecology of Russian man. St. Petersburg: Nestor-history, 2020. 326p.
16. Alexandrova N.V. Prevention of suicidal behavior. Omsk: OSU, 2020. 115p.
17. Shelekhov I.L. Suicidology. Tomsk: SSMU, 2011. 203p.



Влияние цифровизации в образовании на историческое сознание общества

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент
департамента «Психологии и развития
человеческого капитала», Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: left@lsn.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы влияния цифровизации в образовании на историческое сознание общества. Актуальность темы исследования определяется важностью исторического сознания для современной России как фактора сплочения людей на основе великого исторического прошлого, понимания процессов настоящего и формирования вектора будущего развития. Основная цель исследования – выявление роли цифровых технологий в позитивном и негативном влиянии на историческое сознание общества. Сформулированы основные цели цифровизации как инструмента влияния с определением положительных и отрицательных сторон этого процесса. В результате исследования представлены выводы о возможностях, эффективности и ограничениях влияния цифровых технологий на историческое сознание. Обозначены пути дальнейшего изучения проблемы влияния цифровизации на историческую память и сознание общества.

Ключевые слова: цифровизация, образование, историческое сознание, массовое сознание, общество, сознание.

Введение

Цифровизация в образовании предоставляет большие возможности для неограниченного доступа к историческим данным, например документам, архивам, исследованиям, что, несомненно, позволяет глубоко изучать историю, анализировать прошлое, формировать представление о связи ретробытия с настоящим и его влиянии на будущее.

С другой стороны, проблема заключается в том, что цифровизация в образовании не всегда является благом, поскольку цифровые материалы, особенно касающиеся исторических событий, часто представлены без контекста и анализа, недостоверно, с существенными фактическими ошибками. Более того, игровые интернет-технологии, используемые с образовательными целями, зачастую создают симулятивные исторические образы в массовом сознании, героизируют вымышленное, конструируют реальность, которая никоим образом не отражает факты прошлого, искажает настоящее, но эмоциональная привлекательность виртуального начинает претендовать на замещение реального. Начиная использовать виртуальный образ в игровой деятельности, пользователь переносит его на социальные сети и в реальный мир. Виртуализация интернет взаимодействий сказывается на социальных отношениях в социуме [1]. Фальшивые исторические образы в массовое сознание внедряются тем эффективнее, чем больше цифровая информация замещает естественное и устоявшееся общение ученика и учителя. В этой связи многие исследователи отмечают необходимость полноценного эмоционально-образного подхода к преподаванию истории как основы непосредственного живого общения педагога и ученика на уроках истории [2]. Поэтому представляется достаточно актуальной проблема влияния цифровизации в образовании

на формирование и развитие исторического сознания общества.

Цифровые технологии и память о прошлом

Человек, теряющий память, в силу разных обстоятельств, перестаёт адекватно ориентироваться в настоящем. Остатки образов не составляют единой мозаики бытия, что ведёт к потере собственно «Я» и утрате социальной коммуникации. Те же процессы, пусть и не тождественно, происходят в массовом сознании. Социальная память в различных философских концепциях признаётся сферой конкуренции многих сил влияния, которые используют определённые инструменты в соответствии с техническим уровнем развития на разных исторических этапах.

До появления информационно-коммуникационных технологий любые концепции памяти основывались на крайне ограниченных инструментах передачи информации. Интернет позволил сделать быстрым и удобным поиск сведений о любых исторических фактах, документах, текстах и т.п. Соответственно, данные технологии объективно стали необходимостью в образовательном процессе, во многом влияя на фиксацию в памяти событий прошлого.

В массовое сознание эффективно и уверенно стали внедрять мифы и ложную историческую информацию, пользуясь мощным инструментом (информационно-коммуникационными технологиями) для пропаганды и замены реальных фактов прошлого на частично или полностью выдуманные, искажённые, с целью достижения определённых идеологических или политических целей. Массовый потребитель получает любую, в том числе историческую информацию, в основном посредством виртуального пространства интернета. Это формирует поле «массового создания и переработки исторических смыслов, значений и критериев интерпретации, переставших быть делом «признанных» и традиционных исторических институций» [3, с. 22]. Общеизвестно, что из всего объёма увиденного и прочитанного лучше запоминаются

яркие образы, несущие эмоциональный заряд, при этом, изложенные кратко, не более трёх – пяти минут. На первый план выходит не правдивость и достоверность информации, а быстрое запоминание понравившегося визуального ряда. Процесс выбора не достоверного, а яркого характерен для глобального социума. В этом плане российское массовое сознание на отличается от такового в других странах. В поле всемирного исторического дискурса, в котором нет пространственных ограничений, память о прошлом также опосредована восприятием истории как комикса, только уже в цифровом формате. Это общая медиасреда, которая, «втягивая в свою орбиту человека, предлагает ему не только принципиально новые коммуникативные средства и практики постижения социальной реальности, социализации и социальной интеграции, но также создает серьезные риски и угрозы, связанные с формированием искаженной картины мира, ложной интерпретацией исторических событий, фальсификацией истории» [4, с. 21].

Как в массовой индустрии развлечений, так и образовательном процессе стали активно использовать технологии виртуальной реальности, посредством которых можно произвести реконструкцию исторических событий, реконструировать заново факты и места сражений, причём персонажи и действия будут легко запоминаемы в памяти за счёт яркого восприятия и как бы «оживления» события прошлого, происходящего по принципу «здесь и сейчас». Эта технология, безусловно, позволяет лучше и качественнее представлять историю, а также фальсифицировать любые исторические материалы, что оставит в памяти массового сознания убедительное доказательство «реальности нереального», поскольку всё было увидено своими глазами, как правило, без критического осмысления и понимания.

Наглядность и упрощения восприятия формирует память отсутствующего бытия прошлого, которое создаётся в настоящем посредством компьютерных программ через визуализацию исто-



рических данных, через доступную репрезентацию в виде картинок, графиков, таблиц, 3D-моделей, диаграмм и т.п. При отсутствии возможности или желания проверять историческую информацию на достоверность, память о прошлом в массовом сознании представляет собой набор определённых постулатов, формулировок, тезисов, которые связаны со множеством сконструированных образов и легко воспроизводятся, создавая иллюзию знания истории. Особенно эффективно такие технологии воздействуют на молодое поколение, которое привыкло довольствоваться «сжатой» информацией в виде коротких роликов, анимации или краткой презентации, картинки. Возникает вера в истинность и правдивость материалов, изложенных на тех или иных интернет-ресурсах, платформах, программах, играх. Такая вера поддерживается привычкой обращаться за «исторической правдой» к «Википедии», поисковым роботам, определённым сайтам. «Интернет память» трансформируется в память о прошлом в массовом сознании.

В концепции живой памяти Р. Коллингвуда, память – это всего лишь мысль, созданная историческим воображением: «...Прошлое не может стать объектом чьей бы то ни было перцепции, так как оно уже не существует в настоящем, но с помощью исторического воображения оно становится объектом нашей мысли» [5]. Это «историческое воображение» в массовом сознании детерминировано репрезентацией исторических событий не собственно человеком, а посредником, неким «информационным интеллектом» через систему информационно-коммуникационных технологий. Память современного человека с его включённостью в социум превращается в производную от суммы влияющих технологий, которые действуют как на сознание, так и в обход его. Другими словами, память о прошлом в массовом сознании лишь отчасти принадлежит человеку, а основное – производство виртуальной реальности, в которой события можно создавать, отменять, переписывать, сама история становится некой

виртуальностью, отменяемой силой воображения или прихотью искусственного интеллекта. Например, компьютерные игры с историческим содержанием – это продукт эпохи постмодерна, который не считает историю наукой, не верит в ее познаваемость, отрицает историческую реальность и считает, что она конструируется [6].

История, познаваемая как игра – идеальный механизм внушения ложных исторических представлений. Сама игра является процессом, полностью поглощающим сознание субъекта через совершение определённых действий, то есть происходит депотенциализация сознательного контроля, при этом в подсознании (или вне сознания) легко встраиваются образы несуществующих, выдуманных исторических событий, которые в силу отсутствия сознательного критического контроля не могут быть проанализированы, осмыслены, как-то проверены на достоверность. Если у человека отсутствует значимый жизненный опыт, знание истории, то, что помогает отделить правду от лжи, то в памяти остаются любой исторический обман, фальсификация, часто, фантазмагоричное представление о прошлом. При этом, стоит также отметить, что многие компьютерные игры с исторической тематикой, созданные на основе научно обоснованной информации, безусловно полезны и познавательны.

Таким образом, современные информационно-коммуникационные технологии существенно оказывают влияние на процесс создания коллективной памяти о прошлом, используя все инструменты и возможности интернет-платформ, социальных сетей, игр, и т.п.

Цифровизация в образовании как инструмент влияния на историческое сознание общества

Цифровизации в государстве и социуме не должна являться абстрактной целью, движением к которой вызывает эйфорию от количества новых электронных сервисов для общества потребления. Поэтому правильно рассматривать цифровиза-

цию в общем и в образовании, в частности, как полезный и нужный инструмент, имеющий свои определённые функции.

Важно отметить, что любой инструмент влияния должен быть под грамотным и целенаправленным управлением, что подразумевает наличие программ управления, а когда необходимо и политических решений, чтобы система образования имела возможность позитивно и эффективно влиять на формирование и развитие исторического сознания в обществе.

Это касается не только профессионального образования, но и массового исторического просвещения в различных формах с использованием цифровых технологий, которые действительно могут быть эффективным инструментом для создания условий качественного, научно обоснованного и в то же время доступного распространения исторических знаний. Такое информационно-историческое влияние должно включать и воспитание, основанное на формировании чувства патриотизма, исторической памяти и гордости за подвиги предков, героическое прошлое страны.

Использование цифровых технологий в образовании как инструмента необходимо сопровождать выработкой умений получать и анализировать любую историческую информацию на предмет её достоверности, объективности, проявлять критическое отношение к интерпретации исторических событий, что должно приводить не просто к получению знаний, но и появлению у молодёжи (и не только) понимания и принятия значимости и важности исторического наследия, уважения к историческим ценностям и традициям.

В связи с этим представляется, что основными целями цифровизации в образовании как средства влияния на историческое сознание общества являются:

1. Формирование и реализация мер противодействия созданию искусственной исторической реальности, которая основана на манипуляции фактами и фальсификации исторических процессов.

2. Вместо практики спонтанной реакции на отдельные факты фальсификации истории, представить системную и научно обоснованную модель противодействия манипуляции прошлым, реализованную в цифровом формате с использованием интернет-платформ.
3. Сохранение традиционных ценностей, памяти об историческом прошлом всех народов большой страны, памятных дат, мест трудовых и ратных подвигов, то есть, того, что объединяет многонациональное общество.
4. Создавать проактивность в выявлении, анализе и выработке мер противодействия негативному влиянию на историческое сознание российского общества с учётом постоянно развивающихся информационно-коммуникационных технологий.

Цифровизация в образовании как инструмент влияния на историческое сознание общества может быть эффективной при наличии технических возможностей, то есть доступности интернета на всё пространство большой страны.

Таким образом, хотя цифровые технологии обладают большим потенциалом для сохранения памяти о прошлом, они также представляют ряд вызовов: информационное пресыщение, качество материала и его доступность, сохранность и достоверность исторической информации, что важно учитывать в инструментальном подходе, сочетая его с традиционными методами в образовательной деятельности.

Выводы

Цифровизация в образовании как инструмент влияния может быть эффективным механизмом сохранения исторического сознания и поддержания социальной стабильности в обществе. Одновременно с этим процесс цифровизации необходимо соотносить с возможностями данного инструмента для манипуляции массовым сознанием, искажения исторической реальности и, в итоге, негативного влияния на историческое сознание общества. В противном случае



цифровые технологии не будет иметь духовно-нравственного исторического содержания. Цели цифровизации в образовании определяются, в том числе, необходимостью позитивного влияния на формирования исторического сознания общества, а именно – сохранении исторической памяти, противодействию манипуляциям и созданию искусственной исторической реальности, фальсификации исторических процессов.

Теоретические вопросы влияния цифровизации в образовании на историческое сознание общества требуют дальнейшего пристального изучения ввиду своей актуальности. Это подтверждается множеством социально-политических и экономических вызовов современности. Важны нравственно-духовные последствия такого влияния, проблемы допустимости и ограничения роли государства в выработке политических решений по защите исторического сознания общества, а также противодействия деструктивным и опасным тенденциям в процессе развития информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. Колодина А.А. Процесс преемственности культурных ценностей в современной транзитивной России: дис. док. филос. наук. М., 2017. 373 с.
2. Сомов, В.А. История как учебный предмет в советской системе школьного воспитания во второй половине 1930-х гг. / В.А. Сомов. – URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001Z08/4c36fbb01b127fe606d-2d9e13703a97c8a8d03f3.pdf?ysclid=lepdzbov71686888899> (дата обращения 06.10.2023)
3. Хмелевская Ю.Ю. Медиатизация истории // Учебно-методические материалы кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ. – Челябинск, 2017. – 22 с.
4. Мерзлякова И. Л., Кошман М.В., Каирова И.А. Специфика формирования исторического сознания в современной медиасреде // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 88. – № 5. – С. 18–25.

5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1980. С. 231.
6. Чернова Н. В., Макарова Н.Н. Наглядные методы обучения и проектные методики на уроке истории // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 6 (36). – С. 105–113.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION IN EDUCATION ON THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article considers the theoretical issues of the influence of digitalization of education on the historical consciousness of society. The relevance of the research topic is determined by the importance of historical consciousness for modern Russia as a factor of uniting people on the basis of the great historical past, understanding the processes of the present and the formation of the vector of future development.

The main purpose of the study is to identify the role of digital technologies in the positive and negative impact on the historical consciousness of society.

The main goals of digitalization as an instrument of influence are formulated with the definition of the positive and negative sides of this process. As a result of the study, conclusions about the possibilities, effectiveness and limitations of the digital technologies influence on historical consciousness are presented. The further ways of studying problem of the digitalization impact on historical memory and public consciousness are outlined.

Keywords: digitalization, education, historical consciousness, mass consciousness, society, consciousness.

References

1. Kolodina A.A. The process of continuity of cultural values in modern transitive Russia: dis. doc. Philosopher Sci. M., 2017. 373 p.
2. Somov, V.A. History as an academic subject in the Soviet school system in the second half of the 1930s. / V.A. Somov. – URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001Z08/4c36fbb01b127fe606d-2d9e13703a97c8a8d03f3.pdf?ysclid=lepdzbov71686888899> (date accessed 10/06/2023)



3. Khmelevskaya Yu. Yu. Mediatization of history // Educational and methodological materials of the Department of Domestic and Foreign History of SUSU. – Chelyabinsk, 2017. – 22 p.
4. Merzlyakova I. L., Koshman M.V., Kairova I.A. Specifics of the formation of historical consciousness in the modern media environment // Humanitarian and social sciences. – 2021. – Т. 88. – No. 5. – P. 18–25.
5. Collingwood R.J. The Idea of History. M., 1980. P. 231.
6. Chernova N.V., Makarova N.N. Visual teaching methods and design techniques in the history lesson // Perspectives of science and education. – 2018. – No. 6 (36). – pp. 105–113.

Изменения досуга молодежи под влиянием COVID-19: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Бармашова Татьяна Ивановна,

доктор философских наук, профессор профессор кафедры философии Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: tatibar910@mail.ru

Мельникова Татьяна Витальевна,

доктор философских наук, доцент доцент кафедры гражданского права Сибирского федерального университета
E-mail: mtv-10@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

тик молодежи, произошедших под влиянием COVID-19, которые могут быть использованы в теоретико-методологическом и прикладном аспектах.

Ключевые слова: досуг, общество, коронавирус, трансформация, ограничения, свободное время, повседневность, город.

В статье через призму социальной философии рассматриваются изменения досуговых практик молодежи, произошедшие под влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Проанализирован потенциал досуга для молодых людей с позиции функциональности. Репрезентированы основания, в соответствии с которыми приверженность молодежи к тем или иным досуговым формам приводит к неравенству. В логике современной общественной жизни показана высокая значимость интернета при структурировании досуговых практик молодых людей. Демонстрируется, что пандемия новой коронавирусной инфекции существенно сузила привычный набор практик проведения свободного времени. Выявлены ключевые направления трансформации досуговых практик, позволившие молодым людям преодолеть негативные последствия коронавирусных ограничений. В заключение сформулированы выводы, пополняющие современное социально-философское знание в аспекте изучения изменения досуговых прак-

Пандемия, изоляционные меры и ограничения, с которыми столкнулись жители большинства национальных государств, привели к изменениям всех аспектов жизнедеятельности общества и становлению новой темпоральности, в которой осуществляется стирание границ между различными описываемыми временными характеристиками категориями. В условиях постковидной эры трансформировалась культура повседневности, характер производственной и досуговой деятельности. Изменился облик города по причине усиления разрыва между восприятием города как пространства публичной деятельности. Меняется восприятие урбанизированных территорий как кульминации постмодернистского места, с его современными улицами и многолюдностью, о которых сегодня пришлось забыть, а также музыкой, организующей пространство и время. Закрылись кафе, клубы, кинотеатры, заполненные ранее молодыми людьми.

Применительно к молодежному возрасту организация досуга должна способствовать социальной и психологической стабилизации, предоставлять возможности заниматься выбранными видами деятельности, общения с произведением искусства, конструировать культурную сферу, которая позволит защитить личность от стресса и негативных факторов трудовой деятельности. Организация досуга играет особо важную роль в жизни молодых людей. К сожалению, в современном российском обществе отмечается сокращение набора социальных ролей, культурных форм общения, что приводит к сужению привычного образа жизни, требует реализации научного подхода к организации культурно-досуговой деятельности указанной возрастной социальной группы. Говоря об особенностях молодежного досуга, следует прежде всего отметить, что он привлекает представителей данной группы такими существенными чертами, как добровольный характер выбора, яркая эмоциональная окрашенность, демократичность и возможность одновременного сочетания нескольких видов деятельности [1, с. 336]. В то же время,

нельзя не отметить и негативные тенденции для досуга молодых людей. Исследователи отмечают, что приоритетными на сегодняшний день выступают его пассивные формы: «В структуре молодежного досуга преобладают пассивно-развлекательные виды деятельности, связанные с использованием современных информационных устройств. Занятия физкультурой, спортом популярны для сравнительно небольшой части молодежи» [4 с. 161].

Более того, само проведение досуга способствует сегодня дальнейшему расколу общества, его стратификации: молодежный туризм, посещение музеев и театров представляют собой дорогостоящие развлечения, которые могут позволить себе далеко не все, что соответствующим образом отражает неравенство на основании их материального положения и статуса. Формы досуга также отражают неравенство молодых людей и в региональном аспекте: в мегаполисах имеется несравнимо больше возможностей для удовлетворения потребностей, нежели у жителей небольших городов. Досуговая деятельность способствует личностному развитию, формированию общественных объединений молодежи, улучшению коммуникации между молодыми людьми, их интеграции в общество, в систему различных взаимоотношений, но приводит к закреплению расслоения общества по ряду оснований.

В последние годы появляются качественно новые виды досуговой деятельности, учитывающие изменения уровня материальной культуры, появление технологий и методов проведения свободного времени, а также изменения самой личности молодого человека. Учреждения социально-культурной сферы, перестраиваясь под изменения личности молодых людей, внедряют в свою деятельность такие формы работы, как конкурсы, фестивали, квесты, молодежный туризм. Значительное влияние на трансформацию досуговых практик оказали современные ИКТ. Интернет занимает доминирующую роль в процессах организации досуга, он способен удовлет-



ворить потребности в общении, познании, развлечении. Иначе говоря, интернет позволяет организовывать образовательные, развлекательные, игровые формы досуговой деятельности. Важно добавить, что новые формы организации досуга представляются особенно актуальными для молодых людей с ограниченными возможностями. При этом необходимо отметить, что вместе с возможностями, которые предоставляет интернет, онлайн-коммуникация таит в себе и риски. Как отмечает О.В. Ионова, «с одной стороны, Интернет предоставляет безграничные возможности для развития личности, получения новой информации, культурного развития, а с другой, при неправильном использовании может оказывать разрушительное действие как для личности, так и для организма в целом» [2, с. 110].

В условиях пандемии трансформации досуговой деятельности происходили преимущественно под влиянием новой темпоральности и отсутствия четкого разграничения между трудом и работой, между выходными и рабочими днями. Трудовая и многие другие виды деятельности частично или полностью были перенесены в виртуальную среду. Пандемия, по словам Н.И. Маслаковой-Клауберг, «формирует новый мир – мир виртуального и дистанционного общения, а значит – новые виды деятельности и потребности человечества» [3, с. 734]. Большая часть привычных досуговых практик оказалась недоступна для молодых людей в разных странах мира: массовые и групповые мероприятия офлайн были просто запрещены. У оставшихся дома людей неожиданно оказалось много свободного времени, которое должно было быть организовано в пределах ограниченного пространства. По сути, пандемия и меры самоизоляции привели к увеличению свободного времени при снижении возможностей организации досуга [7].

Следствием ограничения возможностей проведения реальных встреч, физических контактов стало усиление значимости мероприятий онлайн, индивидуальных и групповых форм досуга в се-

ти. Режим самоизоляции, который свел к минимуму физические контакты, ожидаемо увеличил роль сетевого пространства в повседневной жизни людей. Для миллионов людей социальные сети, различные платформы и мобильные менеджеры стали не только главным источником получения информации, но и основным каналом связи с родственниками, друзьями и коллегами. В условиях изоляции получили распространение групповые и индивидуальные развлечения, связанные с сетевым взаимодействием: онлайн-клубы, интернет-соревнования, конкурсы, электронные книги, виртуальные выставки.

Анализ социальной практики показал, что во время пандемии наиболее распространенными видами досуговой деятельности в разных странах стали разговоры по телефону, видеозвонки, нахождение в социальных сетях, просмотр фильмов, шоу, чтение и занятия спортом дома. Таким образом, большая часть форм организации досуга связана с современными ИКТ, исключение составляют чтение и занятия спортом, что еще раз наглядно отображает глубинное проникновение современных технологий в привычную повседневность. В условиях пандемии роль и значение привычной иерархии потребностей по А. Маслоу изменились: на первое место вышли потребности в безопасности, причем не только в аспекте сетевых взаимодействий, сохранения конфиденциальности, отсутствия взломов, но и физическом, связанные со стремлениями обезопасить себя от вируса и заболеваний. Более того, сами виртуальные сети сегодня стали важнейшей потребностью.

Под влиянием потребности в безопасности изменились традиционные формы организации досуга, появились новые, а многие доковидные формы досуговых практик были утрачены либо существенно пострадали. В частности, одна из наиболее пострадавших сфер – туристическая – сегодня начинает восстанавливаться, однако говорить о достижении докризисного уровня на приходится. Многие отказываются выезжать за предел государства из-за опасений,

связанных как с продолжающейся пандемией, так и с рисками ее объективации. На смену привычному туризму пришел виртуальный. Одной из инновационных форм досуга стало путешествие при помощи веб-камер, которые стали своеобразным компенсаторным механизмом, средством связи с природой и местами, ассоциированных в сознании людей со счастливыми моментами прошлого.

В условиях ограничений досуг стал рассматриваться как средство удовлетворения потребности в безопасности. В частности, приготовление, кулинария «стали новым средством обретения покоя и уверенности в завтрашнем дне. Пробы новых рецептов позволяют минимизировать плохие мысли» [7]. Иными словами, в ситуации самоизоляции отдых, досуговая деятельность выступали жизненно важными элементами, но при этом отсутствующими в былых формах. Говоря о досуговой деятельности периода пандемии, следует отметить, что традиционная для России практика оказания помощи другим привела сегодня к появлению многочисленного волонтерского движения, участие в котором становится средством самореализации личности, помогая молодым людям приобрести навыки коммуникативного общения, духовно-нравственного опыта. Ведущей идеей волонтерского движения выступает «развитие и популяризация добровольческого труда, ориентированного на решение локальных проблем социального характера, формирование личной ответственности, социальной активности студенческой молодежи» [5, с. 146].

Пандемия стала толчком к социальной мобилизации, реализуемой посредством цифровых технологий. Период самоизоляции стал для россиян временем демонстрации самых разнообразных форм демонстрации поддержки, солидарности. Иными словами, в условиях пандемии волонтерство как относительно новая для России форма досуговой деятельности изменилась, прежде всего, повысилась ее значимость, актуальность, отражающая усиление потребно-

сти в безопасности; изменились формы волонтерской деятельности: если в «доковидные» времена одной из излюбленных форм досуга волонтеров выступали так называемые «волонтерские пикники», в условиях запретов массовых собраний деятельность волонтеров заключалась в оказании помощи пожилым и маломобильным людям, заботе о домашних животных, чьи хозяева заболели. Новым направлением деятельности стала поддержка системы здравоохранения: сбор средств на приобретение вещей первой необходимости, консультирование, работа в «красной зоне» и т.д. Волонтерской помощью были охвачены различные категории населения, увеличилась численность людей, получивших помощь. Иными словами, влиянием пандемии изменились виды деятельности, повысился охват людей, которым была оказана помощь, увеличилась численность граждан, вовлеченных в волонтерскую деятельность.

Важно добавить, что если традиционно волонтерство рассматривалось преимущественно как молодежная досуговая практика, в условиях пандемии к волонтерским движениям присоединились представители других социально-демографических групп. В целом деятельность волонтерских движений отражает способности российского общества к консолидации в сложные, кризисные моменты. Трансформация традиционных досуговых практик, появление новых осуществляется на фоне роста интереса, вовлеченности в традиционные занятия. Одним из популярных видов семейной деятельности в условиях пандемии стали давно знакомые и всегда актуальные настольные игры и головоломки, шитье и кулинария. Эти формы организации досуга отразили, что люди все еще могут найти способы разнообразить свой досуг, просто быть вместе. Особую популярность в отдельных государствах приобрела кулинария: ограничения, закрытие отдельных магазинов, запрет на выход на улицу – все это привело к тому, что люди стали готовить дома то, что ранее приобретали в магазинах, прибегая к ностальгическим блюдам. На се-



годняшний день в научной литературе был проведен ряд исследований, которые позволяют сделать вывод, что выпечка хлеба стала одним из излюбленных видов проведения досуга при ухудшении ситуации с коронавирусом, интерес к приготовлению еды был связан и с виртуальными акциями. Возвращаясь к теории потребностей Маслоу, обращение к кулинарии как форме досуговой деятельности отражает потребность личности в удовлетворении базовых потребностей, обеспечивающих физическое выживание личности. Приготовление пищи стимулирует творчество, воздействует на эмоциональный фон личности, приносит удовольствие. Приготовление пищи становится обеспечением пропитания, средством заполнения свободного времени, а также демонстрации своих навыков в социальных сетях, что отвечает удовлетворению потребности в самоактуализации. Следовательно, даже традиционные «ностальгические» формы досуговой деятельности чувствуют на себе сегодня влиянием цифровизации, превращаются в средство самореализации личности в сетевом взаимодействии, создания виртуальных сообществ по интересам, средством коммуникации с другими [6; 7].

Важно добавить, что, если социальные сети, обмен сообщениями на сегодняшний день пользуется популярностью практически у всех социально-демографических групп, такие досуговые формы, как настольные игры, кулинария и пр. по-разному воспринимаются населением. В частности, Дж. Холлоуз на основании изучения особенностей восприятия кулинарии, приготовления как формы досуговой деятельности приходит к выводу, что домашняя кухня может восприниматься как приятный досуг лишь в том случае, если личность воспринимает дом как место для проведения свободного времени, а не труда, в ситуации четкого разграничения временных отношений между публичной и частной сферами собственной жизни [8].

Принимая во внимание, что во время пандемии именно пространственно-

временные отношения между рабочей и частной сферами подверглись своим трансформациям, а границы между домом и работой практически стерлись, приведенные положение не могут выступать полноценным объяснением причин популярности тех или иных видов досуговой деятельности. В целом, выявление причин предпочтений личностью, социально-демографическими группами тех или иных форм досуговой деятельности требует своего дальнейшего исследования, изучения.

Пандемия и самоизоляция не стали для человечества периодом переосмысления интенций дальнейшего развития, что глобальный кризис стал для человечества новым началом, а лишь усилил тенденции, которые сформировались ранее, обострив проблемы, которые появились задолго до пандемии, в том числе и цифровизацию, вовлеченность молодых людей в систему сетевых взаимодействий, обращенность на внешний по отношению к личности мир. Также не снизилась стратификация национальных обществ. Пандемия обнажила и без того актуальные проблемы социального неравенства и, как следствие, неодинакового доступа к досугу: отсутствие досуга для бездомных, которые не могут быть в безопасности, ограниченные возможности для организации досуга матерями-одиночками, рост насилия в семьях в условиях изоляции.

В «доковидные» времена молодые люди участвовали в массовых, групповых и индивидуальных формах досуговой деятельности, однако в связи с изоляцией массовые мероприятия стали невозможны, а две другие подверглись существенным изменениям. Основными факторами, которые обусловили трансформации досуговой деятельности, являются нивелирование границ между сферой частного и общего, между трудом и отдыхом как таковым; перемещение досуговой деятельности в виртуальное пространство и изменение потребностей личности. Под влиянием указанных факторов традиционные досуговые формы подверглись изменениям, произошел переход к новым вариантам досуга. В ка-

честве изменений традиционных форм досуга следует отметить, прежде всего, усиление роли и значения волонтерских движений, которые объединили не только молодых людей, но и представителей других социально-демографических групп. Волонтеры приняли на себя многочисленные обязанности, включая заботу о системе здравоохранения, оказание помощи отдельным категориям граждан. В целом, усиление значимости волонтерских движений стало средством удовлетворения потребностей в безопасности, самореализации, отразив консолидацию общества перед лицом экзистенциальных вызовов пандемии.

Ожидаемо усилилась роль и значение ИКТ, произошла интенсификация взаимодействий с другими в виртуальном сообществе, произошел переход к игровой деятельности, а также участился обмен информацией между различными субъектами (мы-медиа). Особую значимость приобрели «запущенные» в сети многочисленные акции и виртуальные конкурсы.

Под усилившимся влиянием ИКТ изменились традиционные виды досуговой деятельности: реальный туризм, оказавшийся недоступным, был заменен виртуальным, а «ностальгические» виды досуговой деятельности стали средством социальной коммуникации, объединив участников в сетевые сообщества. Период пандемии наглядно отобразил, что на сегодняшний день жизнь молодых людей сводится к внешней стороне, характеризуясь высокой зависимостью от социума, коллективного мнения и взаимодействий (как реальных, так и виртуальных), тогда как обращенность к себе и собственному внутреннему миру все еще остается выраженной менее ярко.

Сегодня исследованию подвергаются различные аспекты досуговой деятельности молодых людей: наиболее популярные виды в национальных странах, изучение причин повышения значимости тех или иных практик. Накоплен внушительный корпус работ, посвященных изучению влияния ИКТ на трансформации досуговой деятельности. В то же время, нерешенными являются проблемы из-

учения снижения ценности одних видов досуга при их замещении другими вариантами проведения свободного времени; при этом ожидаются фундаментальные работы, посвященные выявлению особенностей трансформации досуга в условиях пандемии в тех или иных эмпирических контекстах. В частности, это касается проведения сопоставительных исследований последующих изменений досуговых практик, отправной точкой чему послужило именно введение коронавирусных ограничений.

Литература

1. Бабосова Е.С. Досуг как фактор включенности молодежи в социокультурную деятельность // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 336–344.
2. Ионова В.О. Современные виды досуга студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3 (35). С. 106–113.
3. Маслакова-Клауберг Н.И. Международные правовые, экономические и социальные последствия пандемии коронавируса в мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 4. С. 728–736.
4. Цветкова И.В. Типология студенческой молодежи по формам досуга // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 160–164.
5. Шарковская Н.В. Аксиологическая направленность культурологических форм активного досуга современного студенчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (81). С. 142–149.
6. Easterbrook-Smith G. By bread alone: baking as leisure, performance, sustenance, during the COVID-19 crisis // Leisure Sciences 2020. Vol. 43. № 1–2. pp. 1–7.
7. Güler O., Haseki M.İ. Positive Psychological Impacts of Cooking During the COVID-19 Lockdown Period: A Qualitative Study // Frontiers in Psychology. 2021. № 12. 635957.



8. Hollows J. Oliver's twist. Leisure, labour and domestic masculinity in The Naked Chef // *International Journal of Cultural Studies*. 2003. Vol. 6. № 2. pp. 229–248.

CHANGES IN YOUTH LEISURE UNDER THE INFLUENCE OF COVID-19: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Barmashova T.I., Melnikova T.V., Rakhinskiy D.V.

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; Krasnoyarsk State Agrarian University; Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky

The article, through the prism of social philosophy, examines changes in the leisure practices of young people that occurred under the influence of the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19. The potential of leisure for young people is analyzed from the point of view of functionality. The reasons are presented according to which young people's commitment to certain leisure forms leads to inequality. The logic of modern social life shows the high importance of the Internet in structuring the leisure practices of young people. It is demonstrated that the pandemic of the new coronavirus infection has significantly narrowed the usual set of practices for spending free time. Key areas of transformation of leisure practices have been identified that have allowed young people to overcome the negative consequences of coronavirus restrictions. In conclusion, conclusions are formulated that complement modern socio-philosophical knowledge in the aspect of studying changes in the leisure practices of young people that occurred under the influence of COVID-19, which can be used in theoretical, methodological and applied aspects.

Keywords: leisure, society, coronavirus, transformation, restrictions, free time, everyday life, city.

References

1. Babosova E.S. Leisure as a factor of youth involvement in sociocultural activities // *Sociological almanac*. 2012. No. 3. pp. 336–344.
2. Ionova V.O. Modern types of leisure for student youth // *News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2015. No. 3 (35). pp. 106–113.
3. Maslakova-Klauber N.I. International legal, economic and social consequences of the coronavirus pandemic in the world // *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Economics*. 2020. T. 28. No. 4. pp. 728–736.
4. Tsvetkova I.V. Typology of student youth according to forms of leisure // *Karelian scientific journal*. 2017. T. 6. No. 3 (20). pp. 160–164.
5. Sharkovskaya N.V. Axiological orientation of cultural forms of active leisure of modern students // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2018. No. 1 (81). pp. 142–149.
6. Easterbrook-Smith G. By bread alone: baking as leisure, performance, sustenance, during the COVID-19 crisis // *Leisure Sciences* 2020. Vol. 43. № 1–2. pp. 1–7.
7. Güler O., Haseki M.İ. Positive Psychological Impacts of Cooking During the COVID-19 Lockdown Period: A Qualitative Study // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. 635957.
8. Hollows J. Oliver's twist. Leisure, labour and domestic masculinity in The Naked Chef // *International Journal of Cultural Studies*. 2003. Vol. 6. № 2. pp. 229–248.

Онтологизация цифрового искусства в объектно-ориентированной парадигме

Хандогин Руслан Викторович,

ассистент кафедры философии, Новосибирский
государственный технический университет
E-mail: khandogin.ruslan@yandex.ru

Ключевые слова: цифровое искусство, пост-цифра, онтологизация, объектно-ориентированная онтология, формализм, корреляционизм, чувственный объект, цифровая трансформация.

Цифровое и пост-цифровое искусство обладают своей неповторимой спецификой, особыми, характерными чертами, смыслами, идеями, способами репрезентации, вызовами и ответами, поэтому и вопросы, и концептуальные схемы, и попытки осмысления сохраняют общую сущность и значимость, уточняясь и конкретизируясь в своих частных аспектах. Основываясь на первичности реальности объектов, а не их отношений в своей антикорреляционистской позиции объектно-ориентированная онтология утверждает необходимость рассмотрения онтологических и топологических схем в связанной совокупности и двойственности оснований и репрезентаций, исходя из принципов взаимообусловленности и взаимосвязанной причинности посредством раскрытия противоречий, выявления и анализа в онтологических схемах не только явно артикулируемых черт и признаков, но и тех, которые подразумеваются «контекстом», спецификой нарратива, аспектами субъект-объектного взаимодействия. Пытаясь вернуть объекты в область действительного, объектно-ориентированные онтологические проекты снимают с них обязанность быть частью природы среды или отношений и утверждают право на существование как исключительно собственной автономной реальности, при этом реализующих свою автономность синергетически и метафизически превосходя сумму составляющих частей, а также изолируясь от взаимодействий и внешних связей. Каждое отдельное произведение искусства можно рассматривать как связанную пару объектов двух особых видов: реального и чувственного. Цифровая трансформация и научно-технический прогресс создают пространство для новой объектной онтологизации и сопутствующей концептуализации цифрового искусства, его объектов и феноменов. Фокус их рассмотрения направлен на принципиальное разделение внешних и внутренних взаимосвязей и атрибутов, декларируется нереляционную автономию объектов искусства в метафизическом конструировании реальности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект № С23–24



Философия цифрового искусства в своём исходном толковании посвящена прежде всего исследованию природы и ценностных оснований искусства, которое основано, опосредовано, репрезентировано цифровыми, компьютерными устройствами и пространствами, интернет-технологиями и фундируется идеей того, что цифровые технологии создания изображений и звука, иммерсивного включения виртуальной и дополненной реальности радикально меняют наше понимание, восприятие и представление искусства в том числе на уровнях физической репрезентации и перцептивного опыта [6]. Такие изменения предполагают новый способ отражения действительности, иные – не только внешние, но и внутренние способы восприятия мира, окончательное разрушение границ между художником, произведением искусства и зрителем. Цифровое искусство не только пропитано духом настоящего, оно и есть настоящее, даже в своей неподлинности. Каким бы банальным не казалось это утверждение, цифровое и пост-цифровое искусство, прежде всего искусство, хотя, как и любое искусство, со своей неповторимой спецификой, особыми, характерными чертами, смыслами, идеями, способами репрезентации, вызовами и ответами, поэтою и вопросы, и концептуальные схемы, и попытки осмысления сохраняют свою общую значимость, уточняясь и конкретизируясь в своих частных аспектах.

По сравнению с традиционным искусством цифровое также обладает определённым преимуществом «удобства» для автора, владельца и зрителя: предметы цифрового искусства как правило легче перемешать (галерея или библиотека в кармане), его легче публиковать, распространять и презентовать, что особенно важно молодым начинающим и не получившим ещё известность и признание авторам, проще представить в различных пространствах и локациях, а также изменять и трансформировать. Хотя, конечно, подобная характеристика присуща далеко не всем направлениям цифрового искусства и отдельным ху-

дожникам. Использование цифровых инструментов в художественном образе повышает художественное развитие и креативность, но оно позволяет не только расширить арсенал средств и приёмов, но также меняет восприятие и мировидение «становящегося» художника. Цифровая среда, с одной стороны, может быть более или менее подходящим пространством для реализации творческого потенциала личности, с другой, она сама же продуцирует синтез личностной и системной креативности. Дрон-технологии, цифровые инсталляции в архитектурных пространствах и объектах имплементируют технологии в городское пространство и природные среды: ночное небо и архитектурные ансамбли становятся холстом для масштабных, но скоротечных творений, которые для многих становятся доступны именно путём записи на цифру и воспроизведением посредством цифровых устройств. Также нельзя не отметить и возрастающее влияние рынка цифрового искусства и возрастающее вместе с тем непонимание, конфликты и противоречия, как в социально-коммуникативной сфере, современном социокультурном дискурсе, так и гораздо глубже – в сущностных и идейных основаниях самого искусства и его восприятия. «Киберпространство» как влиятельный сегмент современного культурного пространства используется в качестве арены для испытания технологий спектакляризации различными политическими движениями, которые уже не «в реале» на площадях и городках, а в Интернет-сетях призывают к радикальным действиям, которые осуществляются как «сетевые революции» по технологиям «общества киберспектакля» [3]. Влияние цифры на традиционное искусство неизбежно, так как оно является частью текущей актуальной действительности, испытывающей тотальную цифровую трансформацию. Цифровизация и стремительное развитие сопутствующих технологий радикально воздействует по крайней мере на «внешнюю» сторону традиционного искусства в сферах его хранения, доступа, презентации и первичного восприятия.



Объектно-ориентированная философия стремится переосмыслить и аксиологические аспекты бытия объектов, а также роль человеческого сознания, бытийности человека и мира [1], действительности реальности. В условиях нарастающего и укрепляющегося симбиоза человека и нечеловеческих объектов встаёт вопрос о приемлемости и применимости категорий и отношений нравственности, морали и этики ко всем объектам и их связям и взаимодействиям. «Объекты действуют, потому что существуют, а не существуют потому, что действуют» [4] – говорит объектно-ориентированная онтология. Основываясь на первичности реальности объектов, а не их отношений, тем не менее, рассматриваемый подход отдаёт должное небольшой части отношений, называемых «решающими», носящих, в основном, симбиотический характер. Актуальное движение философской мысли всё явственнее утверждает необходимость рассмотрения онтологических и топологических схем в связанной совокупности и двойственности оснований и репрезентаций, исходя из принципов взаимообусловленности и взаимосвязанной причинности посредством раскрытия противоречий, выявления и анализа в онтологических схемах не только явно артикулируемых черт и признаков, но и тех, которые подразумеваются «контекстом», спецификой нарратива, аспектами субъект-объектного взаимодействия. Объектно-ориентированная онтология предшествует и, одновременно, является частью спекулятивного реализма, становящейся метафизической традицией, согласно которой познающему субъекту недоступна сама реальность в своей подлинности и достоверности, но только определённое её восприятие, то есть, по собственному утверждению, противостоящей различным формам посткантианской мысли, сокращающей пространство философского и интеллектуального дискурса до корреляции между мышлением и бытием. Многими современными исследователями, в том числе зачастую и самими основоположниками, спекулятивный ре-

ализм и объектно-ориентированная философия рассматриваются в первую очередь как «движение против», ответ, опровержение прежде всего различных направлений философии привилегированного доступа, корреляционизма, представляя его как имплицитно доминирующую антиреалистическую догму [7]. Реальное как бытие-ничто – это не объект, а то, что являет нелогичную или необъективируемую сущность объекта. Объектность в подобном отношении может быть переопределена, дабы указать на реальность, существующую (субсистирующую) независимо от условий объективации, привязанных к трансцендентальной субъективности... [5, 138] В контексте рассмотрения и онтологизации искусства Харман также ратует за возвращение формализма и утверждает, что антиформалистическое искусство – это не путь вперед. Это попытки бросить вызов закрытости произведений искусства, позволив либо социально-политическим проблемам, либо «жалкой бесформенности просачиваться сквозь их стены» [6]. Пытаясь вернуть объекты в область действительного, объектно-ориентированные онтологические проекты снимают с них обязанность быть частью природы среды или отношений и утверждают право на существование как исключительно собственной автономной реальности, при этом реализующих свою автономность синергетически и метафизически превосходя сумму составляющих частей, а также изолируясь от взаимодействий и внешних связей.

В Хайдеггерском смысле технические средства, которые у нас есть для опосредования или «раскрытия» мира (от примитивных ремесел до языков), формируют нашу способность мыслить, воспринимать, и определять образ нашей реальности. Определяя, что «метафора – фактически единственный способ феноменологического переживания внешней реальности» [9, 82], мы с иной стороны подходим к technical media theory, и метафорические конструкты меняют наши знания, стили и пути жизни, траектории образования и обучения, паттерны восприятия действительности. В общем



плане мы стремимся к потенциальной возможности достичь понимания функциональной и динамичной цифровой онтологии, которая аффективно воплощается, воздействуя на наше сознание через техническую работу по визуальному выражению в цифровой среде. Произведения цифрового и постцифрового искусства современных авторов включают телесный мультисенсорный и аффективный уровни генерации образа и его восприятия [2]. Ощущения, испытываемые в момент аффективной детерминации образа, ментальные и физические действия зрителя [2] определяют эстетическую ценность искусства постцифровых образов. Субъект посредством конструирования, восприятия объекта (предмета) искусства получает опыт через взаимодействие собственной телесности и ментальности с цифровой структурой.

«Прикладные» для парадигмального нарратива онтологии часто должны представлять такие вещи как художественная повествовательная канва, музыкальная партитура или графические практики стрит-арта в качестве моделей, проектировочных схем или процессуальных паттернов. Одной из специфических черт подобных сущностей является то, что они могут существовать посредством разных носителей и воплощений, не сводясь к ним. Онтологические основания литературных, музыкальных, живописных, архитектурных и произведений многих прочих жанров, дисциплин и направлений имеют объектную природу или могут рассматриваться через призму объектности воплощения своего содержания. Предполагая, что нечто может быть обнаружено только в том случае, если оно уже существует, мы переходим к схемам и процедурам, которые, с одной стороны, фиксируют определённые сущностные основания и аспекты объектов искусства, а с другой, скрывают или замещают их подлинность или возможную «сверх»-сущность, что является, в свою очередь, центральной темой многих философских рассуждений об искусстве.

Программа объектно-ориентированной онтологии фокусируется непосред-

ственно на объектах, рассматриваемых отдельно от их отношений, что противоречит парадигмальным реляционным установкам в социально-гуманитарной мысли, философии, искусстве и иных сферах теории и практики. Реляционные представления в самом общем виде фиксируют мысль о том, что произведение искусства (или любой объект) определяется каким-либо отношением к своему контексту, то есть формируется и воспринимается посредством определённых внутренних отношений. Согласно же объектной онтологии взаимосвязи являются внешними по отношению к их терминам и объект сохраняет своё самождество: всегда (за редким исключением) он является именно тем, чем является. Такой подход, стремящийся фиксировать и рассматривать объект вне взаимосвязей и контекстов, преуменьшает или элиминирует значение биографического, культурного, экологического или социально-политического окружения произведений искусства в пользу трактовки таких произведений как самодостаточное эстетическое целое. Объектно-ориентированная онтология на своём новом витке развития утверждает принципиальность идеи того, что автор, зритель, наблюдатель, соучастник и произведение искусства сливаются вместе в некий «третий и более высокий» [6, с. 173] объект. Цифровая и постцифровая эпоха, цифровая трансформация, проникновение передовых проектов и инструментов научно-технического прогресса во все сферы жизни человека, включая повседневность и обыденность во многом способствуют сочленению искусства и науки. Science art, Data art, Mathematical art и другие гибридные формы капсулируют и объединяют в традиционном измерении далеко расходящиеся или противоположные позиции науки и искусства не только в сфере метафорических аналогий и идейных принципов деятельности, но как предметы и объекты здесь и сейчас.

Каждое отдельное произведение искусства можно рассматривать как связанную пару объектов двух особых видов: реального и чувственного. Под искус-

ством в данном отношении понимается конструирование сущностей или ситуаций, надежно приспособленных для создания прекрасного, что сопровождается явно выраженным напряжением между скрытыми реальными объектами и их осязаемыми чувственными качествами. Объектно-ориентированная философия стремится рассматривать объекты отдельно от их отношений, преодолевая, по собственной установке, «реляционизм» в философии и искусстве [8]. Таким образом, произведение искусства остаётся самим собой, тем же самым объектом без учёта контекста и нарратива, в который оно погружено. Вместо внутренних отношений и связей в контексте объектно-ориентированной философии фокус рассмотрения направлен на внешние взаимосвязи и атрибуты, делается акцент на закрытость объекта от контекста, то есть декларируется их нереляционная автономия. Цифровые интерактивные инсталляции или театральные представления и кино-показы с применением технологий виртуальной и дополненной реальности подчёркивают особое значение личного опыта, личного восприятия, иммерсивности, выводящей на первый план не аналитические схемы, не интерпретативное осмысление, а непосредственные эмоциональные, переживание, ощущение и восприятие здесь и сейчас, происходит сдвиг от семиотического к феноменальному. Энергия, жизненная сила, выразительность в этом смысле не сводятся к определённому высказыванию, и само высказывание одновременно и больше и меньше чувственного, они не совпадают, но и не заменяют друг друга, замеща в зависимости от области своего действия: от чувственного вовлечения до критического анализа.

Литература

1. Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология – 2018. – № 1.
2. Деникин А.А. Постцифровая эстетика в арт-практиках цифрового

искусства // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 36–45.

3. Моргунов Г.В., Хандогин Р.В. Культурные трансформации цифровой эпохи в контексте объектно ориентированной онтологии // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 1. – С. 154–170
4. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». – Ad Marginem. – 2021.
5. Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 2007.
6. Harman G. Art and objects. Medford, MA. Polity Press. – 2020. – 240 с.
7. Meillassoux Q. Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence, with a Preface by Alain Badiou – Paris: Seuil. – 2006.
8. Morton T. Here comes everything: The promise of object-oriented ontology // Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences. – 2011. – Т. 19. – № 2. – С. 163–190.
9. Strutt D. The Digital Image and Reality: Affect, Metaphysics and Post-Cinema – Amsterdam University Press. – 2019.

ONTOLOGIZATION OF DIGITAL ART IN THE OBJECT-ORIENTED PARADIGM

Khandogin R.V.

Novosibirsk State Technical University

Digital and post-digital art have their own unique specificity, distinctive, characteristic features, meanings, ideas, ways of representation, challenges and answers, so both questions, conceptual schemes and attempts to comprehend them retain their general essence and significance, being refined and concretized in their particular aspects. Based on the primacy of the reality of objects rather than their relations in its anti-correlationist position, object-oriented ontology asserts the necessity of considering ontological and topological schemes in a coherent totality and duality of bases and representations, based on the principles of intersubjectivity and interrelated causality by means of revealing contradictions, identifying and analyzing in ontological schemes not only explicitly articulated features and attributes, but also those implied by the “context”, the specificity of the narrative, and the specificity of the ontology. Trying to re-



turn objects to the sphere of the real, object-oriented ontological projects remove from them the obligation to be part of the nature of the environment or relations and assert the right to exist as exclusively their own autonomous reality, realizing their autonomy synergetically and metaphysically surpassing the sum of constituent parts, as well as isolating themselves from interactions and external relations. Each individual work of art can be seen as a coherent pair of objects of two special kinds: the real and the sensual. Digital transformation and scientific and technological progress create a space for a new object ontologization and accompanying conceptualization of digital art, its objects and phenomena. The focus of their consideration is directed to the fundamental separation of external and internal interrelations and attributes, declaring the non-relational autonomy of art objects in the metaphysical construction of reality.

Keywords: digital art, post-digital, ontologization, object-oriented ontology, formalism, correlationism, sensual object, digital transformation.

References

1. Golovashina, O.V. (2018) Golovashina O.V. Objective ontology? G. Harman's Metaphysics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.* 34 (1). pp. 4–16. (In Russian).
2. Denikin A. A. (2017) Postremoval Aesthetics in the Artistic Practices of Digital Art. *Observatory of Culture*, vol. 14, no. 1, pp. 36–45.
3. Morgunov G., Khandogin R. Cultural Transformations of the Digital Age in the Context of Object-Oriented Ontology. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 4, pt. 1, pp. 154–170.
4. Harman G. Object-oriented ontology: A new theory of everything. – *Ad Marginem*. – 2021.
5. Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 2007.
6. Harman G. *Art and objects*. Medford, MA. Polity Press. – 2020. – 240 c.
7. Meillassoux Q. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence*, with a Preface by Alain Badiou – Paris: Seuil. – 2006.
8. Morton T. Here comes everything: The promise of object-oriented ontology // *Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences*. – 2011. – T. 19. – № 2. – С. 163–190.
9. Strutt D. *The Digital Image and Reality: Affect, Metaphysics and Post-Cinema* – Amsterdam University Press. – 2019.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Dobrenkov V.I., Polezhaeva T. Yu. The idea of the classical university: from origins to crisis 5

Kravchenko A.I. Sociology of a random world..... 13

Sinelnikov A.B. The succession of having many children from generation to generation... 33

Smolin M.B. Monarchist ideologue: academic conservative Professor Vasily Katkov 51

EMPIRICAL STUDIES

Zavarzina Yu.V. The influence of the quality of road transport infrastructure on the social well-being of residents of the region 56

Filipova A.G., Bukhtiyarova I.N. Educational video blogging through the eyes of schoolchildren and teachers: analysis of empirical data using MAXQDA software 71

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Albakova F. Yu., Ozdoeva L.A. Trends of the Volunteer Movement in the Universities and Academies of Russia..... 78

Ambrushkevich K.V., Khairullina N.G. Youth entrepreneurship in the higher education system: problems and prospects..... 83

Ardashev R.G. The influence of the media on the formation of public opinion about crime..... 90

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Regional identity of the South of Russia in the format of markers various levels 98

Dzagurova N. Kh. Methodology for assessing the social problems of single mothers: on the example of residents of Vladikavkaz 106

Ermolaeva Y.V. Interaction with the natural environment as a factor influencing health, psychological well-being, pro-environmental behavior 111

Merinova V.N., Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V. The activities of a family multifunctional center as a new vector for the implementation of social policy in rural areas 121

Muskhanova I.V., Buralova R.A. The influence of socio-cultural processes on the transformation of communicative consciousness: the example of youth of the chechen republic 130

Polyushkevich O.A. Features of the corporate culture of civil servants..... 134

Popova M.V. Village in creative management strategies 141

Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Igosheva M.A. The Russian Federation and actual problems of international relations: social aspect of their current state and development trends 149

Shindyayev V.V. The problem of professional status of the heads of local governments 155

Yakovleva O.I. Institutional basis of professional socialization in high-risk professions 162

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Boldina M. Yu. Client Focus and Client-centricity in the Provision of State and Municipal Services..... 168

Tagibova A.A., Litvina K. Ya., Zolotova Ya.V., Volkova N.P., Anuchina O.V. Conflict behavior in the workforce: social characteristics and interaction strategies 175

SOCIOLOGY OF CULTURE

Levchenko N.V. Cinematography in the regions of the Russian Federation: Soviet film studios and current state 183

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Dobronravova U.V. Influence of concepts of “earth” and “russian land” on formation and development of russian scientific thought 195

Oleinik P.I. Logicism of B. Russell and neologism of K. Wright and B. Hale: metaontological similarities and differences 205



PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Seldinova D.O. Myth-making of consumer culture as a way of philosophical awareness of human existence..... 214

PHILOSOPHY OF CULTURE

Belikova E.K. Philosophical framework of the issue of ai solutions in higher education... 220

SOCIAL PHILOSOPHY

Khubiev B.B., Kumykov A.M., Kesaeva R.E., Dagaev R.R. Transformation of ideas about law and the state in western european and russian socio-philosophical thought..... 227

Mindigulova A.A. The phenomenon of artificial intelligence: history of origin and development 239

Mikhaylova A.O. The idea of suicide in the works of philosophers of the 19th century 245

Pichugin V.G. The impact of digitalization in education on the historical consciousness of society 249

Ravochkin N.N., Barmashova T.I., Melnikova T.V., Rakhinskiy D.V. Changes in youth leisure under the influence of COVID-19: socio-philosophical analysis 255

Khandogin R.V. Ontologization of digital art in the object-oriented paradigm..... 262

